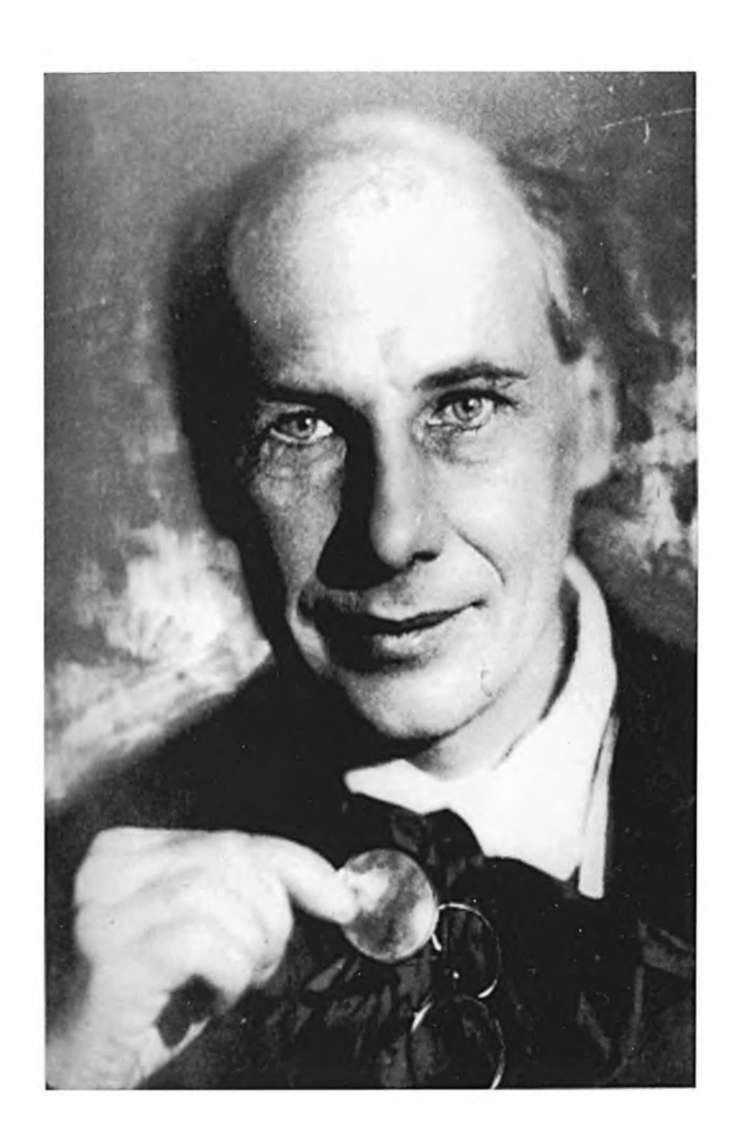

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
2
НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Гуманитарное агентство
«Академический Проект»,
Прогресс-Плеяда

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Том 2

Санкт-Петербург,
Москва
2006

*Вступительные статьи, составление,
подготовка текста и примечания
А. В. ЛАВРОВА и ДЖОНА МАЛМСТАДА*

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Издательство благодарит Российское авторское общество
за помощь в осуществлении издания

ISBN 5-7331-0317-5
ISBN 5-7331-0319-1

СТИХОТВОРЕНИЯ и ПОЭМЫ

ХРИСТОС ВОСКРЕС

347. ХРИСТОС ВОСКРЕС

Поэма

1

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах,
В веках,
В народах,
В сплошных
Синеродах
Небес

10 — Да пребудет
Весть:
— «Христос
Воскрес!»

Есть.
Было.
Будет.

2

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило
Лик,
Как алмаз, —

— Когда что-то,
Блеснувши неимоверно,
Преисполнило этого человека,
Простирающего длани
10 *От века и до века —*
За нас;

— Когда что-то
Зареяло
Из вне-времени,
Пронизывая Его от темени
До пяты...

И провеяло
В ухо
Вострубленной
20 Бурею Духа: —

— «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»

Зарея
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась Назарея...
Жребий —
Был брошен.

3

Толпы народа
На Иордане
Увидели явственно: два
Крыла.

Сиянием
Преисполнились
Длани
Этого человека...

И перегорающим страданием
10 Века
Омолнилась
Голова.

И по толпам
Народа
Желтым
Маревом,
Как заревом,
Запрядала разорванная мгла, —

Над, как дым,
20 Сквозною головою
Веющею
Верою
Кропя Его слова, —

Из лазоревой окрестности,
В зеленеющие
Местности
Опускалось что-то световою
Атмосферою...

Прорезывался луч
30 В Новозаветные лета...

И помавая кровавыми главами
Туч,
Назарея
Прорезывалась славами
Света.

4

После Он простер
Мертвеющие, посинелые от муки
Руки
И взор —

В пустые
Тверди...

Руки
Повисли,
Как жерди,
10 В густые
Мраки...

Измученное, перекрученное
Тело
Висело
Без мысли.

Кровавились
Знаки,
Как красные раны,
На изодранных ладонях
20 Полутрупа.

Глаз остеклелою впадиною
Уставился пусто
И тупо
В туманы
И мраки,
Нависшие густо.

А воины в бронях,
Поблескивая шлемами,
Проходили под перекладиною.

5

Голова
Окровавленного,
Лохматого
Разбойника,
Распятого —
— Как и Он —
Хохотом
Насмешливо приветствовала:
— «Господи,
10 Приемли
Новоявленного
Сына Твоего!»

И тяжелым грохотом
Ответствовали
Земли.

6

В опрокинутое мировое дно,
Где не было никакого солнца, которое
На Иордани
Слетело,
Низринутое
В это тело
Перстное и преисполненное бремени —

Какое-то ужасное *Оно*,
С мотающимися перепутанными волосами,
10 Угасая
И простирая рваные
Израненные
Длани,—

В девятый час
Хрипло крикнуло из темени
На нас:
— «Или...Сафахвани!»

7

Деревянное тело
С темными пятнами впадин
Провалившихся странно
Глаз
Деревенеющего Лика, —

Проволокли, —
Точно желтую палку,
Забинтованную
В шелестящие пелены —

10 Проволокли
В ей уготованные
Глубины.

Без слов
И без веры
В воскресение...

Проволокли
В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

8

От огромной скорби
Господней
Упадали удары
Из преисподней —

В тяжелый,
Старый
Шар.

Обрушились суши
И горы,
10 Изгорбились
Бурей озера...
И изгорбились долы...
Разламывались холмы...

А души —
Душа за душою —
Валились в глухие тьмы.

Проступали в туманы
Неясные
Пасти
20 Чудовищной глубины...

Обнажались
Обманы
И ужасные
Страсти
Выбежавшего на белый свет
Сатаны.

В землетрясениях и пожарах
Разрывались
Старые шары
30 Планет.

9

По огромной,
По темной
Вселенной,
Шатаясь,
Таскался мир,
Облекаясь,
Как в саван тленный,
В разлагающийся эфир.

Было видно, как два вампира,
10 С гримасою красных губ,
Волокли по дорогам мира
Забинтованный труп.

10

Нам желтея,
В нас без мысли
Подымаясь, как вопрос, —

Эти проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла —
В девятнадцатом столетии провисли:

— «Господи,
И это

10 Был —
Христос?»

Но это —
Воскресло...

11

Снова там —
Терновые
Венцы.

Снова нам —
Провисли
Мертвецы
Под двумя столбами с перекладиною.

Хриплыми глухими голосами,
Перепутанными волосами,
10 Остеклелой впадиною
Глаз —
Угрожая, мертвенные
Мысли
Остро, грозно, мертвенно
Прорезываются в нас.

12

Разбойники
И насильники —
Мы.

Мы над телом Покойника
Посыпаем пеплом власы
И погашаем
Светильники.
В прежней бездне
Безверия
10 Мы, —
Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —

Совершается
Мировая
Мистерия...

13

Мы забыли: —

Из темных
Расколов
В пещеру, где труп лежал,
С раскаленных,
Огромных
Престолов
Преисподний пламень
Бежал.

10 Отбросило старый камень;
Сорваны пелены:
Тело,
От почвы оторванное,
Слетело
Сквозь землю
В разъятые глубины.

14

Труп из вне-времени
Лазурей
Пронизанный от темени
До пяты,
Бурей
Вострубленной
Вытянулся от земли до эфира...

И грянуло в ухо
Мира:

10 — «Сын,
Возлюбленный —
Ты!»

Пресуществленные божественно
Пелены,
Как порфира,
Расширенная без меры,
Пронизывали мировое пространство,
Выструиваясь из земли.

Пресуществленное невещественно
20 Тело —
В пространство

Развеяло атмосферы,
Которые сияюще протекли.

Из пустыни
Вне-времени
Преисполнилось светами
Мировое дно, —

Как оно —
Тело
30 Солнечного Человека,
Сияющее новозаветными летами
И ставшее отныне
И до века —

Телом земли.

Вспыхнула Вселенной
Голова,
И нетленно
Простертые длани
От Запада до Востока, —

40 Как два
Крыла
Орла,
Сияющие издалека.

15

Страна моя
Есть
Могила,
Простершая
Бледный
Крест, —

В суровые своды
Неба,
И —
10 В неизвестности
Мест.

Обвили убогие
Местности
Бедный,

Убогий Крест —
В сухие,
Строгие
Колосья хлеба,
Вытарчивающие окрест.

20 Святое,
Пустое
Место, —
В святыне
Твои сыны!

Россия,
Ты ныне
Невеста...
Приемли
Весть
30 Весны...

Земли,
Прордейте
Цветами
И прозеленейте
Березами:

Есть —
Воскресение...
С нами —
Спасение...

40 Исходит огромными розами
Прорастающий Крест!

16

Железнодорожная
Линия...
Красные, зеленые, синие
Огоньки,
И взлетающие
Стрелки, —

Все, все, все
Сулит
Невозможное...

10 Твердят
Голосящие
Вдали паровики,
Убегающие
По линии:
«Да здравствует третий
Интернационал».

Мелкий
Дождичек стрекочет
И твердит:
20 «Третий
Интернационал».

Выкидывает телеграфная лента:
«Интернационал»...

Железнодорожная
Линия,
Убегающая в сети
Туманов —
Голосит свистками распропагандированного
Паровика,
30 Про невозможное.

И раскидывает свои блески —
За ветвями зеленеющего тополя...
Раздаются сухие трески
Револьверных переливов.

17

А из пушечного гула
Сутуло
Просунулась спина
Очкастого, расслабленного
Интеллигента.
Видна, —
Мохнатая голова,
Произносящая
Негодующие
10 Слова
О значении
Константинополя
И проливов, —
В дующие
Пространства

И в сухие трески
Револьверных взрывов...

На мгновение
Водворяется странная
20 Тишина, —
В которую произносятся слова
Расслабленного
Интеллигента.

18

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается в воздух, —

Тело окровавленного
Железнодорожника
Падает под грохотом.

Подымают его
Два безбожника

Под забором...
10 На кого-то напали...

На крик и на слезы —
Ответствуют паровозы,
Да хором
Поют о братстве народов...

Знамена ответствуют
Лепетом.

И воробьи с пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —

20 Падающих покойников.

19

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами ворота
Весь домовый комитет.

Под железными воротами —
Кто-то...

Злая, лающая тьма
Прилегла —
Нападает
Пулеметами
10 На дома, —
И на членов домового комитета.

Обнимает
Странными туманами
Тела, —

Злая, лающая тьма
Нападает
Из вне-времени —
Пулеметами...

20

Из раздробленного
Темени
С переломленной
Руки —
Хлещут красными
Фонтанами
Ручьи...

И какое-то ужасное *Оно*
С мотающимися перекрученными
10 Руками
И неясными
Пятнами впадин
Глаз —
Стремительно
Проволокли —
Точно желтую забинтованную
Палку, —

Под ослепительный
Алмаз
20 Стоящего вдали
Автомобиля.

21

Это жалкое, желтое тело
Пятнами впадин
Глаз, —

Провисая между двух перекладин,
Из тьмы
Вперяется
В нас.

Это жалкое, желтое тело
Проволакиваем:
10 Мы —
— В себя: —

Во тьмы
И в пещеры
Безверия, —

Не понимая,
Что эта мистерия
Совершается нами —
— в нас.

Наше жалкое, желтое тело
20 Пятнами впадин
Глаз, —

Провисая меж двух перекладин
Из тьмы
Вперяется
В нас.

22

А весть
Прогремела Осанной.

Есть
Странный
Пламень
В пещере безверия, —

Когда озаряется
Мгла
И от нас
10 Отваливаются
Тела, —

Как падающий камень.

23

Россия,
Страна моя —

Ты — та самая,
Облеченная солнцем Жена,
К которой
Возносятся
Взоры...

Вижу явственно я:

Россия,
10 Моя, —
Богоносица,
Побеждающая Змия...

Народы,
Населяющие Тебя,
Из дыма
Простерли
Длани

В Твои пространства, —
Преисполненные пения
20 И огня,
Слетающего Серафима.

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

24

Я знаю: огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас, —

Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека.

10 И Слово,
Стоящее ныне

По середине
Сердца,
Бурями вострубленной
Весны,
Простерло
Гласящие глубины
Из огненного горла:

— «Сыны
20 Возлюбленные, —

Христос Воскрес!»

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

348. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...
Я — стилистический прием,
Языковые идиомы!
Я — хрустом тухнущая пещь, —
Пеку прием: стихи — в начинку;
Давно поломанная вещь,
Давно пора меня в починку.
Висок — винтящая мигрень...
10 Душа — кутящая...
И — что же?..
Я в веселящий Духов день
Склонен перед Тобою, Боже!

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
Встань — в жерди: пучимым листом!
Встань — тучей, горностаем: в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!
Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,
20 О сердце, взмахами милоти!
Орел: тобой пересекусь...
Ты плоти — жест, ты знанью — числа...
«Ха» с «И» в «Же» — «Жизнь»: Христос Иисус —
Знак начертательного смысла...
Ты в слове Слова — богослов:
О, осиянная Осанна
Матфея, Марка, Иоанна —
Язык!.. Запрядай: тайной слов!

О, не понять вам, гномы, гномы:
30 В инструментаций гранный треск —
Огонь, вам странно незнакомый,
Святой огонь взвивает блеск.

1

Взойди, звезда воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма — первое свиданье,
Поэма — первая любовь.

Я вижу — дующие зовы.
Я вижу — дующие тьмы:
Войны поток краснобагровый,
В котором захлебнулись мы...
Но, нет «*вчера*» и нет «*сегодня*»:
10 Всё прошлое озарено,
Лишь песня, ласточка Господня,
Горюче взвизгнула в окно...
Блести, звезда моя, из дали!
В пути года, как версты, стали:
По ним, как некий пилигрим,
Бреду перед собой самим...
Как зыби, зыблемые в ветры,
Промчите дни былой весны, —
Свои ликующие метры,
20 Свои целующие сны...

Год — девятьсотый: зори, зори!..
Вопросы, брошенные в зори...

Меня пленяет Гольбер Гент[1]...
И я — не гимназист: студент...
Сюртук — зеленый, с белым кантом;
Перчатка белая в руке;
Я — меланхолик, я — в тоске,
Но выгляжу немного франтом;
Я, Майей мира полонен,
20 В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона[2].
Но, тексты чтя Упанишад,
Хочу восстать Анупадакой[3],
Глаза таращу на закат
И плачу над больной собакой;
Меня оденет рой Ананд[4]
Венцом таинственного дара:
Великий духом Даинанд[5],
30 Великий делом Дармотарра[6]...

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:

[1] Английский прерафаэлит.
[2] «Уайт-роза»— духи фабрики Аткинсона.
[3] Анупадака — безначальный: высокая ступень посвящения.
[4] Ананда — ученик Будды.
[5] Суами Сарасвати Даинанд — проповедник Индии XIX столетия.
[6] Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дармакирти (школа Дигнаги).

Мне Менделеев говорит
Периодической системой;
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющею тьмой:
Я вижу огненное море
50 Кипящих веществом существ;
Сижу в дыму лабораторий
Над разложением веществ;
Кристаллизуются растворы
Средь колб, горелок и реторт...
Готово: порошок растёрт...

Бывало, — затеваю споры...

Пред всеми развиваю я
Свои смесительные мысли;
И вот — над бездной бытия
60 Туманы темные повисли...
— «Откуда этот ералаш?» —
Рассердится товарищ наш,
Беспечный франт и вечный скептик:
— «Скажи, а ты не эпилептик?»

Меня, бывало, перебьет
И миф о мире разовьет...

Жил бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой:
Клокочил бороды из ваты;
70 И — обморочил нас игрой.
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропою,
80 От злобы лопаясь, — на нас,
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... В вечерний час, —
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз, по закатным янтарям,
Бывало, боги-женолюбцы
Сходили к нашим матерям...

Теперь переменились роли;
И больше нет метаморфоз;
И вырастает жизнь из соли;
90 И движим паром паровоз;
И Гревса Зевс — не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горний летчик;
И — просиявший золотарь;
И переводчик — переплётчик;
И в настоящем — та же старь!

Из зыбей зыблемой лазури,
100 Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури,
О месяц, одуванчик бурь!
Там — обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич,
Взирай, повешенный, и стынь, —
О, злая, бешеная горечь,
110 О, оскорбленная ледынь!
О, тень моя: о, тихий братец,
У ног ты — вот, как черный кот:
Обманешь взрывами невнятиц;
Восстанешь взрывами пустот.

Но верю: ныне очертили
Эмблемы вещей глубины —
Мифологические были,
Теологические сны,
Сплетаясь в вязи аллегорий:
120 Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

Так шумом молодым, зеленым, —
Меня овеяла весна;

Так в голове моей фонтаном
Взыграл, заколобродил смысл;
Так вьются бисерным туманом
130 Над прудом крылья коромысл;
Так мысли, легкие стрекозы,

Летят над небом, стрекоча;
Так белоствольные березы
Дрожат, невнятицей шепча;
Так звуки слова «*дар Валдая*»
Балды, над партою болтая, —
Переболтают в «*дарвалдая*»...

Ах, много, много «*дарвалдаев*» —
Невнятиц этих у меня.
140 И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Да, мой голубчик, — ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь!»
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь.
Широконосый и раскосый
С жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
Вопрос — один; вопрос — другой;
150 Неразрешимые вопросы...
Так над синеющим цветком,
Танцуя в воздухе немом,
Жужжат оранжевые осы.

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...

И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов[1].
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
160 Что парадоксами Максвелл[2]
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновые вихри[3],
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...

— «Мир взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

---

[1] Профессор физики Московского Университета в 900-тых годах.

[2] Известный физик.

[3] Томсон — английский физик, автор теории вихревого строения вселенной.

170 Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшею бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой;
Я — сын эфира, Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирою эфирной
За миром мир, за веком век.

Из непотухнувшего гула,
Взметая брызни, взвой огня,
180 Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый,—

— Как Далай-лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробляемой звездой,
На зыби, зыблемые Майей...

190 В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом мятели.
И веял Май — взвивной метой;
Июнь — серьгою бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
Декабрь — пургой белоголовой.
О, лазулитовая лень,
О, меланитовые очи!
200 Ты, колокольчик белый, — день!
Ты, колокольчик синий, — ночи!

Дышал граненый мой флакон;
Меня онежили *уайт-розы*[1],
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои строфические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари
Дионисические тигры...
210 Перчатка белая в руке;
Сюртук — зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке

[1] Духи.

Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность,
220 И — озадачить вдруг игрой, —
Улыбкой, брошенною... в вечность...
Духовный, негреховный свет, —

— Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов нежных,
Как струи слова Заратустр, —

Вставал из ночи темнолонной...
Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
230 Звучит Бетховеном, волной;
И *Благородное Собранье*[1], —

Как мир — родной (как мир весной),
Как старой драмы замиранье,
Как то, что смеет жизнь пропеть,
Как то, что веет в детской вере...

2

На серой вычищенной двери
Литая, чищеная медь...

Бывало: пламенная вьюга;
И в ней — прослеженная стезь;
Томя предчувствиями юга,
Бывало, всё взревает здесь;
В глазах полутеней и светов,
Мне лепестящих, нежных цветов
Яснеет сне́жистая смесь;
10 Следя перемокревшим снегом,
Озябший, заметённый весь,
Бывало, я звонился здесь
Отдаться пиршественным негам.
Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя плэдом

[1] Зал Благородного Собрания — московский концертный зал в 900-тых годах.

Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
20 Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлою бородкой, —
Прищурый, слабый, но живой.

Сутуловатый, малорослый
И бледноносый — подойдет,
И я почувствую, что — взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
30 Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Развеяв веером вопросы
Он чубуком из янтаря, —
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
40 И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И, мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...

Он — длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало, сбрасывает повязь
С груди — переливной, родной:
50 Глаза — готическая прорезь;
Рассудок — розблеск искряной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И — да: его за эти темы
Ужасно уважаем мы;
60 Он книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,

Случайно не вещавших миру,
Которым следовать готов
Один Владимир Соловьев...

Я полюбил укромный кров —
Гостеприимную квартиру...

Зимой, в пурговые раскаты
Звучало здесь «Навек одно!»
70 Весною — красные закаты
Пылали в красное окно,
На кружевные занавески,
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветающих драпри,
Седую мебель, тюли, даже
Любил обои цвета «*бискр*», —
Рассказы смазанных пейзажей,
Рассказы красочные искр.
80 Казалось: милая квартира
Таила летописи мира.

О. М., жена его, — мой друг,
Художница —
— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте — да: лет восемь
По вечерам делил досуг) —

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де-Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревильи,
90 Цветы и тюлевые шали —
Всё переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«*Сережей*», сыном их: он — мистик,
Голубоглазый гимназистик:
О Логосе мы спорим с ним,
100 Не соглашаясь с Трубецким,
Но соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О «*Деве Радужных Ворот*»[1],

[1] Гностический термин Софии, Премудрости, встречаемый в стихотворении Вл. Соловьева: «Не Изида Трехвенечная ту весну им принесет, а нетронутая, вечная, "*Дева Радужных Ворот*"...».

О деве, что на нас сойдет,
Овеяв бирюзовым зовом,
Всегда таимая средь нас:
Взирала из любимых глаз.

«Сережа Соловьев» — ребенок,
Живой смышленый ангеленок,
110 Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок, —
Роднею Соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди,
И, кажется, шестнадцать теть
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь;
Трех лет, ну право же-с, ей-Богу-с, —
Трех лет (скажу без лишних слов),
120 Трех лет ему открылся Логос,
Шести — Григорий Богослов,
Семи — словарь французских слов;
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он — вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик,—
Взирает в очи Сони Н-ой,
130 Огромный заклокочив клочень;
Мне блещут очи — очень, очень —
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
Я — Заревую: в Зариной...

Она!.. Мы в ней души не чаем...
Но кто она?.. Сидим за чаем:
Под хохот громкий пурговой
140 Вопрос решаем роковой.
Часы летят... Не замечаем...
— «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?..»
— «Не знаю я...»
— «Быть может?»
— «А?!»

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,

Переплеснется блеском искр;
Его он сбрасывает кротко
150 Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой,
Прищурый, слабый, но живой;
И клонит кончик носа снова,
В судьбу вопроса рокового: —
— «Надежда Львовна Зарина?
Как?!.. Воплощение Софии?..»

«В ней мне пророчески ясна
Судьба священная России:
Она есть Львовна, дочка Льва;
160 Лев — символический, Иудин...»

— «Зарин, Лев Львович, — пошлый франт?
Безусый, лысый коммерсант?»
«Вопрос гностически не труден:
Серапис, или Апис, — бык,
Таящий неба громкий зык,
Есть только символ чрезвычайный
Какой-то сокровенной тайны...»

— «Ну хорошо, а что есть Лев?»

— «Иудин Лев — веков напев».

....

170 Высокий, бледный и сутулый,
Ты где, Сережа, милый брат;
Глаза — пророческие гулы,
Глаза, вперенные в закат:
Выходишь в Вечность... на Арбат[1];
Бывало: бродишь ты без речи;
И мне ясней слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
180 Бульваров первая трава.
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузыриками рыбки, —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки:
И разговор о сем, о том,
О бесконечности, о Браме,
О Вечности, огромной даме,
Перерастают толстый том;

[1] Улица в Москве.

И на Арбате мчатся в Вечность:
190 Пролеток черных быстротечность,
Рабочий, гимназист, кадет...;
Проходят, в ветер взвив одежды,
Глупцы, ученые, невежды;
Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески: «*Надежды*»[1]
Над далью дней и далью лет...

Смутяся уличною давкой,
Смутясь колониальной лавкой,
Я упраздняю это всё:
200 «Мир — представление мое!»
Ты — пламенный, в крылатке серой
Средь зданий, каменных пустынь:
Глаза, открытые без меры, —
В междупланетную ледынь,
Свои расширенные сини
Бросают, как немой вопрос,
Под шапкой пепельных волос.

Бывало: за Девичьим Полем
Проходит клиник белый рой;
210 Мы тайну сладостную волим,
Вздыхаем радостной игрой:
В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Из перегаров красных трав
В золотокарей пыли летней,
Порывом пыли плащ взорвав,
Шуршат мистические сплетни...
Проходим за городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
220 Проснется зов: «Воанергес!»
Пахнёт: Иоанном Богословом...
И — возникает в неба ширь
Новодевичий Монастырь.

Огромный розовый собор
Подъемлет купол златозор;
А небо — камень амиант —
Бросает первый бриллиант;
Забирюзевший легкий пруд,
Переливаясь в изумруд,
230 Дробим зеркальною волной;
И — столб летает искряной...
Там небо бледное, упав,

[1] Писчебумажный магазин на Арбате.

Перетянулось в пояс трав;
Там бездна — вверх, и бездна — вниз:
Из бледных воздухов и риз;
Там в берега плеснет волной —
Молниеносною блесно́й...

Из мира, суетной тюрьмы, —
В ограду молча входим мы...

240 Крестов протянутая тень
В густую душную сирень,
Где ходит в зелени сырой
Монашек рясофорный рой,
Где облак розовый сквозит,
Где нежный воздух бирюзит;
Здесь, сердце вещее, — измлей
В печаль белеющих лилей;
В лилово-розовый левкой
Усопших, Боже, упокой...

250 Присел захожий старичок,
Склонясь на палку... В ветерок —
Слетают скорбные листы;
Подъемлют сохлые кресты
Плач переблеклых огоньков
И клянч фарфоровых венков.
Ты, сердце, — неумолчный стриж —
Кого зовешь, о чем визжишь?

Кроваво-красная луна
Уже печальна и бледна...
260 Из церкви в зелени сырой
Проходит в кельи черный рой;
Рукопростертые кресты
Столпились в ночь... Приди же, Ты, —
Из прежних дней, из прежних лет!..
В часовне — цветоблеклый свет:
В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой;
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.
270 Чуть фосфореющий из трав,
Сквозною головою встав, —
Подъемлет инок неживой
Над аналоем куколь свой...

....
....

О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось все: где, юность, ты!..
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
280 В неотрывные миголеты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.
Зальются слабнущие светы
Под марамо́рохом[1] зимы
Переливно́й струею Леты,
Незаливной струею тьмы...
290 Рассудку, рухнувшему, больно, —
Рассудку, тухнущему в ночь...
И возникают сны невольно,
Которых мне не превозмочь...
....
Да, — и опора в детской вере,
И Провидения рука —
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергеич Соловьев
(С таких-то до таких часов).
....

300 Здесь возникал салон московский,
Где из далекой мне земли, —
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.
Бывало: —
— снеговая стая —
Сплошное белое пятно —
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно;
Поет под небо белый гейзер:
Так заливается свирель;
310 Так на эстраде Гольденвейзер[2]
Берет уверенную трель.
Бывало: в вой седоволосый
Пройдет из Вечности самой
Снегами строящий вопросы
Черноволосою космой, —

[1] Марамо́рохи — народное выражение: в значении «мороки».
[2] Известный московский пьянист.

Захохотавший в вой софистик,
Восставший шубой в вечный зов, —
Пройдет «*Володя*», вечный мистик,
Или — Владимир Соловьев...
320 Я не люблю характеристик,
Но все-таки... —

— Сквозной фантом,
Как бы согнувшийся с ходулей,
Войдет, и — вспыхнувшим зрачком
В сердца ударится, как пулей;
Трясем рукопожатьем мы
Его беспомощные кисти,
Как ветром неживой зимы
Когда-то свеянные листья;
Над чернокосмой бородой,
330 Клокоча виснущие космы
И желчно дующей губой
Раздувши к чаю макрокосмы,
С подпотолочной вышины
Сквозь мара́морохи и сны
Он рухнет в эмпирию кресла, —
Над чайной чашкою склонен,
Сердит, убит и возмущен
Тем, что природа не воскресла,
Что сеют те же господа
340 Атомистические бредни,
Что декаденты — да, да, да! —
Свершают черные обедни
(Они — пустое решето:
Козлят не с Музой — с сатирессой,
И увенчает их за то
Патриотическая пресса),
Что над Россией — тайный враг
(Чума, монголы, эфиопы),
Что земли портящий овраг
350 Грызет юго-восток Европы;
Стащивши пару крендельков
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»
Свои переплетает ноги,
Грохочет парой каблуков.

Судьба трагическая дышит
Атмосферическим дымком,
И в «Новом Времени» о том
Демчинский знает, но не пишет:
— «В сознаньи нашем кавардак:
360 Атмосферических явлений
Свечений зорь нельзя никак
Понять с научной точки зрений».

Он — угрожает нам бедой,
Подбросит огненные очи;
И — запророчит к полуночи,
Тряхнув священной бородой!..

Так в ночи вспыхивает магний;
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
370 Взлетев, из джунглей заогнит;
Так погромы́хивает в туче
Толпа прохожих громарей;
Так плещут в зы́бине летучей,
Сребрея, сети рыбарей.
За ним вдогонку — следом, следом,
Михал Сергеич делит путь,
Безмолвный, ровный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Потея в вязаной рубашке,
380 Со столика приняв поднос,
На столике расставив шашки,
Над столиком поставив нос;
И скажет в пепел папирос
В ответ на новости такие:
— «Под дымкой — всё; и всюду — тень...
Но не скудеет Мирликия...[1]
Однако ж... будет: Духов день!»

Свой мякиш разжевавши хлеба,
Сережа Соловьев под небо
390 Воскликнет — твердый, как кремень:
— «Не оскудела Мирликия!..
А ну-ка все, кому не лень,
В ответ на дерзости такие, —
В Москве устроим Духов день!»
Но Соловьев, не отвечая,
Снедаем мировой борьбой,
Проглотит молча чашку чая,
Рукой бросаясь, как на бой,
На доску: он уткнется в шашки;
400 И поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
Бывало, он пройдет к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И — удаляется в метели:
Седою головой в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклокочут бледный кругозор!

---

[1] Родина Николая Чудотворца: аллегорически — «Страна Чудес».

Привзвизгнут: «Вот великий мистик!»
И — пересвищут за забор!

410 А мы молчим, одним объяты;
В веках — одно: навек одно...
А перезвоны, перекаты
Снежат, как призраки, в окно;
А лампа бросит в занавески
Свои литые янтари;
Молчат египетские фрески
На выцветающих драпри.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
420 Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр...

Он — канул в Вечность: без возврата;
Прошел в восторг нездешних мест:
В монастыре, в волнах заката, —
Рукопростертый, белый крест
Стоит, как память дорогая;
Бывало, он, — оснéжен весь,
Светлеет, огоньком мигая;
Бывало, всё взревает здесь:
430 Играет скатерть парчевая,
Снегами воздухи взвивая;
И в ней — прослéженная стезь;
Хрустя перемокревшим снегом,
Бегу сюда отдаться негам,
Озябший, заметенный весь.

Так всякий: поживет, и — помер,
И — принят под такой-то номер.

3

Под стук сердец — «в концерт, в концерт» —
Мудрец, юнец. Но что их манит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет;
Немой, загаданный глагол,
Неизрекаемый, — он волит:
То марамóрохами зол,
То добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
10 Багрянит, звуками измуча, —
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!..

Звук множит бестолочь голов
И гложет огненное сердце;
И в звуках нет толковых слов;
Здесь не найдешь единоверца;
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые волы...
20 Из звука: мир многоединый.
Тот, звуковой, — во всё излит;
Та, звуковая, — золотая;
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная стая.

У той: —

— Над златокарей згой
Град Гелиополь: дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Целует цветик, миозо́тис;
Рогами гранными, как черт,
30 Туда — в века, в лазури-ляпис —
Гранниторозовый простерт
В нее влюбленный, странный Апис.

У этой: —

— вытечет титан,
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает,
Очами молний говорит,
40 Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея-Зевса...

Вот этот вот: он — туп, как... пуп:
Прочел — приват-доцента Гревса...

И дирижирует: Главач[1].
И дирижирует: Сафонов[2]...
И, фанфаронит: часто — врач;
И, солдафонит: каста «*фонов*»;
Интерферируя наш взгляд
50 И озонируя дыханье,

[1] Петербургский дирижер 900-х годов.
[2] Директор Московской консерватории этого времени

Мне музыкальный звукоряд
Отображает мирозданье —
От безобразий городских
До тайн безо́бразий Эреба,
До света образов людских
Многообразиями неба;
Восстонет в ночь эфирный пад,
В эонах гонит бури знаков:
Золотокосых Ореад,
60 Златоколесых зодиаков...

....

Стой — ты, как конь, заржавший стих —
Как конь, задравший хвост строками —
Будь прост, четырехстопен, тих:
Не топай в уши мне веками;
Ведь я не проживу ста лет...
Я — вот... Я — здесь: студент московский,
Я — на подъезде...

Люстры свет.
И — Алексей Сергеич П-овский...
И — сердца бег, и — сердца стук.
70 Сердца — бегут: на звуки... Верьте, —
В субботу вечером наш круг
На Симфоническом концерте...

Проходят, тащатся, текут;
Вокруг — шпалеры кавалеров:
Купцов, ученых, мильонеров
(Седых, муругих, пегих, серых!);
Марковников профессор — тут;
Бурбон... И — рой матрон «меге́рых»,
И — шу-шу-шу, и — ша-ша-ша,
80 И — хвост оторван: антраша...
Багровая профессорша;
За ней в очках профессор тощий
Несет изглоданные мощи
И — злое, женино боа;
Вот туалет Минангуа́[1]:
Одни сплошные валансьены;
И — тонкий торс; и юбка «клошь», —
Не шумно зыблемая рожь,
Не шумно зыблемые пены;
90 Блистая ручкой костяной,
Взлетает веер кружевной...
О, эти розовые феи!..
О, эти голубые!.. Ишь: —

[1] Модная московская портниха 90-х годов.

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш.

Графиня толстая, Толстáя,
Уж загляделась в свой лорнет...
Выходит музыкантов стая;
В ней кто-то, лысиной блистая,
100 Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так нудит блуд...
Кто это там пилит и режет?
Натянуто пустое дно, —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

110 О, невозможные моменты:
Струня́т и строят инструменты...

Вдруг!..
Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами — стрекозы!
В озонных жилах — пламя роз!
В носу — весенние мимозы!

Она пройдет — озарена:
Огней зарне́й, неопалимей...
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а — «*во-имя*»!..
120 Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазые морозы;
Серьга — забрежжившая жизнь;
Вуаль провеявшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
130 В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

И я, как гиблый гибеллин,
У гвельфов ног, — без слов, без цели:
Ее потешный палладин...
Она — Мадонна Рафаэля!
140 Пройдет, — мы, вспыхнувши, вздохнем,
Идиотически ослабнем...
Пройдет с раскосым стариком,
С курносым, с безволосым бабнем —
Пройдет, и сядет в первый ряд,
Смеясь без мысли и без речи[1];
И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд —
Все электрические свечи.
И ей бросает оклик свой —
150 Такой простой, — Танеев-мейстер[2];
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер[3].

Взойдет на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымая громкий культ,
Ее почтенный жрец, — Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и седой, —
160 Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув[4],
Душой, манжетом, фалдой, фраком
И лаком лысины метнув, —
Валторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор валторн
Фаготы прорицают хором,
Как речь пророческая Норн,
Как каркнувший Вотáнов ворон;
А он, подняв свою ладонь
170 В речитативы вьолончеля:
— «Валторну строгую не тронь:
Она — Мадонна Рафаэля!»
И после, из седых усов
Надувши пухнущие губы
На флейт перепелиный зов, —
Приказ выкидывает в трубы;
И под Васильем Ильичом,

[1] Стих А. Блока.
[2] С. И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший ректор Московской консерватории.
[3] Впоследствии по всей России известный Ф. Трепов.
[4] Впоследствии Сафонов дирижировал без палочки.

Руководимые Гржимали[1],
Все скрипоканты провизжали,
180 Поставив ноги калачом.

Бесперый прапор подбородком
Попав в просаки— *с'кон'апель*, —
Пройдет по ноткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув, — лысиной Морозов[2]
Надуто лопается в блеск;
За ним — в разлив фиоритуры,
190 Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры;
И чертит *па*, и вертит *туры*
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры,
Играет страстная серьга;
Пятно всё то же щурым ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин[3] бледным тиком
Необъяснимое чело,
200 И — пролетит скрипичным криком
В рои гностических эмблем,
Мигая из пустых эонов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов
Там размахавшийся Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и немой,
Как бы вынюхивает что-то;
210 Присядет, вскинув в воздух нос:
Вопрос, разнос во взгляде хитром;
И стойку сделавши, как пес,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет,
Платком со лба стирает пот;
И разделяется поклоном
Меж первым рядом и балконом.

---

[1] Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, проф. Моск. консерватории.

[2] М. А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

[3] Посетитель Симф. концертов того времени.

И постоит, и помолчит,
И по пюпитру постучит:
220 И — все листы перевернулись;
Сердца, как в бой, сердца — рванулись...
И вновь — вскипающая новь;
И вновь — всклокоченная бровь;
И вновь — пройдутся фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака, —
На возникающий тромбон.

Над пухоперою каргою,
Над чепчиком ее счернён
230 Жеребчиком мышиным — «*он*»,
Кто вьется пенною пургою
И льет разменною деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в *ней* — счернён —
Над ней, над нами, над вселенной
Из дней, своими снами пленный;
Он — тот, который есть не он,
Кому названье легион:
Двоякий, многоякий, всякий,
240 Иль просто окончанье, «*Ий*»,
Виющийся, старинный змий, —
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он — пепелеющая лень
И — тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как черт, —
Рассудок, комик свинорылый:
К валторне черной он простерт;
250 Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли, гложущие мыши, —
В мечты, возвышенные свыше, —
Бросает сверженную сушь:
Сухую прописную чушь;
Упавшим фраком ночь простерши,
Кликуши-души, — ходит он —
Кликуши-души — горше, горше —
Упавшим фраком — душит: в сон!..

Черней, упорней гром в валторне:
260 Грознее, озорней Она
Грозой молниеносной, горней —
Грозою гор озарена:—

— Так дымом пепелит и мглеет
Виеголовый, мгловый слой;
Как змий, он отдымит, ответ
В багровом горизонте мглой:
Слезами облако, светая,
Слезами полное, молчит;
И в волны, в воздух — тая, тая, —
270 Глазами молнии дрожит,
Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —

Души — Марию зрящей Марфы —
Из просветленной глубины!..

И бросят в арфы, — шали, шарфы,
Вздыхая раей дорогой, —
Вон те, Марии, эти Марфы,
Над жизнью, старою каргой.

Вы, сестры —

— (Ты, Любовь — как роза,
280 Ты, Вера, — трепетный восторг,
Надежда — лепетные слезы,
София — горний Сведенборг!) —

Соединив четыре силы
В троякой были глубиной,
Меня примите из могилы,
Светите оком — Той, Одной, —
Мечтой вуалевой, как трепет,
Несущей далевую жизнь
На опечаленный мой лепет
290 Сквозь звуков маревную жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, миозотис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септаккорд:
И взор, читая звуков запись,
Над миром —
— Аписом —
— простерт!
Перебегает по ланитам
300 В ресниц прищуренную сонь,
Их опаляя меланитом,
Таимый розовый огонь.

С неименуемою силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.

Так из блистающих лазурей
Глазами полными огня[1],
Ты запевающею бурей
310 Забриллиантилась — в меня:
Из вышины — разгулы света;
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
До ужаса — Тобой: Самой!
Ты на меня сходила снами
Из миротворной тишины:
Моей застенчивой весны
Оголубила глубинами;
И мне открылась звуком бурь
320 Катастрофической цевницы
И милоглазая лазурь,
И поцелуйная денница:
Ее, о время, — опурпурь!

Благонамеренные люди,
Благоразумью отданы:
Не им, не им вздыхать о чуде,
Не им — святые ерунды...
О, не летающие! К тверди
Не поднимающие глаз!
330 Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас!
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет!) —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так не безумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна.
340 В вас несвершаемые лёты
Неутоляемой алчбы —
Неразрывные миголеты
Неотражаемой судьбы...
Жена — в постели; в кухне — повар;
И — положение, и вес;
И положительный ваш говор

[1] Строка Лермонтова «*С глазами полными лазурного огня*» перешла в тему Вл. Соловьева «*Три свидания*», откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

Переполняет свод небес:
Так выбивают полотеры
Пустые, пыльные ковры...
350 У вас — потухнувшие взоры...
Для вас и небо — без игры!
....

Мои мистические дали
Смычком взвивались заливным,
Смычком плаксивым и родным —
Смычком профессора Гржимали:
Он под Васильем Ильичом
(Расставив ноги калачом), —
Который, —
— чаля из эонов
На шар земной, — объятый тьмой,
360 Рукою твердой на тромбонах
Плывет назад — в Москву, домой:
Слетит, в телодвиженье хитром
Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет,
Сопит и капли пота льет,
И повернувшись к первой скрипке,
Жмет руки и дарит улыбки,
Главой склоняясь в первый ряд,
Где на фарфоровые плечи,
370 Переливаясь, бросят взгляд,
Все электрические свечи;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной, — Морозов
Надуто лопается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «во-имя», —
Надежда Львовна Зарина;
380 Вуали — лепетные слезы;
Браслеты — трепетный восторг;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазые морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно палевые плечи...

— «Скажи, тобой увлечена
390 Надежда Львовна Зарина?»
— «Не знаю я...»
— «Быть может?»
— «Да!»

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фраком отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И — ша-ша-ша: шуршат, спеша,
Атласами спускаясь с хоров...
— «Не та калоша: Каллаша!»[1]
400 Стыдливо низится Егоров[2];
Лысеет химик Каблуков[3] —
Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос[4] — по воле рока
Он, вы представьте,— без Шенрока!
Выходим!..

4

...Вижу этих дам —
В боа — дородных, благородных;
И — тех: пернатых, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных...

Костров каленые столбы
Взовьются в кубовые сини
Из-за редеющей толпы;
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь, гаснут всем, что есть;
10 Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть,
Слетая, сладостно воскликнет;
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи,
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи,
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окне кареты...

[1] Каллаш — московский писатель и критик.
[2] Математик.
[3] Проф. Моск. университета.
[4] Прис. пов. Нос — посетитель концертов того времени.

Вдали слезливою серьгой
20 Играют газовые светы...

И всё, что было, всё, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть,
Перелетание спиралей!

Но взвоет улицей зима... —

И быстроногою фигурой,
Из ног выметываясь, тьма
Растет и сумеречит хмуро
На белобокие дома;
30 И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, — из зимы,
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью:
— «Ты и мы»!...
Иду, покорный и унылый,
Четвероногим двойником:
И — звезденеет дух двухкрылый;
И — леденеет косный ком;
Перемерзая и мерцая,
Играя роем хрусталей,
40 Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклокочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал кромешный
Бесцельный, сумасшедший храм...

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо — в зимы, в дымы —
Моей косматой головой!..

50 О, обступите — люди, люди:
Меня спасите от меня;
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый — зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений:
Мигнув, отбрасываюсь — в вас,
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец:
60 Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.

Вы — подойдете, я — омолнен;
Вы — отойдете, я — не тот: —
Я переломлен, переполнен
Переполохами пустот,
Как тени пустолетный конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.

70 На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым,
Дробимый, сумеречный, хмурый,
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь — безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы.
Невыразимою тоской...
Мы — неживые, неродные, —
Спирали чьих-то чуждых глаз:
80 Мы — зеркала переливные —
Играем в ясный пустопляс;
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;
И всё — так странно непонятно;
И всё — какой-то лабиринт...
Глаза — в глаза!.. Бирюзовеет...
Меж глаз — меж нас — я воскрешен;
И вестью первою провеет:
Не — ты, не — я!.. Но — мы: но — Он!

90 А ум, насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы чешем розовые плеши
Под бирюзовою весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не поймем,
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;
И не выносим, и ругаем
В летах переблиставший дым:
100 Бодаем жалобным бугаем[1],
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь;
И спрячет голову, как страус,
Отскочит в сторону, как пёс,

[1] «Бугай» — бык по-малороссийски.

Вмаячив безысходный хаос,
В свой обиходный, злой «*хавóс*»...
110 Переварив дары природы
Тупыми животами, — мы
Перетопатываем годы;
И — утопатываем в тьмы.

Вставайте, морочные смены,
Пустовороты бытия,
Как пусто лопнувшие пены, —
Да, вас благословляю я!
Бросай туда, в златое море,
В мои потопные года —
120 Мое рыдающее горе
Свое сверкающее «Да»!
Невыразимая Осанна,
Неотразимая звезда,
Ты Откровением Иоанна
Приоткрывалась: навсегда.

Кропя духами Аткинсона
Ей ометеленный подъезд,
Пред Нею, тайною иконой,
Я упивался блеском звезд;
Она ко мне сходила снами
130 Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны;
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь
И поцелуйные денницы,
И милоглазую лазурь.

Остановясь перед киотом,
Бывало, пав под фонарем,
140 Я, полоненный миголетом,
Моленьем тихим осенен;
В белопокровы, в ветроплясы
Метясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы,
Вставал алмазноглазый Спас.

Бывало: белый переулок
В снегу — дымит; и снег — летит.
И Богоматерь в переулок
Слезой перловою глядит.
150 Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета — заметена,

Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.

Кто там, всклокоченный шинелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой метелью
(Седою головой — в бобер),
Взвиваясь в вой седоволосый,
Своей космóю пурговой,
160 Снегами сеющий вопросы
На нас из Вечности самой.
А вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор,
Взвизжали: «Вот — великий мистик!»
И усвистали за забор.

Мигают звезды теософий
Из неба кубового в вой;
Провеял кризис философий,
Как некий гейзер снеговой:
170 Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит...

Бегу Пречистенкою — мимо:
Куда? Мета — заметена;
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна...

Проснулась на Девичьем Поле
Знакомым передрогом ширь:

180 — «Извозчик: стой!»
— «Со мною, что ли?»
— «В Новодевичий Монастырь»!..»
— «Да чтоб тебя: сломаешь сани!..»
....
И снова зов — знакомых слов:
— «Там — день свиданий, день восстаний...»
— «Ты кто?»
— «Владимир Соловьев:
Воспоминанием и светом
Работаю на месте этом»...

И — никого: лишь белый гейзер...
Так заливается свирель;
190 Так на рояли Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины[1]
В метели белой приседая,
Мигает мне из тишины;
Перед задумчивым киотом —
Неугасимый фонарек;
И упадает легким лётом
Под светом розовый снежок.
200 Неопалимов переулок
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулок
Слезой задумчивой глядит.

ЭПИЛОГ

Двадцатилетием таимый,
Двадцатилетием чернён,
Я слышу зов многолюбимый
Сегодня, Троицыным днем, —
И под березкой кружевною,
Простертой доброю рукой,
Я смыт вздыхающей волною
В неутихающий покой.

Троицын день и Духов день.
Петроград, 1921 года

---

[1] Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке близ Пречистенки и Девичьего Поля.

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Берлинский песенник

БУДЕМ ИСКАТЬ МЕЛОДИИ

Эта маленькая тетрадь — поиски формы; и я не придаю ей никакого значения, как не придаю я значения многообразным поэтическим школам; и вместе с тем здесь — тенденция к новой школе, поскольку каждая мимолетная школа все-таки отмечает один штрих в сложном целом, именуемом поэтическим произведением; я считаю, что после символизма не было сколько-нибудь действительно новых сдвигов к грядущему стилю поэзии; акмеизм был благоразумной реакцией, временно, быть может, необходимой; в дальнейших новаторских попытках сказывалось лишь естественное разделение труда в гранении деталей стиха: появились ритмисты, появились футуристы, подчеркнувшие звук слова; появились имажинисты, подчеркнувшие образ и т. д. Ныне стих перегружен ухищрениями образа, ритма, инструментовки, но всеми школами недавнего времени пропущена одна существенная сторона стиха: *мелодия* целого (ритм, инструментовка не имеют еще отношения к мелодии); мелодия в стихе есть господство интонационной мимики. Стих есть всегда отвлечение от песни; *мелодизм* — вот нужная ныне и пока отсутствующая школа среди градации школ; текст музыки, песня, имеет свои правила, не совпадающне с правилами разделения стиха на строчки, строфы и, наоборот, подчиняющие образы, ритмы и звуки мелодическим, интонационным задачам; — *мелодизм* — школа в поэзии, которая хотела бы отстранить излишние крайности и вычуры образов, звуков и ритмов, не координированных вокруг *песенной души лирики* — мелодии; ритм есть господство абстрактно-музыкального начала в поэзии; и оттого-то так часто ритмисты в своих поисках ритма либо создают лишь сложные метры, либо, расшатывая классический метр, создают расхлябанный и скучный в своем однообразии стиль стиха; недавно в Москве все писали одним и тем же расхлябанным размером с аллитерационными созвучиями вместо рифм; я сказал бы, что эта новая манера уже через несколько недель стала старой, ибо то, что окрыляет стих, не есть казенный порядок в строении строк, строф, стоп, ни ставший быстро столь же казенным беспорядок их.

Только в *мелодии*, поставленной в центре лирического произведения, превращающей стихотворение в подлинную распеваемую песню, поставлены на свое место: образ, звукоряд, метр, ритм. Метр есть порядок стопо-, строко- и строфоведения, устанавливаемый из механики разложения стиха на малые элементы (chronos protos); ритм есть целое, определяющее индивидуально каждый

из элементов из места его нахождения в целом; метр — сумма; ритм — наименьшее кратное; поэтому: метр — механизм, а ритм — организм стиха, но организация зависит сама от индивидуума организации (орган в биологии рассматривается и с точки зрения цели); ритм нам дан в пересечении со смыслом; он — жест этого смысла; в чем же место пересечения? В интонационном жесте смысла; а он и есть *мелодия.*

Мы прекрасно знаем, как меняется интонация хотя бы в знаках препинания; два представления «*ночь*» и «*темно*» могут быть связаны по-разному знаками: 1) «*Ночь. Темно*» (жест спокойного рассказа). 2) «*Ночь... Темно...*» (отрывистый, неспокойный темп). 3) «*Ночь: темно*» (здесь второе понятие вытекает из первого: *так как* ночь, *то* — темно) и т. д. Прослеживая жизнь знаков, мы видим индивидуализм у писателей: «*точка*» есть знак прозы Пушкина, «*точка с запятой*» — Толстого; «*двоеточие*» — мой знак; «*тире*» — знак, излюбленный модернистами. Мы еще не овладели техникой знаков, потому что мы не овладели интонационной мелодией так, как другими элементами предложения. Измените расположение красных строк в любом рассказе, и вы увидите, до чего изменится весь его стиль. Фраза Гоголя «*Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и долы полные воды свои*», если мы прислушаемся к интонации, имеет три ударения: «*Чуден Днепр*», «*мчит*» и «*полные воды*»; и ясно, что «*сквозь леса и долы*» есть представление побочное, которое интонацией должно быть отмечено, между тем, мелодических, интонационных знаков у нас нет для выражения архитектоники мелодии; фраза, приводимая мною, изобразима в интонационном рисунке:

«Чуден Днепр
При тихой погоде, —
                                        — Когда —
                                                        — Вольно и плавно
                                                            Мчит —
                                                                        — Сквозь леса и долы —
Полные воды
Свои».

Или:

«— Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и
плавно мчит —
                    — Сквозь леса
                        И долы —
                                    — Полные воды свои».

Одну и ту же страницу мы можем выразить в различных интонационных архитектониках; каждая накладывает свой отпечаток на целое. Плох тот художник прозы или стиха, который не

слышит интонации голоса, складывающего ему фразу, а наша условная система знаков выражения интонации (тембр голоса, мимика, паузы, ударение) не соответствует богатству мелодии голоса; между тем: эта мелодия все властнее накладывает свою печать на творчество современных художников слова. Отсюда стремление их искать интонации в своеобразной манере начертания, передающей зрительно интонацию; музыкант имеет системы выражений (знаки пауз, andante, allegro, allegretto и т. д.), поэт вынужден все мелодические моменты своей песни (все-таки стихотворение поэту поется всегда) вкупорить в определенные разрезы словесного ряда (в строки, в строфы), в которых выражается метр, частью ритм, и в которых мелодия утрачивается; и оттого-то стихотворение не поется (а оно пелось в лучшие периоды лирики); Софокл и Эсхил были композиторами собственных творений, потому что они были мелодистами; и ритмы, и метры возникли уже внутри мелодии; и оттого-то были возможны размеры, подобные «молоссу» (— — —) у греков; у нас — невозможны; «молоссы» — поются; три ударных «молосса» в нашем метрико-тоническом стихосложении возможны только при длительных паузах; а уха у нас нет к интонациям. Как мне произнести «молосс» (— — —), чтобы он не превратился просто в плохой усеченный трохей: да только с паузами, которые я должен отметить через «тире»:

Чтóб — в грудь — трупа
Ткнуть — свóй — рóг.

Иначе при нашем неразвитом мелодически ухе всякий прочтет: «Чтобвгрудьтрупа» (-о-о); и разумеется: продуманное мелодическое задание обернется в какофонию.

Мы развили образ стиха, звук, рифму, строчку, строфу в ущерб *мелодии*, подчиняющей эти отдельности стиха себе; и *мелодия* захирела в наших богатых звуками и образами стихах; и лишь в вычурах частностей стиха (в перенасыщении аллитерациями, метафорами) забывается песенное право поэта: не бояться не только сложности слов, но, что главное: простоты. Простое слово из стиха изгнано; нет простых песенок; измеривается процентное отношение слов к метафорам (чем больше метафор, тем лучше); а между тем: вовсе не в метафоре и не в эвфонии сила целого, а в песенном ладе, в мелодии песни.

Провозглашая *мелодизм* как необходимо нужную школу (хотя бы для уравновешивания целого, распавшегося в неравновесие пересыщенных образов и аллитераций стиха), я намеренно в предлагаемых мелодических опытах подчеркиваю право простых совсем слов быть словами поэзии, лишь бы они выражали точно мелодию; и наоборот: все старание мое направлено на выявление возможной сложности этой мелодии; мелодию я вычерчиваю, порою высвобождая ее из круга строф и строк; и потому-то все

мое внимание в «*песенках*» сосредоточено на архитектонике интонаций; расположение строк и строф — пусть оно будет угадано, в мелодии. Самое расположение слов подчиняется у меня интонации и паузе, которая заставляет нас выдвигать одно слово, какой-нибудь союз «и» (на котором никогда не бывает синтаксического и формально-логического ударения, и бывает мимическое, жестикуляционное); или обратно: заставляет пролетать по ряду строк единым духом, чтобы потом, вдруг задержаться на одном слове. Я вовсе не хочу спорить с акмеистами, футуристами, имажинистами о классической форме, звуке и образе, я хочу лишь выдвинуть здесь основные тезисы мелодизма:

1) Лирическое стихотворение — песня.

2) Поэт носит в себе мелодии: он — композитор.

3) В чистой лирике *мелодия* важнее образа.

4) Неумеренное употребление посредственных элементов стиха (образа и звуковой гармонии) на счет *мелодии* самые богатства этих элементов превращает в верное средство — убить стих.

5) Довольно метафорической перенасыщенности: поменьше имажинизма; и побольше песни, побольше простых слов, поменьше звуковых трещаний (меньше труб) — гениальные композиторы гениальны не инструментами, а *мелодиями:* оркестровка Бетховена проще оркестровки Штрауса.

Впереди русский стих ожидает богатство неисчерпанных мелодийных миров.

И да здравствует — «*мелодизм*»!

Андрей Белый

Берлин — Цоссен
Июнь 22 года

349. ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Мандолина

1

Слышу утрами —
Зовы
Я...
Вижу — огни: —
— Дни —
Бирюзовые,
Полные смысла...
Кругом меня —
Березовые
Пни;
И —

— Перламутровые пни;
И —
— Перламутрами
Унизанные,
Розовые —
— Крылья коромысла.

2

Свисло —
Облако — на небосклон: —
— Освечены —
— Края
Его клочков
Огнем
И летами
— Охвачены —
— Трепещущим
Червонцем
Так —
— Испокон
Веков —
— Увековечены: —
— Природы праздники, исполненные
Светами
Утраченного
Смысла, —
— Как —
— Крылья бисерные, блещущим
Деньком,
Омолненного

Солнцем
Коромысла.

3

Внимаю: —
— Чутким
Ухом
Жутким
Мухам —
Я —
— Серебряные метры
Из оконца
Веют на меня: —
Мушинником
Блеснувшим
Изумрудом, —
— Духом,
Летом,
Гудом —
— И —
— Паутинником
С серебряного пня, —
— Плеснувшим
В ветры
Светом
Волоконца.

4

Перелетающими, случайно тающими
Дуновениями, —
— Где-то
Дыша
В тиши,—
— Обвизгивает серебряными ветрами,
Как метрами,
Мне —
— Ухо,
Дух
И
Душу —
— Пение...
Перелетающими, случайно тающими
Видениями
Света —
— Пронизывает —
— Тверди, суши,
Зрение
Души —

— Пронизывает: —
Сердце
— Тайна —
— Вдохновения...

5

И воздуха —
— Перевиваемые, веющие вопросами
Света
Слов —
— Взвизги
Ветров —
Пронизывают —
— Березовую
Поросль слов —
— Зовами
Без
Ответа!
И отдыха —
— Слагаемые, зреющие вопросами
Света
Слов —
— Взбрызги
Строф —
Обрызгивают сердце —
— Розовую
Розу —
— Росами!

6

Да, —
— И —
— Верное
Лицемерием
Равновесия, —
Да, —
— И —
— Неверием
Верное
Сердце —
— Зреет —
— Вечными
Трепетами
Духа...
Да, —
— И —
— Безвесие
Пуха

Из бледного поднебесия
Летами —
— Над встречными
Лепетами
Листиков —
— Веет
Светами...

Цоссен
Июнь 1922 года

350. ВЕЧЕР

Точно взглядами, полными смысла,
Просияли,—
Мне ядом горя,—
Просияли
И тихо повисли
Облаков златокарих края...

И взогнят беспризорные выси
Перелетным
Болотным глазком;
И — зарыскают быстрые рыси
Над болотным, —
Над черным — леском.

Где в шершавые, ржавые травы
Исчирикался летом
Сверчок, —
Просвещается злой и лукавый,
Угрожающий светом
Зрачок.

И — вспылает
Сквозное болото;
Проиграет
Сквозным серебром;
И — за тучами примется кто-то
Перекатывать медленный гром.

Слышу — желтые хохоты рыси.
Подползет; и — окрысится: «Брысь!»...
И проискрится в хмурые
Выси
Желточерною шкурою
Рысь.

Цоссен
1922 года

351. О ПОЛЯРНОМ ПОКОЕ

(говорит виолончель)

1

В хрустальные
Дали, —
— Где —
— Ясным
Стеклярусом —
— Пересияли
Блисталища: стаи полярные
Льдин —
И —
— Где —
— Блеснью
Янтарные
Копья
Заката — изжалили
Слепшие
Взоры —
— В печальные
Стали
Буруна —
— Отчалила шхуна.

2

И —
— Парусом —
— Красным,
Как ясный рубин —
И —
— Окрепшею
Песней —
— Под зорькой —
— Отчалили —
— В хлопья
Тумана —
— Поморы.

3

Заводит —
— Разрывами
Вод
Свою песнь, —
— Ходит
Водами, —
— Носится —

Горькое море!
И —
— Год
Осиянный —
— За годами
Бросится
Там —
— Ураганами,
Пенами,
Брызгами
Вод
Разрывными —
Слетит —
— В коловорот
Разливанный.

4

Ничто не изменится!..
Только —
— Мятежится
Море,
Да тешится
Кит —
— Проливными
Фонтанами —
— Пенами,
Взвизгами,
Взрывами
Вод —
— В коловорот
Разливанный...

5

И над каменным
Кряжем —
— Невнятными
Майями
Дальних
Печальных
Годин —
— Быстро выпала
Ворохом
Белого пепла
Зима...
И —
— Окрепла
Хрустальною пряжей
Полярная тьма.

И —
— Осыпала —
— Пламенным
Мороком: —
— Пятнами
Спаянных льдин.

Москва. Цоссен

352. КЛАДБИЩЕ

Ветров — протяжный глас, снегов —
Мятежный бег
Из отдалений...

Перекосившихся крестов
На белый снег
Синеют тени...

От нежных слез и снежных нег
Из поля веет
Вестью милой...

10 Лампад
Горенье в ряд
Берез —

Малиновеет
Над могилой...

Часовня бледная
Серебряной главой сметает
Иней, —

Часовня бедная
Серебряной главой — блистает
20 В сини...

Тяжелый дуб, как часовой,
Печально внемлет
Звукам муки: —

Косматый снегами, — в суровый вой
Подъемлет
Руки...

И бросится
Его далекий стон:
Сухим
30 Порывом...

И носится
Оцепенело он —
Глухим
Отзывом...

И только: —
— Вышину
Мутит
В сердитом
Беге
40 Вьюга...

И только: —
— В тишину
Звучит,
Забытый
В снеге, —
— Голос друга...

1901—1922
Москва. Цоссен

353. ПОЕТСЯ ПОД ГИТАРУ

Я —
Словами так немощно
Нем:
Изречения мои — маски...
И —
Рассказываю
Вам всем —
— Рассказываю
Сказки, —
10 — Потому что —
Мне так суждено,
А почему —
Не понимаю; —
— Потому что —
Всё давно ушло во тьму,
Потому что — всё равно:
Не знаю, или знаю...
Потому что мне скучно — везде...
Потому что сказка — изумрудная,
20 Где —
Всё — иное...
Потому что так хочется в брызнь
Утех;
Потому что: трудная
Жизнь

У всех —
— С одною развязкою...
Потому что, —
— Наконец, —
30 — Зачем
Этот ад?
Потому что, —
— Один конец
Всем...
И во мне подымается смех
Над
Судьбою
Всех —
— И —
40 — Над
Собою!..

Цоссен
1922 года

354. ОПЯТЬ ГИТАРА

Заманя,
Помаргивает светляками
На нас —
— Скат...

На меня
Вздрагивают глаз —
Твоих —
— Умерки...

И —
10 тенеет: малиново-апельсинный
Закат —
В малиново-апельсинные
Сумерки...

Отуманенная, остуженная, серебряная
Вода
Под ногами, под нами —
Там...

Что-то, под гору замирающее
В хрусте...

20 Там —
Под нами, под ногами —

Вниз убегающие
Года,
Поднимающие
Туманами —
Серебряные
Грусти...

«Мертвых слов не говори,
Не тверди,—
30 Дорогая!..»

И мигнуло —
— Над —
— Беспризорными
Проблесками
Зари, —

— В тверди
Призорочной
Перегорая, —

—«Тебе одна дорога, а мне —
40 Другая!»

Цоссен
1922 года

355. НЕТ

Ты, вставая, сказала, что — «нет»;
И какие-то призраки мы:
Не осиливает свет —
Не осиливает: тьмы!..

Солнце легкое, — красный фазан.
Месяц матовый, — легкий опал...
Солнце, падая, — пало: в туман;
Месяц — в просерень матово встал.

Прошли — остывающие струи —
К теневым берегам —
Облака — золотые ладьи
Парусами вишневыми: там.

Растворен глубиной голубой,
Озарен лазулитами лет,
Преклонен — пред Тобой и под Тобой...
Но — Ты выговорила: «Нет!»

И холодный вечерний туман
Над сырыми лугами вставал.
Постигаю навсегда, что ты — обман:
Поникаю, поникаю: пал!

Ты ушла... Между нами года —
Проливаемая куда? —
Проливаемая — вода:
Не увижу — Тебя — Никогда!

Капли точат камень: пусть!
Капли падают тысячи лет...
Моя в веках перегорающая грусть —
Свет!

Из годов — с теневых берегов —
Восстают к голубым глубинам
Золотые ладьи облаков
Парусами крылатыми — там.

Растворен глубиной голубой,
Озарен лазулитами лет.
В этом пении где-то — в кипении
В этом пении света — Видение —
Мне:
Что — с Тобой!

1901—1922
Москва—Цоссен

356. ПРОРОК

Завечерел туман ползущий
В вечеровую тень огней;
Тусклы оливковые кущи.
И — светит месяц из теней.

Он, Серебристый, волей рока
Бросает в зримый наш позор, —
Как ясноокого пророка
Неизъяснимо грустный взор.

В тысячелетние разгулы
Он поднимает ясный жар:
И бронзорозовые скулы,
И взора горнего загар.

Струя исчисленного смысла,
Как трепетание крыла

Переливного коромысла,
От яснорогого чела —

Взметает пепельные кучи
Неистлевающих волос,
И из-под них — на нас текучий,
Слезой сияющий вопрос;

Переливнóй игрою линий
Топазы сыплются из глаз;
И расширяет блеск павлиний
Переливной его атлас;

И в нас стремительно забьется
Наш ослепительный ответ;
И ослепительно взорвется
Из волосатой груди свет.

И, точно взвизгнувшие диски,
Взорвут кипящие слова.
И волоса, как василиски,
Взовьет горящая глава.

В переливных браслетах света
Его воздушные персты
Воспламененный знак завета
Взогнят из тихой высоты.

Цоссен.
Май 1922 года

357. БЕССОННИЦА

Мы — безотчетные: безличною
Судьбой
Плодим
Великие вопросы;
И — безотличные — привычною
Гурьбой
Прозрачно
Носимся, как дым
От папиросы.
10 Невзрачно
Сложимся под пологом окна,
Над Майей месячной, над брошенною брызнью, —
Всего на миг один —
— (А ночь длинна —
Длинна!) —
Всего на миг один:

Сияющею жизнью.
Тень, тихий чернодум, выходит
Из угла,
20 Забродит
Мороком ответов;
Заводит —
Шорохи...
Мутительная мгла
Являет ворохи
Разбросанных предметов.
Из ниши смотрит шкаф: и там немой арап.
Тишайше строится насмешливою рожей...
Но время бросило свой безразличный крап.
30 Во всех различиях — всё то же, то же, то же.
И вот — стоят они, и вот — глядят они,
Как дозирающие очи,
Мои
Сомнением
Испорченные
Дни,
Мои
Томлением
Искорченные
40 Ночи...

Больница. 1921 года. Москва

358. БОЛЬНИЦА

Мне видишься опять —
Язвительная, — ты...
Но — не язвительна, а холодна: забыла.
Из немутительной, духовной глубины
Спокойно смотришься во всё, что прежде было.
Я, в мороках
Томясь,
Из мороков любя,
Я — издышавшийся мне подаренным светом,
10 Я, удушаемый, в далекую тебя, —
Впиваюсь пристально. Ты смотришь с неприветом.
О, этот долгий
Сон:
За окнами закат.
Палата номер шесть, предметов серый ворох,
Больных бессонный стон, больничный мой халат;
И ноющая боль, и мыши юркий шорох.
Метание —
По дням,
20 По месяцам, годам...

Издроги холода...
Болезни, смерти, голод...
И — бьющий ужасом в тяжелой злости там,
Визжащий в воздухе, дробящий кости молот...
Перемелькала
Жизнь.
Пустой, прохожий рой —
Исчезновением в небытие родное.
Исчезновение, глаза мои закрой
30 Рукой суровою, рукою ледяною.

Больница. Москва 1921 года.

359. ТЫ — ТЕНЬ ТЕНЕЙ

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней, — нет, не Тебя: былое, —

Которое я рву
(в который раз),
Которое, — в который
Раз восходит, —

Которое, — в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.

Так в листья лип,
Провиснувшие, — Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так, — в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус...

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;

Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —

В стихиях лет:
Поминовенья света...

Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;
На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

Берлин
1922 года

360. МАЛЕНЬКИЙ БАЛАГАН НА МАЛЕНЬКОЙ ПЛАНЕТЕ «ЗЕМЛЯ»

Выкрикивается в берлинскую
форточку без перерыва.

Бум-бум:
Началось!

1

Сердце — исплакалось: плакать
Нет
Мочи!..

Сердце мое, —
Замолчи и замри: —

В золотоокие, долгие ночи,
В золото-карие
Гари
Зари...

2

Из фиолетовых —
Там —
Расстояний —

Молний малиновых нам
Миготня...

Смотрит браслетами
Ясных
Сияний

Бор —
10 Красностволый — на умерки
Дня.

3

В этом
С судьбою —
— С тобою —
Не спорящем
Взоре, —

Светами
Полнится
Тихая даль.

Летами
10 Молнится
Тихое горе, —

Тысячелетием плачет: печаль.

4

Впейся в меня
Бриллиантами
Взгляда...

Под амиантовым
Небом
Сгори.

Пей
Просияние сладкого яда, —

Золотокарие
10 Гари
Зари.

5

Говори, говори, говори,
Говори же —
— В года —
— Где —

Перепенивается
Вода —
— Где —
— Тени

Тишь
10 И
Тьма —
— Нет
Или
Да? —
— Свет
Или
Тьма?

И — ближе, ближе, ближе —
— Тьма
10 Сама!

6

В твоем вызове —
Ложь: —
— Искажение
Духа
Жизни!..

Так
Взбрызни
Же
В
10 Очи
Водою забвения! —

Вызови —
— Передсмертную дрожь: —
Уничтожь!

7

Зачем, —
— Ты клевещешь на духа?

Зачем, —
Это —
— Уродливое
Искажение
Жизни: —

— Худое!
Угодливое
10 Лицо —
— Со сладострастным
Бесстрастием,

Вкладываемым
В —

— «Значит, так суждено:
Были
Ли,
Или
Нет?»
20 «Забыли».

8

Что ж?
Если так суждено... —

9

Всё равно: —
— Ведь расплещешься в брызни
Рязъявшейся
Ночи
Ты
Так, —
— Как —
— Расплещется в бури
Поднявшейся
10 Пыли —
— Желтое
И
Седое —
— Кольцо!

10

В твоем
Вызове
Хмури
Ночи —
— И —
— Ложь!

Взбрызни
В очи —
— Забвение!
10 Вызови ж —
Предсмертную дрожь!
Взвизгни ж,
Сердце
Мое, —
Дикий
Вырванный

Стриж:

В бездны
Звездные —
20 — Сердце —
— Ты —
—
Крики дикие
Мчишь!

11

Да, —
— Ты —
— Выспренней ложью обводишь
Злой Круг
Вкруг
Себя, —

И —
— Ты —
— С искренней дрожью уходишь
10 Навеки,
Злой друг,
От меня —
— Без —
— Ответа...

И —
— Я —
— Никогда не увижу
Тебя —
— И —
20 — Себя
Ненавижу:
За
Это.

12

Проклятый —
— Проклятый — проклятый —
— Тот диавол,
Который —
— В разъятой отчизне
Из тверди
Разбил
Наши жизни — в брызнь
Смерти, —

10 Который навеки меня отделил
От
Тебя —
— Чтобы —
— Я —
— Ненавидел за это тебя —
И —
— Себя!

13

Чтобы —
— Плавал
Смежаемым взором
Сквозь веки
Я
Где-то
Средь брызгов разбившейся тверди —
— Простором
И
10 Мглой, —
Чтобы —
— Капала —
— Лета
Забвения в веки
Средь визгов развившейся
Смерти —
— Простором
И
Мглой!..

14

Чтобы —
— Плавал —
— Над нами —
— Средь выбрызгов тверди —
Тот диавол, —
Который —
Навеки —
Навеки —
Навеки —

Меня
Отделил
От
Тебя;

Чтобы —
— Я
Не увидел —
Средь вывизгов развижжавшейся смерти —
— Тебя —
И —
— Себя
Ненавидел —
— За
Это!

15

Всё ушло —
Далеко —
— Всё — иное:
Не то, —
О, легко мне,
Легко —
— Всё — иное,
Не то, —
— Потому что —

16

Исплакались —
— Очи
И плакать —
— Нет мочи —
Исплакались —
— В ночи —
— Забылось —
Давно:
Изменилось —
10 — Иное:
Не
То!
Потому что, —
— Поверь, —
— Потому что —
— Я —
— Нем
Теперь!

17

И провеяло —
— В трубах
Тьмы

Смерти
Там —

В клубах
Тьмы
Пыли —

— «Забыли
10 Мы,
Друг, —
— Были ли
Мы,
Любили ли
Мы —
— Друг
Друга!»

18

Легко мне —
— И выше,
И выше,
И выше, —
— Неслись
Времена, —
— Как летучие мыши —
Летучими
Тучами —
10 — Выше, и выше, и выше.
И выше —
Нетопыриными, дикими
Криками —
— В выси!

19

Легко мне,
Легко —
— Всё иное:
Не то...
И —
— Огромней —
— Огромней —
— Огромней —
Расширены
10 Очи —
— В —
— Родное —

— В —
— Пустое,
Пустое
Такое —
В ничто!

20

В вызове
Твоем —
Ложь!..

Взбрызни же
В очи
Забвение...
Вызови ж —
Передсмертную дрожь...

Взвизгни ж,
10 Сердце
Мое,
Дикий
Вырванный
Стриж, —
— В бездны звездные,
Сердце —
— Ты —
— Крики дикие
Мчишь!..

20 Бум — бум:
Кончено!

361. В ГОРАХ

1

Взираю: в серые туманы;
Раздираю: рубище — я...
Оборвут, как прах, — ураганы:
Разорвут — в горах: меня.

Серый туман — разметан.
Упал — там — в былом...
Ворон, ворон — вот он:
Вот он — бьет — крылом.

2

Я схватывал молча — молот;
Он взлетал — в моих руках...
Взмах — камень: расколот!
Взмах — толчея: прах!

Скрежетала — в камень твердолобый:
Молотами выколачиваемая скрижаль,
Чтобы — разорвались его твердые злобы
В золотом расколотую даль.

Камней кололись осколки...
Отовсюду приподнялись —
О, сколькие — колкие елки —
Высвистом — порывистым — в высь...

Изошел — мелколесием еловым
Красностволый, голый лес...
Я в лиловое поднебесие по гололобым
Скалам: лез!

Серый туман — разметан:
Упал — там — в былом!..
Ворон, ворон — вот он:
Вот он — бьет крылом!

Смерти серые — туманы
Уволакивали меня;
И поддакивали ураганы;
И — обманывался: я!

3

Гора: дорога — в горы,
О которых — пел — скальд...
Алтарный камень — который?
Всё — голый базальт, —

Откуда с мрачным мыком
Бежал быкорогий бог.
Бросив месяц, зыком
Перегудевший в пустоты рог, —

Откуда — опрокинутые твердыни
Оборвал: в голубой провал...
Откуда — подкинутые ледыни
Занялись: в заревой коралл...

Откуда года ураганом,
Поддакивал он, маня...
Смерти серые, — туманом
Обволакивали: меня...

Обмануты! С пламенных скатов
Протянуты — в ночь и в дни —
В полосатые злата закатов
Волосатые руки мои.

4

Над утесами, подкинутыми в хмури,
Поднимется взверченная брызнь;
И колесами взверченной бури —
Снимется низринутая жизнь...

Вспыхивай глазами молний, — туча:
Водобоями — хладно хлынь,
Взвихривая лопасть — в кучи
Провисающих в пропасть твердынь.

Падай, медная молния, звоном:
Людоедная, — стрелами кусай!
Жги мне губы — озоном!
В гулы пропастей — кромсай, —

Чтобы мне, взъерошенному светом
И подброшенному винтом — в свет,
Прокричать опаленным светом
Перекошенным ртом: «Свет!» —

Чтоб, потухнув, под откос — с веками
Рухнуть — свинцовым мертвецом:
Дочерна сожженными руками
И — чернолиловым лицом, —

Чтобы — мыча — тупо
Из пустот — быкорогий бог —
Мог — в грудь — трупа —
Ткнуть — свой — рог...

Цоссен
1922 года

362. «Я»

Поется с балалайкой

1

Злое поле мглой
Одето.

Злой
Туман ползет: у ног...

Где-то
В поле — без
Ответа —

Мглой
В туман — восстонет
Рог: —

— «Где —
Вы —
Духи?

— Где —
Вы —
Души?

— Где —
Ты —
Бог!» —

— Лая
В уши,
Старым Богом
Изнемог
Он. —

2

Глухи —
Духи!..

3

Месяц, —
— Злая
Рукоять, —
В этот час —
Красный тать:

Острым рогом
Из тумана — там, на нас
Грозится
Встать.

Злое
Поле —
Не маячь: —
— В сердце —
Плач:
Сердце, —
Плачь!..

4

Око, —
— Лопнувший пузырь —
Разрывай
В ночные шири: —

Шире,
Шире,
Шире
Ширь —
— Око —
— Лопнувший пузырь!

5

В мире, охнувшем
От муки, —
Разрывались,
Искрошились
Прахом
Суши:
Искажались,
Исказились
Страхом
Лики: —
— Тише,
Медленнее ночи
Без дороги —
— В мире, охнувшем
От муки.

В ухе,
Глохнувшем
От скуки, —
Раздавались —

— Строги,
Глухи,
Дики
Крики
Рога —
— «Души,
Души,
Души!

— Боги,
Боги,
Боги!

— Духи,
Духи,
Духи!» —

— Глуше,
Глуше,
Глуше...

6

Время, —
— Плещущие
Воды —
— Унимай
Свой праздный скач:

Поднимай, —
— В пустые годы,
В пусто блещущие
Своды —
— Красный тать —
Рукоять:

Ты —
Палач!..

7

Пусть разматывают нити:
В нить событий —
Вплетено
Небытие!

Утопатывать
Нам
В ночи, —

Протопатывать
Там
Годы —
          — Суждено!

В нить
Событий —
Вплетено:
Небытие!

8

Обволакивает очи,
В ночь обматывает
Тьмой: —
               — Уволакивает в ночи,
                  Приборматывает: —
                                            — «Мой!»

Бормочи, ночная прялка:
Мне тебя не превозмочь!

Ночь, —
          — Лиловая фиалка, —
                                      — Вейся
                                         Шорохом —
                                         У
                                         Ног!

9

Лейся
В ночи
Вихрем клочий
Многоногий людогон, —
                                 — Зрея
                                    В души,
                                    Вея
                                    В очи: —
                                              — Вея
                                                 Ворохом
                                                 Времен...

Утопатываем
В ночи,
Утопатываем
Мы —
        — В разъедающие
           Очи,
           В нападающие
           Тьмы!

10

Утопатываем
Мы —
Утопатываем: —
— В тьмы!

11

Злые
Очи
Светят
В ночи
Злой...

Злые
Духи
Встретят
Этот
Час...

Злые
Шлемы
Немо
Светят
В бой...

Где мы?
Где мы?..
В склепы
Емлют
Нас...

Только
Мухи
Гам
Подъемлют
Свой...

Нам
Не внемлют:
Глухи,
Слепы
Мы...

Немы —
Демоны:
И —
Немы
Тьмы!..

12

Руки мукою
Воздеты: —
                    — Где Ты,
                        Бог?

Только глохнущие
Уши...
Только сохнущие
Души —
В бездне лет...

Только в тухнувшие
Муки
Рога
Ухнувшие
Звуки —
            — «Бога —
                Нет!» —
                            — «Бога —
                                Нет!..»

13

Новая дорога
В Назарет —
                    — «Бога —
                        Нет!» —
Радует меня...

Дорогая, веющая
Весть
Дорогого, зреющего
Дня —
        — «Есть —
            Я!» —
Радует меня...

14

Многих толп
Протянутся где-то
И потерянная
С нами
Суетня...

Из растерянного
Бледного рассвета,

Из обманутого Богом
Дня —
　　　— Столб
　　　　Огня —
　　　　　　— «Это —
　　　　　　　Я
　　　　　　　С
　　　　　　　Вами!»

363. М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Неисчисляемы
Орбиты серебряного прискорбия,
Где праздномыслия
Повисли —
Тучи...

Среди них —
Тихо пою стих
В неосязаемые угодия
Ваших образов:

Ваши молитвы —
Малиновые мелодии
И —
Непобедимые ритмы.

Цоссен
1922 года

ПЕПЕЛ

Издание второе, переработанное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Темы «*Пепла*» рождались в сознании автора в эпоху 1904—1906 годов, когда перед его художественным оком стояла картина тогдашней России; и тема эта завершалась лирически в 1907—1908 годах. Через 20 с лишком лет, возвращаясь к пересмотру материала стихов, автор впервые увидел, до чего его лирическое «я» отразило политические моменты эпохи 1904—1906 годов; эти моменты: революционный взрыв, его внешний слом, распыление революционных энергий, отчасти перерождение и вырождение их в отчаяние и субъективизм; с 1907 года уже выступают на поверхности разгромленной жизни темы огарочничества, крайнего субъективизма, индивидуального террора; это эпоха переживаемого отчаяния с решительным «*нет*» видимо оправившемуся царизму и буржуазии.

Художественные произведения, отразившие момент, изучаемы; признавая за «*Пеплом*» ряд художественных недочетов, я, тем не менее, вижу и ряд оснований, заставляющих меня возобновить издание.

Во-первых, книга, отпечатанная в 1908 году в ограниченном количестве экземпляров, была вскоре же распродана, а вопрос о возобновлении издания с 1910 года мало меня интересовал; с 1917 года вступают в силу трудности переиздания (бумажный кризис и т. д.). Книга современному читателю неизвестна; а она заслуживает некоторого внимания; неспроста первое издание посвящено Некрасову; «*Пепел*» — не подражание Некрасову, а созвучие органическое (разумеется, 1905 года, не 60-е годы).

«*Пепел*» — не только исторический документ, но и право мое ожидать некоторого внимания к стихам, написанным скоро тому назад четверть века; и если в некоем разрезе Некрасов не устарел, то и «*Пепел*» не вовсе устарел.

«*Пепел*» я переиздаю с некоторым видоизменением; я его сильно сокращаю; я прилагаю к нему 2—3 стихотворения, написанных гораздо позднее «*Пепла*», но в теме «*Пепла*»; я прилагаю несколько стихотворений, черновик которых был написан в эпоху «*Пепла*»; они не появились в печати или по цензурным соображениям, или потому, что после «*Пепла*» я отдавал в печать стихотворения «*Урны*» и других сборников; лирические эмбрионы, пережитые и недописанные, остались ненапечатанными, к этому изданию я их доработал; таковы: «*Декабрь*», «*Помойная яма*», «*Японец возьми*» и т. д.; они лишь дорисовывают уже данную в 1908 году основную линию «*Пепла*». Наконец, ряд стихотворений я то

слегка, то существенней ретушировал в техническом отношении; но это — право автора с более зрелой техникой по отношению к технике еще не окрепшей; пришить пуговицу к толстовке — право носящего эту толстовку (при ее наличии). Стихотворения с правкой я помечаю двумя годами: годом написания и годом ретуши; например, 07 (25) (правлено в 1925-м, написано в 1907-м).

Композиция стихов в отделы являет самую тему «*Пепла*» в виде лирической поэмы в 4-х частях: герой «*Пепла*» — шатун, бродяга, лумпэн-пролетарий; нарисована его судьба; в «*Глухой России*» он ищет свободы и воли, а перед ним встают «Лихие места»: «Глухая Россия» — лихое место.

Город? Но город 1908 года — «*Мертвый город*»; этот город рисует 2-й отдел; в отделе «*В полях*» — попытка отдаться деревенской природе; попытка к «*Во здравие*»; но она оканчивается в отделе «*Злая деревня*» полным «*Заупокоем*»; Россия 1904—1908 годов — кошмар; и «*Бобыли*», «*Бродяги*» именно потому, что «*Бобыли*» — сходят с ума: ноты безумия и анархического субъективизма правомерно отражены в этой «*Драме*» моего «Бродяги».

Прошу читателей не смешивать с ним меня: лирическое «я» есть «мы» зарисовываемых сознаний, а вовсе не «я» Б. Н. Бугаева (Андрея Белого), в 1908 году *не бегавшего по полям*, но изучавшего проблемы логики и стиховедения.

Андрей Белый
Кучино. 28 года. Ноябрь

ГЛУХАЯ РОССИЯ

364. РОССИЯ

Те же — росы, откосы, туманы...
Над бурьянами —
Рдяный
Восход;
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий бедный народ.

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый,
Свинцовый
Наш край —
Нам бросает с холодного поля,
Посылает нам крик: —
— «Умирай».

Мараморохи по полю носят:
Те же стаи несытых смертей
Под откосами
Косами косят —
Под откосами
Косят:
Людей.

Свищут желтые, желклые травы;
И грозит горизонтов кольцо: —
Свистоломами точит
Суставы;
Пустоплюями мочит
Лицо.

Отголоски собачьего лая...
Тучи — взапуски. Небо — взадуй...
Коловерть, —
Сумасшедшая, злая...
Смерть, —
Пади: и меня — расколдуй.

1908 (1925)

365. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(см. № 129)

366. ШОССЕ

(см. № 126)

367. НА ВОЛЬНОМ ПРОСТОРЕ

(см. № 127)

368. БЕГСТВО

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вот — мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

Вот — площадь: соборные главы,
Заборики, па́вертень мух, —
Размои, крапивы, канавы, —
Песок, коноплянник, лопух.

Кидается город белясый
За мной пескоцветною мглой,
Взвивая свои сухоплясы,
Свой за́вертень едкий и злой.

Я помню: поймали, прогнали
Вдоль улиц, прогнали на суд:
Босые мальчишки кричали:
«Ведут — арестанта: ведут».

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат;
Качались блиставшие сабли
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взрывая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок,
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

За стеклами блеклого дома
Ты, милая, виделась... Что ж?
Ведь стало мне все незнакомо:
И стало мне все — невтерпеж.

Суд — кончен. Притворен и ровен
Мертвец прочитал приговор...
И мертвое слово — «*виновен*»;
И — мертвый тюремный измор.

Все — минуло; все прожитое;
Глухая стена, потолок;
Оконце: и небо — пустое,
И моклого облака клок.

Прижмешься в раздумье тяжелом
К решетке седой головой;
За серым, сплошным частоколом —
Опять просерел часовой.

Годов развеваемый ворох.
Годами глядел в потолок...
Темнеет... Огней мараморох
За мною зажег городок.

Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых —
В изжолклые желчины дерна,
В простор плоскогорий крутых.

1906 (1925)

369. НА СКАТЕ

Простор — суров, лилов и рдян —
Волной ветров туманы гонит.
На грудь мою кривой бурьян
Свой поздний пух —
— на грудь —
— уронит.

Прозябли чахлою листвой
Многогребенчатые скаты:
Над ними облак дымовой,
Ворча, встает, —
— как дед —
— косматый...

Луной двурогой просквозит;
И под собою даль означит;
Рукою строгою дымит;
Главою —
— голубою —
— плачет.

Высь — углубленнее, черней.
На ней — разблещенный алмазник...
Здесь — меж камней, меж зеленей —
Пространств —
— тысячелетних —
— праздник.

1906 (1925)

370. СТРАНА МОЯ

И ветел старинные палки.
И галки — вон там и вон здесь —
Подгорные длинные балки;
Пустынная, торная весь.

Сердитая, черная туча,
Тревожная мысль о былом,
Камней придорожная куча,
Покрытая белым крестом...

Россия, увидишь и любишь
Твой злой, полевой небосклон,
«Зачем ты, безумная, губишь» —
Гармоники жалобный стон.

Как смотрится в душу сурово
Мне снова багровая даль.
Страна моя хмурая, снова,
Тебя я увижу, — тебя ль?

1908

371. ТЕНЬ

Откос — под ногами...
Песчаный, отлогий...
Просторы седые
Открылись с откоса.
И спелою кистью

Усталые ноги
Целует и гладит
Кипящее просо.

Поплыл, отеняя
В душе беззаботной
Немые пространства
Восторгов томящих, —
Клок облака, тенью
Своей переметной,
Лизнувшей по морю
Колосьев кипящих.

Я плакал... Но ветром
Порфира воздушно, —
Как бархатом темным
Она продышала;
И бархатом темным —
Безвластно, послушно —
Пред солнцем, под солнцем —
Она облетала.

Я в солнце смеялся,
Но было мне больно.
На пыльной дороге
Гремели колеса.
Так ясен был день...
Но — тревогой невольной
Вскипело у ног
Медноржавое просо.

1906

372. БРОДЯГА

1

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.
Я крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Я крался: безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Я стал на приволжских откосах,
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.

Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Я гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.

2

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог, —

Где годы на каменном, голом
Полу я валяться привык
(Внизу, за слепым частоколом
Качался, поблескивал штык), —

Где годы встречал я со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Я молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала — кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаяся, мы на баржи,
И берегом, берегом ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь я кидал, проклиная,
Лихой, клокотавшей пурге,
И едко там стужа стальная
Сжигала ветрами в тайге;

Где до крови в холоде мглистом
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха, падая свистом,
Кусал меня бешеный бич.

3

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.

По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звенит колоколец невнятно.
Я — болен; я — нищ; я — ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж кладей озимого хлеба
На пыльный оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю пойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд;
Но в далях — деревни, усадьбы —
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, —
И дале — и дале — и дале—
По пыльной дороге влекусь.

4

Окрестность затмилась туманом,
Стрельнула летучей иглой;
Дымится над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей, —
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

Там гнезда, как черные очи,
Зияя в откосе крутом, —
В туман ниспадающей ночи
Визгливо стрельнули стрижом.

Там темень протопала скоком;
И в даль потянул ветерок;
И кто-то стреляющим оком
Из тучи моргнул на восток.

Там искры, провеяв устало,
Взлетали, чтоб в ночь утонуть;
И горькая песнь прорыдала
Там в синюю, синюю муть.

5

Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным,
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним ледяная
Осыпалась желтым песком.

Огни показались; и долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом;
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

1906—1908

373. ЯМЩИК

В лесу сыром, далеком
Теряются пески,
И еле видным оком
Мерцают огоньки.

У рельсов тихо всхлипнул
Дугою коренник.
И что-то в ветер крикнул
Испуганный ямщик;

С речного крутогора
В густой, холодный мрак —
Он видит — семафора
Взлетает красный знак.

Клокочут светом окна
И искр мгновенный сноп
Сквозь дымные волокна
Ударит блеском в лоб.

Гремя, прошли вагоны.
И им пропел рожок.

Зеленый там — зеленый —
На рельсах огонек...

Поставил в ночь над склоном
Шлагбаум пестрый шест;
Ямщик ударил звоном
В простор окрестных мест.

Ямщик в пространствах тонет —
Утонет вечным сном...
Зевая, спину клонит
Под мокрым кожухом.

1908

374. ИСЧЕЗНИ, РОССИЯ

(см. № 124)

375. ПУСТОЙ ПРОСТОР

Рой серых сел
Маячит
В голый дол;
Порывы пыли;
Вырывы ковыли.
Сюда отдай бунтующий
Глагол —

В маячащие,
Дующие
Плачи...

Прокопы, торчины, —
Пески...
Маячат трёпы туч
На дико сизом небе...
И точно —
Скорбно скорчены —
Лески;
И точно —
Луч
На недожатом хлебе.

Шатнет листвою
Ерзнувшая
Жуть;
В пустой овраг
По сорным косогорам

Течет ручей, — замерзнувшая
Ртуть...
Мой шалый шаг —

В разлом
Пустых
Просторов.

Страх,
Как шара́х мышей — в пустых
Парах,
Повиснувших, как сизый камень,
В небе...
Но грянет
Гром
И станет
Пламень
В прах —

Ерошить: — мглой
Свой,
Яснокрасный
Гребень...

1908 (1925)

376. ПОЛЕВОЙ СТОРОЖ

Средь каменьев меня —
Затерзали;
Затерзали —
Пророка полей...

Я на кость — полевые скрижали —
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело, —

Ликованьем окрестность встревожу, —
Как прошло:
Все прошло —
Отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей,

В хмурый
Сумрак

Оскалены зубы —
Величавой короны моей.

Поле — дом мой.
Песок — мое ложе.
Полог — дым
Росянистых полян.

Загорбатится с палкой прохожий —
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь —

Я —
Просторов
Рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь.

1907

377. ВОКЗАЛ

1

Вокзал... В огнях буфета
Мужчина средних лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

С ним дама мило шутит,
Обдернув свой корсаж, —
Кокетливо закрутит
Изящный сак-вояж.

А там — сквозь кустик мелкий —
Идет он большаком.
Мигают злые стрелки
Зелененьким глазком.

Отбило грудь морозом,
А некуда идти...
Склонись под паровозом
На рельсовом пути.

Никто ему не внемлет...
Нигде не сыщет корм...
Вон — станция подъемлет
Огни своих платформ.

2

Один... Стоит у стрелки.
Свободен переезд.
Сечет кустарник мелкий
Рубин летящих звезд.

И он на шпалы прянул
К расплавленным огням:
Железный поезд грянул
По хрустнувшим костям...

Туда, туда — далеко
Уходит полотно:
Там — в ночь сверкнуло око;
Там — пусто и темно.

3

А всё в огнях буфета
Мужчина средних лет
Над жареной котлетой
Колышет эполет.

А всё среди лакеев
С сигары армянин,
Пуховый пепел свеяв, —
Глотает гренадин.

Дождливая окрестность,
Секи, секи их мглой!
Прилипни, неизвестность,
К их окнам ночью злой!

1908

378. В ПОЛЯХ

Я бежал. Я забыл. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое,
Бедное
Поле, —
Сиротливо простертое в даль.

Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим, как день.
Пусть дробят —
Приовражные
Ребра
Мою черную, легкую тень.

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают
На жалких
Лоскутьях —
Поцелуи холодной зари.

Ветер, плачущий брат мой, — здесь тихо
Ты пролей на меня свою сонь.
Исступленно
Сухая
Гречиха —
Мечет под ноги: яркий огонь.

1907

379. ПОЕЗД

(см. № 131)

380. ПУСТЫНЯ

(см. № 141)

381. НА РЕЛЬСАХ

Вот ночь своей грудью —
Прильнула
К семье облетевших
Кустов.

Во мраке ночном —
Потонула
Там сеть телеграфных
Столбов.

Застыла холодная
Лужа
В размытых краях
Колеи.

Целует октябрьская
Стужа
Обмерзшие пальцы
Мои.

Привязанность, молодость,
Дружба, —
Промчались: развеялись
Сном.

Один... Многолетняя
Служба
Мне душу сдавила
Ярмом.

Ужели же в жалобах
Слезных
Ненужный свой век
Провлачу.

Улегся на рельсах
Железных.
Затих: притаился —
Молчу.

Зажмурил глаза, но
Слезою —
Слезой овлажнился
Мой взор.

И вижу: зеленой
Иглою
Пространство сечет
Семафор.

Блеснул огонек,
Еле зримый,
Протяжно гудит
Паровоз.

Взлетают косматые
Дымы
Над купами чахлых
Берез.

1904

382. ТЕЛЕГРАФИСТ

Окрестность леденеет
Туманным октябрем;
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, —

И вновь взметнуться хочет
Большой, кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

В окне кустарник малый
Окинет беглый взгляд —
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд.

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснущий закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

Жена болеет боком,
А тут — не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять?..

Вновь дали мерит взором...
Сырой, осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

Листвою желтой, блеклой,
Слезливой мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной —
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, —
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

От стужи взор туманит,
В костях озябших — лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Лишь там — на водокачке —
Моргает фонарек.
Лишь там — в сосновой дачке —
Рыдает голосок.

В кисейной нежной шали
Девица средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

1908

383. РУСЬ

Поля моей скудной
Земли.
Вон там — преисполнены
Скорби.

Холмами пространства вдали
Изгорби, равнина, изгорби!

Косматый, далекий
Дымок.
Косматые в далях
Деревни.

Туманов косматый поток.
Просторы голодных губерний.

Просторов простертая
Рать:
В пространствах таятся —
Пространства...

Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

От голода, холода
Тут
И мерли, и мрут —
Миллионы...

Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там смерть протрубила
Вдали, —
В леса, в города
И в деревни, —

В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

1908

384. В ОКНЕ ТЮРЬМЫ

Бросило блекло
Время —

В стекла
Моей тюрьмы —

Гнет,
Тень,
Бремя —

Вой
Злой
Зимы. 10

Лес
Весь
В снеге...
Галка,
Дым деревень...

Ветер — в поспешном беге
Ткет
Ночи тень.

Здесь —
Рушусь в ночь я, — 20
Рушусь
В провалы дня...

Клочья
Вьюжные, — бросятся...

Скоки минут
Уносятся. —

— Не унесут
Меня.

1905 (1925)

МЕРТВЫЙ ГОРОД

385. ВСТАВАЙ

В черни людского разроя
Встал параличный трамвай;
Многоголового роя
Гул: «Подымайся... Вставай...»

Стекла каменьями бьются:
Клочья кровавых знамен
С площади в улицы вьются, —
В ворохи блеклых времен.

Улица прахами прядит, —
Грохнет сердитым свинцом;
Ворон охрипнувший сядет
Над восковым мертвецом.

1907 (1925)

386. ГОРОД

Выпали желтые пятна.
Охнуло, точно в бреду:
Загрохотало невнятно:
Пригород — город... Иду.

Лето... Бензинные всхлипы.
Где-то трамвай тарахтит.
Площади, пыльные липы, —
Пыли пылающих плит, —

Рыщут: не люди, но звери;
Дом, точно каменный ком, —
Смотрится трещиной двери
И чернодырым окном.

1907 (1925)

387. МАНИФЕСТАЦИЯ

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой
С крыш над домами —
Платками машут.

Там —
Вдоль оград, тротуаров —
Вдоль скверов, —

Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Глуше напев похорон:
Пули и плачут, и косят:

Новые тучи кровавых знамен
Там в отдаленье — проносят.

1906

388. ДЕКАБРЬ

На́крест патронные ленты...
За́ угол шаркает шаг...
Бледные интеллигенты...
— «Стой: под воротами — враг!»

Злою щетиной, как ежик,
Серый ощерен отряд...
— «Стой!..» Откарманенный ножик...
— «Строй арестованных в ряд!»

Вот, под воротами, — в стену
Вмятою шапкой вросли...
Рот, перекошенный в пену...
Глаз, дико брошенный... Пли!

Влеплены в пепельном снеге
Пятна расстрелянных тел...
Издали — снизились в беге:
Лицами — белы, как мел.

Улица... Бледные блесни...
Оторопь... Задержь... Замин...
Тресни и дребездень Пресни...
Гулы орудия... —
                    — Мин!

1908 (1925)

389. ПОМОЙНАЯ ЯМА

Бросила красная Пресня
В ветер свои головни...
Кончено: старая песня —
Падает в дикие дни.

В тучи горючие, в крики —
Тучей взметаемый прах...
Те же — колючие пики,
Кучи мохнатых папах.

Спите во тьме поколений,
Никните в грязь головой,
Гните под плети колени, —
Дети семьи трудовой!

Будет, — направленный прямо
В нас орудийный огонь...
Та же помойная яма
Бросила тухлую вонь.

В то же слепое оконце,
В злеющий жужелжень мух
И в восходящее солнце —
Пухнет мохнатый паук.

1906 (1925)

390. ЯПОНЕЦ ВОЗЬМИ

Муха жужукает в ухо;
Пыльная площадь — пуста...
В пригород, тукнувший глухо,
Желтая ступит пята.

Крик погибающих братий
Встанет в пустой балалай.
Лай наступающих ратей
Слышишь ли, царь Николай?

В блеск восходящего солнца,
Став под окошко тюрьмы,
Желтая рожа японца
Выступит скоро из тьмы.

Тухни, — помойная яма!
Рухни, — российский народ!
Скоро уж маршал Ояма
С музыкой в город войдет.

1906 (1925)

391. НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые
Клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные
Трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я
Напевы,
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы,
Все отдал... И вот — я один.

Пронзительный хохот
Пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной
Решетке —
Прижался: поник головой.

А вихри в нахмуренной
Тверди
Волокна ненастные вьют;
И клены в чугунные
Жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут —
Закрыли —
Окрестности с воплем мольбы —
Холодной, отравленной
Пыли
Взлетают сухие столбы.

1904

392. МЕСТЬ

О, вспомни —
Исколоты ноги:
Дожди,
Гололедица, град!

Допрос: ты — вернулась
С дороги
С экспрессом к себе
В Петроград.

— «Предательница!..»
Запахнулся
В изношенный
В серый халат, —

И шел по годинам...
Очнулся —
У двери проклятых
Палат.

В окошко
Ударится камень,
И врубится
В двери топор; —

Из окон разинется
Пламень
От шелковых кресел и
Штор.

Фарфор,
Изукрашенный шандал
Всё —
К чертовой матери, всё!..

Жестокий, железный мой
Кандал —
Ударится в сердце
Твое.

1906

393. ЗАКЛЮЧЕННОМУ

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул —
Дотоле —
Цепями ржавыми
Греми
Из башни каменной —
О воле.

Да покрывается чело, —
Твое чело, —
Кровавым потом...
Глаза —
Сквозь мутное стекло —
Глаза —
Воздетые к высотам.

Нальется в окна бирюза,
Воздушное нальется —
Злато...
День, —
Жемчуг матовый, —
Слеза, —
Течет с восхода до заката.

То — серый сеется там дождь,
То — небо голубеет степью...
Но здесь ты, —
Заключенный вождь —
Греми заржавленною
Цепью.

Пусть —
Утро, вечер, день и ночь —
Сойдут,
Лучи в окно протянут, —
Сойдут — глядят:
Несутся прочь.
Прильнут к окну; и в вечность —
Канут.

1907

394. ДВОЙНИК

Над городом встают с земли,
Над улицами — клубы гари.
Вдали — над головой — вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив...
Как отблески на потолке
Гирляндою воздушных кружев —

Протянутся: так — всё на миг
Зажжется желтоватым светом;
И в зеркале стоит двойник
Туманно грустным силуэтом...

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

1904

395. ПИР

Над толпами знамена в ночь
Кровавою волной взлетали...
Прочь, призрак неизбежный — прочь!
Окошко шторой закрывали.

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче.

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла, — и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
«Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.

Я знаю — всё...» И банк метал
В разгаре пьяного азарта;

И — сторублевики бросал;
И — сыпалась за картой карта.

И — проигравшийся игрок —
Привстал: неуязвимо строгий, —
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок бросая ноги.

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блеклой
На лицах гаснувших застыв, —
Влилось сквозь матовые стекла

Рассвета мертвое пятно:
И мертвый день бледнился робко...
И гуще пенилось вино,
И в потолок летели пробки.

1905

396. ОТЧАЯНИЕ

(см. № 167)

397. ПОЛУМАСКА

Возясь, перетащили в дом
Кровавый гроб два арлекина.

И он, смеясь, уселся в нем...
И пенились, шипели: вина.

В подставленный сосуд вином
Струились огненные росы, —

Как прободал ему жезлом
Грудь жезлоносец длинноносый.

Над восковым его челом
Склонились арлекина оба —

И полумаску молотком
Приколотили к крышке гроба.

1906

398. АРЛЕКИНАДА

(см. № 174)

399. МАСКАРАД

1

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт, — атласный, красный —
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань.

Колобродит, пары водит,
Интригует наугад...
Там — хозяйка гостя вводит;
Здесь — хозяин гостье рад.

Лязгает железной злостью
В пол — косы сухая жердь:
Входит гостья: щелкнет костью,
Взвеет саван; гостья — смерть.

Гость — немое, роковое
Огневое домино:
Неживою головою
Над хозяйкой склонено...

2

Закрутив седые баки,
Надушен и умилен, —
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И — муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Строя глазки, в залах вьется, —
Вьется в вальсе домино;
Из-под маски раздается:
«Вам — погибнуть суждено».

Пляшут дети в ярком свете...
Обернулся — никого:

Лишь, виясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.

— «Злые шутки, злые маски», —
Шепчет он, остановясь:
Злые маски строют глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

3

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает *па* —
Ловит бэби в темной нише—
Ловит бэби: *гран-папа́.*

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс:
И проносят — вестибюлем —
Ледяной, отрадный морс.

4

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд:
За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и — бэби строит куры
Престарелый *гран-папа́*;
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют *па*.

Только там по гулким залам,
Там, — где пусто и темно —
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

1908

400. МОСКОВСКИЙ ДОМ

1

Все спит в молчанье гулком...
Над Мертвым переулком —

За фонарем фонарь
Колеблет свой янтарь.

Лишь со свечою дама
Покажется в окне: —

И световая рама
Проходит по стене;

Танцуют в окнах светы:
Кенкеты и портреты, —

И белые чехлы —
Вот: выступят из мглы.

Лишь дворник встрепенется
И снова головой —

Над тумбою уткнется
В тулуп бараний свой.

2

Мечтательно Полина
Разбитое пьянино —

В ночном дезабилье:
Терзает в полусне.

Рыдает сонатина...
Разбитое пьянино —

Потоком томных гамм.
Оскалилось: вон там.

Старинные куранты
Зовут в ночной угар.

Развеивает банты
Атласный пеньюар.

Трясутся папильотки
Напудренной красотки —

Семидесяти лет:
Взлетает в ночь браслет.

В полуослепшем взоре
Гардемарин и море, —

И невозвратный Крым:
Воспоминаний дым.

Серебряные косы
Рассыпались в луне.

Вот тенью длинноносой
Взлетает на стене.

3

Потрескивают свечи...
Вы где условны речи —

И вздох: «Же т'эм, Полин!»
Стекает стеарин.

— «Я млею, фея, — млею...»
Атласную лилею

Ей под ноги луна
Бросает из окна.

Как шелесты сухие
Прильнули к ней: «Приди» —

Красы свои нагие
Закрыла на груди.

А он, зефира тише,
С ней в затаенной нише, —

Подкинув свой лорнет,
Танцует менуэт.

4

И нынче, как намедни
У каменных перил

Проходит вдоль передней,
Ища ночных громил, —

Лакей ее, Акакий,
Лакей ее глухой, —

В потертом, сером фраке,
С отвислою губой.

В растрепанные баки
Бормочет сам с собой.

1908

401. ВОЗМЕЗДИЕ

Над летним садом сноп ракет
Взвивается струею тонкой...
Старик в отдельный кабинет
Вон — тащит за собой: ребенка.

Тяжелый камень стекла бьет —
Позором купленные стекла.
И кто-то в маске восстает
Над жизнью мертвенной и блеклой.

Смятенье, топоты и крик...
Огни погасли в кабинете; —
Оттуда выскочил старик
В полузастегнутом жилете, —

Трясясь беззубым ртом своим...
В крылатой, в яркокрасной тоге
Вдруг кто-то вырос перед ним:
Бежать бы, — неподвижны ноги.

И вот, раскинув ноги врозь,
Грозясь расплесканным бокалом,
Хрипит, проколотый насквозь
Стальным, сияющим кинжалом:

— «А! Домино? Возникло? Вновь?»
Но — убегает в странной пляске,
С кинжала отирая кровь,
Плеща крылом атласной маски.

1906

402. ПРАЗДНИК
(см. № 168)

403. НА ПЛОЩАДИ

Он — в черной маске, в легкой красной тоге —
Пришел, стоит: но площадь — опустела.
Кругом лежат поверженные боги;
Вот — тога шелком плещущим взлетела.

За ним следят две женщины в тревоге,
С перил чугунных, каменных балконов;
Шурша, упали крылья красной тоги
На гриву черных, мраморных драконов.

Открыл лицо. Горит в закатной ласке
Оно пятном мертвеющим и мрачным.
В точеных пальцах крылья полумаски
Под ветром плещут кружевом прозрачным.

Холодными, прощальными огнями
Растворены небес хрустальных склоны.
Из пастей золотыми хрусталями
В бассейн плюют застывшие драконы.

1906

404. О, ЗАЧЕМ?

Кровь чернела,
Как смоль,
Запекаясь на язве...

Но старинная
Боль
Забывается разве?

Чадный блеск
Смоляной
Пробежал по карнизам.

Вы идете
За мной,
Прикасаяся к ризам.

Край пустынен
И нем.
Нерассветная твердь.

О, —
Зачем, —
Не берет меня смерть?

1906

405. БЕЗУМЕЦ

1

Ушел я раннею весной.
В руке — протрепетали свечи.
Платок линючей пеленой
Обвил мне сгорбленные плечи, —

Оборванный, чужой платок...
В надорванной груди — ни вздоха;
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;

На ледянистое стекло
Ногою наступил; и — замер...
Там — время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.

Сложивши руки, без борьбы
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:

В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в мертвый прах,
Они рыдали на закатах.

Там вечером — и нем, и строг, —
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.

2

И, как повеяло весной, —
Я убежал из душных камер,
Упился юною весной;
И средь полей блаженно замер.

Мне проблистала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал;
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Склоняюсь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи —
Чертополох, чертополох:
Кусается — и гасит свечи.

3

Пришли и видят — я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу.
В очах нет слез; в груди — нет вздохов.

Мне жить в застенке суждено.
О, да — застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый!

Мне говорят, что я умру,
Что худ я и смертельно болен.
Внемлю — набату: серебру
Заклокотавших колоколен.

1904

406. ПОЛЕВОЕ БЕЗУМИЕ

Песчаные, песчаные
Бугры, —
Багряные
Бока крутого ската: —

Заката злато
И
Пиры
Миров;
Восторгов ревы,
Оргия просторов!

В веках веков
Пребуду я: аминь.
Мои сквозь воздух
С миром поцелуи: —

Моя,
Сквозь воздух,
Легких линий
Синь;

Мои,
Сквозь синий воздух,
Аллилуйи!

Эфиром
Взмытый, — ток
Моих псалмов

Над миром
Носится молитвою нехитрой: —

На голове сафиром
Васильков
Вся прозябающая митра.

Ты богомольца
Своего, о поле,
Упокой
В бездомной киновии!..

Вот — над золотой
Рекой
Свевают кольца
Облачные змии.

1908 (1928)

407. МОГИЛА

(см. № 182)

408. СУМАСШЕДШИЙ

Рой отблесков... Утро...
Опять я свободен и волен.
Открой занавески:
В алмазах, в огне, в янтаре —

Набат колоколен.
Я — болен. О, нет — я не болен!
Воздетые руки —
Горе, на одре, в серебре...

Там — в пурпуре зори...
Там — бури... И — в пурпуре бури.
Внемлите, ловите:
Воскрес я — глядите: воскрес!

Мой гроб уплывает
Туда — в золотые лазури...
Поймали, свалили:
На лоб наложили компресс.

1908

409. В ТЮРЬМЕ

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:
Улыбаюсь я, распятый,
Силой блещущего дня.

Простираю из могилы,
Руки кроткие — горе,
Чтоб мой лик нездешней силой
Жег и жег, и жег в заре.

Смерть распластывает руки
На полу моей тюрьмы, —
В годы судорожной муки —
В волны падающей тьмы.

1907

410. РАЗВАЛЫ

(см. № 308)

В ПОЛЯХ

411. АРЕСТАНТЫ

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь, в город нас свезли —

Под конвоем
Гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза.
И одежда перемокла.
Шел ты, вдаль вперив глаза, —

Неподвижные,
Как стекла.

Заковали ноги нам —
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой, в голубом,
Быстро ласточки скользили...
Коротал я время сном —

В желтых клубах
Душной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил—

Окон ржавые
Решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором,
Распевали вечерком
Хором.

Здесь, на воле, меж степей,
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей —

Наши серые
Халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем, отдохнем—

Здесь — в волнах
Седой ковыли.

1904

412. ВОЛНЫ ЗАРИ

В весенние волны зари
Прордели кресты колоколен.
Гори, мое сердце, гори:
Опять я свободен и волен.

Опять посылает мне даль
Вздыхающий, тающий отдых:
Свою голубую эмаль,
Свой кроткий, пурпуровый воздух.

И — первую, легкую тень,
И — ласточек легкие визги;
Опять отрясает сирень
Лучистые, чистые брызги.

И веет вздыхающий лес
Мне запахом пряного нарда...
У склона воздушных небес
Протянута шкура гепарда.

1902 (1918)

413. КОЛОС

Клонится колос родимый,
Ветер, — внемли и подъемли —
— с пажитей,
с пашни —

Клубы воздушного дыма
Дымные золота земли.

Юность моя, — залитáя!
Годы, разбитые втуне!... —
— к ниве,
к озимой —

Ласково льнут, пролетая
Легкие, легкие луни...

Буду я градом —
Исколот...
Желтая пыль —
Опостылит... —

В неба лазурного холод —
Город —
Из золота —
Вылит.

1906

414. ИЗГНАННИК

(см. № 215)

415. ДЕД

Еще прохладу струй студеных
Не иссушил жестокий круг...
Здесь, в переливах я зеленых,
Сырой, необозримый луг.

Ветров раскатистые гулы.
Всё где-то это видел взор.
Всё тот же топчет дед сутулый
Рассыпчатый цветов ковер.

Врезается спиною гнутой
В воздушный заревой огонь;
Идет: на плуг ложится круто
Его шершавая ладонь.

Косматые склонил седины
В рассветный, пестроцветный луг.
Взрезает мягко дерновины
Лениво лязгающий плуг.

Яви же, дед, — над росным дерном
Своим секущим лезвием
Для прозябанья мыслям-зернам
Глубокий, мрачный чернозем!

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

1907

416. ПОЛЯ

Там — ряд избенок гнется
В косматую синель.
Поскрипывая, гнется
Скрипучий журавель.

И там, где крест железный, —
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазуревые мчат.

И там — над косарями —
Огни зари дрожат;
Там косы лезвиями —
Горят, дрожат, визжат.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах,
Да меркнет серп умерший,
Висящий в облачках.

1908

417. БОЛОТО

Одевает яркий жар
В бледно-бронзовые лаки,
В медно-ржавый перегар —
Засыхающие злаки.

Из лазоревых верхов
Искрит молнийная спица;
Искрит живчиком из мхов
Живортутная водица.

Глины моклая липня;
Мошек плясовое пенье;
Диких уток гагатня;
Незабудок голубенье.

Ввечеру и поутру,
Точно нервная кликуша,
Восклицает в пустоту
Желтобрюхая квакуша.

1907 (1920)

418. ВЕЧЕР

Ряд соломой крытых хижин
Встал со всех сторон.
Под одною неподвижен,
Притаился он.

Над сквозным зеленым роем
Лепет льющих лоз —
Вьет и моет дымным зноем
Рой сквозных стрекоз.

Рдеет россыпь кос размытых,
Позументов блеск,
Бирюзовых глаз, несытых
Бирюзовый всплеск.

Груди матовым опалом
Дышут из монист...
Под плетнем — навесцем малым —
Молодецкий свист.

Под соломенный навесец
Листья льет лоза;
И подъемлет тонкий месяц
Неба бирюза.

1908

419. ПОПОВНА

Свежеет. Час условный.
С полей пришел народ.
Вся в розовом — поповна
Идет на огород.

Как пава, — величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет. За ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльною листвою —
Наряден, вымыт, чист —
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Прекрасная поповна,
Прекрасная, как сон, —
Молчит — зарделась, словно
Весенний цвет — пион.

Молчит... Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Не терпится — кокетке
(Семь бед — один ответ) —
Пришпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщевом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену:

— «Опять ушла от дела
Гулять родная дочь,
Опять не доглядела»...
И смотрит, смотрит в ночь.

И видит: сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо, да скворечник
На согнутом шесте.

1905

420. ЛЮБОВЬ

Задымят сырые росы
Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой.

Улыбнется, рассмеется...
Жаворонок — там —
Как взовьется — изольется
Песней к небесам.

И целует, и милует
Девку паренек.
На лужок летит и дует —
Дышит: ветерок.

Тает трепет слов медовых
В трепетных устах —
В бледнорозовых, в вишневых,
В сладких лепестках.

1908

421. ВСЕ ЗАБЫЛ

(см. № 206)

422. ЛЕТО

1

Над одуванным бережком
Жарой струит: переливает;
Пушинки легкие леткóм
В летенник белый улетают.

Вскипит зеленый лепетай,
Ветвистым лапником присвистнет;
Звененьем комариных стай
Густой, ознойный воздух виснет, —

Над пересушенным листом
И над муругим мухомором...
В полях пройдет пустым винтом;
Дохнет: полуденным измором.

2

Высокий вихорь пылевой,
Народ пугая, но... не очень, —
Густой, косматой головой
Взвивает чернохохлый клочень;

Затеяв дутый пустопляс,
Заколобродит по дорогам,
Задует мутью в рот и в глаз;
И — разрывается над логом.

3

Тропой обрывистой меня
Из дня уводит в прелый ти́нник —
Глухая, хрусткая лазня
Сквозь сухорукий хворостинник;

Журчит железистый ржавец;
И — моховатое болото,
Где из гнезда шипит птенец, —
Слепой, бесперый, желторотый;

И там, где травы-ползунки,
Где в жар пересыхают броды,
Там — сероперые чирки;
И — пестроперые удоды.

4

Уже слезливые кусты —
Алмазноглазы, сыры, сыты;
Уже с небесной высоты
Слезятся в вечер лазулиты.

И молний миглая игра
Очнется к ночи; месяц — льдинка...
И — ночи первая пора...
И — неба первая звездинка...

1904 (1920)

423. ТРОЙКА

(см. № 199)

424. ЗИМА

(см. № 229)

425. УСАДЬБА

Чугунные тумбы
Торчат под крыльцом;
Проросшие клумбы;
Заброшенный дом.

Дворянских фамилий
Облупленный герб;
И — заросли лилий;
И — заросли верб.

Там ставнею сорванной
Хлопнет окно;
Там жизни оборванной
Темное дно: —

Кушетки, козетки,
Куранты, чехлы
И мертвые предки —
Проблекли из тьмы.

Под сводами арок
Тенеет порой
Там плачущих парок
Бормочущий рой.

1903 (1925)

426. ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Одна сижу меж вешних верб;
Грустна, — одна: сижу в кручине.
Над головой снеговый серп
Повис в просвеченной пустыне.

А были дни: далекий друг,
В заросшем парке мы бродили.
И пальцы нежных, снежных рук,
Дрожа, сжимали стебли лилий.

На склоне дня — на склоне дня —
Рыдал рояль в старинном доме.
На склоне дня ты вел меня
В ласкательной, в немой истоме, —

В зеленоватый полусвет
Златисто зыблемых акаций,

Где на дорожке силуэт
Обозначался белых граций.

Теней неверная игра
Перепестряла цоколь твердый;
В бассейны ленты серебра
Бросали мраморные морды.

И вот меж тонких, тонких верб —
Одна, одна, одна: в кручине —
Одна гляжу, как вешний серп —
Блестит, блестит: в пустыне синей.

1905

427. ПЕПЕЛ

Тот облак,
Что над головой
Взлетающим зигзагом душит, —
Свой купол
Нежно снеговой
Хао́сом пепельным
Обрушит.

И пепелеют
Купола
В лучей вечеровые стрелы;
И пепелеет
Ночи мгла;
И розовеет
Обод белый.

И темно-тусклая
Эмаль
Суровым мороком окрепла.
Ночь водопадом
Топит даль
Беззвучно рушимого
Пепла.

И тяжкий
Месяца
Коралл
Зловещий вечер к долам клонит;
И в озера
Литой металл

Темноты тусклые
Уронит.

1908

428. ПАУК

1

Там мне кричат издалека,
Что нос мой длинный, взор — суровый,
Что я похож на паука,
И страшен мой костыль дубовый.

Что мне не избежать судьбы.
Что злость в моем потухшем взгляде,
Что безобразные горбы
Торчат и спереди, и сзади.

Так глухо надо мной в дупло
Постукивает дятел пестрый...
Глаза, как ночь; как воск, чело;
На сердце — яд отравы острой.

Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Сердито громыхая где-то.

2

Нет, буду жить — и буду пить
Весны благоуханный запах;
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.

Пусть на войне и стон, и крик,
И дым пороховой — пусть едок:
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.

Пусть веточка росой блеснет,
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужнорозовые пятна.

3

Ты — вот: застенчива, мила,
Склоняешься в мой лед и холод.

Ты не невестой мне цвела;
Жених твой — и красив, и молод.

Дитя, о улыбнись, — дитя!
Вот рук — благоуханных лилий
Браслеты бледные блестя,
Снопы лучей озолотили.

Но, урони, смеясь сквозь боль —
Туда, где облака — скитальцы —
Ну, урони, — желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы.

Ты, вздрагивая, шепчешь мне:
«Там, где ветвей скрестились дуги,
Паук-крестовик в вышине
Повис на серебристом круге».

И — убегаешь... Спит река...
В туманах берегов излучья:
Туда грозит моя рука —
Сухая, мертвая... паучья...

1905—1908

ЗЛАЯ ДЕРЕВНЯ

429. ДЕРЕВНЯ

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком...
Поле вспыхивает лаем
За глухим селом.

Журавель кривой подъемлет,
Словно палец, шест.
Сердце — оторопь объемлет
Очи — темень ест.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть. —

Из-за пепельных волокон,
Пав на лыс-бугор,
Смотрят отблесками окон
В голубой простор.

Придавила их неволя,
Вы — глухие дни...
За бугром с пустого поля
Мечут головни.

С огородов над полями
Взмоется лоскут...
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни — за днями... Год — за годом...
Вновь за годом — год...

Недород за недородом...
Здесь — глухой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцает в синей бездне,
Продрожит алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле дальним лаем
Всхлипывает: спит.

1908

430. КУЛАК

(см. № 145)

431. РЕВНОСТЬ

Парень девичий, упругий,
Обнимает стан:
Перешукнется в испуге
С лебедой бурьян.

Отуманен, в сердце ранен,
Стар отходит прочь;
Пал на камень, — бездыханен:
— «Ты пролейся, ночь».

— «Борода моя — лопата;
Волосата грудь.
Все мое: сребро и злато...
Ты моею — будь».

Знойный ток и жжет, и жарит.
Парит: быть грозе!
Тучей встав, она ударит
Молньей в бирюзе.

Светоч бешено багровый
Грохнет, тучи взрыв:
С кручи куст многовенцовый
Хряснет под обрыв.

Тяжело дыша от зноя,
Сел в густую рожь: —

— «Отточу-точу ужо я —
Отточу я нож».

1908

432. УГРОЗА

(см. № 148)

433. УБИЙСТВО

1

Паренек плетется в волость
На исходе дня.
На лице его веселость.
Перед ним — поля.

Он надвинул разудало
Шапку набекрень.
На дорогу тень упала:
Встал корявый пень.

Паренек, сверни с дороги, —
Паренек, сверни.
Ближе черные отроги,
Буераки, пни.

Где-то там тоскливый чибис
Пролетает в высь.
Миловались вы, любились,
С девкою надысь. —

В колокольчиках лиловых,
Грудь к груди прижав,
Средь медвяных, средь медовых,
Средь шелковых трав.

Что ж ты вдруг поник лениво,
Будто чуя смерть?
Одиноко плещет ива
В голубую твердь.

Вечер ближе. Солнце ниже.
В облаках — огни.
Паренек, сверни — сверни же,
Паренек, сверни.

2

Здравствуй, брат. За око — око!
Вспомни: кровь за кровь.
Мы — одни. Жилье далеко...
Эй, не прекословь!

Как над этой над лужайкой
Кровь пролью твою...
Забавляюсь балалайкой,
Песенки пою.

Веселей ходите ноги,
Лейся говор струн.
Где-то там — в пологом логе —
Фыркает табун.

Где-то там — на скате — тройка
В отходящий день —
Слышишь? — всхлипывает бойко:
Тень — терень — терень!

Протеренькай, протеренькай —
Прямо на закат!..
Покалякаем маленько
Мы с тобою, брат.

Отстегни-ка ворот пестрый:
К делу — что там ждать!
И всадил я ножик вострый
В грудь по рукоять.

Покрывая хрип проклятий,
В бархатную новь
Из-под красной рукояти
Пеной свищет кровь.

Здесь — лежи... Прости — навеки.
Ну, не обессудь!..
Я бегу, смеживши веки.
Ветер свищет в грудь.

3

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь — далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.

Девкам в платьицах узорных
Песнь сыграю я.
Вот на соснах — соснах черных —
Пляшет тень моя.

Воют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки —
Прямо на закат.

Эй, быстрей. И в душном дыме
Вижу — городок:
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

4

Руки в боки: эй, лебедки, —
Вам плясать пора!
Наливай в стакан мне водки —
Приголубь, сестра...

Где-то там рыдает звуком, —
Где-то там — орган...
Подавай селедку с луком...
Расшнуруй свой стан...

Ты не бойся — не израню:
Дай себя обнять.
Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.

За мое сребро и злато
Мне не прекословь:
На груди моей косматой
Смой мочалом кровь.

1908

434. ПЬЯНСТВО

Как несли за флягой флягу
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок —
Повалили на лужок.

Эх!
Людям —
Грех.
Эх!
Курам
Смех.

По дороге ноги-ноженьки —
Туды,
Сюды
Пошли.
По дороженьке —
Вали — вали — вали —
Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать!
Дунуть,
Плюнуть: —
Наплевать!

Гомилетика!
Каноника!
Раздувай-дувай,
Дувай,
Моя гармоника!

Дьякон пляшет —
— дьякон, дьякон —
Рясой машет —
— дьякон, дьякон...
Что такое —
— дьякон —
Смерть?

— «Что такое?
То и это:
Носом — в лужу;
Пяткой — в твердь...»

Раскидалась в ветре — пляшет —
Полевая жердь.

Веткой хлюпающей машет:
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала — смерть!

1906

435. ВИСЕЛИЦА

1

Под железной, под решеткой
Нет уж, — не уснуть...
Как придут они ужотко
Узел затянуть.

Как там столб дубовый ноньче
Врыли в лыс бугор.
Заливайся песня звонче.
Улетай, мой взор.

Всё не верю — не поверю...
Поздно: срок истек;
И шаги — шаги у двери;
Заскрипел замок.

Офицер кричит конвойным:
«Сабли наголо!»
И — полдневным солнцем, знойным,
Темя обожгло.

2

Привели. Сухою пылью
Ветер в выси взвил.
Золотой епитрахилью
Поп меня накрыл.

Вот сурово мне холодный
Под нос тычут крест...
Сколько раз я шел, свободный, —
Ширью этих мест.

Закрутили петлю ловко.
Леденеет кровь.
Перекинулась веревка.
— «Эй, — не прекословь».

Под ногой — сухие корни,
А под носом — смерть.
Выше, виселица, вздерни
В голубую твердь!

3

Руки рвут раскрытый ворот...
Через строй солдат, —
Что глядишь в полдневный город,
Уходящий брат.

В высь стреляют бриллиантом
Там церквей кресты,
Там кутил когда-то франтом
С ней в трахтире ты.

Черные, густые клубы
К вольным небесам
Фабрик каменные трубы
Изрыгают там.

И несется издалёка,
Как в былые дни —
«Распрямись ты, рожь высока,
Тайну сохрани».

1908

436. БУРЬЯН

1

Кляну я, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена — далеки;
И вижу, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

И кто-то в глухую деревню
Пространствами стертый, — бредет:
Вчера завернул он в харчевню:
Свой месячный пропил расчет.

Туманится, в сырости тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит. —

Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там — из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

2

Вон там моим возгласам внемлет
Жилец просыревших полян —
Вон — колкие руки подъемлет —
Обсвистанный ветром бурьян.

Ликует, танцует: «Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я...
На мертвых верхах искони —
Целю я, — целуя, милуя —
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы лихие
На рыхлый, рассыпчатый лёсс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь, в откос.

Здесь буду тебя я царапать,
Томить, поцелуем клонясь...»
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

3

Глухую, лихую сторонку
Кляня, убираюсь я прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

За мною шуршит до деревни —
Ликует, танцует — репье:
Пропью, прогуляю в харчевне
Растертое грязью тряпье.

Ждут холод да голод— ужотко;
Тюрьма да сума — впереди.
Свирепая крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

1906

437. МАРЕВО

(см. № 314)

438. ОСИНКА

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам —

Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.

Присел под осинкой
10 Бобыль-сиротинка.

2

— «Сломи меня в корне» —
— Осинка лепечет
Румяная
Ветром
Лепечет:
Пьяная...

Над откосами
В ветре виснет:
Росами, росами
10 Ясно брызнет...

— «Сломи меня в корне» —
— Трескочет,
Кружев узорней —
Бормочет —
В лес,
В холод небес —
Хохочет
В сырости —

— «Мне не вырасти...»
20 Листиками лепечет
Пламенными —
Листики мечет...
Твердь —
Каменная.

Сиротинка
Молчит:
Чинит
Свой лапоть.

Хочет
30 Его осинка —
Окапать.

3

Посох
Листом перевитый
Сломи ты.

Посох твой —
В серебре:
Да в росах...
Посох —
Врагов подорожных в пространство
Размечет.

10 От пьянства
Излечит.

4

Он срезал осинку
Да с ней и пошел
В путь-дороженьку —
— По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам —
Ко святым местам: —
Славить —
10 Оспода-боженьку.

— «Осподи-боженька.

— Мой посох
Во слезах,
Во серебряных росах...
Убоженький,
Воздвигаю посох.

— Посохом
Окропляю пространства.

20 — «Осподи,
Боженька,
Излечи меня —
От пьянства.
«В путь дороженьку —
Уносите меня ноженьки. —
— По полям, по кустам
Ко святым местам».

5

Привели сиротинку
Кривые ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку
Сухие ветви
В места лихие:
«Замолю здесь грехи я».

Зашел в кабачишко
За табачишком:
10 — «Мне бы, братцы, бутыль
С огневицею —
Милой сестрицею»...

Рыжий картуз на затылок
Надвинул:
Сидел у бутылок:

— «Бутылочки —
Милочки!»

На все начхал!

Вышел —
20 — Что-то...
— Где,
Что —
Не узнал!

— «Расскажи мне, былиночка,
Как величают места сии».

Отвечала былиночка:
— «Места сии —
Лихие
Песчаные:
30 Здесь шатаются пьяные —

Места лихие —
Зеленого змия»...

— «Замолю здесь грехи я»...

6

Над вышкой песчаной
Клонил нос багряный...

Глядь —
— Тать —
— Пляшет:
Руками своими
Колючими машет —
— За мглою —
Злой!

10 — «Мой, сиротина, —
Мой!»

Рыки, скоки;
Борода — метлой;
Руки — в боки —
В пыль полей... —
— «Бобыль —
Пьяница:
У бобыля —
Бутыль:
20 Нос румянится».

Жили-были!
Быль бобылей!..

Гой еси, широкие поля,
Гой еси, всея Руси земля —

Не поминайте лихом,
Бобыля!

1906 (1920)

439. ЖИЛИ-БЫЛИ

Жили-были —
Я да он:
Подружили
С похорон.

Приходил
Ко мне скелет
Много зим
И много лет.

Костью крепок,
Сердцем прост —
Обходили
Мы погост.

Поминал
Со смехом он
День веселых
Похорон, —

Как несли
За гробом гроб,
Как ходил
За гробом поп: —

Службу правил
Дымом — в нос:
Толстый Павел
Гроб повез.

«Со святыми
Упокой».
Придавили
Нас доской.

Жили-были
Я да он...
Тили-тили
Тили-дон!

1906

440. ГОРЕ

Солнце — тонет.
Ветер — стонет,
Воет, гонит
Мглу.

У околицы,
Пробираясь к селу,
Паренек вздыхает, молится —
На мглу...

Паренек уходит во скитаньице:
10 Белы руки сложит на груди.

— «Мое горе, —
Горе-гореваньице:
Ты за мною,
Горе, —
Не ходи»...

Красное садится, злое око.
Горе гложет
Грудь;
И путь —
20 Далекий.

Белы руки сложит
На груди.
И не может
Никуда идти.

— «Ты за мною,
Горе —
Не ходи»...

Солнце — тонет;
Ветер — стонет:
30 Ветер — мглу —
гонит...

2

Из бурьяна,
Из болота —
За избеночкой
Избенка —
— вот —
— встает.

Парень — по селу
Бредет,
Свой рот
10 Разинув: —
— где-то,
кто-то, —
— в толк нейдет!

Криворотый
Мужичонка, —

Флягу вынув —
— ждет:
«К нам —
В хаты наши,
Дам —
20 Щей да каши».

— «Нет — оставь!»
— «Что так? Куда?»
— «В Воронеж...»
— «Не ходи —
В реке утонешь».

— «Нет — оставь!»
— «Что так?»
— «Я — в Киев».

30 — «Заходи же —
В горенку мою:
До зеленых змиев —
Напою».

— «Нет — оставь —
В столицу
Я...»

— «Придешь
В столицу —
Попадешь —
40 На виселицу...»

3

Цифрами оскалились
Версты полосатые.

Жалят ноги путника
Камни гребенча́тые.

Ходят тучи по́ небу —
Старые-косматые.

Порют тело белое —
Палки суковатые.

Дорога далека:
10 Бежит века.

4

За ним горе
Гонится топотом.

«Пропади ты, горе,
Пропадом!»

Пустая доля;
Холмы, избенки;
Кустарник — тонкий;
Поле...
В небе — зарево.

10 Как из сырости
Да из марева
Горю-горькому не вырасти!

1906

441. ПЕСЕНКА КАМАРИНСКАЯ
(см. № 139)

ЗОВЫ ВРЕМЕН

С любовью и с благодарностью
Посвящаю этот том стихов —
— жене моей Клавдии Николаевне
Бугаевой, —
— без которой
не осуществилась бы никогда эта редакция текстов.

Андрей Белый

Настоящий сборник «*Зовы времен*» мною приготовлен в качестве 1-го тома посмертного издания заново переработанных стихов, а также и таких, которые появляются впервые.

Ядром материала является юношеская книга стихов «*Золото в лазури*» (год издания 1904), беспомощная по технике; этой редакцией стихов, взятых из «Золота в лазури», я считаю свою юношескую книгу уничтоженной автором. Автором задуманы 3 тома стихов, как посмертное собрание стихотворений; всё, что останется вне этого трехтомия, автор считает уничтоженным.

В издании перераспределены материалы; каждый том задуман цельно; в первом томе основной тон — по сюжетам, романтике, темам — юношеская лирика, но как бы оркестрованная зрелым техником; будучи весьма далек от настроений «Золота в лазури», я стараюсь, однако, в воспоминании их пропустить сквозь себя; и даже для цельности циклов написан ряд стихов в юношеских тонах.

Композиция циклов, имея ядром «Золото в лазури», однако, берет ряд стихов из «Пепла» (1908 г.), «Урны», (1909), «Рыцари и королевна», «Звезды», «После разлуки» (издана в Берлине в 1922 году).

Из 193-х стихотворений, включенных в «Зовы времен», 48 номеров (в том числе и поэма «Христос воскресе») остались в нетронутом виде или попали в сборник с минимальной правкой; 30 номеров исправлены, но так, что возможно их сличить с первоначальным текстом; 61 номер являют стихотворения, настолько переработанные, что они являют собой как бы новые стихотворения (часто изменены и заглавия); сличить их с их юношескими прототипами нельзя; они скорее — импровизация на тему: «*воспоминания о юношеской лирике*»; наконец, 54 стихотворения появляются впервые; они написаны или для архитектоники целого первого тома, или еще не появлялись в печати и лежали в юношеских набросках, *впервые написанных* в 1921—1931 годах, или написаны недавно; и включены в первый том.

Некоторые «стихотворения в прозе» из «Золота в лазури» переделаны и поданы в «Зовах времен» в белом стихе.

Стихотворения, впервые появляющиеся в печати, отмечены в оглавлении тремя звездочками; стихотворения, радикально исправленные (до неузнаваемости) — двумя; стихотворения с умеренной правкой — одной.

Андрей Белый.
1932 года. 24 мая.

Вероятней всего, что при жизни моей этот том не появится в печати.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мысль о двухтомном переиздании своих стихов преследует меня в ряде лет; под переизданием не разумею я выхода в свет; не мне судить, достойны ли мои стихи такого выхода. Под переизданием разумел я критический пересмотр инвентаря мной написанного и переработку тех из стихотворений, которые казались поправимыми. Особенность моих стихов — их рыхлость; всё, мной написанное в стихах, в разгляде лет стоит как черновики, с опубликованием которых я поторопился; стихи писались залпами; «*Золото в Лазури*» я в общем написал в два месяца, «*Пепел*» явился на свет в итоге усиленного писания стихов летом 1907 года. «*После разлуки*» написана в две недели. Между «запоями» стихами годами я не писал ни одной строчки.

«Запой» отразился рыхлой, подчас ужасной формой; вставала мысль об отказе от себя, как «поэта»; если бы я мог собрать иные из моих книг стихов, я бы их сжег; этого я не мог технически выполнить. Книги мои, находящиеся в чьих-то руках, уличили б меня.

Отсюда и мысль о переиздании, т. е. о редактировании, правке, переложении, переделке.

Особенно беспокоило меня «*Золото в Лазури*» нищенскою формой стихов; но нашлись любители поэтического дневника юноши, выброшенного в свет за несколько лет до срока. Отсюда: нечеткость ритмов, безвкусие образов; натянутость рифм. Между тем: задание было оригинально; любители моих стихов этого периода поверили мне «в кредит», расслышав намерение сквозь тяжелые кляксы пера, его заляпавшие; раздвой между ритмами в становлении и ставшими строками был мне мучителен.

Брюсов безмерно пощадил меня, назвав «*Золото в Лазури*» рубищем с вкрапленными в него драгоценностями; рубище осталось рубищем; драгоценности увиделись стекляшками. Вернее определил «*Золото в лазури*» мой в свое время гонитель, Анатолий Бурнакин, назвав книгу «*Сусалом в синьке*».

Уже в 1909 году сознание неудачи с первою книгой стихов вызвало признание: «Еще "*Золото в Лазури*" далеко от меня» (см. Предисловие к «*Урне*»). Далеко — значит: в будущем; была надежда: когда-нибудь да сумею я одушевить тяжелую «*глазурь*» книги в воздушную ритмами лазурь; ужасы рифм вроде «Валькирия» и «бросаю гири я» приводили меня в бешенство; меня раздражало чахоточное хныканье сутулого интеллигента, разлитое в книге; «надсоновщина», подновленная стилем нуво, часто сбивающимся на тяжелое безвкусие полотен Штука и Беклина, — вот чем оказалась книга.

В 1914-м я наспех ретушировал текст; в связи с ретушью из

ритмов 903 года выветвилось несколько новых стихотворений, как-то: «*Архангел*», «*Чаша*»; в 1916-м я переработал текст книги, рукопись — пропала. В 1921 году в Ленинграде я сызнова принимаюсь за правку; и вместе с правкой прикосновение к образам и ритмам прошлого извлекает из него «новые» почти стихи; и поэму «*Первое свидание*»; в 1922 году в Цоссене я пытаюсь продолжить правку, но вместо нее из передвижения строк и слов вырастает часть стихов, напечатанных в «*После разлуки*» («*Любовь*», «*А мне другая*», «*Полярное море*» и т. д.). Только в 1929 году я сериозно взялся за искоренение «ужасов» первого издания «*Золота в Лазури*»; и вместе с тем: возникла мысль сделать новое «*Золото в Лазури*» первым томом стихов, присоединив к нему стихи, написанные позднее в «золотолазурном» стиле (из «*Пепла*», «*Звезды*», «*После разлуки*», «*Рыцари и Королевна*»), и вынеся стихи, по стилю более близкие к другим книгам; как-то: весь отдел «*Прежде и теперь*» в заново отработанном виде (пока он не отработан) отнести к отделу «*Урна*», в котором стилизация более уместна, ибо ряд стихов «*Урны*» возник из увлечения и изучения Батюшкова, Баратынского, Тютчева, как воспроизведение стиля классиков. В 1931 году я мог окончить редактирование первого тома своих стихов.

Разумеется, я не вполне доволен предлагаемой редакцией; и все же: она удовлетворительнее редакции «*Золота в Лазури*» 1903 года, тексты которого я использовал как утиль-сырье; ряд стихотворений оказался неиспользоваемым или по ничтожности, или потому, что они ненужный повтор более удачно выраженных тем; теперь, предлагая взамен «*Золота в Лазури*», первого сборника стихов, «*Золото в Лазури*» как первый том, в который влилась переработка текстов 1900—1903 годов, я могу сказать со спокойной совестью, что я отказываюсь от «*Золота в Лазури*» 1903 года, вычеркивая его из списка живых моих книг.

Любители сверять тексты воскликнут: «Разве это — переработка? Это — новая книга». На что я отвечу: предлагаемая книга, отступая от текста «*Золота*», тем не менее верней отражает ритмы и образы 1903 года, заляпанные, точно глиной, технической беспомощностью юноши; пятидесятилетний автор, расплавив материю книги, внырнув, так сказать, в кипящие первообразы и ритмы, которые смутно когда-то услышал юноша «*Белый*», более опытной рукой их вернул форме.

Автор 1929—1931 годов — имеющий голос интерпретатор еще безголосого юноши, а не себя; если бы он писал, исходя из современности, он не вписал бы ни одной строчки, подобной вписанным в новой редакции.

Редко ограничивался я легким ретушем (хотя есть несколько нетронутых стихотворений); дело происходило так: тронешь два беспомощных слова, — не увязываются четыре, их обстающие; меняешь четыре — передвигаются 16 слов; в каждой строфе старого текста есть такая пара никчемных слов; и стало быть: строфа за строфой, пропущенные сквозь строй, менялись; стихотворение начинало выглядеть переложением; но это — не так: имело место высвобождение потенции, жившей в юноше; иные краски,

иные слова, иные модуляции, но смысл, сюжет, свет красок, звук темы те же.

С лирическим волнением, диктовавшим в 1903 году стихи, произошло то же, что с воспоминаниями детства, осознанными 35-летним мужем; итог этого осознания — «*Котик Летаев*»; муж омолодился воспоминанием; в переживаниях детства, ярких, но слепых, открылись глаза. Особый род работы над памятью, связанный с изменением объектов памяти, присущ мне (и прозаику, и лирику); допускаю: не всякому присуща способность живо нырять в прошлое с тем, чтобы приобщать его к настоящему; мне — присуща; отсюда же закономерно мне считать, что влитое в первый том «*Золото в Лазури*» — более «*Золото в Лазури*», чем забракованное; то — неживой труп, это — действует в первом томе.

И автор ценит потенции «*Золота в Лазури*», что он и доказал, тщательно редактируя текст; он отвертывается лишь от «кокона», из которого вылетела бабочка; бабочка — не самый текст переработки, а — протянутость к будущему; и в этой редакции он — Тредьяковский будущего Пушкина; но и Тредьяковский — шаг вперед: от Кантемира.

В чем моя цель?

Я силюсь разбить канон такой-то строки, такой-то строфы, заменяя его каноном живого, звучного слова в сплетении его с целым. Звуковое целое (инструментовка, обилие внутренних рифм) аннулирует конечную рифму, заменяя ее рифмической тканью целого; рифма, отбивающая ударом конец строки перед междустрочной паузой, — суррогат эврифмичности всей ткани; эта последняя — качественное выражение высвобождаемого ритма; качество звука в звуковом толчке — такая же особенность ритма, как и количественность звукового удара.

Понятие строка, строфа в будущем сменится понятием интонационного целого качественно звучащих слов; строка, строфа, — подобна арии (в итальянском смысле); эвфоническое целое — непрерывная мелодия, подобная вагнеровской, где роль замкнутой отдельности (мелодии) заменена вязью лейтмотивов.

В первом отделе я контрастирую стихи, написанные принципом итальянской песни, стихами, написанными, собственно говоря, внестрочно, внестрофно, в принципе вагнеровской непрерывной мелодии (рунически, а не метрически); первое стихотворение первого отдела, «*Сердце»,* — показ, от чего я отправляюсь; это мелодичное «лала-лалала́»; второе, «*Ветерок*», — интонационный речитатив, собственно не имеющий строф и строк в каноническом смысле; канонический смысл — горизонтальное положение строки, — я пытаюсь порой заменить перпендикулярной цепочкой слов, расположенных интонационными изломами, соответствующими мной слышимым акцентам и паузам.

То же проделываю я с прозой романа «*Маски*», ибо проза и метр, два позднейших расщепа некоторой давней речитативной напевности (периода тезы), которые в третьем периоде (в синтезе) должны по-новому сочетаться, чтобы явить новую форму, в отношении к которой мы, современники, бьющиеся в расщепе

между поэзией и художественной прозой (периода антитезы), еще жалкие предтечи; отсюда: кажущийся разлом «*прозы*» в сторону напева; и кажущийся разлом узаконенного напева, ставшего метром, к кажущейся прозаической речитативности.

В связи с вышесказанным проблема расположения слов становится впервые «проблемой». Строка есть ритмическое целое: она, так сказать, вырезана двумя интонационными паузами; кроме того: в рифмованных стихах она вырезана двумя голосовыми ударами, падающими на рифмы; рифма подчеркивает аксентуацию; проведите в пятистопном ямбе правильную рифмовку вторых стоп (перед цезурою), и строчка пятистопного ямба превратится в двухстрочие (комбинация двухстопной с трехстопной строками); внутренняя рифма подчеркнет цесуру до значимости междустрочной паузы.

Один и тот же комплекс слов, расставленный по-разному, выявит разные строки, разное дыхание; в каждом расставе — своя интонация; интонация в лирике — всё; она подобна выражению лица, жестикуляции; интонация, жестикуляция — меняют смысл слова; союз «и» может растянуться до «иии», может слизнуться до проклитики: «и я», может прозвучать и как «ия́», и как «и́ии — я». «И» может подчеркнуться до строки; метрика не знает интонационно-ударного «и»; в ней «и» — всегда неударно; метрический канон зачастую стягивает лирическую выразительность в корсет условностей, подобных жестам и позам оперных певцов, породивших «*Вампуку*».

Расстановка слов, творчество строк в пределах метрономической «*стопорубки*» (раз, два, три, четыре — рифма, пауза; раз, два, три, четыре — рифма, пауза и т. д.) есть подлинно творчество, ибо от него зависит рельеф ритма (в одной расстановке — один, в другой — другой).

Повышая звуковую выразительность орнаментом внутренних рифм, аллитераций и т. д., мы, во-первых, аннулируем значимость конечной рифмы; если каждое слово рифмично с другим, то и сама рифма, как таковая, падает; можно прорифмовать «вихрь» и «стих», если сочетание «*ихр*» связано (например, *вихр*астый *вихрь*), а сочетание «стих» («их») имеет точку опоры и в «л-*их*-о», и в «*их*»; я рифмую «*северный*» и «*серны*» не потому, что не умею рифмовать, а потому что ассонанс «*-ерн*» в переплете слов, снимающих смысл рифмического удара, звучит правильной рифмой. Вместо измерения масштабом (четыре стопы, три стопы), вместо забот о правильности рифм («су*ров* — вет-*ров*», а не «вет-*ров* — светля-*ков*»), вместо усилий к нахождению изысканных рифм («ветер —сетер»), выдвигается забота о расставе звучащего целого; если каждое слово со-звучит с другим, не важно, рифмуем ли мы «ветер — сетер» или «твердит — стучит»; и «*бедные*» рифмы могут оказаться богатыми, если они вращены звуком в обстание слов.

Вопрос о строке, что она есть, выдвигаем по-новому в напевно-речитативном строе в отличие от «итальянщины» зализанных, друг другу равных, друг от друга отделенных пятистопий или четырехстопий. Строка, так взятая, напоминает мне одинаково у всех

сформированный мускул конечности, например бицепс; у силача он развит; у ребенка рудиментарен; но форма его одинакова. Не то — лицевые мускулы: их обилие, рудиментарность при рождении превращается в течение всей жизни в метаморфозу; у каждого человека *свои* лицевые мускулы, над которыми работает всю жизнь лицо; это — факт анатомии; выразительность лица, ее характер зависит от проработки тех или иных мускулов; проработка длится всю жизнь; никогда целое лицевых мускулов *не готово*, как бицепс, ибо оно — текучее и вечно развивающееся многообразие.

Строка, взятая в метрическом корсете, напоминает мне односторонне развивающийся бицепс; в ней интонация предопределена. Строка в том строе, который я называю непрерывной мелодией, подчинена лишь интонационному целому ритма, а не, скажем, четырехстопному отмеру; целое ритма — ухо лирика, от которого зависит распределение слов в строку: в четырехстопном каноне ухо может услышать и семистопные и одностопные строки; ритм, голова здесь берет в руки свои руки (бицепсы): хорошо выжимать 10 пудов; но еще лучше движениями рук отражать лицо; о выжимающей 10 пудов строке мы скажем: «*Она — скульптурна*»; про строку, ставшую строкой велением выражения целого, мы скажем: «Она пленяет своим невыразимым в правиле выражением».

От поэта зависит найти *должное* выражение среди многих возможных; и его отразить в словесной расстановке, не стесняясь метрической формой.

В предлагаемой редакции я ищу особенности выражения для иных из стихов в расстановке, отражающей мной осознанную интонацию; я не говорю, что — нашел способы выразить особенности интонации; *я их ищу*, в каждом стихотворении надо увидеть после его метрического оформления его ритмический акцент; и — отразить его расставом.

Приведу пример: стихотворение «*Мотылек*» — *танка* (говоря метрически), т. е.: оно — пятистрочие, в котором первая половина дает образ, а последние две строки раскрывают мысль, влагаемую в образ. Расстановка таночная такова:

1. Над травой мотылек —
2. Самолетный цветок...
3. Так и я: в ветер — смерть —
4. Над собой, стебельком,
5. Пролечу мотыльком.

Строки 1, 2 дают образ, а 4, 5 его раскрывают.

Но то же стихотворение может иметь иную интонацию, подаваемую мной нижеследующим расставом:

Над травой
Мотылек —

Самолетный

Цветок... —

— Так
И я: —

В ветер —
Смерть —

Над собой
Стебельком, —

Пролечу
Мотыльком.

Чем отлична интонация второго расстава от первой? Вынесение 3-й строки таночного расстава в иной перпендикулярный ряд, и разбиение ее на два двухстрочия, не только удвояет, учетверяет акцент третьей строки, то есть «Так и я»; этим акцент *танки* переносится с конца в средину: *танка* перестает быть *танкой;* распад двух первых строк на два двустишия 1) подчеркивает антиномию «мотылек — цветок», 2) подчеркивает парадоксальность цветка: «*летающий цветок*»; а распад двух последних строк подчеркивает антиномию между «стеблем» — телом и «венчиком» — мотыльком — духом. Но две антиномии «*мотылек — цветок*» и «*стебелек — венчик»* соответствуют друг другу, что выражено тем, что обе антиномии попали в ту же линию перпендикуляра. Обоим противопоставлено: «*Так и я*». Расстав образует интонационный угол.

В таночном расставе смысловая интонация смазана; в ней подчеркнута порхающая легкость; во втором расставе сорван покров с этой легкости; в первом расставе зрю быстрый порх мотылька; во втором зрю философическую углубленность порха; первый расстав — «*allegretto*», второй — «*andante*». Перед расставом я задумался над тем, что мне важнее подчеркнуть; и увидел: важнее подчеркнуть мысль, а не образ (иногда — обратно: важнее мысль утопить в образе); в расстановке слов поэт — композитор ритма; он сочиняет мелодию; вернее, ищет внешним ухом отразить свой внутренний слух.

Уже в первой редакции «*Золота в Лазури*» я инстинктивно искал интонации в разбиении равностопных строк на короткие, неравностопные; но смысл проблемы расстава не был осознан. Во второй редакции эта проблема встала для ряда стихотворений, неделимых в обычно понимаемых единицах (как ни дели, — непрерывная дробь). Для таких стихотворений я искал начертания; так: стихотворение «*Летний лепет*» (1-й отдел) — единая, неделимая речитативная фраза; если ее прочесть «*строчно*», — стихотворение — чепуха; фразу берет единое дыхание речитатива, в котором подымается интонация, как зыбь перебивающих друг друга волн; два удара «*как*», «*так*» подымают, каждый, свою волну, внутри которой слышу поднятие и расплеск удара падения (на

словах «*небо*» и «*от света слов*»); во второй волне, как завиток пены, подобное трели сочетание-ассонанс «*розовую розу — росами*», слышимый как скороговорка.

Сказанным объясняются особенности расстава в иных стихотворениях.

В этом издании я особенно продумал отделы, понятые как единый цикл; стихотворение вытекает из стихотворения; выхваченное из цикла, оно теряет; отдел — этап настроения в целом книги; это целое — лирически переживаемый некий строй отношения к жизни юного лирика 1903 года; более поздние стихи лишь дописывают то, что было вписано некогда в лирика; «*Христос воскресе*» коренилось в Белом еще в 1903 году; оно лишь подчеркивает отдел «*Молнии лет*» (из 1918 года).

«*Летние блески*» — еще не омраченная ничем легкость, юность в восприятии природы и жизни; «*Трепетень*» вносит первые тени разъеда, разочарования и бегства к иллюзиям вымысла; «*Возврат*» — вымысел, которым, как плащом, закрывается уязвленный жизнью; «*Белые стихи*» — разъед самого вымысла; жизнь — носорог, втыкающий рог в мудреца; «*Черч теней*» — страх, упадок, разочарование, тема смерти; «*Исход*» — исход из смертного к природе, как зову духа; «*Молнии лет*» — осознание зова, ведущее к теме «*Христос воскресе*».

Это — лейтмотив, звучавший и в «*Золоте в Лазури*»; но там он заляпан кляксами технической беспомощности, задымлен туманом неосознанности; в 1931 году старик интерпретирует юношу, как бы говоря: «Вот в чем было дело в 1903 году».

«Андрей Белый» 1903 года жалко уронил свои лирические задания; «старик» пытается новой редакцией хоть отчасти исправить «*грехи молодости*» простым повышением качества продукции (недостатки ее все равно не сотрешь); повышение качества продукции, конечно, компромисс; может быть, лучше было бы уничтожить вовсе юношеские тексты; повторяю: они не уничтожаемы ввиду любителей копаться и щупать дефекты молодых авторов. Дав «*Золото в Лазури*» вторично и зная, что при моей жизни вряд ли оно будет напечатано, я взываю, так сказать, из гроба: «*Со всею силой убеждения прошу не перепечатывать дрянь первой редакции; это — посмертная воля автора; он ее подкрепляет тем, что дает собственную редакцию; отбросам из утильсырья место — помойка, а не печатный лист*».

Андрей Белый
Кучино. 27 февраля 1931 года.

ЛЕТНИЕ БЛЕСКИ

442. СЕРДЦЕ

Сердце, ты — птенчик:
Свой щебет уйми!
Розовый венчик
Зари — подними!

Росы белясые,
Ясни и гам...
Солнечны вязы
И ясени там.

Детское сердце, —
Раскрылись цветы:
Легкие лепеты
Листиков — ты!

Москва
1901—1921

443. ВЕТЕРОК

Равновесие
Зреет —
— Вечными
Трепетами
Духа —
— Так,
Как —
—
Безвесие
Пуха
Из бледного поднебесия
Летами —
— Над встречными
Лепетами
— Листиков —
— Веет
Светами!

Цоссен
1922

444. МОЯ КОРОЛЕВНА

Опять — золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять — уплывающий голос;
Опять я: и — твой, и — с тобой.

Опять бирюзеешь напевно
В безгневно зареющем сне;
Приди же, моя королевна, —
Моя королевна: ко мне.

Плывут бирюзовые волны
На веющем ветре весны:
Я — этими волнами полный.
Одетая светами — Ты.

Москва
1916

445. СТРЕКОЗА

Исполнен
Зова —
        — Я...

Листами
Вырезными —
                — Свесится —

                                — Березовая
                                   Тень...

Перловый
Пень —
Лозы —
        — Омолненный
           В пересиявший —
                                — День...

Переливными
Хрусталями —

                — Бесится —

— То —
Синее,
То
Розовое, —
— Тонкое
Крыло —

Затрескотавшей
В поле —
— Стрекозы...

И — небо над полями,
Как стекло, —

— До боли —

— Бирюзовое
И звонкое;

И —
— Линия —
— Сквозного
Месяца.

Цоссен
1922—1931

446

Мигнет медовой желтизною скатов;
Пахнет в окно сосною смоляной;
Лимонна — бабочка... И томно матов
Над голубем голубизною зной.

Из-за чехла — мельканье мелкой моли;
Из сердца — слов веселый перещелк.
Мне не к лицу лирические роли:
Не подберешь безу́голочи толк.

Я над собой, — песчанистою дюной —
В который раз пророс живой травой!
Вспорхнув, веду, — нелепо, глупо, юно, —
В который раз — напев щеглячий свой!

В который раз мне и близки, и милы —
Кустов малиновые листики, —
Целительно распле́щенные силы
И длительно облещенные дни!

В который раз мне из меня дохнула
Сознанию незнаемая мощь, —
Волной неумолкаемого гула,
Парной жарой и птичьим щелком рощ.

Кучино
1926

447. МОТЫЛЕК

Над травой
Мотылек —

Самолетный
Цветок... —

— Так
И я: —

В ветер —
Смерть —

Над собой —
Стебельком —

Пролечу
Мотыльком

Дорнах
1916

448. СЕСТРЕ

Слышу вновь твой голос голубой,
До тебя душой не достигая;
Как светло, как хорошо с тобой,
Ласковая, милая, благая!

Веют мне родные глубины
Лепестками персикова цвета,
Благовонным воздухом весны,
Пряными роскошествами лета.

Москва
1918

449. ЛАЗУРИ

Светлы,
Легки
Лазури;

Они —
Черны:
Без дна;

Там —
Мировые
Бури...

Так
Жизни
Тишина:

Она,
Как ночь, —
Черна.

Дорнах
1916

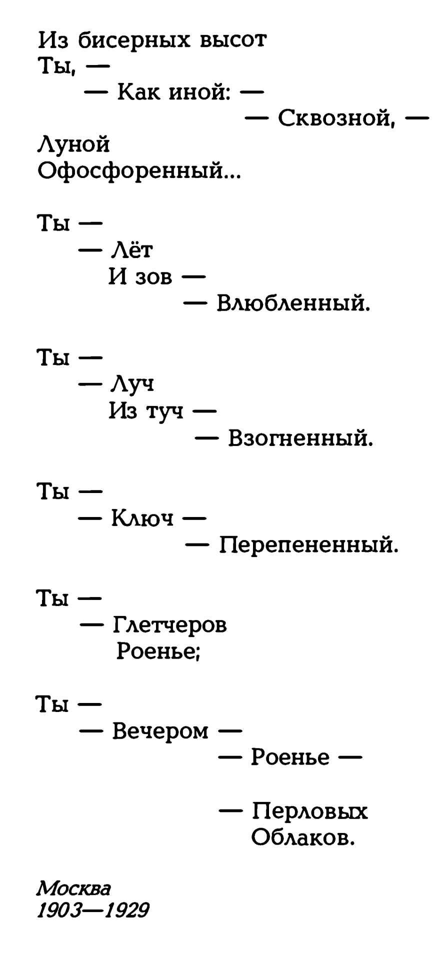
450

Я — отстрадал; и — жив... Еще заморыш навий
Из сердца изредка свой подымает писк...
Но в переполненной, пересиявшей яви —
Тысячемолнийный, гремучий светом диск.

Мне снова юностно: в моей душе, — кликуше, —
Былые мглы и дни раздельно сплетены.
Ты, — ненаглядная?.. Ах, — оветряет уши
Отдохновительный, веселый свист весны!

Все, все — отчетливо, углублено, понятно
В единожизненном рожденье «я» из «ты»;
Мгла — лишь ресницами рождаемые пятна,
Стененье солнечной, бестенной высоты.

Кучино
1926

451. ИЗ БИСЕРНЫХ ВЫСОТ

Из бисерных высот
Ты, —
— Как иной: —
— Сквозной, —
Луной
Офосфоренный...

Ты —
— Лёт
И зов —
— Влюбленный.

Ты —
— Луч
Из туч —
— Взогненный.

Ты —
— Ключ —
— Перепененный.

Ты —
— Глетчеров
Роенье;

Ты —
— Вечером —
— Роенье —

— Перловых
Облаков.

Москва
1903—1929

452

Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть.
Куст — почкой вспухнувшей овеян, как дымком.
Как упоительно калошей лякать в слякоть, —
Сосвистнуться с весенним ветерком.

Взвились века — в расширенной минуте,
Восторги — в воздухом расширенной груди...
В пересерениях из мягкой, млявой мути
Посеребрением на нас летят дожди.

Взломалась, хлынула, — в туск, в теплоту тумана,
Река, раздутая легко и широко.
Миг, — и просúнится разливом океана,
И щелкнет птицею... И будет —
— Сóлнышко.

Москва
1926

453. ВНИМАЮ

Зреет
Верный
Слух...

Внимаю
Маю...

Пьяный дух
Отрав.

Размерно
Метры —
— Розовеют —

— Пухом
Трав,

И —

— Реют —
— Светом
Волоконца.

....

Но —

— Внимаю
Летом —

— Чутким
Ухом —

— Жутким
Мухам.

Цоссен
1922

454. ВЕШНИЙ ЦВЕТ

Над ливнем лет,
Над тьмою туч
Ты — светлый свет;
И — легкий луч.

Как вешний яд
Неотразим!
Как ясный взгляд
Невыразим.

Мой вешний свет,
Мой светлый цвет,
Я полн тобой:
Тобой, — судьбой!

Москва
1918

455. ПОЭТ

Бальмонту

О, —
    — Поэт, —

Твоя речь
Будит
Грусть!

Твоя
Речь —

Будет
Пусть —

            — Верч
              Планет, —

            — Смерч
              Веков, —
                        — Меч
                          Планет —

Световой
Вой
Миров —
— В горнем мареве
Мрака, —

— Блеснувший,
Как дым, —

— Золотым
Колесом
Зодиака.

Москва
1903—1929

456. ЖДИ МЕНЯ

Далекая, родная, —
Жди меня...

Далекая, родная:
Буду — я!..

Твои глаза мне станут —
Две звезды.

Тебе в тумане глянут —
Две звезды.

Мы в дали отстояний —
Поглядим;

И дали отстояний —
Станут: дым.

Меж нами, вспыхнувшими, —
Лепет лет!

Меж нами, вспыхнувшими, —
Светит свет.

Москва
1924

457. СЕСТРЕ

Не лепет лоз, не плеск воды печальный
И не звезды изы́скренной алмаз, —

А ты, а ты, а — голос твой хрустальный
И блеск твоих невыразимых глаз...

Редеет мгла, в которой ты меня,
Едва найдя, сама изнемогая,
Воссоздала влиянием огня,
Сиянием меня во мне слагая.

Я — твой мираж, заплакавший росой,
Ты — над природой молодая Геба,
Светлеешь самородною красой
В миражами заплакавшее небо.

Все, просияв, — несет твои слова:
И треск стрекоз, и зреющие всходы,
И трепет трав, теплеющих едва,
И лепет лоз в серебряные воды.

Кучино
1926

458. ВЕСНА

И дождик, из высей
Блестя,
Дымеет в долинах
Далеких;

И реют, из высей
Винтя,
Двукрылия ласточек
Легких.

Как лилией плещется
В зной
Кисей поднебесная
Млечность.

Немей бирюзовой
Весной —
Из дней, — бирюзовая
Вечность!

Москва
1902—1929

459. ЛЕТНИЙ ЛЕПЕТ

Как —
— Расплеск
Ветров —

В зов
Лета —

Тает
Облаком перловым —
— В бирюзовом
Небе, —

Так —
— Блеск
Строф —

Питает
Сердце —
— Розовую
Розу —
— Росами —
— От
Света
Слов!

Цоссен
1922

460. А-О

Снеговая блистает
Роса:
Налила серебра —
На луга; —

Жемчугами дрожат
Берега;
В светлоглазых алмазах
Роса...

Мы с тобой над волной
Голубой;
Над волной берегов
Перебой;

И — червонного солнца
Кольцо;
И — твое огневое
Лицо.

Христиания
1913

461. ЦВЕТИК

Медовый цветик
Сада —
        — Шлет —

Цветику
Свой
Стих;

Две пчелки вылетают
Из
Венчиков: —

                    — Два
                        Взгляда —

Перекрестились —
В них.

Москва
1918

462. ВЫЛЕТЕЛ

Ты —
    — Вылетел
        Из жизни, —

                    — Как
                        Плещущий
                        Над урной —
                                    — В облещенные
                                        Брызни —

    — Лазурный
        Мотылек.

Дорнах
1915

463. ЛИРА

Звучи же, — о бледная
Блеснь!

Молчи же, — страдание
Мира!

Дыхание — звонкая
Песнь.

Душа — семиструнная
Лира.

Летайте —
Над лепетом лет!

Блистайте, —
Небесные руны!

Зови,
Легкоперстный
Поэт, —

И рви
Свои тонкие
Струны!

Москва
1900—1921

464. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

О,
Неосязаемые
Угодия
Ваших образов —

В пыль,
В распыляемые
Орбиты
Серебряного прискорбия —

И —
Праздномыслия, —

Как
Быль, —

Как
Молитвы,

Как —
— Непобедимые,
Малиновые мелодии.

И —
Как —
— Зримые
Ритмы...

Вихрь —
Их
Стих!

Цоссен
1922

465. ОЧИ

Мне в душу ветерком
Пахнула —

— Твоих
Очей
Голубизна: —

Тобой
Душа
Озарена...

Вот —
— Вешним щебетом
Она —

В голубизну —
Перепорхнула.

Москва
1918

466. АЛМАЗНЫЙ НАПИТОК

В серебряный
Расплеск,
Как ослепленных
Глаз, —

— Сверкни,
Звездистый блеск:
Свой урони
Алмаз!

Дыши, —
В который раз, —
Души
Душистый стих, —

— Сверкни,
Звезды алмаз,
Звездою глаз
Моих!

Раздольный плеск
Звучит
Покоем
Ветерков —

— Настоем
Звезд кипит
Невольный блеск
Стихов.

Душа,
Стихи струя,
Дыша, —
Блеснет из глаз: —

— За ней и я —
С себя —
Слетающий
Алмаз.

Серебряный-Колодезь
1908—1929

467. ТЫ

Лето
В зеленых
Стогах;

Где-то
В знакомых
Лугах —

С нежных
Нагорий
Взовьем —

В нежные
Зори
Цветы...

Нежная, —
Милая
Сном, —

Нежная,
Милая —
— Ты!

Неугомонная
Блеснь...

Бледнолимонная
Блеснь...

Воздух,
Лучистый
Мечтой, —

Воздух —
Душистый
Настой...

Смех золотистый —
Во мне...

И — аметисты
В волне.

Москва
1901—1929

468. ЗАБЫЛ

Я без слов: я... —
Не могу...
Слов не надо мне...

На пустынном берегу
Я почил —
Во сне...

Не словам, — молчанью,
Брат, —
О, — внемли, внемли.

Мы — сияющий закат,
Взвеянный —
С земли.

Легких воздухов
Крутят —
Легкие моря.

Днем и сумраком объят, —
Я, как ты, —
Заря.

Это я плесну
Волной
Ветра — в голубом.

Говорю тебе —
Одно,
А — смеюсь в другом.

Пью закатную
Печаль, —
Красное вино.

Знал — забыл: забыть —
Не жаль...
Все забыл — давно.

Москва
1906

469. НАШИ ТЕНИ

Не струя золотого вина,
Закипевшая блеском —

Колосьев волна
Взметена —

В небо
Плеском, —

Стеняя
Из хлеба

Немых васильков
Голубые,
Как небо,
Коронки —

В зов
Звонкий.

Склоняя
Головку на грудь —
Не рыдай,
Позабудь, —

Будь
Моей —

Дай
Лазоревый
Цветик
Свой —

Мне
В дней
Букетик.

Взорвется
Усатый поток —

Золотым водометом
У ног;

И платок
Голубой —
                — Твой —
                                — От плеч —
                                                — Рвется
                                                   Взлетом.

В волне
Наши тени —

Простерлись, чтоб лечь, —
Как во сне —
                  — Без
                     Движений!

Серебряный-Колодезь
1904—1931

470. «Я» И «ТЫ»

Говорят, что «я» и «ты»
Мы телами —
— Сто́лкну-
-ты́.

Тепленеет красный ком
Кровопарным
о́бла-
-ко́м.

Мы — над взмахами косы
Виснущие
ха́о-
-сы́.

Нет, — неправда: гладь тиха
Розового...
во́зду-
-ха́, —

Где истаял громный век
В легкий лепет
ла́сто-
-че́к,

Где, зая́снясь, «я» и «ты» —
Светлых светов
я́хон-
-ты́, —

Где и тела красный ком
Духовеет
о́бла-
-ко́м.

Москва
1918

471. СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Подсолнечный дождик
В лазурь
Омолненным золотом
Сеет;

С востока — вечерняя
Хмурь;
И в лоб — поцелуями
Веет.

В полях — золотые
Снопы
Вечернего, летнего
Света.

И треплется тополь
С тропы,
Как влепленный в лепеты
Лета.

В объятиях облака
Спит —
Кусок голубого
Атласа;

И звездочка — ясно
Слезит,
Мерцая из мглы
Седовласой.

Я — милые щебеты
Пью,
И запах полыни —
Не горек.

Тебя — узнаю:
Узнаю!
Из розовых, розовых
Зорек.

Ты? Нет — никого...
Только лен —
У ног провевает
Атласом;

Да жук, пролетая
Под клен,
Зажуркает бархатным
Басом, —

Да месяц, — белеющий
Друг, —
Опалом очерчен
Из сини;

Да тускло остынувший
Луг
Под ним серебреет,
Как иней.

Москва
1905—1931

472. ЛЕТО

1

Над одуванным бережком
Жарой струит: переливает;
Пушинки легкие летком
В летенник белый улетают.

Вскипит зеленый лепетай,
Ветвистым лапником присвистнет;
Звененьем комариных стай
Густой, ознойный воздух виснет —

Над пересушенным листом
И над муругим мухомором...
В полях пройдет пустым винтом;
Дохнет: полуденным измором.

2

Высокий вихорь полевой,
Народ пугая, но... не очень, —
Густой, косматой головой
Взвивает чернохохлый клочень;

Затеяв дутый пустопляс,
Заколобродит по дорогам;
Задует мутью в рот и в глаз;
И — разрывается над логом.

3

Тропой обрывистой меня
Из дня уводит в прелый тинник —
Глухая, хрусткая лазня
Сквозь сухорукий хворостинник;

Журчит железистый ржавец;
И — моховатое болото,
Где из гнезда шипит птенец, —
Слепой, бесперый, желторотый;

И там, где травы-ползунки,
Где в жар пересыхают броды,
Там — сероперые чирки;
И — пестроперые удоды.

4

Уже слезливые кусты —
Алмазноглазы, сыры, сыты;
Уже с небесной высоты
Слезятся в вечер лазулиты.

И молний миглая игра
Очнется к ночи; месяц — льдинка...
И — ночи первая пора...
И — неба первая звездинка.

Ленинград
1921

473. ПОЛЯ

Там — ряд избенок гнется
В косматую синель.
Поскрипывая гнется
Высокий журавель.

И там, где крест железный, —
Все ветры на закат
Касаток стаи в бездны
Лазоревые мчат.

И там — над косарями
Огни зари дрожат;
Там косы лезвиями —
Горят, дрожат, визжат.

Близ речки ставят верши
В туманных камышах,
Да меркнет серп умерший,
Повиснув в облачках.

Серебряный-Колодезь
1908

474. ВОЛНЫ ЗАРИ

В весенние волны
Зари —
Прордели кресты
Колоколен; —
Гори, мое сердце, —
Гори:
Опять я свободен
И волен.

Опять посылает
Мне даль —
Вздыхающий, тающий
Отдых: —
Свою голубую
Эмаль,
Свой кроткий, пурпуровый
Воздух; —

И — первую, легкую
Тень;
И ласточек легкие
Визги;
Опять отрясает
Сирень —
Лучистые, чистые
Брызги.

И веет вздыхающий
Лес
Мне запахом пряного
Нарда;
У склона воздушных
Небес —
Протянута шкура
Гепарда

Москва
1902

ТРЕПЕТЕНЬ

475. СМЕХ

Все тот же раскинулся свод
Над нами лазурно-безмирный;
И тот же на сердце растет
Восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
На склоне небес потухает;
И грудь мою слово одно
Знакомою грустью сжимает.

Опять пролетаю я той
Метой золотою и пьяной;
Опять горизонт золотой
Подернулся дымкой багряной.

Смеюсь, и мой смех серебрист;
И плачу сквозь смех поневоле...
Зачем этот воздух лучист, —
Зачем светозарен...: до боли.

Москва
1902

476. ОВЕС

Даль, — как стекло:
Над золотистой нивой
Шумит овес...
Все, все — прошло!..
С души нетерпеливой
Слетел вопрос.

Кипят колосья
Над межою тою,
Как злая шерсть;
Слетает солнце
Краснозолотое
В седую персть.

Завеют тени
Призрачного мира
Сквозной волной;
Дыша в поля,
Как золотой порфирой, —
Замглеет зной.

Нет — ничего!..
И — ничего не будет!..
И ты — умрешь...
И рухнет мир...
И — Бог его забудет...
Чего ж ты ждешь?

Ось мировую —
Время расшатает;
Потухнет свет:
Во мгле пустой,
Как дым седой, растает, —
Полет планет.

Росеет луг...
Слетает, холодея,
В перловый жар,
Оранжевою
Ржавчиною рдея, —
Багровый шар.

Пространства гаснут,
Прахом распадаясь;
И — я... И — ты...
Там — жизни нет:
Грозят, туда бросаясь, —
Мои персты.

Серебряный-Колодезь
1902—1931

477. ПЕПЕЛ

Тот облак,
Что над головой —
— Взлетающим
Зигзагом —
— Душит, —

Свой купол
Нежно снеговой —
— Хао́сом
Пепельным —
— Обрушит.

И пепелеют
Купола —
— В лучей
Вечеровые —
— Стрелы;

И пепелеет
Ночи мгла; —
— И розовеет
Обод —
— Белый;

И темнотусклая
Эмаль —
— Суровым
Мороком —
— Окрепла...

Ночь — водопадом
Топит даль —
— Беззвучно
Рушимого —
— Пепла.

И тяжкий месяца
Коралл —
— Зловещий сумрак
Долу —
— Клонит;

И — в озера литой
Металл —
— Темно́ты
Тусклые —
— Уронит.

Серебряный-Колодезь
1908

478. ЗАРНИЦЫ

Зарницы, как быстрые
Рыси,
Играют глазами
Из выси;

Из облака облак
В пролет —
Разорвиной белой
Мигнет.

Над чащей березовой
Вечер
Остынет, как розовый
Глетчер;

Он пологом кроет
Теней,
Как роем темнеющих
Змей.

Я слышу над нивой
Волнистой
Змеиные, тихие
Свисты;

И перепел в пепел
Пылей,
Порхая, летит
Из полей.

Цоссен
1922—1929

479. ВЕЧЕР

Ярким взглядом
Исполненным
Смысла —

Просияли,
Как ядом
Горя, —

Просияли
И тихо
Повисли —

Облаков
Златокарих
Края.

Там — в шершавые
Ржавые
Травы —

Исчирикался
Черный
Сверчок;

Там — упорный,
Немой
И лукавый —

Перелетный
Болотный
Зрачок.

Потухают,
Дымя
Перекуры,

Точно желтые
Шкуры
Из тьмы;

Старый мрак, —
Как медведь
Чернобурый!

Он — бежит:
И — пугаемся
Мы!

Цоссен
1922—1931

480. СУМАСШЕДШИЙ

Я — убежавший царь;
Я — сумасшедший гений...
Я, в гаснущую гарь
Упавши на колени, —

Все тем же дураком
Над срывом каменистым
Кидался колпаком
С заливистым присвистом;

Взлез на трухлявый столп
В лугах, зарей взогненных;
И ждал народных толп
Коленопреклоненных.

Но вышли на луга,
В зубах сжимая розы,
Мне опустив рога,
Испуганные козы;

В хмуреющую синь
Под бредящим провидцем —
Проблеяли: «Аминь!»
Пристукнули копытцем.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

481. МУТИ

Поле убогое;
Плесени пней:
В них рогорогое
Тменье теней.

Вымутнен куревом
Плесенный пруд;
В небе лазуревом
Вытянут прут.

Полнится мутями
Все бытие:
Полнится жутями
Сердце мое.

— «Лапою темной
Тебя обойму...»
Лапою темною
Брошен во тьму.

Серебряный-Колодезь
1901—1929

482. НАД РЕКОЮ

Над кипучей рекою
Летучая —
— Мышь —

Пролетела тоскою
Под тучей —
— В камыш.

Над тобой — голубой
Перевеянный —
— День —

Росянеющий, в тень
Перевеянный, —
— Пень.

И лесная гряда
Из неведомых —
— Стран —

Гребенится туда,
Где ложится —
— Туман;

Там — сквозная мета,
Как сквозная —
— Мечта; —

Искряная звезда;
И — сквозная —
— Вода.

Но — поникшая новь
Олазурена —
— В ночь;

Но — нахмурена бровь:
— «Не морочь меня, —
— Ночь!»

Пред тобой, улетающий
День —
— Отеня, —

Не живой, не родной,
Упадающий —
— Я!

Москва
1901—1921

483. А МНЕ — ДРУГАЯ

Заманя
Помаргивает —

Светляками
На нас —
— Скат.

На меня
Вздрагивают —
— Глаз
Твоих —
— Умерки...

И —
— Тенеет: —

— Малиновоапельсинный
Закат —

— В малиновоапельсинные
Сумерки...

Отуманенная, осту́женная
Серебряная
Вода —
— Под ногами,
Под нами, —
— Там...

Что-то по́д-гору замирающее
В хрусте...

Там —
Под нами,
Под ногами —
— Вниз убегающие
Года —
— Подымающие
Туманами —

— Серебряные
Грусти.

— «Мертвых слов — не говори, —
Не тверди, —
Дорогая!..»

И —
Мигнуло —
— Над —

— Беспризорными
Проблесками
Зари —

— В тверди
При́зорачной
Перегорая: —

— «Тебе —
Одна дорога,
А мне —

— Другая».

Цоссен
1922

484. ЛЕОПАРДОВАЯ ЛАПА

Пыль косматится дымом седым;
Мир пророчески очи огнит;
Он покровом, как дым, голубым
В непрозорные ночи слетит.

Смотрит белая в тухнущий мир
Из порфировых высей луна;
Солнце — выбитый светом потир, —
Точно выпитый кубок вина.

Тот же солнечный, древний напев, —
Как настой, золотой перезвон —
Золотых, лучезарных дерев
В бирюзовый, как зовы, мой сон.

Тот же ветер столетий плеснул,
Отмелькал ожерельями дней, —
Золотистую лапу рванул
Леопардовой шкуры моей.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

485. СТАРОЕ ВИНО

Зори, —

Вы
Угарно
Огневое —
　　　　— Старое,
　　　　　Янтарное
　　　　　Вино!

Тот же круг
И ков
Столетий —
　　　　— Те же сети —

Ткет
Из года в год —
　　　　　— Веков
　　　　　　Веретено!

Трав
Густой
Настой —
На луге колосистом!

Полни, —
　　　— Солнце, —
　　　　　　　— Круг,
　　　　　　　　Кольцо —
　　　　　　　　　　— Из молний!

Ты —
Змея!

　　　　...Змея
　　　　　Из трав
　　　　　В лицо —
　　　　　　　— Взвилась —
　　　　　　　　　　— Сердитым
　　　　　　　　　　　Свистом...

Жаль
Восторгом ядовитым, —
Жаль, —

Печаль
Моя!

Полудень, —
Стой!..
— «О, золотой,
О, —
Мой!»

Полудень —
Непробуден:

Я —
Отравлен тьмой —
От
Света!

О, конец!
Кольцо
Колец!

О, —
— Злое, злое
Злое —
— Лето!

Москва
1909—1931

486. СТАРЫЙ БАРД

Как хрусталями
Мне застрекотав,
В луче качаясь,
Стрекоза трепещет;
И суетясь
Из заржавевших трав, —
Перевертная
Ящерица блещет.

Вода, — как пламень;
Небо, — как колпак...
Какой столбняк
В застекленённых взорах!
И тот же я
Потерянный дурак
В Твоих, о Боже,
Су́етных просторах.

Вы — радуги, вы —
Мраморы аркад!
Ты — водопад
Пустых великолепий...
Не радует
Благоуханный сад,
Когда и в нем, —
Как в раскаленном склепе...

Над немотой
Запепеленных лет
Заговорив
Сожженными глазами, —
Я выкинусь,
В непереносный свет
И изойду,
Как молньями, — слезами.

Я — чуть живой,
Стрелой пронзенный бард —
Опламенен
Тоской незаживною,
Как злой, золотоглавый
Леопард,
Оскаленный
Из золотого зноя.

Кучино
1931

487. ТИМПАН

Поднял голос —
— Упорный, лукавый,
Как Пан —
— И —
— Отрывистый —

Гривистый
Черный, —
— Курчавый
Тимпан.

Точно сон из забвения,
Точно хитон
Фиолетовый, —
— Флейты —
— В день
Трепетный —
— Пение...

Сафо, —
— Из шарфа
Душистым,
Как воздух, —
— Лицом —
— Озарилась —
— На звук...

Арфа —
— Струилась —
— Ручьем —
— Серебристым —
— Из рук!

Кучино
1931

488. ПАРОДИЯ[1]

Под Гумилева

Я — молода: внимают мне поэты;
Я — как звезда над блеском вечерниц;
Стан, — как лоза; глаза, — как кастаньеты,
Бросаются из шелковых ресниц.

И тут, и там, — мне юноши Гренады
Бряцают саблями: по вечерам —
Под окнами играя серенады,
А по утрам — сопровождая в храм.

Мне — посвящал рондэли[2] Пирсо Памбра,
Мне — обещал дуэли дон Баран;
Но мне милее — минарет Альгамбры,
Вдруг задрожавший в воздух ятаган[3].

Где мраморами белого бассейна
Украшен сад, — и где всклокочен лавр, —
Там — на заре проходит в дом Гуссейна
Хавси́-Хумзи́, мой ненаглядный мавр!

Его тюрбан, как митра снеговая,
Волной кисей полощется с плечей,

[1] Автор — восхищенный ценитель африканских стихов Н. С. Гумилева; «Пародия» — добродушная шутка.
[2] «Рондэль» — стихотворная форма.
[3] «Ятаган» — кривой африканский меч.

Свой пенный шелк в лазурь перевивая;
А блеск очей, как... — плеск кривых мечей.

Как дым, разлет молочного бурнуса;
Как роза, розовая гондура́[1] —
Играет чешуей сереброусой;
Бряцает в ночь браслет из серебра.

За ухом цветик зыбится лениво...
Но... в полумрак... — взорвется: барабан!..
И — выбрызнет, вдруг завизжав плаксиво,
Кривой, как месяц, ясный ятаган.

И станет красной белая веранда:
Качаясь в ночь, оскалясь из руки, —
Там голова распластанного гранда
Поднимется над берегом реки.

Кучино
1931

489. ЗОЛОТОЙ ПЛАЧ

Сердце — исплакалось:
Плакать —
Нет мочи!...

Сердце мое, —
Замолчи
И замри: —

В золотоокие
Долгие
Ночи,

В золотокарие
Гари
Зари!

Из фиолетовых
Там
Расстояний —

Молний малиновых
Нам
Миготня...

---

[1] «Гондура́» — так западноафриканские арабы называют род легкой, длинной цветной туники, которую они носят под бурнусом.

Смотрит браслетами
Ясных
Сияний

Бор из-за сумерок
В умерки
Дня.

В этом с судьбою
Не спорящем
Взоре —

Светами
Полнится
Тихая даль...

Летами
Молнится
Тихое горе, —

Тысячелетием
Плачет
Печаль.

Впейся в меня
Бриллиантами
Взгляда!..

Под амиантовым
Небом —
Сгори!..

Пей
Просияние
Сладкого яда, —

Золотокарие
Гари
Зари!

Цоссен
1922

490. ТИХАЯ СМЕРТЬ

И небо сквозное
Истаяло — в лепетном лете, —
В мерцающем зное;
Мерещится месяц из елей...

На лютне играя,
С улыбкой, облещенной еле, —
Ты встал, умирая,
В серебряном, месячном свете.

И мы, — как угасли;
И стали хрустальные дали...
Как ясные ясли,
Как месяц, горящий из хмури, —

И бледные бури
Из бледной, печальной лазури,
И ленное бремя,
И бренное время, — как пали.

Вселенная тухнет;
Лицо опрокинул сквозное;
Во взоре потухшем —
Волненье, как пенье, родное...

Вселенная рухнет:
Склони перед нею колени;
В уснувшем, в минувшем
Печаль мировых окрылений.

Ты, с лютни срывающий
Про́звуки грусти чудесной,
Как жрец умирающий
В мантии бледнонебесной, —

Простерший свои,
Как запевшие, руки с потиром, —
Ладони простри
Над мерцающим странно эфиром.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

491. ВЕЧЕР

Она улыбнулась
На цвет багрянеющих терний:
А иглы, блистая,
Сжимались колючим венцом;

Она улыбнулась...
И мертвенно месяц вечерний,

Как облако, тая,
Повесился белым лицом.

Чуть веющий ветер
Деревья запевшие клонит
В росеющий вечер;
Серебряный, гаснущий луч —

Негреющим светом
В просвете синеющем тонет
Над мглеющим летом
Из бледно алеющих туч.

Как горькое море,
Как рой аметистовый, — мглисты —
Просторы нагорий...
— «Моя дорогая, — усни!..»

Из бледных размлений,
Как лепетный лист золотистый,
Как сон дуновений, —
Слетели в безвременье: дни.

Упал на колени...
Как руки из ночи лазурной,
Как звезды над урной,
Как очи, — блеснули слова —

Под звук поцелуя;
И струи сребрились, целуя;
И звезды мигнули;
И тени плеснули едва.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

492. КОЛЬЦО

— «Кольцо —
               — Сними мое:
                 Мое, как лед —
Лицо!...

— В сырой, —
               — Как лед, глухой
                 Земле — скорей
Укрой!...

Мой дух —
— Сквозной взметет
В поля — сквозной
Воздýх!...[1]

— Тебя —
— Найдет, серебряным
Лучом
Кипя —

— Любовь! —
— Моя!...»

....

И — то ж: —
— Благоухающее
Поле, —
Рожь, —

В ночь
Улетающие
Волны, ветер,
Ночь...

Гул
Вдруг забрякавших
Колокольцóв —
Плеснул,

Как в сон —
— Проплакавший,
Серебряный —
Трезвон —

— Тех —
— Похорон..

Москва
1931

---

[1] «Воздýх» (а не вóздух): покров на умерших.

493. К НЕЙ

Травы одеты
Перлами;
Где-то приветы
Грустные;
Слышу — приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?..

Вечера светы
Ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя, —
В струях Леты
Смытую —
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, —
Милая?

Москва
1908

494. ЛЮБОВЬ

— «Да, может быть, — сказала ты, —
Не то...»
— «До нового, — воскликнула
Сирена, —
Свидания...» Но знали мы:
В ничто
Кипучая перекипает
Пена.

— «Не верю я, что — навсегда».
И вот —

Я вопрошал: твои глаза
Не лгали...
Нас омывал сквозной
Водоворот...
И волны в плач глаза
Перелагали.

Едва серпом юнели
Небеса;
А под рулем смелели
Светом пены;
На корабле надулись
Паруса;
За мелями отпели
В ночь сирены...

И вот тебя в безбрежность
Понесло:
На горизонте бледном,
Золотистом, —
Взволнованное облако
Взошло,
Омолненное ярким
Аметистом.

В водовороты, в дым дельфинных
Игр
Белел корабль, как лебедь,
Улетавший;
И запад гас, как полосатый
Тигр,
Заоблачные лапы
Распластавший.

Москва
1902—1921

495. СОН, КОТОРЫЙ СНИЛСЯ

Седым
Прибоем в берег бьет:
Туманно...

Дым
Тащится змеею
Завивною:

Как пусты дни
Под этой
Пеленою!

Ты, милая,
Ты, дорогая, —
Странно, —

Овеяна,
Как кисеей
Сквозною.

— «И ты — другой, и я, —
Как ты —
Другая!»

Твои слова,
Как звук родной
Свирели, —

Мне, как из сна, —
Едва, едва
Пропели.

Мгла
Таяла, как кисея
Сквозная;

Из дали шла
Волна
Переливна́я...

Как хрустали
Переливались
Дали;

Как аметисты, —
Линии
Нагорий.

Глаза —
Большие, синие,
Как море, —

В слезах
Вечерних,
Бледнозолотистых —

Твои глаза,
Как бирюза, —
Сияли...

«Мы — не уснули:
Мы, —
Как звезды — те же!»

Но гул и тьма...
Из-за холма
Сверкнули —

Косы серебряные, —
Те же,
Блески...

И — линии
Далеких
Побережий, —

И пинии —
Взвились,
Как занавески...

— «О, что со мной?
Где это было
Прежде?»

«Прости, родной!»...
И видел я,
Проснувшись, —

Из бездны лет,
Скелет
К тебе склонился, —

Своей стальной
Косою
Размахнувшись.

О, — это сон,
Который —
Прежде снился!

Ты в небеса
Из-за холма
Взглянула:

— «Друг, —
Жди свиданья:
Кончились страданья!»

И под скелетом
Голову
Согнула.

И вдруг
Коса из-под холма
Блеснула:

Звенящим светом
Даль
Ополоснула.

О, сон двойной!
О, жизнь моя
Двойная!

Несу ее,
Едва
Перемогая...

Мир, — как иной:
Все, точно брызнь
Сквозная...

Мы — были ли,
Родная,
Дорогая?

Твои
Цветы!..
Ты?...

Ты ли?..
Где?...
Не знаю!...

Москва
1902—1921

496. ПОЛЯРНОЕ МОРЕ

1

Как копья
Ужалили
Взоры —

Стеклярусом
Ясным —

И дали,
И блесни...

В печальные
Стали —
          — Буруна, —

И в снежные
Хлопья —

          — Отчалили —
                    — С песней
                      Поморы;

Маячили —
        — Парусом
          Красным —

                    — Хрустальные,
                      Нежные
                      Шхуны.

2

Заводит
Разрывами вод
Свою песнь, —

Ходит —
Менами,
Водами, —

        — Бросится
          Море, —
                — Мятежится;

Носится
Пенами
Вод;

И —
— Слетит —
— В коловорот
Разливанный;

Да тешится
Кит —

— Разливными
фонтанами.

3

Выпала
Ворохом
Белого пепла, —

— И пырснувшей
Пряжей —
— Зима...

И над каменным
Кряжем
Окрепла —

— Полярная
Тьма...

И осыпала
Мороком —

— Стая
Янтарная
Льдин...

И —
— Мигнул —

В ночь
Крылом —

— Полукрылый
Пингвин.

1931

497. НЕТ

Ты, вставая, сказала, что — «нет»;
И какие-то призраки мы...

Не осиливает
Свет —
Не осиливает
Тьмы!..

Солнце легкое, — красный фазан,
Месяц матовый, — легкий опал;

Солнце, падая, — пало:
В туман;
Месяц — в про́серень
Матово встал.

Растворен глубиной голубой;
Озарен лазулитами лет; —

Преклонен пред тобой,
И — под тобой...
Но ты — выговорила:
«Нет!»

И холодный, вечерний туман
Над сырыми лугами вставал...

Постигаю навсегда, что ты —
Обман;
Поникаю, поникаю:
Пал!

Ты — ушла: между нами — года, —
Проливаемая вода, —

Проливаемая —
Куда?...
Не увижу тебя —
Никогда...

Капли точат камень... Пусть!
Капли капают тысячу лет...

Моя в веках
Перегорающая
Грусть —
Свет!..

Золотые ладьи облаков
Парусами крылатыми —
— Там —

Из годов, с теневых
Берегов —
Улетят
К голубым глубинам.

Цоссен
1922

498. В СТРАНЕ ЗОЛОТОГО РУНА

Плески
И писки.

И блески,
Как диски...

Золотые
Языки
Солнца;

Пески...

Бытие —
Все —
— Омолнено.

Груди
Утесов —
В огне...

Все —
— Будь
Мне —
— Преисполнено
Тоски, —
— Как —
— Лёт
Альбатросов...

И —
— Рыбий
Мир...

Бросили золотые зыби,
Качаясь
Как чайки, —
— Крылатые челны...

Эфир —
Горит; —
— И —

Солнечный щит
Летит —
— В волны...

Свет
Дня —
Свет
Мира.

Нет, —
— И —
— Затмились сиро
Стремительные
Шири...

Взвей
Мне
Сон
Прежних дней, —

Душемутительное
Цихис-Дзири!..

И, —
— Как дуновение —

— Язон,
Медея,
Змей!...

И —
— Пение
Орфея.

Цихис-Дзири
1927

499. АРГОНАВТЫ

1

Дорога
Долга...

И простершие строго
Рога
Золотые —
— Под облако —

— В дымы седые
Трубят —
— Аргонавты, —

Став
С нардами:

— «Длани
Свои простирайте
Огню!

И из солнечной ткани
Свою надевайте
Броню!»

И два раза —
— Рога —
— Проговорили
Строго....

2

Вода —
Мельк
Алмаза; —
— И —
— Блески
Червонца.

И лал,
Нестерпимый
Для глаза, —

— Стоусый, —
Стоносый, —

Льет русые
Росы, —

— Диск
Солнца —

— В тимпанные
Трески;
И —
В визг...

Арго, —
В ветер натягивая
Парус
Бледно перловый,

— И —
— Вздрагивая
В бирюзовый
Эфир —
— Кузов
Клонит...

3

Все —
Минет...

Шар —
Тонет...

Жар —
Стынет...

И небо —
В рубинах
Над нами;

И —
— В синий эфир
Улетая —

— Уже
Над орлами —

— Наш Арго,
Наш Арго,

Наш
Арго —

Забил —
— Золотыми
Крылами.

Серебряный-Колодезь
1903—1929

500. ЖЕРТВА

И арфы звук,
Вздыхающий, как зов;
И из-под рук
Взлетающий покров;

И как орлы,
Окрылены слова...
Торчит из мглы:
Седая голова, —

И рог суровый
Ясного венца;
И горб багровый
Строгого жреца:

Из пряных трав
Тысячелетний жрец,
Космато встав,
Пророчит в багрянец.

Перед трепещущей
Стеною толп —
Сереброблещущий
Мерцает столб.

Серебряный-Колодезь
1902—1921

501. ПРЕДАНИЕ

1

Он — вдохновенный, юный жрец
С порога мраморного храма,
Простерши золотой венец
В седые кольца фимиама, —

Над бледно лепетной водой,
Из тихоструйных песнопений
Перед сибиллой молодой
Возник, как окрыленный гений.

И прорицаньем слов святых,
Как светом, душу переполнил;
Из глаз, от солнца золотых,
Огонь пророческий замолнил.

И пала ниц... И замерла,
Роняя пепельный свой локон;
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.

2

Воскликнула: «Любовью смерть
И смертью страсти победивший,
Ты — кто, в осолнечную твердь
Свой лик божественный явивший?

Ты — бог!.. Ты, как огонь в огнях,
Как отсвет золотистой влаги,
Как свет, качающий в струях
Свои огнистые зигзаги.

Ты — мой: я вся осветлена
Огнем небесных целомудрий»...
И ей на плечи, как волна,
Упали кольчатые кудри.

Склонясь, ее поцеловал;
Сказал: «Нет, я не твой, сибилла!...»
И месяц, мертвенный опал,
Желтился отсветом берилла.

3

На башнях дальних облаков
Ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
Приподымался морок мглистый.

И где-то серебристый челн
Промглил свой призрак белоснежный
И развернул из бледных волн
Крылом перловым парус нежный.

Немело в пепельную хмурь
Лицо, возникшее из брызни,
Как дым, завеявший лазурь,
Как пепел отгоревшей жизни.

Там кто-то над кормой остыл
У берегов далеких Стикса...
И месяц мертвенный поплыл
Белясым очерком оникса.

4

И била времени волна.
Прошли года. Под тенью храма
Она состарилась одна
В столбах лазурных фимиама.

В закатный час, покинув храм,
Навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам
Струились крупные бериллы.

И было небо зажжено
Улыбкой брачною закатов;
И рдело золотом оно
И темным пурпуром гранатов.

5

Давно забыт, разрушен храм.
А у дорической колонны,
Дымея еле, фимиам
Струит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь. И заплетен
Уж виноградом диким мрамор.
И вот навеки иссечен
Старинный лозунг: «Sanctus amor!»

И то, что было, — не прошло...
Я здесь стоял, оцепенелый:
Глядясь в дрожащее стекло,
Качался лебедь, — сонный, белый.

И солнце в огненных кудрях
Всходило из дрожавшей влаги;
На хризолитовых струях
Плясали молнийно зигзаги.

«Вернись наш бог» — молился я...
И вдалеке белел мне парус;
Там кто-то, грустный, у руля
Рассыпал огненный стеклярус.

Москва
1903—1931

502. ВСЕ ПОЖРАЛ

Над шерстью павших,
Блеющих овец —
Забормотавший,
Старый, толстый жрец —

У чаши темной
Каменно вознес
Свой глаз огромный,
Пламенный, как нос.

Заклал, крича,
Он для царя — козла:
И кровь с меча,
Багря сосуд, текла.

И, как шакал, —
Вскричал янтарный рог!..
Но все пожрал
Бородорогий бог!

Кучино
1931

503. НЕМОЩНО НЕМ

Я —
  — Словами так немощно
    Нем: —

        — Изречения мои —
          Маски...

И —
  — Рассказываю
    Вам всем: —

          — Рассказываю
            Сказки, —

Потому что —
— Мне так
Суждено;
А почему —
Не понимаю;

Потому что, —
— Все давно —
Ушло во тьму;

Потому что, —
— Все равно:
Не знаю,
Или —
Знаю!..

Потому что —
— Мне скучно —
Везде...

Потому что —
— Сказка —
Изумрудная, —

— Где —
Все —
Иное.

Потому что —
— Так хочется
В брызнь
Утех;

Потому что —
— Жизнь
Трудная
У всех —

— С одною
Развязкою...

Потому
Что, —
— Наконец, —
— Зачем
Этот ад?

Потому
Что —
— Один конец —
Всем!..

И во мне
Подымается
Смех —

— Над судьбою
Всех —

— И —

— Над —
Собою.

Цоссен
1922

ВОЗВРАТ

---

504. ГНОМ

Наскучили
Старые годы...
Измучили:
Сердце,
Скажи им:

«Исчезните, старые
Годы!..»

И старые годы —
Исчезнут.

Как тучи,
Невзгоды
Проплыли.

Над чащей
И чище, и слаще
На солнце отстоянный
Воздух;

В дремучие, сладкие
Чащи —
Клокочут
Гремучие пены.

Как розовый зов
Колокольчика, —
Голос знакомого гнома:
«Ко мне, мои дети,
Вернулись —
Под куст розмарина;
Над вами я встану цветами —
Из древних поверий,
Из бездны столетий.

Придите в зеленое
Лоно!»

И встал с незнакомого
Склона —
Лиловый колпак
Капюшона.

И светит приветно из тени
Густого, зеленого клена —
Рубиновым глазом
Фонарик.

Ты, злая година, —
Рассейся!
В уста эти, влейся, —
О, нектар, —

Тяжелый, сверкающий
Воздух —
Из пьяного, сладкого
Кубка.

Мы — в свете
Столетий, —
Как
Дети!

Москва
1910

505. ПОДЪЕМ

Пары кипят,
Росой перловой тая;
Едва дымят
Из бледных отдалений, —

Как нежный вздох,
Как стая горностая,
На серый мох
Перегоняя тени.

Стальным зубцом
В развеянные пряжи
Проткнулся блеск
Алмазящихся стекол: —

Под месяцем
В серебряные кряжи,
Крича, кентавр
Караковый процокал.

Кучино
1931

506. ОСВОБОДИ...

Осеребренные
Туманом скаты:
Пустой провал
Пережитой грозы.

Через луга
И розовые мяты
Струит ручей
Сквозные бирюзы.

И сладостны
Мне плещущие песни,
И радостна
Мне блещущая высь...

Душа моя, —
Переродись, воскресни!
Тоска моя, —
Восторгом разорвись!

Друг сказочный,
Полузабытый, милый, —
Прими, не отвергай,
Освободи: —

Свой саван взвей
Из рухнувшей могилы, —
Жизнь разогрей
В потухнувшей груди!

Встань надо мною
С золотой трубою
Как светлый дым
Над мглой небытия, —

Кровь пропылает
Лавой голубою, —

И вырвется,
Как языки огня...

Москва
1910—1931

507. ГРОЗОВОЕ ОБЛАКО

Блещет откос
Бриллиантами;
Нежно звездеют
Стога; —

Вздыбились тучи
Гигантами;
Вылились в высь
Жемчуга.

Там, — в горизонте
Дымеющем,
Ветрами в воздух
Взвитой, —

Кто-то во вретище
Веющем —
С молоньей встал
Золотой.

В воздух волнистыми
Гребнями
Плащ его плещется
С плеч, —

Чтобы над землями
Древними —
Летними ливнями
Лечь.

По́ небу ухнувшим
Молотом
В хаосы сваленных
Скал —

Облак, расколотый
В золото, —
С хохотом он
Оборвал.

Теплится в тающей
Темени
Строгими вздрогами
Глаз: —

Зреет со светлого
Темени —
Звездочки летней
Алмаз.

Кутает хмурыми
Бурями
Плечи сутулые
Он; —

Встанет, овеян
Лазурями, —
Канет, — в немой
Небосклон.

Москва
1925

508—517. ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

1

Ширококосмый лес
Бросает ясный жар
Зеленым золотом
В пурпуровые сосны;

Но злого месяца
Тяжеловесный шар,
В окрестность падая,
Висит, как камень косный.

Знакомым огоньком
В зеленом вечерке
Быстреют искрами
Рубиновые глазки: —

Возник из прежних дней
В огромном колпаке
Ко мне склоненный гном:
Рассказывает сказки.

Кучино
1929

2

Великана сутулого
Ризы —

— Нос
Сизый —

Из сумрака над тополями
Пророс.

Он махнул
На окрестности
Шляпой с полями:

Язык
Показал.

Точно бык,
Помычал —
— И —

— Бежал
В неизвестности.

Серебряный-Колодезъ
1903—1929

3

В небе пpодели
Багрянцы...

Нежнея
Из дали,
Едва зеленея, —
Звездели
Стеклянные глянцы.

Моргнули на туче,
Текуче
Блеснув, —
Бриллианты.

Попадая палицами
В тучи —
— Где-то —

— Прогоготали
Гиганты.

Москва
1918

4

Бьет, как бивнем,
Хлещет бурей,
Плачет ливнем
Из лазурей —

Излитой
На небосклоне
Золотой
Гигант в короне.

В гущу чащ
Свисает кучей;
Взвивши плащ,
Играет с тучей.

Молнью стиснув,
Как алмазом
Поморгает
Ясным глазом.

Встанет зовом,
Рухнет ревом, —
В небе темном
Бирюзовом.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

5

Серебряно плещет
Струя ручейка;
Два розовых блещут
Над ней мотылька.

Шиповник, как пламень,
Висит над водой;
Бьют пенные брызги
О камень седой, —

Как пырсканье стекол,
Как взвизги литавр:

Над ними процокал
Двурогий кентавр...

Поднявши из ночи
На солнце ладонь,
Он солнечный бросил
Мне в очи огонь.

Я радостно выбросил
Руки ему;
Он звонким копытом
Процокал во тьму.

Из гущи стволистой —
«Го-го́, брат, го-го́» —
Раздался раскатистый
Хохот его.

Москва
1902—1931

6

Пылает тьма
Немая...

Хромец розоворогий,
Хромая
Вдоль дороги, —
Как взлает:

— «Га-га-га́!
А вот — сама
Карга!»

Сквозь тинистые
Сини
Щетинистые
Свиньи, —

Пылая
Диким
Оком, —
— Каргу проносят
Скоком.

Кучино
1929

7

Шипучею
Пеной
Кипели —
                    — Певучие
                        Струи —
                                    — В туманы.

Лохматясь, лиловые
Ели —
Кидались в лиловые
Страны.

В просторы сырых
Перепутий,
Ввиваясь, бежали
Дороги, —
                    — Где —

Тусклые умерки
Мутей —

Прорезывали
Рогороги.

И таяли
Древние гребни
С нагорий; —

И — таяли
Зори...

И таяла
Розовой рыбой
Какая-то глыба
На небе.

<Москва
1918—1931>

8

Тенистая, мглистая
Мшистая весь —

Уводит меня
Из огнистого дня;

Бросают стволистые
Синие тьмы:

«Бодаемся здесь
Козлоногие, — мы...»

Трясясь бородою,
Ногами вразброс, —

Под стаей упорной
Летающих ос, —

Сигнет над водой,
Спотыкаясь о пень, —

Проворная, легкая
Черная тень.

Кучино
1931

9

Вечер!
Сиверко!..

Синь — в серебре;
Ветер —
Северный.

Серны —
В норе.

И — зубами
Трескочешь
В эдакую стужу!

И тучи —
Пучи...

Гном
Оцепенел:

— «Как —
Никак, —

Хочешь, —
Не хочешь, —

Колпак
Замочишь!»

И —
Сел —
В лужу.

Серебророгого
Ручья —
Журчня
При дороге...

Грохи
Грома...

Охи
Гнома:

— «Уносите меня,
Колченогого, —
Ноги!

Заждались
Меня —
Дома!»

Москва
1902—1929

10

Я чую поблизости
Поступь гиганта: —

На пир пригласил
Горбуна-музыканта;

Над темною ямой
Со свистом и злостью, —

Он бьет в барабан
Пожелтевшею костью.

У серой пещеры
Во вретищах серых, —

Слагая куплеты,
Танцуют скелеты.

В дымеющий свет
Засветил бриллиант —

От бремени лет
Полысевший гигант:

Над каменным скатом
Орет благим матом —

В вечерние блесни
Дурацкие песни.

Москва
1902—1931

518. ДЕНЬ

Я выбросил в день
Теневую ладонь:
«О, день, — переполни!
О, светом одень!»

И пырснула тень:
И как солнечный конь
Вдруг бросил из молний
Мне в очи огонь.

И воздух игривой
Улыбкой блеснул;
И блещущей гривой
Под облак мигнул;

И гул прокатился
В сутулых веках;
И гром громыхнул
В золотых облаках;

Оттуда, слезяся
В свой плащ световой, —
Над чащей склонясь
Золотой головой, —

Рукой золотой
Поднимался в туман —
Сутулый, седой
Гололобый титан.

Кучино
1931

519. ДЕНЬ-МАЛЮТКА

Посиди со мной,
Не оставь меня:
Будет мрак ночной
Без тебя, — без дня!

С алых губок луч,
Просияв, взыграл:
Переливный ключ
Златоперым стал.

Твоя мама — тень:
Ветерок ночной...
Белоногий день,
Поиграй со мной!

Приседаешь в рой
Кружевных берез,
Засветясь игрой
Белоросных слез.

Облеснув цветы
Вышиной немой, —
Стрекозиный ты,
Бирюзовый мой!

Свой сырой обман
Развернув, скорбя, —
Бородан-туман
Унесет тебя...

Ты — не мой, не мой:
Я тебя отдам —
В сумасшедший рой
Черногих мам.

Серебряный-Колодезь
1900—1921

520. СОБЛАЗН

Улетающий день;
Запах розовых смол;
Как опаловый, — пень;
Как коралловый, — ствол.

Даже каменный хрящ —
Перламутровый трон;

Даже плещущий плащ,
Весь облещенный, — сон.

Поднимай над ручьем
Колокольчик ночей;
И, — как гром, серебром
Разорвется ручей.

Росянистая брызнь,
Закипевшая жизнь, —
Колокольчика звук
Из скрестившихся рук.

И — как взвизги меча:
«Побеждаеши сим!»...
Но два черных грача
Залетали над ним.

И протопал табун;
И пронесся в луне —
Красногубый горбун
На хохлатом коне.

Кучино
1931

521. ЛЕС

И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.

А. Пушкин

Ныряя в сумерок дубравный,
Здесь суматошливые фавны
Язык показывают свой,
И бродит карла своенравный,
Как гриб, напучась головой;

С угрюмым горбуном Аммосом
Дивуется перловым росам
Из бледно палевого дня;
Уставясь безобразным носом,
Слезливо смотрит на меня.

Я шляпу перед ним сметаю:
— «Мое почтенье-с!»... А Аммос —
Пасет, внимая лепетаю,

Свою блистающую стаю
Тяжелых, добрых, желтых ос;

Глядят в ручей курчавый, пенный
Он под сосной зеленотенной,
Пускает из ноздрей туман;
А над сосной встает надменный
И сухопарый великан.

И суматошится день целый
В лесной пещере тот же гном;
Багровый, злой, остервенелый, —
Кует серебряные стрелы,
Приготовляет к ночи гром.

Готово!... Тучищу пропучит;
Она — моргает и ползет;
Над лесом гребень дедерючит;
А ветер из ветвей мяучит,
Как сумасшедший, дикий кот.

И кто-то скачет вдоль дороги,
Свои вытягивая ноги
На перепрелый, серый пень...
Маячит — сумрак чернорогий;
И плачет — белоногий день.

Кучино
1931

522. ГИГАНТЫ

Гиганты стояли над плещущей
Бурей,
Толпой
Засутулясь,
Уснув
В горизонте...

Гиганты, — плащами плеснув
Из лазурей —
Трубой
Снегоблещущей
В местность
Трезвоньте!

Не стойте,
Кремнея,

Качаясь веками!
Пропойте,
Дымея
Седыми челами, —

От нас в неизвестность
Всплеснувши руками,
Закатываясь
Золотыми
Телами!

И гром продымился
В простор плоскогорий;
Дождем завлажнела
Далекая
Пашня...

И розово таяли
Розовоперстые зори;
И розово таяла, —
— Там —
— Белобокая
Башня!

Серебряный-Колодезь
1903—1929

523. СТАРИННЫЙ ДРУГ

Э. К. Метнеру

1

И прах, и тлен...
Ощерились пещеры —
В гребнистый рой
Пустых великолепий...

И — сырость стен;
И — полусумрак серый;
И — та же вязь
На выщербленном склепе.

Качнулся гроб;
И завизжала скоба;
Сметнула прах
Одежда дорогая; —

И я — мертвец —
Воздел венец из гроба,
В сырых веках
Свой страх перемогая.

Ручей сметал
Под каменные стены, —
Заливистые,
Гривистые свисты; —

И рвал свои,
Как дым, седые пены,
Струей сквозной,
Зеленозолотистой.

И тот же гном,
Морщинистой щекою
Над ним склонясь,
Перекосясь от злости, —

«Тебя я здесь
Вовеки упокою» —
Вдруг протрубил
В свои пустые кости.

2

Я восстаю,
Внимая тем же зовам;
И вижу я:
Две ласточки, дерзая, —

В эфире тонут
Бледно бирюзовом, —
Винтя, вижжа,
Эфир перерезая.

И в то же, — в то же —
Розовое утро
Сигнальный рог
Гремит за перелеском:

Играют латы
Светом перламутра;
Как зеркало,
Забрало светит блеском.

Где немо горы —
Голубые роги —

В просвете еле,
Еле бирюзеют, —

Там ясно золотеет
Шлем двурогий;
И красный плащ
Над серым склепом веет:

— «Ты, ты ли, — друг, —
Старинный, богоданный?...»
Туман сползает;
Вычертились дали; —

И пропылал
Эфир благоуханный;
И ласточки, слетаясь,
Щебетали.

Но тот же гном
Встал, припадая к гробу;
Лицо его
Перекосила злоба;

Ударил костью
В гробовую скобу:
«В свои гроба —
Уляжетесь вы оба!»

3

Явясь из рос
На просветленном склоне, —
Иисус Христос
Встал золотой свечою: —

На нас воздел
Свои, как дым, ладони;
И нас одел
Своей, как дым, парчею.

И просияв, став
Облаком — в далеком, —
В голубооком —
Небе прослезился.

И гном, упав,
Тысячелетним оком
В бессильной злобе
На него косился.

И мне звучат
Твои родные речи;
И огненное облако
Дымится;

Из огненного облака
На плечи
Щебечущая ласточка
Садится.

Серебряный-Колодезь
1903—1931

524. ПОЕДИНОК

Из дали дымной Тор воинственный
Грохочет в тучах:
Пронес огонь — огонь таинственный
На сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами, —
Над темным бором;
Горел сияющими латами;
И — спорил с Тором.

Бродил по облачному городу;
Трубил тревогу...
Вцепился в огненную бороду
Он Тору, богу.

И ухнул Тор громовым молотом
По латам медным,
Обсыпав шлем пернатый золотом
Воздушно бледным.

....

Ослепший викинг встал над скалами,
Спаленный богом:
Трубит печально над провалами
Он длинным рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
Укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
На дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
Танцуя, блещут:
Так клочья палевого знамени,
Ликуя, плещут.

Москва
1903

525. АНАНАС

1

Мой
Стремительный
Взлет —

В ослепительный
Лед...

Я —
Над тьмой...

Я —
Немой...

Точно вынут
Из дней...

Стынут —
Молньи
Огней...

Горы —
Тонут
В венцах...

Ветры —
Стонут
В горах...

Преисполни —
Огня —
— Меня, —

Ясный,
Слепительный, —
— Холод!

Мой
Друг, —
— Мой
Прекрасный, —

— Я —
Молод!

2

Принес
На утес —

— Золотой
Ананас —

Из разъятого
Ломами, —
— Гномами —
— Недра —

Под тени косматого
Кедра —

Затянутый в красный
Атлас —
— Грудогорбый
Игрун —
— Мой
Горбун!

3

Он —
— Кидался —
Над ломким,
Как лед,
Белоснежным
Зубцом —

— И туда,
И сюда —

— В сон
Высот...

Он —
— Бодался —

С серпом
Полумесяца, —
— Нежным
И
Тонким —

Схватясь
За бока —

— Бубенцом
Колпака.

Он валял дурака.

Дернул
Басом —
Он: —
— «Смело!»

И —
— Вздернул —
— Смеясь —

В небеса
Ананасом.

И пела
Роса —

Переблеском
Червонца.

4

Из нор —

— Писк
И
Треск: —

— «С гор
Скатился —

— Диск
Солнца!»

Москва
1903—1931

526. ВОЗВРАТ

1

Над головой — огромные высоты.
И там внизу — окаменели скаты.
Мерцают вспыхом каменные гроты.
Играют светлой пеной водопады.

Над головой — полет столетий быстрый.
Сидит у ног мой гном, как кот покорный:
Как злые, фосфорические искры,
Два глаза вспыхивают в щели горной.

Мои друзья ниспали с выси звездной:
Их, как паук, — засасывает пропасть...
Вот разовьет над этой дымной бездной —
Трескучий светоч огненную лопасть.

Мой верный гном, — возьми трубу возврата:
Разорван в ночь покров тысячеокий;
Суровый зов бросай с крутого ската!...
И гном трубит, надув худые щеки...

Зеленый горб упал на камень дикий;
Зеленый плащ бросает в ветер пряди...
Какая скорбь в тысячелетнем лике!
Какая злость в тысячелетнем взгляде!

Погасни, время!.. Родина, приемли!
Труби труба!... И зычные призывы
Взрывают грудь: так сотрясают земли
Глухие, вулканические взрывы.

2

И вот уже взвивает пыль долина.
И гулом полнятся крутые склоны.
Мой гном, — бросайся цветом розмарина!
И пóд ноги стели им плащ зеленый!

Вино волшебств — отстояно. Мы — маги...
Пройдет, как сон, полет столетий быстрый.
Подай им кубки изумрудной влаги,
В которой блещут золотые искры.

Настоянные на звезде лазури
Терзают груди радостью рыданий...
Пусть световые, солнечные бури
И пламень пурпуров — спалит гортани.

Шар солнечный огромен и янтарен.
Пусть будет пир на солнечных откосах!
Пусть будет остр и странно светозарен,
Как молния, блистающий мой посох!

3

В зеркальный фирн отражена стремнина;
Столы пылают золотом червонца.
В сосудах длинных мировые вина:
Вот тут — лазурь, вот тут — напиток солнца.

Уже, виясь, взлетают ароматы:
Сафирный дым и ладанов, и нардов;
Я, облеченный в красные закаты,
Как в шкуру полосатых леопардов, —

Смеюсь: «Друзья, — вселенные несутся,
Но — светит свет»... Журча, как поцелуи,
Журчащие, ласкающие струи,
Из согнутого рога — в кубки льются.

Уставясь в них гримасой неживою,
Прозрачный, тихий, странно светозарный, —
Склоненный гном понес над головою
На круглом блюде солнца шар янтарный!

«Свет светит!...»

4

... Мертвых воскресить — нет власти!
Хрипя, давясь, оскалившись зубами,
Рвут солнечные огненные части,
Сосут сосуды толстыми губами.

Я встал: и в бездне дымно бирюзовой
Разинулась, как черным гробом, пропасть;
И над столом змеей черноголовой
На них взвилась моей одежды лопасть.

Гном затрубил, надув худые щеки:
И грянул гром, и свет погас в пещере...
Как блеск зарниц, исполненные сроки!..
И пали ниц, и поползли, как звери.

....

Над головой — полет столетий быстрый...
И тот же грот; и — гном, как кот, покорный.

Как злые, фосфорические искры,
Два глаза изумрудят в щели горной.

Москва
1902—1931

527. В ЭФИРЕ

1

Скат
Горбатый.

Дым
Скал.

Лал —
Закат.

В золотой
И зубчатой
Короне, —

В порфире, —
— Взвитой,
Как огонь, —

Древний, —
— Певчий, —

Горбатый
Король —

В дымы
Скал —
— Королевне —
— Ладонь
Поднимал:

— «Трон
И
Власть —
— Там —
— В эфире!»

— «Летим —
— В шири
Мира!»

2

И —
    — В синие
        Линии —
                — Вечера,

    — Встанет,
        Как яхонты
        Красная —

                    — Глетчера
                        Стая: —

    — И тающий
        Облачный обод, —

    — Как хобот
        Взлетающий, —

    — В воздух
        Протянет.

3

Блистая
Пал —
    — Золотолобый
        Дракон —
        На утес, —

                    — Разъяв пасть,
                        Дыша дымом, —

                    — Им
                        В ночи;

По звездной
Дороге —

Над бездной
Понес.

4

Гулы
Грянули
В пропасти.

Прянули
Красные
Лопасти.

Ветер рвет
Бороду —

В ясные
Шири.

Вдруг —
Взрезал
В эфире
Им
Знак, —

— Старый
Друг, —
— Зодиак, —
— Ширя
Звезды.

И — звезды:
Раздвинулись!

Ринулись —
— К Божьему
Городу, —

— В милые сини —

— Звездистым
Простором.

5

Стожары
Играют —

Огнистым
Узором.

Повиснувши,
Руки топыря —

В перловый
Свой
Дым, —

Трубя в рог
За звездой, —

Усмехается в бороду
Им —

— Бирюзовый,
Седой, —

— Старый
Бог!

Кучино
1929

528. ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

В веках я спал... Но я — ждал —
О, Невеста —
— Север —
Моя!

Я встал
Из подземных
Зал —

Спасти —
Тебя,
Тебя!

Мы — рыцари дальних стран;
Я — рог, —
— Гудящий
Из тьмы...

В сырой,
В дождевой
Туман —

Несемся
На север
Мы...

На крутые груди коней —
Кидается —
— Чахлый
Куст...

Как ливень, —
Потоки
Дней;

Как буря, —
Глаголы
Уст...

Плащ — семицветием звезд
Слетает —
— В туман
С плеча.

Тяжелый,
Червонный
Крест —

Рукоять
Моего
Меча.

Его в пустые края
Вознесла —
— Стальная
Рука...

Се́кли
Мечей
Лезвия —

Не ветер:
Года,
Века!

Боголюбы
1911

529. ГОЛОС ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Тебя с востока
Мы
Идем встречать
В туман.

Верю — блеснешь
Из тьмы, —
— Рыцарь —
— Далеких
Стран.

Слышу топот
Коней...
Зарей багрянеет
Куст...

Слетает из бледных
Дней —
— Призыв —
— Гремящих
Уст.

Тяжел железный
Крест;
Тяжела рукоять
Меча.

В туман окрестных
Мест —
— Дымись, —
— Моя
Свеча!

Верю, — в года,
В века:
В пустые эти
Края, —

Твоя стальная
Рука —
— Несет —
— Удар
Копья.

Боголюбы
1911

530

Как рога, голосят голоса.
Загудят, как рога, небеса...
Из ночей,
Из ночей,
Из ночей,
Поднялись рукояти мечей.

Разрываются прахом гроба.
Разрывается страхом труба.
— «На коней,
На коней,

На коней!»...
И колотят копыта коней.

Точно дым между каменных скал
На седых скакунах просверкал, —
Из веков,
Из веков,
Из веков, —
Пролетающий рой мертвецов.

Боголюбы
1911

531. СТАРЫЕ БРАТЬЯ

Кресла, чехлы, пьянино...
Все — незнакомо мне;
Та же, — висит
Картина —

На глухой,
Теневой
Стене.

Ожила!.. И с прежним приветом,
Закурчавясь у ног, —
Пеной, кипеньем,
Светом —

Хлынул
Бурный
Поток.

Из раздвинутых рамок
Грустно звали: «Вернись!» —
Утес, забытый
Замок, —

Лес,
Берега
И высь.

Просыпался: века вставали...
Рыцарь, в стальной броне, —
Из безвестных, безвестных
Далей —

Я летел
На косматом
Коне.

В облаке пыли бились
Плаща моего края;
Тускло мне
Открылись —

С башни
Два
Огня.

Кричал, простирая объятья:
«Я вернулся из дальних стран!
Омойте мне, —
О, братья —

Язвы
Старых
Ран.

Примите пилигрима бездомного!...»
Но упало сердце мое:
С башни рыцарь
Темный —

На меня
Направил
Копье.

Сказал: «Мост опущен — поздно!
Путник — куда, зачем?»
Уставился — остро,
Грозно —

Злой
Клювовидный
Шлем.

«Мы — умерли; мы — поверья:
Нас кроют столетий рвы».
Пошел... Закачались
Перья —

Вокруг
Стальной
Головы.

Глухо упали ворота...
Угасал, — угас: чертог...
Изредка плакал
Кто-то —

С каменной
Башни
В рог.

И — осыпали светом
Голубые взрывы зарниц —
Острие на копье
Воздетом —

Бастион,
Черепицу,
Шпиц.

И — проговорила уныло
С прежним, с прошлым вода:
«Все это — было —
Было, —

Будет —
Всегда,
Всегда!»

А из темных, бездомных далей
На косматых, черных конях
Рыцари к замку
Скакали —

В густых,
Густых
Тенях.

Ночь играла над их головами
Переливчатым блеском звёзд;
Грохоча над сырыми
Рвами —

Опустился
Подъемный
Мост.

Москва
1910

532. ШУТ

Баллада

1

Есть край, где старый замок
В пучину бьющих вод
Зубцами серых башен
Глядит, — который год!

Его сжигает солнце;
Его дожди секут...
Есть королевна в замке;
И есть горбатый шут.

Докучно вырастая
На выступе седом, —
Прищелкивает звонко
Трескучим бубенцом.

Струею красной в ветер
Атласный плащ летит:
На каменных отвесах
Подолгу шут сидит;

И долго, долго смотрит
На запад огневой;
В вечерние туманы
Колпак подкинет свой.

Из каменных пробоин
Взлетает стая сов,
Когда несется с башни
Трубы далекий рев.

2

В тяжелый, знойный полдень,
Таясь в тени аркад, —
Выходит королевна
Послушать треск цикад.

Из блещущих травинок,
Из росянистых пней, —
Небесною коронкой
Цветок смеется ей.

Едва она сломала
Высокий стебелек, —
«О, королевна, вспомни» —
Пролепетал цветок;

Едва она сломала
Высокий стебелек, —
Кипучею струею
Ей в очи брызнул сок.

Блестя, запели — воды,
Окрестность, луг, цветы...
Запел старинный ветер:
«О, вспомни, вспомни ты!»

Прошел родимый замок,
Как облако над ней:
Зубцами старых башен
Растаял в бездне дней.

3

За порослью лиловой
Грозился старый шут:
Над ней, как адский пламень,
Мелькнул его лоскут.

На солнечные травы
Упала тень горбом:
И теневые руки
Качались над цветком!

Беззвучно колыхалась
Хохочущая грудь;
Бубенчики запели:
«Забудь, забудь, забудь!»

На башенных оконцах
Блеснули огоньки;
Как змеи, шелестели
В тяжелый зной листки.

Горбатый, старый замок
Над лугом в белый день
Крылом нетопыриным
Развеял злую тень.

Очнулась королевна:
«Всему — конец, конец!

Разбейся же, — о сердце, —
Трескучий бубенец!

Ты, одуванчик, — счастье, —
Пушинкой облетай!»
Пошла, роняя слезы
На белый горностай.

Отмахиваясь веткой
От блещущих стрекоз,
За ней седой насмешник
Тяжелый шлейф понес.

Качались стебелечки
Пленительных вербен
Между атласных, черных
Обтянутых колен.

4

Поток рыдает пеной,
Клокочет бездной дней...
В решетчатые окна
Влетает сноп огней.

Расплачется в воротах
Заржавленный засов:
Пернатый, ясный рыцарь
Летит из тьмы веков.

Конем кидаясь в солнце
Над пенистым ручьем, —
Гремит трубою в ветер,
Блистает в даль копьем.

Дрожащий луч играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На острие меча.

И бросило забрало —
Литое серебро, —
Косматым, белым дымом
Летящее перо.

И плещется попона
За гривистым конем —
Малиновым, тяжелым
Протянутым крылом.

5

Есть край, где старый замок
В пучину бьющих вод
Зубцами серых башен
Глядит, — который год!

Его сжигает солнце,
Его дожди секут.
Есть королевна в замке;
И есть горбатый шут.

С вершины мшистой башни
Гремит в закат труба,
И над мостом чугунным
Мелькает тень горба:

То за стеной зубчатой
Докучный бег минут
Трещоткой деревянной
Отсчитывает шут.

О, королевна, близко
Спасение твое:
В чугунные ворота
Ударилось копье!

Боголюбы
1911

533. КОРОЛЕВНА И РЫЦАРЬ

В окнах месяц
Млечный;
Дышит тенями
Нишь;

Однообразно,
Извечно, —
Шепчет темная
Тишь...

Королевна, свеча
Мигает!
Королевна берет
Иглу...

Летучая мышь
Слетает
С плеча —
В глухую мглу...

Много в лесу
Далеком, —
Много кануло
Душ!...

Рыцарь, разбитый
Роком, —
Канул в лесную
Глушь.

Гневные зовы
Скитальца —
В бирюзовый
Бег облаков...

Королевна —
Протянула пальцы:
В бирюзовый
Бег облаков.

Плачут в соснах
Совы:
Поняла роковую
Весть!...

Плачут в соснах
Совы:
— «Розам —
Не расцвесть!»

Розово, розово
Утро!
Розова роза
Дней...

Голос
Раздается:
— «Он — не вернется
Мне!»

Боголюбы
1911—1929

534. СВИДАНИЕ

Глянул замок
С отвеса;
Рог —
— Из замка —
— Гремит...

Грозные гребни
Леса
Утро —
— Опламенит.

Рыцарь — в рассветных
Тéнях:
В думах —
— Заветных —
— Быль...

На груди, на медных
Коленях,
На гребенчатом —
— Шлеме —
— Пыль...

Не ждет его
Друг далекий
Голубой —
— Глубиною —
— Глаз, —

Не ждет, — и скользнет
На щеки
Сквозной —
— Слезой —
— Алмаз.

Но он вышел
Из леса, королевна, —
Он расслышал: —
— Перестань —
— Рыдать.

Весна: волна —
Напевна;
Цветов —
— Не —
— Пересчитать...

Он несется за вещей
Песней; —
Изумрудит —
　　　　— Пенная —
　　　　　　　　— Блеснь.

— «Будет, как было, —
Милый» —
В ветер —
　　　— Смеется —
　　　　　　　— Песнь...

Боголюбы
1911

535. КОРОЛЬ

Проходит дорогой
Из мира ушедший —

В короне двурогой
Король сумасшедший.

И блещут огромные
Синие
Очи —

В зловещие, темные
Линии
Ночи.

И плещут из пыли
Клочки багряницы, —

Как красные крылья
Испуганной птицы.

Он в дикое поле
Бросает
Ладони —

Но дикое поле —
Топочет
Погоней.

Кучино
1931

536. ПРОБУЖДЕНИЕ

Тянулись тяжелые годы;
Земля замерзала...
Из трещин —
Огонь, нас сжигавший
Веками, —
Свои
Языки
Протопырил.

Гляжу: —
        — Под ногами
          Моими —

        — Из трещин пещерных
          Выходят, —
          Простершие
          Желтые кости —
                    — Покойники
                      В саванах белых.

А небо —
В алмазах огромных...

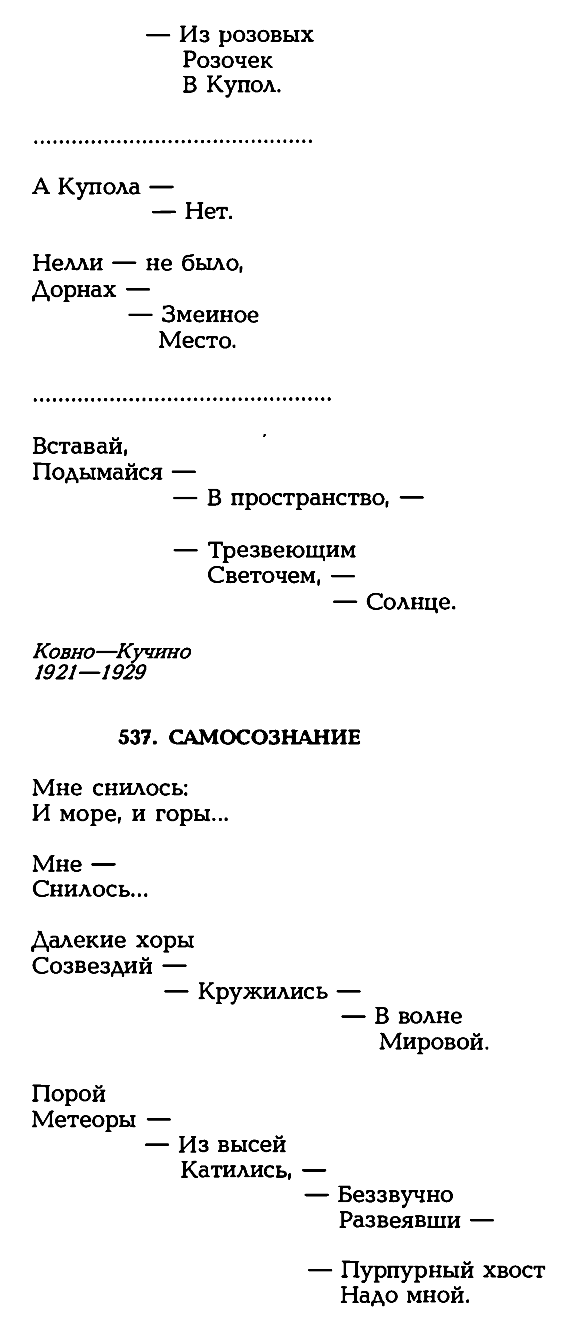
Земля отделилась:
И светом мерцающим —
Выросли
Крылья.

Несут: —
        — И откуда-то
          Снова —

        — Мне видятся —
                  — Домики
                    Дорнаха.

Там —
      — В бирюзеющих землях,
        В негреющих
        Светочах —
              — Дорнах.

И Нелли,
Как прежде,
Смеется, —

— Из розовых
Розочек
В Купол.

....

А Купола —
— Нет.

Нелли — не было,
Дорнах —
— Змеиное
Место.

....

Вставай,
Подымайся —
— В пространство, —

— Трезвеющим
Светочем, —
— Солнце.

Ковно—Кучино
1921—1929

537. САМОСОЗНАНИЕ

Мне снилось:
И море, и горы...

Мне —
Снилось...

Далекие хоры
Созвездий —
— Кружились —
— В волне
Мировой.

Порой
Метеоры —
— Из высей
Катились, —
— Беззвучно
Развеявши —

— Пурпурный хвост
Надо мной.

Проснулся —
И те же: —
— И горы,
И море...

И долгие, долгие
Взоры —
— Бросаю
Вокруг.

Все —
То же...

Докучно
Внимаю, —
— Как —
— Плачется бездна, —
Старинная бездна
Лазури, —
— И —
Солнечный,
Огненный —
— Круг.

Мои многолетние боли —
Доколе?

Чрез жизни, миры, мирозданья —
За мной пробегаете
Вы...

В надмирных твореньях,
В паденьях —
Течет бытие... —
— Но —
— о, Боже! —

Сознанье —
— Все строже,
Все то же —

— Все то же —
— Сознанье
Мое.

Базель
1914

БЕЛЫЕ СТИХИ

538. ВОЛОСАТИК

Мраморы прочерченных перил;
И морок сцепленных ветвей —
Под ними;
Под ветвями —
Черный великан, —
Ничто, сщемляемое скалами;
Сорви покров, —
Откроется дыра:
Дна — нет...

И юноши, и девушки, играя,
Бросили
Друг в друга лепестки.
И — красное вино
Обходит всех.

Китайские фонарики зажглись,
Чтоб ночь —
Пестра была:
Цветные пятна —
На руках, на лицах, на полу, —
Колеблет ветерок;
Рука — оранжевая;
Эта вот — лиловая;
Лицо — сквозное, голубое, — то:
Лицо, —
Как кровь: вот это.

Все, —
Как саламандра,
Севшая на круть скалы:
Она, юркнувши в щель,
Слизнется; будет —
Мрак —
В том месте...

Девушка,
Которая всех строже,
Стиснув губы,
С арфы рвет, —
Не звук, —
Цветок.

Под розами, вцепясь в сцепленье
Веток,
Липнет брюхом к розам,
Выгнутой спиной качаяся
Над бездной, —
Туловище;
Восемь лап вцепилось
В ветки;
Шея — вертится:
На головенке — колпачок...
Лицо —
        — Тсс, тсс! —
Ни звука!

— «Слышали легенду гор
О волосатике?»
— «Нет!»
— «Слушайте же...»

Прорвины опутав розами,
Как паутиной, —
Виснет
Туловище;
Два глазка, как два зеленых
Светлячка, —
Сбесились радостно;
И тот, —
        — О ком не смею
            Вслух сказать, —
В намеченную жертву
Вцелился, ликуя: —
В ту,
Которую —
Ток электрический
Внезапно пронизал:
Срывает в пропасть
С арфы
Звук: —
        — Звук, как разбитая
            О скалы
            Склянка, —

Дребежжит,
Слетая —
— Плачущим
Привзвизгом.

Вдруг —
В том месте,
Где светляк мигал —
Чирик
Ответный...

Семь скелетов, высосанных,
Сохнут —
В пропасти:
Семь девушек —
Пропало!

Рог луны
За скалы сел, отбросив
Тень;
Фонарики, наполненные кровью, —
Злы;
Чирики,
Как укусы, —
В грусть струны
Впились.
И — девушка от арфы
Встала:
Встретить сверк —
Глаза в глаза.

Тут юноша, оружие нащупав,
Звал к вину
И к персикам:
— «Идите к нам:
Легенду гор рассказывают
Нам —
О волосатике:
Хахахахá —
Забавно!»

Девушка — не шла:
Бледна, синя,
Рукой оранжевою бросясь
За перила, —
Свесилась лицом,
Которое из голубого стало
Красным:

— «Посмотрите:
Светляки переползают
Ближе...
Как нежны —
Чирики!..»

Линии прощела, — точно
Лапа согнутая,
Вояньем ветвей,
Качаемых над пропастью —
Навстречу ей.

— «Ах!»
Схваченная юношей,
Отбросилась;
И красное лицо из красного пятна,
Пав в голубое,
Голубело;
А рука оранжевая —
Стала черной,
Бросаясь в тень.

— «Вы — осторожней!..
Боже упаси вас...»

«Боже» —
Повторило эхо;
Светляки погасли;
Старый сторож,
Знающий заклятие, —
Твердил его всю ночь;
Но — правды — не открыл:
Она —
Ужасна: —
                    — Сотрясая
                       Воздух,
                       Сказ о ней способен
                       Вызвать
                       Действия, подобные
                       Разрыву:
                       Шар земной,
                       Не выдержав ее,
                       Вдруг разлетится...

....

Сказка гор рассказана;
Китайские фонарики —
Погасли:

Лица, плечи, руки,
Серые, как пепел, выявились
В утро;
Утро озарило
Блеклые кусты,
Заросшие больною паутиной,
Скошенною в пропасть.

— «Круть какая!»
— «Кто — смотрите —
Прыгает
С отвеса на отвес?»
— «Баран —
Потерянный...»

Нырнул под облако...

....

Чрез трое суток —
Старый сторож
Вьючною тропою
Шел...

Где
Гололобая скала повесилась,
И где бесилась
Бездна,
Пеною, как бешеной слюной,
Означив адский скач, —
На спину сторожа
Прыжком,
Повесив восемь лап
В лазурь, —
Дугой слетело
Туловище.

Обернувшись,
Он успел заметить
Лишь, —
— Вздутые,
Оскаленные —
— Губы...

Сгинул он.

Но пятна ржавые
Означились

На серолиловатом камне
После.

В пропасти же,
Зарастая паутиной,
Годы —
Мертвенно,
Подобная —
                    — Ослиной
                         Коже, —
                                     — Кожа, —
Досыхала,
Сма́рщиваясь
С тихим треском,
В ветре
Жалобно шурша
И всхлипывая.

Сторож был восьмым,
Пропавшим без вестей.

Даниловка
1898—1929

539. РЕВУН

О, скорбный
Край!

Железная часовня,
Кровлю протопырив,
Точно рвется в пропасть
Сброситься —
Из кипарисов
Черных;
С кровли
Два серебряных ребенка
Тяжелеют крыльями
Из блестков дождевых.

Туман,
Привстав горбом и пастью
Ящера,
Хвостом вцепяся в камень —
Полз на них...
Дополз, — и все
Пожрал.

Старик и я —
Молчали...

В сумерках я встретил
Старика
Под перевалом;
Гнали нас ветра,
Плащи срывая;
И трепались волосы
Из-под полей широкополых шляп;
Трепалась в ветер
Борода его, —
Как полотенце;
Длинный, тонкий нос,
Проостренный, —
В горбины, скаты, плоскогорья,
И леса —
Под нами, —
Точно палец на столбе
Без надписи — показывал,
Мне путь;
Лицо, как надпись,
Стерлось;
Серое, в пространстве сером, —
Серое пространство:
Не лицо...

Он вел меня
В заброшенную виллу:
«В ней придется нам
Заночевать...
Смеркается: на перевале —
Бури...»

И в пустую виллу
Мы вошли...
— «Я тут бываю...»
— «А хозяин —
Где же?»

— «Как сказать: и там,
И здесь» — одной рукой —
На бури неба
Оловянного;
Другой —
В свинцовое роенье над провалом...

— «Как это понять?»
Он — не ответил мне:

— «Пойду, чтоб —
Осветить могилы кладбища:
Пускай горят они...»
И в сумерках —
Исчез.

Легенду вспомнивши о Ревуне,
Я — подошел к окну;
Старик — не возвращался;
Только блеск огней
Указывал,
Что он —
Лампады зажигает:
Желтым бредом
В синие
И в чернофиолетовые
Пятна кипарисов
Ширились они;
И кучка кипарисов —
Лепетала —
                — В тучу,
                  Свешенную низко
                  Белым завитком.

И завиток
Напомнил формой
Старческую голову;
А выгиб облака —
Горб старческой спины
И плащ,
С нее слетавший...

Спутник мой —
Пропал...

Под утро бледные дожди
Окно разбили ревом;
Я — проснулся: не было тумана;
Клок один цеплялся;
Видел я провал,
Хребтами сжатый;
Линии его напомнили
Мне —
Старческое туловище,
Вниз павшее, и ставшее
Ничем
Тумана.

А ледник,
Створяемый со мглой, —
Напомнил
Кудри...

....

Бледным днем мы вышли;
Перевал был чист;
Его прошли, — и —
Путь лежал в долину.
Но старик — сказал:
— «Пути
Расходятся;
Вам — вниз; а мне —
Туда» —
Одной рукою — в бури неба, а другой
В свинцовое роенье...
Мы простились.

....

Это было
Около Рошэ́-де-Нэ́
Тому назад —
Лет двадцать.

Москва
1899—1929

540. АРГОНАВТЫ

1

То было под Батумом
В Цихис-Дзири...

С мыса, —
Где стоит
«*Castellamare*»[1] —
— вилла, —
И откуда Поти видно,
Снег сванетских пиков,
Горы Турции, —
Крюкастой палкой вдаль указывал
Старик

[1] Вилла в готическом стиле.

В крылатке:
Был писатель;
Планы строил:

—«Буду издавать журнал —
Руно...
Сотрудникам дам титул:
Аргонавты;
Марка — солнце.
Проповедью
Солнечных основ
Я —
Позолоту наведу на мир;
Откроем школы
Солнечных изделий;
Будем строить *Арго*,
Наш корабль крылатый
Около Батума —
В Цихис-Дзири,
Где дельфин,
Свиную морду солнцу показавши,
Тело серое в волнах вращает —
Колесом,
Мелькнув из пены
Серым плавником».

— «Из Артвина[1]
Придет покрытый шкурой
Несса,
В плечи палицу сложив,
Геракл.
Придет Язон,
Шишвили —
Из-под Кутаиса,
Рогом протрубив;
Орфей —
Напишет гимн».

— «Наш инженер
Изменит принципы
Механики;
Корабль междупланетный
Он построит.
И —
Переселенческое дело
Приберем к рукам!»

---

[1] Турецкий город около Батума.

— «Земля останется —
Без обитателей;
На солнце будут продавать
Земель участки;
Фабрики искусственного льда
Покроют Солнце;
И —
Протуберанец оседлав,
Как лошадь,
Пустимся в Подсолнечную...»

— «О, —
Наш *Арго*,
Улетая,
Будет бить крылами!»

Золота колонны
Всплескивали плачем
Под «*Castellamare*»;
Парус, — перл, —
Надулся с облака.
Бананный лист,
Как знамя,
В ветер развернул
Свой лист;
И шарик солнца
Падал.

Палкой ткнув в него,
Писатель
Произнес:
«Каков —
Орешек!»

И подставивши ладонь лучу,
Горсть солнечную
В дом понес:
Она — слизнулась...

Можно было черпать
Солнце
Ведрами пустыми;
Ведро солнца
Делалось в домах —
Ведром
Теней.

2

Через пять лет —

Пять тысяч числилось
Подписчиков
За «*Золотым Руном*».

Четвертой осью,
Точно вертелом,
Проткнули землю,
Как индюшку;
Обнаружилось:
Четыре направления
В пространстве —
Время;
И — наоборот:
Пространство —
Схватка
Четырех времен:
В «тэ» малом
«Тэ» большое —
Точка четырех
Координат.

На этом принципе
Построили корабль:
Передвиженьем рычажков
Прибора
К точке «Тэ» большого,
Солнечный объем,
Став целым трех времен,
В четвертое вводился
Время, —
Время пребывания
Газообразных масс Земли
В пылавших массах
Газа Солнца.

Основы солнечной науки,
Гелиодинамики, —
Зажгли сердца;
Шнырял в гостиных
Агент Солнца;
Юноши втыкали свой
Жетон «Руна»
В петлицу;
И —

«Авиогел»
Снял дом огромный
Для контор, бюро —
В Москве.

Гремело имя
Нового Орфея,
Ставшего
Магистром ордена
«*Руна*».
Печатались в газетах
Интервью;
И солнечный
Конгресс
Готовился к началу
Двадцать третьего
Столетья.

3

«*Арго*», — вылитый из ставших
Льдом
Лучей, —
          — Дракон,
            Простерший крылья
            С плоской крыши
            Пред трибунами, —
Был
Выставлен.

Два
Смельчака —
Летели
Завтра.

Нынче же — прощальный вечер
С дамами и с масками...

«Орфей» был в орденском костюме:
В латах, бросивших
Лучи —
В очки
Корреспондентов;
Руки пожимал им:
— «Да, лечу... Здесь —
Делать нечего:
Мала планетка!..»

И ходил трубач
За ним.

От времени до времени
Прикладывал трубу трубач
Ко рту, —
— Чтоб —
Аргонавты
В орденских костюмах,
С дамами плясавшие «*Фифспфиф*»,
Новейший танец,
Бросив дам, обстали бы магистра,
Сабли выхватив:
Таков обряд их.

За магистром, скрыв лицо очками,
И худой, и длинный,
Точно ось, —
Шел
Инженер.

Его никто
Не знал.

Заметили явленье домино
С изображением на черных
Капюшонах
Головы осла.
И — поняли:
Явление такое есть пародия
Ученого Пампана,
Написавшего, что принципы
Механики полета —
Вздор: —
— бум-бум,
бам-бам!

Так утверждал
Пампан.

Когда трубач трубил
И рыцари сверкали саблями,
То домино,
Из-под халатов черных
Тоже
Сабли выхватив, —
На рыцарей шли твердым
Маршем, —

— Нá-ногу, на правую,
Прихрамывая, —
Чтобы —
Дать понять, что логика
Прихрамывает
Чья-то.

И смеялись
Дамы в масках;
И — плясали.

Даже сам Пампан
Пустился в пляс, схаатяся за подтяжки
Пальцами и ноги,
И животик
К потолку метая.

И качался
Над огромным лбом —
Хохол
Волос.

4

Магистр стоял в сращенье крыл
Дракона золотого, —
Арго, —
Лозунги бросая:

«Атом — мир, где электроны
Суть планеты,
Где протон
Шар солнца;
Наше тело — бездна из
Протонов солнц;
И солнце — в нас в такой же
Мере, —
Как вне нас».

А спутник-инженер,
Лицо очками скрыв,
Сел молча за рулем;
Ткнул чем-то
В что-то...
Грянул клич, —
И, —
И...

И...
И...

Но «*Арго*»
Не слетел.

И яйца тухлые
Закракали им в лбы.

Старик Пампан, на бочку встав,
Показывал —
Им
Кукиш.

Много лет прошло
С тех пор.

5

На месте некогда разрушенной толпой
Редакции «Руна» стоял столб, —
«*Стультус*»:
«Стульто»-луч открыли
В двадцать
Третьем
Веке.

Да еще Лапан,
Историк,
Документ открыл о культе солнца,
В двадцать пятом веке;
Этот поздний культ подтасовал
Историю:
Миф солнечный
Об Аполлоне, Митре, Озирисе
И Ормузде —
Вписки двадцать третьего
Столетья
В тексты древних.

А Маман,
Ученый,
Уточнил:
Лапан, —
И тот —
Ошибся.

Первый пункт:
Крылаток не носили

В двадцать третьем
Веке:
«*Бéрбери*» носили.
Виллу же Castellamare
Разобрали чуть ли
Не в двадцатом веке;
В двадцать третьем веке
Не могла она стоять.

И — во-вторых:
Миф солнечный возник не
В двадцать третьем веке,
А
В двадцатом.
Рябушинский Николай
Тогда дал деньги на журнал
«Руно»,
Сам миф об аргонавтах
Выдуман
Андреем Белым
(Был такой
Писатель);
Он украден
Для журнала
Рябушинского.

Что главное:
Смысл мифа,
Над которым трудится
Лапан, —
Пародия: —
Какой-то в нем
Шиш-вили
Стал
Язоном.

Явно,
Что
«Шиш-»
Вили —
— Шиш!

И это значит:
«Виль-с ду́ —
Шиш!»

Маман, ученый —
Доказал: —

— Лапан
Ошибся.

А Пампана —
Не было.

Кучино
1929

541. СКАЗАНИЕ ОБ АЛИ-БАБЕ

1

За голубой водою
Озера,
Где желтой лихорадкою
Болеют,
За травой Судана,
Около лесов огромных
Конго,
Веткою мимозою лакомясь,
И рогом в ствол
Долбясь, —
Огромный носорог
Похрюкивал;
Слезились плохо видящие
Глазки;
Хвостик, как игрушечный,
Над задом —
Бегал...

Вдруг, —
Как вкопанный
Он стал,
Унюхав запах.

Было нестерпимо ощущать
Свой рог —
От острия
До корня:
Рогом землю взрыл;
И четырьмя
Обрубками —
Пустился
Вскачь,
Озлясь, —

— Вонзить
В то,
Что так пахло,
Где угодно,
Как угодно, —
— в грудь,
в живот
иль зад —
Свой рог —
— от острия
до корня.

Птица Цвэквэ
Издали
Следила
За галопом носорога глупого.

2

На севере,
В далеком Тимбукту,
Жил Али-Баба,
Старый негр,
С седой бородкой;
В гондуре морковнорозовой
Ходил;
И —
Проповедовал
Коран —
В мечети...

Слово Али-Бабы
Провозилось на верблюдах
В Кайруан.

И сам Самум,
Кидавшийся на караван
Своею красной
Яростью
То слово —
Пропускал;
В Тибéсти
Слушали то слово;
Ибн-Салех,
Воткнув цветок за ухо,
Бабу старого
Цитировал;
Марокко, Тлемсен, Гафса,
Кайруан —

Гонцов к нему через Сахару
Слали.
Даже
Туареги,
Резавшие все —
Не резали
То слово.

Раз Абдурахман-Ома́р,
Владелец лавки шелковой
В Кордове —
Вымолвил:
«Спросить об этом
Али-Бабу надо...
Тимбукту —
Свет солнечный; а в нем
Нам Али-Баба —
Солнце...»

И в Испании
Гремело слово
Негра.

Али-Баба —
Стар:
Устал Коран доказывать:
И негру Мбэбвэ,
Негру Мпонге,
Запрещать ходить
На бой —
С гиппопотамами.

Однажды ночью
Выйдя из дому,
Он в ляписы-лазури неба —
Канул.

В Тимбукту его
Забыли.
В Кайруан
Не приходило слово
На верблюдах;
Туареги резали
По-прежнему;
Самум —
Кровавой мглой
Песков взметенных
Сыпал.

И показывала кости
Здесь и там
Сахара злая.

3

Дело было так.

Под нежными мимозами
Сидел на корточках,
С колен ладони свесив,
Али-Баба;
Кончик носа
Созерцал;
И — думал:
Морок —
Мир: —

— Был Шопенгауэр
Жуликом, таскавшим
Мысли Али-Бабы.

Вдруг —
Он слышит: топот
Косный;
Видит: —
— На него несется
Туловище,
Как цистерна
Нефтяная,
На коротких, толстых
Ножках,
Мордой —
Вниз,
Нацелясь рогом
В пуп.

Так за почтенным негром
В Тимбукту гонялись
Жители в часы,
Когда окончив разъяснение
Корана
На дворе мечети,
Возвращался он в свои
Сады
Домой;
И так к нему слетались
В Диэннее,

Поднимавшей конусы своих
Трех-четырехэтажных
Зданий
В пламенное небо.

Али-Баба
Радовался:
Даже зверь
Стремит
Свой кузов туловища
На коротких, толстых
Ножках,
Точно ученик
Ахмет-бен-Xа́ха,
Со всех ног к нему лупивший,
Белый, шелковый
Бурнус,
Которым плечи кутал, —
Бросив в пыльный винт
Ветров,
Крутящийся над Нигером...

Ударом страшным
Взбит, —
Закувыркался
В воздухе,
Подброшенный огромной
Мордищей, —
— Сперва увидев
Небо
С топким, беленьким
Серпом —
— Аллах
Да будет
С нами!—
А потом
Увидев
Под собой чудовище,
Припавшее
К траве, —

Наддать ногами,
Мордой,
Рогом,
Вцеленным в слетающее
Тело,
Чтобы острый рог
В него вошел —

— От острия
До корня...

Так играют
В бильбокэ.

Али-Баба
Сам себе напомнил:
Морок мир...
И —
— Сел
На рог —
— С достоинством.

А из травы
Высокой
Маленькую голову
На листовидной шее
Кобра подняла
На зрелище невиданное:
На знакомство
Носорога глупого
С почтенным, старым, черным
Мудрецом,
Чье имя прогремело
До Кордовы, Кардофана
И Туниса.

И травою завинтила
В травы: —
— Два змееныша
За ней винтили
Хвостиками
В травы
Из травы.

Кучино
1929

ЧЕРЧ ТЕНЕЙ

542. АНДРОН

Лесная дебрь... Там, на опушке
Свирепый вепрь залег в кусты;
Там — курьерогие избушки
Глядят в болотистые мглы;

Там по ночам нагие бабы,
Схватясь руками за бока,
Трясясь, как животами жабы, —
Со свистом чешут трепака;

Там с вытоптанной, пнистой плеши,
Надев треух, сев на пенек,
Быкоголовый, пегий леший
Развел трескучий огонек...

Клочится дым... На поле строгом
Виляет пыль седым винтом;
И бродит ветер по дорогам;
И глухо колобродит гром;

И — древний, роковой возничий, —
Седой, всклокоченный Андрон[1], —
Гремя телегой, порет дичи,
Летучей молнией взогнен.

Кучино
1931

543. ШОРОХИ

Вы ль, —
— Мои не́были?

Ты ль, —
— Быстрый
Свет?

[1] «Поехал Андрон на телеге» — в народном диалекте выражает бестолочь, чепуху, бред.

Были ли,
Не были ль —
                    — Искры, —
                                        — Поэт?

Гарево —
Пыли —
          — Из —
                    — Марева
                        Лет!...

Нет, —
Не измеривай!...

Дерево —
            — Там —

                        — Пляшет
                            Листвой
                            Оголтелою —
                                                — В гам.

                            Машет
                            Рукой
                            Омертвелою —
                                                — Нам...

Падает, —
            — Падает —
                                — Падает —
Ночь...

Дай, —
Изнемочь!..

Прочь, —
Постылая, —
Прочь!

Прыснула —
Прочь —
          — Острокрылая
              Ночь...

              Прыснула
              В выспрь —
                            — Острокрылая
                                Быстрь!

Падаю, —
— Падаю, —
— Падаю —
— Я...

Не превозмочь
Тебя, —

Быстрь
Бытия!

Москва
1900—1929

544. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Как пыли
Вьет!..

Как —
— Тени
Пали
В пропасти!

Как —
— Ветер —
Из ковыли —
— В дали —
— Рвет —

— Платана
Лопасти!

Как —
— Из тумана —
Пены
Нижут —

— Взмои —
— Перегонных —
— Вод!

Так —
— Смены
Поколений —
— Слижут —
— Мглой
Плененный
Род...

Круги —
  — Миров —
    — Нарушены: —

Беги!

И — верть
И — смерть!

Дома —
Разрушены...

Сама —
  — Не держит —
    — Твердь!

Дым —
На полях:

Сухие
Мяты,
Тьмы...

Бежим —
  — Куда-то, —
    — Тьмой —
      — Объяты, —
        — Мы!

Серебряный-Колодезь
1903—1930

545. ИЗ ЛОНА ЛЕТ

И муть
И жуть —

Из тьмы
Тысячелетий.

И тьмою бед
Разорван
Тусклый гром;

И —
  — Плачем мы, —

Потерянные дети...

Очерчен —
Круг;
Оторван —
— Смысл и путь.

Вдруг, —
Губы
К нам —
— В расширенные
Уши, —

— Как трубы,
Протопыренные
В свет, —

— Склоняясь там,
Недышащие души, —

Из лона
Лет —

Забормотали
Бред.

Кучино
1926

546. ГНЕВ

О, Боже, —
Громче
Укоризны!

Все звонче
Песни похорон!

Верч
Сиротеющей
Отчизны...

И смерч,
И вой, и стон
Времен.

Грозней
И строже
В мрак неверий —

Из трудной мглы —
Летящих лет, —

Из скудных дней
Простерли перья, —

Там, —
        — Как орлы, —
                        — Огни
                           Комет!

Вгнетай
Нам
Страх!

Взметай
Невесте, —

Твоей скудеющей
Земле —

И — взмах
Меча,
И молньи мести —

На огневеющем
Челе.

Берлин
1923

547. МАРШ

Упала завеса: и — снова
Сурово разъяты закаты —

В горбатые,
Старые
Скаты —

          — И в синие
             Линии
             Леса.

Упорным размеренным шагом
Проходим над черным обрывом...

Блеснуло —
Бесплодным
Зигзагом: —

— Рвануло —
Холодным
Порывом.

Потухли, — как в пепле, — дороги;
Засохли шершавые травы...

Распухли
Склоненные
Ноги.

Горят
Воспаленные
Веки...

———

Оглохли,
Ослепли —
— Навеки!

Москва
1924

548. СТРАХ

Жду — Твой глагол из пламени приять.
Жду — знамений... Но ужас, —
— Дух гнетущий, —

Как вор,
Как тать, —

В горах
Ползущий.

Косматый прах бормочет в облаках, —
Метет горе́ всклокоченные суши....

Как раб
В норе, —

Спасаю
Душу...

Из тучи злой летучая змея
Иглой огня меня пронзит бесцельно...

Душа
Моя —

Скорбит
Смертельно!

Москва
1901—1931

549. РОК

Ваш громкий
Рок —
Мой золотой
Венец.

Как тонкий
Серп
Его зубец
Облещен: —

— Я — ваш пророк, —
Вам предвозвещен!

Вас, как алмаз,
Палил
Мой глаз —
— Не раз!

И, как огонь —
Моя
Ладонь
Пылала: —

— Толпу — будил:
Толпа — дремала.

Раз
Кто-то,
Перебив, —
Захохотал.

И —
Повалив
На каменные
Плиты —

— Меня терзал:
Хлестал в ланиты!

Труби
Туда, —
Надтреснутый
Мой рог, —

В года,
И в тьмы:
В немые
Назареты: —

— «О, где ты, Бог!

— О, где ты, —
— Где ты —
— Где ты?»

Только в тухнущие
Муки
Где-то ухнувшие
Звуки: —

— «Бога —
Нет!

— Бога —
Нет!»

Москва
1901—1931

550. БЕРЛИН

Взор
Божий, —
— Пламенные
Стрелы, —
Взогнит наш каменный
Позор...

Куда нам убежать
От гнева?
И как взвизжать
Из черных нор?

Дух —
Чрево, —
— Пучащее газы, —
Потухни!

Рухни,
Старый храм, —
                    — Где —

Вспух
От злобы
Озверелый, —
                 — Безлобый
                    Узкоглазый —
                                  — Хам!

Жрец сала, прожеватель
Хлеба, —

Упорно
Вспучив
Смокинг —
             — Гроб, —

Со щелком нахлобучив
Небо, —
         — Свой черный
            Котелок —
                       — На лоб, —

Сжав
Совесть —
            — Лаковым
               Портфелем,

Живот —
          — Караковым
             Пальто, —

Вот —
Побежит к конечным
Целям, —
          — Чтоб —
                    — С тумбы

Грянуться
В ничто!

Кучино
1931

551—557. БРЮСОВ

Сюита

1

Свисты ветряных потоков,
Рвущих черный плащ;
Тучи мороками рока
Вспучил горный хрящ.

В тьмой объятую стремнину
Маг, объятый тьмой,
Бросил белую лавину...
Шаг оборван мой.

Из-за скал, как клекот злого,
Горного орла, —
Бьет магическое слово
В сердце, как стрела.

Взвивший молнийные муки
Мертвой головы, —
Мертвый маг, сложивший руки,
Вставший в выси — вы.

Москва
1903—1929

2

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, сериозен, строен, прям;

То, над книгою изогнут, —
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть:

Пляшет черная бородка;
В острых взорах — власть и страсть...

Пламень уст, — багряных маков, —
Оттеняет бледность щек: —

Неизменен, одинаков, —
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь;
В мыслях — молнийный излом:

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, — иглы молний
Возжигаешь в мозг врага...

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога, —

Потрясая строгим тоном
Звезды строющий эфир: —

Где-то там — за небосклоном —
Засверкает новый мир;

Там, за гранью небосклона, —
Нет, не небо, — сфера душ:

Ты ее в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь!

Неизвестную туманность
Нам откроет астроном: —

Мира каменная данность —
Мысль, стверженная числом.

В строфах — рифмы, в рифмах — мысли
Созидают бытие:

Смысли, сформулируй, счисли, —
Стань во царствие твое!

Числа, рифмы, сочетанья
Образов и слов, поэт, —

Становленья, восставанья
Всех вселенных, всех планет!

Все лишь символ... Кто ты? Где ты?...
Мир, Москва и «Скорпион»!..

Солнце, дальние планеты!...
Все течет, как дальний сон.

С быстротою метеора
Оборвавшийся к нам маг, —

Стал печатного набора
Корректурный, черный, знак.

Москва
1904—1929

3

Свет, — как жерло́; и воздух — пылен;
День, — как пустой, стеклянный страз;
В него ты выпучил, как филин,
Огонь непереносных глаз.

Твой голос — звуки афоризма;
Шаг — стуки похоронных дрог;
Мысль — как отточенная призма;
Всклокоченная бровь — издро́г.

Как пляшущие жабы, — речи;
Как черный бриллиант, — глаза...
Ты, как Атлант, взвалил на плечи
Свои пустые небеса.

Докучное, как бор-машина,
Сплошное, мировое все, —
Шипит, как лопнувшая шина,
Жужжит, как злое колесо.

Изверженный тоской железной
Из этой звездной высоты, —
Как некий стержень бесполезный,
Как кукла вылитая, — ты!

Изогнутый дугой упорной
В наш бестолковый перепуг, —
Взвивай из мороков свой черный,
Всегда застегнутый сюртук.

Москва
1907—1931

4

Разрывая занавески,
Ветер — винт перевертной —
Кружевные арабески
Завивает надо мной.

Плещут тюлевые шторы;
Тени ползают в окне,

Как невидимые воры
В душном, обморочном сне.

Ты ль, вытягиваясь в нише,
Пылью пепельною встав, —
Под железный желоб крыши
Взвил невидимый состав?

Ты ль, скривляясь тенью злою,
Губы к уху перевлек, —
Черной, морочной полою
Перерезав потолок?

Словно вздох, зефира тише,
Словно дох небытия, —
Легколепетней, чем мыши,
Легколепетное: —
— «Я!»

Сгинь, — покоя не нашедший,
Оболгавший свой прозор, —
Бестолковый, сумасшедший,
Теневой гипнотизер!

В синем дыме папиросы
Встали синие персты;
Прожужжали, словно осы:

«Сгинем, —
— Минем —
— Я —
— И ты!»

Кучино
1931

5

В бездну
Безвременья
Падай, —
— Из бездны
Безвременья, —
— Непеременною сменой, —

Кольцо
Бытия!

Прядай,
Седая
Струя —
  — Из безвременья —
На бытие мое!

Ты, — незнакомое
Время,

Обдай мне лицо
Своей
Пеною!

Мертвенный не́мень, —
Рыдая,
Я
Падаю!

Времени —
Нет уже...

Падаю
В эту же —
  — Бездну
  Безвременья.

Кучино
1929

6

> Я обменял свой жезл змеиный
> На белый посох костяной.
> *В. Брюсов*

Туманы, пропасти и гроты...

Как в воздух, поднимаюсь я:
Непобедимые высоты —
И надо мной, и вкруг меня...
У ледяного края бездны
Перебегает дым сквозной:
Мгла стелется передо мной.

Ударился о жезл железный
Мой посох бедный костяной: —

И кто-то, темный, из провала
Выходит, пересекши путь;

И острое скользнуло жало,
Как живоблещущая ртуть;
И взрывом дьявольского смеха
В раскаты бури снеговой
Ответствует громами эхо;
И — катится над головой
Тяжеловесная лавина...

Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

И вот уж — в пасти пропастей
Упали стоны урагана;
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, лопасти тумана, —
Над осветленной крутизной,
Затаяв ясными слезами...
И кто же?...
....Брат передо мной
С ожесточенными очами
Склонился; и железный свой
Он поднял жезл над головой...

Так это — ты?...
...Не изумленный,
Знакомый протянулся лик,
И жезл упал, не обагренный,
На звонкий, голубой ледник.

— «Зачем ты с ледяных окраин
Слетел, как кондор, месть тая, —
Исподтишка... Зачем, как Каин,
Ты руку поднял на меня?
Как трепетанье коромысла,
Как разгоранье серебра, —
Твои двусмысленные смыслы,
Твоя опасная игра!»

— «Мы горних искусов науку,
И марева пустынных скал
Проходим вместе» — ты сказал...
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал.

Твои исчисленные мысли
В туман расклоченный повисли,
Как грани горного ребра;

И ты, — двуликий, — свет и мгла, —
На грани и добра, и зла.

Пусть шел ты от одной долины,
Я — от другой (мой путь — иной):
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменяешь жезл змеиный.

Нам с высей не сойти, о маг;
Идем: наш одинаков шаг....

Стоят серебряные цепи,
Подняв в закат свои огни;
Там — ледяных великолепий
Оденем чистые брони́.
Поэт и брат, стезей порфирной —
В снега, в ветра, — скорей, — туда —
В зеркальные чертоги льда
И снегоблещущего фирна.

Бобровка
1909

7

Проклятый, одинокий
Бег
В косматый дым, в далекий
Снег.

Обвалы прядают,
Как молот:
И — скалы падают;
И — холод.

Переползает
Злая тень;
Как меч, перерезает
День;

И вниз,
Как зеркало стальное,
Ледник повис
Броней сквозною.

С тропы крутой —
Не оборвись!
Ясна обрывистая
Высь...

Седая, гривистая
Лопасть —
Слетает: стой!..
Чернеет — пропасть.

Бежишь, смеясь;
Сквозной ручей
Поет, сребрясь
Струной: «Ничей!»

Над мутью сирой
Лед зернистый
Слетел порфирой
Серебристой.

Луч солнечный
Пропел над тьмой;
Омолненный, —
Слепой; немой, —

Как кондор, над ужасным
Пиком,
Прозолотел прекрасным
Ликом.

Неизъяснима —
Синева:
Как сахарная
Голова, —

Сребрея светом,
Как из пепла, —
Гора из облака
Окрепла.

....

Истают быстрые
Года,
Как искры
Золотого льда, —

Под этой звездной
Пеленою, —
Над этой бездной
Ледяною.

Москва
1929

558. В ГОРАХ

1

Взираю
В серые
Туманы.

Раздираю
Рубище —
— Я.

Оборвут, —
— Как прах, —
— Ураганы...

Разорвут —
— В горах —
Меня.

В базальте —
Пещеры
Серые, —
— Чтоб —
— Прятались
От дня —
— И кобольд,
И гном...
О, боли, —
— Змеи
Серые: —
— Жальте
В лоб —
— Меня!

Туман,
Как великан,
Разметан: —

Пал —
Там —
В пролом...

Ворон,
Ворон, —
— Вотана, —

Вот он —
— Бьет
Крылом.

2

Гордо
Глыба
Молота, —
— Закачалась в твердых
Руках.

Взмах —
— Трах —
— Расколота: —

— Каменная морда —
В прах.

Стиснул зубы
Грубый
Камень —
— Расколачиваемая
Скрижаль; —

Прыснул,
Гололобый, —
— Чтобы —
— Пасть —

В расколотую золотом
Даль.

Камней кололись
Осколки;
Отовсюду
Приподнялись —

О, сколькие
Колкие —
— Елки —
— Высвистом
Порывистым —
— Ввысь!

Изошел
Мелколесием еловым —
Красностволый
Голый
Лес.

Я —
— В лиловое
Поднебесие —
— По гололобым
Скалам —
— Лез.

Не верьте,
Серые веи, —
— Золотистым
Искрам дня!

Смерти, —
— Серые змеи, —
— Не пугайте:
Свистом
Меня.

3

Гора: дорога
В горы, —
О которых пел
Скальд...

Алтарный камень, —
Который?

Только
Голый
Базальт, —
— Откуда с мрачным
Мыком
Бежал быкорогий
Бог, —
— Бросив месяц, —
Зыком
Перегудевший в пустоты
Рог...

Обмануты!

С пламенных скатов
Протянуты, —
— В ночь
И в дни, —

— В полосатые
Злата закатов, —

— Волосатые
Руки
Мои.

4

Над утесом
В лазури —
— И в хмури —
Поднимется
Взвинченная брызнь;

И колесами, —
И винтами бури —
— Снимется —
— Низринутая
Жизнь.

Вспыхивай глазами молний,
Туча!

Кучами —
— Хладно
Хлынь!

Закручивай —
— Пыльное
Гарево, —
Вспучивай —
— В марево
Твердынь!

Падай звоном, —
— Медная
Молния!

Бледная —
— Стрела, —
— Кусай!

Верх сутулый, —
Обожги озоном!

В гулы —
— Бросай,
Кромсай!

Чтобы —
Мне, —
— Взъерошенному —
— Светом

— И подброшенному —
— Винтом —
В свет, —

Прокричать,
Опаленным
Светом, —

— Перекошенным
Ртом: —
— «Свет!!!»

Чтобы, —
— Потухнув —
— Под откос, с веками,

— Рухнуть
Свинцовым
Мертвецом, —

— До́-черна
Сожженными
Руками —
— И —
— Черно-лиловым
Лицом;

Чтобы, —
Мыча от злобы, —
Тупо —
— Быкорогий бог, —

— Мог
В грудь
Трупа —

— Ткнуть
Свой
Рог!

Цоссен
1922

559. ВЕЧНОСТЬ

Дымы
Седыми
И бледными —
— Хлопьями —
— Брызнувшей
Леты, —

Из тухнущей, —
Злой
Бесконечности —

— Плещут —

— В мой
Пухнущий
Слух...

В писки
И
В плач —
— Скоротечности —
— Нет, — не маячь, —
Бедный дух!

Вспомни, —
— Что копьями
Молний
Заблещут —
— И диски,
И светы, —
— Из —
— Визгнувшей
Вечности.

Кучино
1931

560. МЕРТВЕЦ

Я в струе воздушного
Тока
Восстаю на мертвом
Одре.

Закачается красное
Око

На упавшем, железном
Кресте.

Мне подножие — мраморный
Камень;
Но я весь — омыт
Бирюзой.

На ланитах заискри́тся
Пламень —
Самоцветной, как день —
Слезой.

Скоро, скоро — сквозящим
Духом —
Неотвратно приду
За ней, —

Облеченный бледным
Возду́хом[1],
Как вуалью все тех же
Дней.

Скоро к ней, — воздушный
Скиталец, —
Прижму снеговое
Лицо.

Наденет она
На палец
Мое золотое
Кольцо.

Знаю, знаю — в сквозные
Вуали,
В закатный, красный
Янтарь, —

В туманы, в синие
Дали —
Облачимся: царица,
Царь!

Был задушен землей
Сырою;
Каменел надо мной —
Косный крест...

---

[1] «Возду́х» — могильное одеяние (не «во́здух»).

Теперь, — от людей
Укрою —
Его колыбелью
Звезд.

Москва
1907

561. «Я»

1

Злое поле мглой
Одето.

Злой
Туман ползет
У ног...

Где-то
В поле — без
Ответа —

Мглой
В туман —
— Восстонет —
Рог: — — — — —
— «Где вы —
Духи?

— Где вы —
Души?

— Где ты —
Бог?»

— — — — — — — — —

Лая
В уши —
Изнемог —
— И —
— Глухи
Духи!...

2

Месяц, —
— Злая
Рукоять —
Красный
Тать!

Встать
Грозится из тумана —
Острым
Рогом....

В сердце —
Плач:
Сердце —
Плачь!...

Злое
Поле —
Не маячь —
— Мертвым
Богом!

3

Око,
Лопнувший пузырь, —

Шире
Ширь
В ночные ши́ри!

Око,
Лопнувший пузырь, —

Сорок
Дней
Точило
Слезы —

Быстрый
Бисер
Ветер
Вытер —

Око, —
Слезы
Не мечи!...

Морок
Рока,
Как сорока,
В уши мне —
Не стрекочи!

4

В мире, охнувшем
От муки, —
Разрывались
Прахом
Суши...

В мире, охнувшем
От муки, —
Искажались
Страхом
Лики...

В ухе,
Глохнувшем
От муки, —
Раздавались —
— Строги,
Глухи,
Дики,
Крики
Рога: —

— «Души,
Души,
Души!»

— «Боги,
Боги,
Боги!»

— «Духи,
Духи,
Духи!» —

— —

Глуше,
Глуше,
Глуше...

5

Время — плещущие
Воды —
Унимай свой праздный скач!

Поднимай в пустые годы, —
В пусто блещущие
Своды —
— Красный тать —
Рукоять!...

Ты —
Палач!

6

Пусть разматывает
Нити
Времени веретено —

Подборматывает
Праздно —
В безобразный
Бег событий —
— Безобразное: —
Оно!

Протопатывать там ночи, —
Прохохатывать нам годы —

В колоброды,
В роды,
В бред народов —
— годы —
— суждено!

7

Обволакивает очи,
В ночь обматывает тьмой,
Уволакивает в ночи, —
Приборматывает:
«Мой!»

Бормочи, ночная прялка:
Мне тебя не превозмочь!
Ночь,
Лиловая фиалка,
Вейся шорохом у ног!

8

Лейся в ночи
Вихрем клочий, —
Многоногий людогон, —

Зрея в души,
Вея в ночи, —
Вея ворохом времен!...

Разъедающие
Очи, —
Нападающие
Тьмы!

Утопатываем
В ночи, —
Утопатываем
Мы, —

Утопатываем
В тьмы!

9

Злые
Очи
Светят
В ночи
Злой....

Злые
Духи
Встретят
Этот
Час...

Злые
Шлемы
Немо
Светят
В бой....

Где мы?
Где мы?
В склепы —
Емлют
Нас...

Только
Мухи
Жуж
Подъемлют
Свой....

Нам
Не внемлют:
Глухи,
Слепы —
Там...

Немы —
Мы
И
Немы
Тьмы...

10

Руки
Мукою
Воздеты:
«Где ты
Бог?»

Только глохнущие
Уши...
Только сохнущие
Души —
В бездне лет...

Только в тухнущие
Муки
Рога
Ухнувшие
Звуки —

— «Бога —
Нет —
— Бога —
Нет!...»

11

Многих толп
Потерянная
Где-то
Суетня...

Из растерянного, бледного рассвета —

Столп
Огня —

— «Это —
Я —
С вами!»

Цоссен
1922

562. РОЖДЕСТВО

Трещит заискренным забором
Сухой, рождественский мороз...

И где-то ветер вертким вором
Гремит заржавленным запором;
И сад сугробами зарос.

И те же старые турусы
Под бородою Иеговы...

О, звезды, — елочные бусы, —
И ты, Юпитер синеусый,
Когда же оборветесь вы?

Протми сияющие песни,
Уйми слезливую игру, —

Вселенная, погасни, тресни:
Ты злая глыба глупой блесни!
Ты — рыба, льющая икру!

Нет, лучше не кричать, не трогать
То бездыханное жерло:

Оно — черно, как кокс, как деготь...
И по нему, как мертвый ноготь, —
Луна переползает зло.

Кучино
1930

563. БРЕМЯ

Бремя
Дел
Слетело.

Время —
Рой.

Все —
Пропало:
Стало
Тьмой.

Тело
Пало
В гроб
Сырой.

Рвет и носит
Волос мой.

В лоб
Мой
Бросит
Гробовой
Доской:

— «В дыме —
Со святыми
Упокой!»

Москва
1903—1931

564. ДЕМОН

Из струй непеременной Леты
Склоненный в день, пустой и злой, —
Ты — морочная тень планеты.
Ты —
　　— Шорох, —
　　　　　　Вылепленный мглой.

Блистай в мирах, как месяц млечный,
Летая мертвой головой!

Летай, как прах, — как страх извечный —
Над этой —
— Бездной —
— Роковой!

Смотри, какая тьма повисла!
Какой пустой покой окрест!..
Лишь, как магические числа, —
Огни —
— Магические —
— Звезд...

Как овцы, пленные планеты,
Все бродят в о́рбитах пустых...
Хотя бы взлетный огнь кометы!
Хотя бы —
— Мимолетный —
— Вспых!

Все — вспыхнуло: и слух, и взоры...
Крылоподобный свет и гул:
И дух, — архангел светоперый —
Кометой —
— Небеса —
— Проткнул!

И чуждый горнему горенью
В кольцо отверженных планет —
Ты пал, рассерженною тенью,
Лицом, —
— Ощеренным —
— На свет.

Кучино
1929

ИСХОД

565. МОЕ БРЕМЯ

Над могилою
Ширят
Покойники — красные
Очи

И черные руки
Из ночи
Топырят
Кресты...

— «Приходи, —
Ты, —
О, милая!»

«И —
Облегчи
Мои муки!»

«И — падаю
Я,
Руки
Складывая
На груди!»

И клокочут
Ключи;

Над росами
Тихо трескочут
Венки:

«Облегчи, —
Мое бремя!»

И косами
Косит,
Там прядая, —
　　　　　　— Время.

Серебряный-Колодезь
1906—1929

566. ДРУЗЬЯМ

Золотому блеску
Верил,
А умер от солнечных
Стрел;
Думой века
Измерил,
А жизнь прожить —
Не сумел.

Не смейтесь над мертвым
Поэтом;
Снесите ему
Цветок;
На кресте и зимой,
И летом,
Мой фарфоровый бьется
Венок.

Цветы на нем
Побиты;
Образок давно
Полинял;
Жду, — пеленами
Свитый,
Чтобы кто-нибудь камень —
Снял.

О, — отчего мне
Больно?
И, — разве я
Виноват,
Что любил только звон
Колокольный
И, как пламень, — золотой
Закат.

Может быть, — я —
Не умер;
Может быть, — я —
Проснусь:
Доброму брату
В сумерки
Блеклым венком
Метнусь.

Париж
1907

567. НА МОГИЛЕ

Н. В. Бугаеву

В лепет
Ясных
Стрекоз
И серебряных бабочек, —

Точно из слез, —
Трепет
Красных
Лампадочек;

Громче
Вьюнок
Вьется
С бледной березою;

Звонче
Венок
Бьется
Розовой розою;

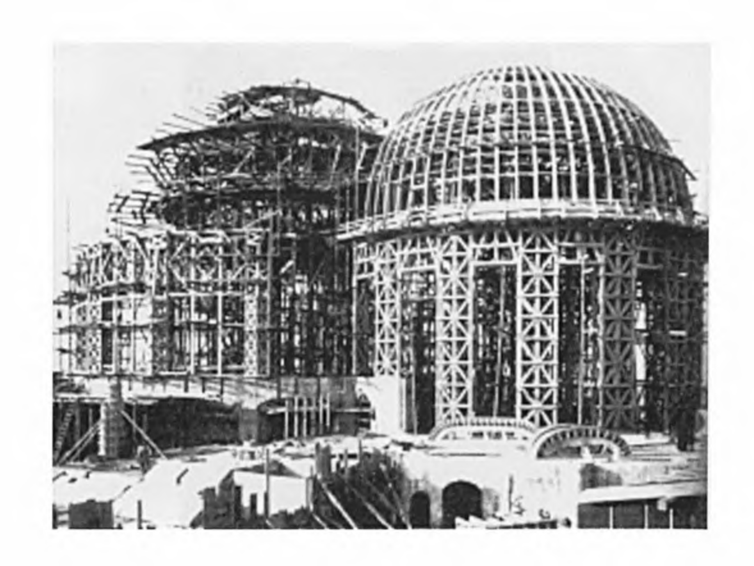
Встрепет
Раскрыл
Из кипения
Зелени —

Мраморы
Крыл
Иссеченного
Гения.

Взвей,
О родной, —
Из-за времени
Веющий, —

Взвей
Надо мной
Кисеей
Дымовеющей.

Серебряный-Колодезь
1903—1929

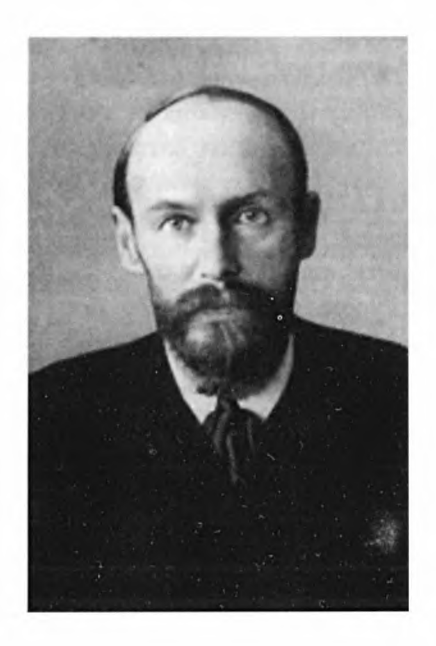
Строительство Гетеанума. Февраль 1914

Гетеанум. Вид с юго-запада. 1920

Рудольф Штейнер. 1917

Кристиан Моргенштерн

Андрей Белый и
А. А. Тургенева. 1915

Михаэль Бауэр. Портрет
работы Маргариты
Волошиной. Около 1926

А. М. Поццо

Андрей Белый. Эскиз обложки поэмы «Первое свидание»
(РГАЛИ)

Цоссен. Штубенраухштрассе, 37 (ранее — 68).
Дом, где жил Андрей Белый в июне 1922 г. Фотоснимок 1986 г.

Андрей Белый, Абрам Григорьевич Вишняк (владелец издательства «Геликон») и его жена Вера Лазаревна Вишняк.
Свинемюнде, лето 1922 г.

Группа русских писателей в Берлине, сентябрь 1923 г.
Слева направо — сидят: Н. Н. Берберова, П. П. Муратов,
Андрей Белый; стоят: Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич,
М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, А. М. Ремизов

Кучино, под Москвой.
Дом Шиповых, где Андрей Белый жил в 1925—1931 гг.

Андрей Белый и К. Н. Васильева (Бугаева).
Военно-Грузинская дорога, ст. Казбек. 8 июля 1927 г.

Андрей Белый. Портрет работы Н. Вышеславцева. Карандаш. 1933

О. Д. Форш. Синтетический портрет Андрея Белого. 1933—1934

568. ВОССТАНИЕ

Бледные пятна
На синем;
Возгласы бедных
Попов...

Головы выше
Закинем
Из деревянных
Гробов.

Скроется марево
Пыли;
Нежно из гроба
Дымим.

Брызгами радужных
Крылий
В ладанном дыме
Летим.

Облак огромный
Протянет
Дымные руки
С высот.

Небом заоблачным
Глянет:
Синий откроет
Пролет.

В купол омолненный
Встанем;
Взглянем в могильные
Тьмы;

В розовом воздухе
Станем
Розовым воздухом
Мы.

Серебряный-Колодезь
1904—1931

569. КЛАДБИЩЕ

Ветров —
Протяжный глас;
Снегов —
Мятежный бег —
— Из отдалений.

Перекосившихся
Крестов
На белый снег
Синеют —
— Тени...

От нежных
Слез
И снежных
Нег —
— Из поля веет
Вестью милой.

Лампад
Горенье
В ряд
Берез —
— Малиновеет
Над могилой.

Часовня бледная
Серебряной
Главой
Сметает —
— Иней.

Часовня бедная
Серебряной
Главой
Блистает —
— В сини.

Тяжелый дуб,
Как часовой,
Печально внемлет
Звукам —
— Муки: —

Косматый
Снегами

В суровый вой
Подъемлет —
— Руки.

И бросится
Его далекий
Стон
Сухим —
— Порывом.

И носится
Оцепенело
Он —
Глухим —
— Отзы́вом.

И только
Вышину
Мутит
В сердитом —
— Беге
Вьюга.

И только
В тишину
Звучит
Забытый —
— В снеге —
Голос друга.

Москва
1901—1922

570. ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ

Тебе гремел — и горний гром Синая;
Тебе явился Бог...
Ты нас будил: твоя рука сквозная
Приподымала рог.

Как столб метельный, взвившийся воздушно
Из бури снеговой, —
Не раз взлетал над чернью равнодушной
Огромный голос твой.

Стою, осыпан белокрылой, свежей,
Серебряной пургой...
Мне сны твои, — здесь, над могилой, — те же,
Учитель дорогой!

Лазурные, невидимые силы
Над родиной — взойдут!
Пускай ветра венок с твоей могилы
С протяжным стоном рвут.

И тот же клич тысячелетней злобы,
Как бич, взметает мгла...
Ночь белые атласные сугробы
На гробы намела.

Я слушаю слетающие звуки:
Вздыхая мне венком,
Бросая тень, мне простирая руки
Над красным фонарьком, —

Твой бедный крест, здесь, под седой березой, —
Из бледной бездны лет, —
О камень бьет фарфоровою розой:
«О друг, — разлуки нет!»

И бледных лент муаровые складки,
Как крылья, разовьет...
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Мне сумрак разорвет.

Москва
1902—1921

571. ВЬЮГА

В плещущем
Поле
И в лесе —
          — Из легких лозинок
            Метелится —

Блещущим
Роем снежинок —
                    — Серебряных
                      Ос.

Полнится
Гласами
Снежными —
            — Поле...

Атласами
Нежными
Стелется.

«Христос
Воскресе»
И
— «Спасе мой» —
— Молнится
Над городами
И храмами —
— Мраморный гром.

Пырснет оконными рамами
Вьюжимый дом.

Кучино
1929

572. МОГИЛЫ ИХ

Памяти М. С. и О. М. Соловьевых

— «Пора, пора!» —
Фарфоровые розы
В рой серебра
С могилы их зовут;

— «Пора, пора!..»
Стоят, как дым, березы;
Ветра, как дым,
Седым порывом рвут.

Играет прах;
Бряцает взмах кадила;
Рой серебра...
Осолнечная брызнь...

Над нами — глаз —
Лазоревая сила!
Над нами, в нас —
Невидимая жизнь!

Серебряный-Колодезь
1903—1931

573. ЦЕРКОВЬ

И — раки старые; и — мраки позолоты;
В разливе серебра — черна дыра киота; —

И кто-то в ней грозит серебряным перстом;
И змея рдяного разит святым крестом.

Под восковой свечой седой протоиерей
Встал золотым горбом из золотых дверей;

Крестом, как булавой, ударил в ладан сизый:
Зажглись, как пламенем охваченные, ризы.

Два световых луча, как два крыла орла...
И, — тяжело крича, дрожат колокола.

Серебряный-Колодезь
1903—1921

574. Н. В. БУГАЕВУ

1

Запламенел за дальним перелеском
Янтарно-красным золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Вился дымок из хат.

Садились мы... И — что-то, полный смысла,
Ты вычислял, склонившись над пеньком...
И — нить плелась; и — складывались числа.
И — сумерки дышали холодком.

Ты говорил: «Мгновенные монады,
Мы — мельк из электронных волн времен:...
Не существуем мы... И мы — громады,
В которых свет, как мир миров, возжжен...

Пускай вокруг круги миров роятся.
Мы — станем мир. Над миром встанем мы.
Вселенные, как в зеркало, глядятся
В незрячих чувств бунтующие тьмы.

Мы — свет из тьмы... Мы — в черные чертоги,
Бьем, как мечом изверженных комет.
Мы восстаем, поверженные боги.
Да будем — мы! И — да пребудет свет!»

Твои глаза и радостно, и нежно
Из-под очков глядели на меня.
И там, и там — над нивой безбережной
Лазурилась пучина бытия.

Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Вился дымок из хат.

И чуть светил за дальним перелеском
Зеленоватым золотом закат.

2

Цветут цветы над тихою могилой;
Сомкнулся тихо светлой жизни круг.
Какою-то неодолимой силой
Меня с тобою связывает, друг.

Все из твоих отворенных оконец
Гляжу я в сад... «*Одно, навек одно*»[1].
И проливает солнечный червонец
Свое сквозное нá руку пятно.

Незримый друг, в мою влагаешь руку
Ты — световую, теплую ладонь;
И я внемлю пророческому звуку,
И светит мне твой солнечный огонь.

Серебряный-Колодезь
1903—1914

575. НА ПАПЕРТИ

1

Гроб у темных
Икон;

Блеск пунцовой
Свечи;

Поп суровый
Склонен —

В треск и трепет
Свечи.

Скачет — лиловый
Нос:

— «Осподи, — Сусе
Сос!»

Плачется: «Горе —
Нам!..»

---
[1] Стихотворение Вл. Соловьева.

— «Горе — вам,
Беднякам!»

1931

2

Грозен — пухнущий
Гам.

Мрачен — тухнущий
Храм.

Двери ухнувший
Гул: —

Странник — дверь
Распахнул.

Бросил, — бледен
И бос:

— «Люди — будет
Христос!»

1929

3

Паперть: толки
Толпы;

Вынесли гроб
Попы;

Прядает пух
Берез;

Желтые горсти
Ос;

Петелы... Свет
Полевой;

Светел — и столб
Пылевой.

Груди дышат
Вольней;

Люди — слышат
Из дней:

— «Будет — рыбы
Улов!»

— «Будут — молнии
Слов!»

— «Будет — света
Сосуд!»

— «Будет, — люди, —
Вам суд!»

Кучино
1931

576. КОЛОС

Клонится колос
Родимый...
Ветер — внемли
И подъемли —
                    — С пажитей
                        С пашни —

Клубы воздушного
Дыма;
Дымные золота
Земли.

Юность моя
Изжитáя,
Годы, разбитые
Втуне.... —
              — К ниве,
                  К озимой —

Ласково льнут,
Пролетая, —
Легкие, легкие
Луни...

Буду я градом
Исколот...
Желтая пыль —
Опостылит...

В неба лазурного
Холод —

Город из золота
Вылит.

Серебряный-Колодезь
1906

577. ТУДА

Над легким летом, ризы
Разрывая —
— Из легких
Туч, —
Сгорает, светом розовым
Играя —
— Летучий
Луч.

Над полосой неубранного
Хлеба —
— Стоит
Звезда:
И, как слезой алмазной, — плачет
Небо... —
— Идем —
Туда!

Дохнет в лицо волною пряной
Мяты: —
— И
Ковылей;
Спорхнет забота, как покров
Измятый, —
— Как пыль
Полей.

Там Млечный Путь, как кисею
Сквозную —
— Раскрыл
Свой путь: —
Туда бы нам, — туда бы, —
Жизнь —
— Земную —

— Передохнуть!

Кучино
1931

578. БРАТУ

С. М. Соловьеву

Ты веки вскрыл —
Расплеском
Крыл, —

О, верный друг.
И нежный
Брат!

Как некий дух,
Вдохнул
В мой слух —

И горний гул,
И горний
Град.

Из дней, из лет —
Сиял,
Гремел —

Мятежный гром
И снежный
Свет...

Из дыма дней
Звезда —
Слеза...

Туда над ней
Прострем
Глаза.

Когда умрем, —
Как дым
Взойдем: —

Найдем лазоревый —
Свой —
Дом.

Из дней, поэт, —
Глаза
Воздень: —

Там — млечный свет
И вечный
День!

Кучино
1931

579. ДОРОГА

И тот же шатается
Колос
И той же прохладой
Пахнет;

И ветер — серебряный
Голос —
Серебряный волос
Взовьет.

И та же певучая
Стая,
Визжа, вылетает
Из дней, —

Над нивой воздушно
Шатая
Летучие пятна
Теней.

Туда ж, — к голубому
Чертогу, —
Означит всевидящий
Бог —

Взметаемой пылью
Дорогу;
И — плачет пастушечий
Рог.

Как пыль световая,
Взвиваясь,
Как облачко, тая
В слезах, —

Как жаворонок
Заливаясь, —
Я жизнь окрылю
В небесах.

Москва
1903—1931

580. ПУСТЫНЯ

Эфир!..
В эфир
Эфирная
Дорога...

Гори, —
Зари
Порфирная
Стезя!

Секи сафир
Безмирного
Чертога!

В пустыне...
Мгла...

И ныне
Славит Бога —
Душа
Моя!

Серебряный-Колодезь
1907

581

Летний, мглеющий день.
Дальний
Лай
Деревень.

Поле, полное слез.
Спелый,
Белый
Овес.

Зелень верб над водой.
Светел
Серп
Молодой.

Груди дышат вольней.
Люди
Слышат
Из дней.

— «Скоро буду я к вам:
Будут
Молнии —
Вам!»

Серебряный-Колодезь
1903—1929

582. ПЕРЕМЕЛЬК

Перемельк из воды
Утром нежно седым —
Самородной звезды
В перламутровый дым.

Зажигает восток
Яснорогий пророк.

Косный, каменный мир
В самоцветы одень!
Пламеносный потир
С облаками воздень;

Зажимая в ладонь
Беспокойный огонь!

Всемогущий, — простерой
Из грядущих годов —
Световой легкий рой
Световых городов.

И взывает трубой
Где-то
Громкий пророк,
Поднимающий
Крест
В бездну света
Из звезд.

Мы — на бой,
Мы — на бой,
Мы — на бой —
— За Тобой!

Серебряный-Колодезь
1901—1921

583

Я —
Весь
Сквозной!

Я —
Наплываю облаком
Встающим
В зной —
— Над кущей.

Летом —
Я —

Над тьмой
Сгораю
Светом.

Светел
Волос
Мой.

И — громок
Голос
Мой.

И я —
Караю
Строго.

Я
Врагу —
Обломок
Месячного рога.

Я, —
Как алмазов
На воде —
— Дорога.

Я —
Стерегу —
— Храм
Бога...

Утренней звезде
Подобен
Я.

Пронзивший облако
Лучом
Копья —
         — Стою
            Я —
               — Там!

Серебряный-Колодезь
1905—1929

584

Восток побледневший,
Восток онемевший,
Восток прозаревший, —

Как инок
Запевший, —

Над тенью
Осинок,
Над ленью
Лозинок,
Над сенью
Долинок —

         — Восток
            Онемевший!

Березы сквозные,
Рои росяные,
Цветы вырезные...

А белые,
Эти —

Мы в лете
Срывали;
И в лете
Узнали:
Мы, дети,
Сказали, —

         — Что эти
            О свете!

Серебряный-Колодезь
1901—1921

585. ГИМН

Проливайте, —
О, братия,
Слезы
Ясные!

Простирайте
Объятия
В розы
Красные!

Заликуйте,
Юнейшие, —
Смелым
Пламенем!

Знаменуйте,
Мудрейшие, —
Белым
Каменем!

Над Мариями,
Марфами, —
Над Мариями,
Марфами, —

Пойте,
Отроки:
Стойте
С арфами!

Ленинград
1921

МОЛНИИ ЛЕТ

586. БЫЛ ГОЛОС

Был голос:
«Близится!
Пришла пора!»

Я — зрел:
В заре Грядущий встал,
Как утреннее
Солнце.

Точно лавой
Прядающей,
Алой ризой веют —
Плечи, грудь.

Огромные глаза, как гиацинты,
Блещут.
Держит чашу:
Кровь страдальцев
В ней.

Гласит игрою струн,
Повисших от алмазов
Пояса;
И точно тихий всплеск
Источников
Живеет в душу
Мне:
«Я — буду!»

Там — в отверстой бездне
Туча красных херувимов,
Мчась,
Несет престол.

....

Я — просыпаюсь:
Ночь!

Москва
1900—1929

587. ПОЛЕВОЕ БЕЗУМИЕ

Песчаные, песчаные
Бугры...

Багряные
Бока
Крутого ската.

Горит река,
Как злато —
В рев
Ветров.

Пиры
Миров...
И горний зов
Заката.

Здесь средь бугров
Окончу дни:
«Аминь!»

Мои
Сквозь воздух
С миром
Поцелуи!

Моя, сквозь воздух
Легких линий
Синь!

Мои
Сквозь синий
Воздух —
Аллилуйи!

Эфиром
Взмытый зов
Моих псалмов
Над миром
Носится молитвою нехитрой: —

На голове сафиром
Васильков
Вся прозябающая митра.

О, богомольца
Поле,
Упокой —

В своей святой
Огромной киновии.

И вот
С высот
Над золотой
Рекой —

Свивают кольца
Облачные змии.

Серебряный-Колодезь
1908—1925

588. СОЛНЦЕ

П. Н. Зайцеву

В лёт
Струй
Червонца —

Шлет
Поцелуй
Солнце:

— «Рея,
Серебреют —
Риз
Моих
Нити!»

Рея,
Зреет
Зов
Событий...

Словно
Плеск
Объятий, —

Словно
Жемчуга:

— «Для духовных
Братий —

Блески
Риз —
Снега!»

— «Я
От края
До краю —

— Эфир
Убираю
Парчами!..»

— «И, —
Как свечами, —
Лучами —

Я
Играю
С вами!»

— «Дам
Вам
В сети —

— Золотые уловы
Эти!..»

— «И —
Туман
Перловый!»

— «Мир
Мой
Храмом
Будет!»

— «Мир
Мой —
Вам,
Люди!»

Серебряный-Колодезь
1903—1931

589

В хмарь
Волну
Волос
Взвивая, —
— Шел
Христос,
Отрясая
Века, —
— Старый
Фонарь,
Луну,
Бросая, —

И —
Разбивая
Об
Облака.

Мы,
Твои братья,
Судьбой
Прозревши —
— В гул
И в тьмы
За Тобой
Идем...

Мрак,
Почернев,
Сомкнул
Объятья... —

— Дом
Голубой
Небес —

— Исчез!

Кучино
1928

590. ПЕТЕЛ

1

И ночи, и дни
Как в туманах...

Встал
Алый, коралловый
Рог.

Я — устал,
Изнемог;
Ноги — в ранах...

Лай психи...
Огни...
Город — гроб...

Иглы терний —
Рвут лоб.

Свете тихий,
Вечерний!

2

Гарь
Стелет волокна;
Фонарь
Поднимаю на окна.

— «Откройте —
Мне двери!
— Омойте —
Мне ноги!»

И жути,
И муть...

Точно звери
В берлоге...

— «Я
Светоч!..»

— «Я —
Двери!»

— «Я —
Путь!»

3

Круг — пребудет.

Воздух волен,
Светел.

Я —
Не болен...

Я, —
Как пыл
Далеких колоколен.

Будет
То, что было
Столько
Раз:

— «Мыло,
Полотенце,
Таз!..»

....

Только
Петел
Ответил.

Москва
1904—1931

591. ЖЕРТВА

1

Старинная боль —
Забывается
Разве?...

Вновь —
Сорваны
Ризы...

Ладони —
Разорваны...

И — запекается
Кровь, —
Точно смоль, —

В моей язве
Сквозной.

Свет —
Шатается:
Красный огонь
Смоляной —

Бьет
В карнизы...

И — нет
Оправдания: —
— Скорпии,
Смерть,
Оплевание, —
— Суд!...

Безответная
Скорбь...

Непросветная
Твердь.

2

Ты простри
Свой сосуд
Алавастровый
С мирром!

И, —
— Ну же, —

— Протри
Мне
Колено; —

И — туже —
Запластывай, —
— О,
Мироносице,
Жено, —

Мне платами
Плечи!

Лоб —
— Тернием
Стисну...

Се, —
    — Жертва
    Вечерняя, —

        — Мертвый
        Повисну.

3

Пора!..

Где ты, —
Поп?

Свечи —
Вздуй!

Жезлоносец, —
Вперед!

Дуй
Протянутым рогом
В народ.

Смело, —
С Богом!

....

И —
Руки —
    — Раскину
    Я;

И —
  — Шею
  Выгну, —

Воздвигнув
В окрестные
Светы, —

    — Свой
    Гроб, —
        — Свое
        Тело, —

На муки —
— На —
Крестные!

Кучино
1931

592. МИХАИЛУ БАУЭРУ

Полная зова
Небес
Млечность; —

— Бисер рос
Из моргнувших
Век!

Вовек
Над людьми
Бирюзова
Вечность...

Пойми, —
Человек: —

— «Христос
Воскрес!»

Кучино
1928

593. « Я»

В себе, — собой объятый
Как мглой небытия, —
В себе самом разъятый, —
Светлею светом «Я».

В огромном темном мире
Моя рука растет.
В бессолнечные шири
Я солнечно простерт.

Березы в вешнем лесе,
Росея в серебре,
Провеяли — «воскресе» —
На розовой заре.

Дрожит перловым зовом —
«Воистину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Яснеющих небес.

Дедово
1917

594. ПЕЩЕРНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Я — инок темный —
Нищ и гол;
Мне был глагол,
Как гром
Огромный, —

Когда, качая воздух,
Дол,
Взошел
На тверди облак
Громный:

— «Я —
Двери душ;
И Я
Твой дом!»

— «Исполни
Мой
Завет
Небесный!»

Я — лань
Испуганная —
Зрел:
Из молний
Вышел муж
Чудесный.

Он длань
Простер
И очи мне
Пронзил и жег
Пернатым светом.

Со мною — Бог!
Я, — как в огне!
Внемлю пророческим
Заветам.

Своим всклокоченным
Крылом
Он проогнил
Моря и суши, —

И молнил свет,
И полнил гром —
Мои растерзанные
Уши...

Я — бледен, голоден
И бос:
Живу,
Таясь, как зверь,
В пещере...

Жду:
В ослепленный мир
Христос —
Откроет огненные
Двери...

Кучино
1931

595. ТЕЛО

В неизносный,
Косный
Ком —
　　— Бьется —
　　　　　　— Сердце-светоём.

Тело,
Бренное
И пленное —
　　　　— Вьется —
　　　　　　　　— Солнечной вселенною.

Очи прянут:
Станут —
Свет —
　　— В золотые —
　　　　　　　— Ливни лет, —
　　В золотое
　　Бездорожие...

В уши
Грянут
Трубы —
— Божие!..

Суши
Каменные
Жгла —
— Сила пламенного —
— Молота.

Души —
Божьи
Зеркала, —
— Отражающие, —
— Золото.

Серебряный-Колодезь
1903—1929

596. МЕСЯЦ

Завечерел туман ползущий
В вечеровую тень огней;
Тусклы оливковые кущи;
И светит месяц из теней.

Он, серебристый, волей рока,
Бросает в зримый наш позор, —
Как ясноокого пророка
Неизъяснимо грустный взор.

В тысячелетние разгулы
Он поднимает ясный жар:
И бронзорозовые скулы,
И взора горнего загар.

Струя исчисленного смысла,
Как трепетание крыла
Переливного коромысла,
От яснорогого чела —

Взметает пепельные кучи
Неистлевающих волос;
И из-под них — на нас текучий,
Слезой сияющий вопрос.

Переливной игрою линий
Топазы сыплются из глаз;

И расширяет блеск павлиний
Переливной его атлас;

И в нас стремительно забьется
Наш ослепительный ответ;
И ослепительно взорвется
Из волосатой груди свет.

И точно взвизгнувшие диски,
Взорвут кипящие слова.
И волоса — как василиски;
Как куст горящий — голова.

В переливных браслетах света
Его воздушные персты
Воспламененный знак завета
Взогнят из тихой высоты.

Цоссен
1922

597. СЛОВО

Нам
Из жара дыханий
Духи веют,
Летя.

Нам,
Светя
Из гортани
Задуховеет —
Земля.

Сущие
Души
Деют
Звуки
Зреющих слов, —

Где твердеют
Суши
Нас несущих
Миров.

Неопаляясь,
Волит
Светом слов —
Купина,

И окрыляясь,
Глаголет
Голубем —
Глубина.

Жду
Грядущего рая.

Дней
Пылает
Гряда; —

В ней
Пылая,
Сгорая, —

Не
Прейду —
Никогда!

Дедово
1917

598. МЫ

Мы — летаем, блистая,
Над лепетом лет;
Мы — кипящая стая
Косматых комет;

Мы — туманный размах
В ураганных мирах;
И — взметаем в мирах
Неразвеянный прах;

Из эфирных глубин,
Из незримых судьбин —
Мы спирали планет
Завивали из лет;

Мы — серебряный, зреющий,
Веющий свет
Среди синих, любимых,
Таимых глубин...

И как смерч мировой,
И как верч световой,

Как незримый, низринутый
В звук, серафим, —

Мы — в очерченный круг,
Как светящийся дым,
На слезящийся луг,
Завиваясь, — слетим.

Москва
1918—1931

599. ИДИ

Звездеет воздух
Белый;
И веют в воздух
Сосны;

И веет колос
Спелый;
И веет волос
Росный.

Мир — светел; ветер — волен.
Блестят
Золотые
Главы;

Гласят —
«Святыя
Славы» —
Колокола часовен.

Мы — вот:
Мы — верим вере;
Пути —
Неисповедимы.

Иди:
Открыты двери!
Зовет —
Эфир родимый!

Кучино
1931

600. ЗОВ

Зов бирюзовый
Времени;
Молнии дальних
Дней, —

Словно в березовой
Зелени —
Тление бледных
Огней.

Ровным, серебряным
Месячным
Светом мглеют
Суши: —

Словно дует
В уши;
Словно колдует
В души.

Жизнь меня, дети,
Радует:
Жизнь моя, дети, —
В свете.

Брызнь световая
Прядает —
В косные камни
Эти.

Ждем, уповая,
Знамений;
Алого пламени
Длань

В нас —
Лазоревым озером —
Глаз
Серафима, —
— Зримый!

Кучино
1931

601. АРХАНГЕЛ

В волне золотистого
Хлеба
По-прежнему ветер
Бежит.

По-прежнему нежное
Небо
Над зорями грустно
Горит.

В безмирные, синие
Зыби
Лети, литургия
Моя.

В земле, — упадающей
Глыбе —
О, небо, провижу
Тебя!

Алмазами душу
Наполни,
Родной стариною
Дыша: —

Из светочей, блесков
И молний
Сотка́нная, — плачет
Душа.

Все вспомнилось: прежним
Приветом
Слетает в невольный
Мой стих —

Архангел, клокочущий
Светом, —
На солнечных крыльях
Своих.

Арлесгейм
1914

602. ТРУС ГОРОДОВ

В трус городов
Рос
Гул и глас
Некий:

— «Я, — Христос
Иисус, —
С вами здесь
Вовеки».

— «Я — гром,
Гул;
Я — мировой
Слом».

— «Я — вас
Сомкнул
В дом световой
Свой».

— «Вы — дым,
Дни!
Вы — прах,
Храмы!»

— «Кройте дымом
Седым
Тысячелетние
Срамы».

— «Стройте свой
Дом —
В легкий лет
Поднебесий!»

— «Руки в гром
Прострем;
И — пропоем:
"Воскресе!"»

Кучино
1931

603. ЧАША

Открылось:
Весть — весенняя!
Удар —
Молниеносный!
Разорванный, пылающий, блистающий покров:

В грядущие,
В громовые,
Блистающие
Весны —
Как в радуги прозрачные, спускается: Христос!

И голос
Поднимается
Из огненного
Облака:
«Вот чаша благодатная, исполненная дней!»

И огненные
Голуби
Из огненного
Воздуха
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Арлесгейм
1914

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

604. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Поэма

1

В глухих
Судьбинах,
В земных
Глубинах, —

В веках,
В народах, —

В сплошных
Синеродах —
— Небес —

— Да пребудет
Весть:

— «Христос
Воскресе!»

Есть.
Было.
Будет.

2

Перегорающее страдание
Сиянием
Омолнило —
Лик, —
— Как
Алмаз, —
— Когда —
— Что-то,
Блеснувши неимоверно,

— Преисполнило
Этого человека,
Простирающего длани —

— От века
И
До века, —
— За нас;

Когда —
— Зареяло
Из вне-времени
Пронизывая
Его
От темени до пяты...

И — провеяло
В ухо
Вострубленной
Бурею духа: —
— «Сын,
Возлюбленный —
— Ты!»

Зарея
Огромными зорями,
В небе
Прорезалась
Назарея...

Жребий
Был
Брошен.

3

Толпы народа
На Иордани
Увидели явственно: —
— Два
Крыла.

Сиянием
Преисполнило
Длани —

— Этого
Человека; —
— И —

Перегорающим страданием
Века
Омолнилась —
— Голова.

И по толпам
Народа —
— Желтым
Маревом,
Как заревом —
— Запрядала
Разорванная
Мгла, —
Над, —
— Как дым, —
— Сквозною головою, —

Веющею
Верою
Кропя
Его
Слова...

Из лазоревой окрестности
В зеленеющие
Местности
Опускалось —
— Что-то —
— Световою
Атмосферою.

Прорезывался луч
В новозаветные лета...

И, —
— Помавая
Кровавыми главами
Туч —

— Назарея
Прорезывалась —

— Славами
Света.

4

После: —

Он —
Простер

Посинелые от муки
Руки
И
Взор —
— В пустые
Тверди;

Руки —
— Повисли,
Как жерди —
— В густые
Мраки.

Измученное, перекрученное
Тело —
— Висело
Без
Мысли.

Кровавились
Знаки,
Как —
Красные
Раны —
— На изодранных ладонях
Полутрупа.

Глаз
Остеклелою впадиною
Уставился тупо —

— В туманы
И мраки,
Нависшие густо.

А
Воины
В бро́нях, —

— Поблескивая шлемами,
Проходили —
— Под
Перекладиною.

5

Голова
Окровавленного,
Лохматого
Разбойника, —

— Распятого,
Как и
Он, —

Хохотом
Насмешливо приветствовала:

— «Господи, —
Приемли
Новоявленного —

Сына
Твоего!»

И тяжелым грохотом
Ответствовали —
— Земли.

6

В опрокинутое, мировое
Дно, —
Где не было
Никакого солнца, —
— Которое —
— Слетело,
Низринутое
В это
Тело, —
Перстное
И —
Преисполненное бремени, —

Какое-то ужасное
Оно, —

С мотающимися, перепутанными
Волосами,
Угасая
И простирая рваные,
Израненные
Длани, —

— В девятый
Час —

— Хрипло
Крикнуло
Из темени
На нас: —

— «Илú...
Савахфáни!»

7

Деревянное тело
С темными
Пятнами впадин
Глаз —
— Деревенеющего
Лика —

— Проволокли —

— Точно
Желтую палку,
Забинтованную
В шелестящие
Пелены, —

— Проволокли —
— В ей
Уготованные
Глубины, —

Без слов
И без веры
В воскресение;

— Проволокли —

В пещеры —
В тусклом освещении
Красных факелов.

8

От огромной
Скорби
Господней —

Упадали
Удары
Из
Преисподней —

— В тяжелый,
Старый
Шар.

Обрушились суши
И горы;

Изгорбились
Бурей
Озера;

И — взгорбились
Долы;
И —
Разламывались
Холмы...

А души, —
— Душа
За душою, —

Валились в глухие
Тьмы.

Проступали
В туманы —
— Неясные
Пасти —
— Чудовищной
Глубины...

Обнажались
Обманы —
— И —
— Ужасные
Страсти —

Выбежавшего на белый свет
Сатаны.

В землетрясениях
И
В пожарах —
— Разрывались —

— Старые
Шары
Планет.

9

По огромной,
По темной —
— Вселенной, —

— Шатаясь,
Таскался
Мир, —

Облекаясь,
Как в саван —
— Тленный —

— В разлагающийся
Эфир.

Было видно,
Как два вампира
С гримасою —
— Красных
Губ —
— Волокли
По дорогам мира —

Забинтованный
Труп.

10

Нам, желтея,
В нас
Без мысли,
Подымаясь,
Как
Вопрос —

— Эти проткнутые
Ребра, —

— Перекрученные
Руки, —

— Препоясанные
Чресла —

В девятнадцатом
Столетии
Провисли:

— «Господи, —

— И это
Был —

— Христос?»

Но это —
Воскресло...

11

Снова
Нам —
— Терновые
Венцы.

Снова
Нам —
— Провисли
Мертвецы —

— Под двумя столбами
С перекладиною.

Хриплыми, глухими
Голосами,
Перепутанными
Волосами,
Остеклелой
Впадиною
Глаз, —
— Угрожая —

— Мертвенные
Мысли —

— Остро,
Грозно,
Мертвенно, —

— Прорезываются
В
Нас...

12

Разбойники
И насильники —
— Мы.

Мы —
— Над телом покойника
Посыпаем
Пеплом
Главы —
— И —

— Погашаем
Светильники...

В прежней
Бездне
Безверия —
— Мы, —

— Не понимая,
Что именно
В эти дни
И часы —

— Совершается —

— Мировая
Мистерия.

13

Мы —
Забыли: —

— Из темных
Расколов —

— В пещеру,
Где труп
Лежал, —
— С раскаленных
Огромных
Престолов —

— Преисподний
Пламень
Бежал...

Отбросило —
Старый
Камень; —

Сорваны
Пелены: —

— Тело, —
— От почвы оторванное,
Слетело —
Сквозь землю —

В разъятые
Глубины.

14

Труп, —
            — Из вне-времени
               Лазурей
               Пронизанный от темени
               До
               Пяты, —

                              — Бурей,
                                 Вострубленной —

Вытянулся от земли до эфира...
И —
   — Грянуло —
                     — В ухо
                        Мира: —

                                   — «Сын,
                                      Возлюбленный —
                                                          — Ты!»

15

Пресуществленные божественно
Пелены,
Как порфира,
Расширенная —
                  — Без
                     Меры, —
                               — Пронизывали
                                  Мировое
                                  Пространство, —
                                                      — Выструиваясь
                                                         Из
                                                         Земли.

Пресуществленное
Невещественно, —
                     — Тело —

В пространство развеяло
Атмосферы, —
                 — Которые, —
                                 — Сияюще протекли.

Из пустыни вне-времени
Переполнилось
Светами —
— Мировое
Дно, —

— Как
Оно, —

— Тело
Солнечного человека, —

Сияющее
Новозаветными летами —

И — ставшее отныне
И
До века —
— Телом
Земли.

Вспыхнула вселенной
Голова, —

И нетленно
Простертые
Длани —

— От запада
До востока, —

— Как два
Крыла
Орла, —

— Сияющие
Издалёка...

16

Страна моя
Есть
Могила, —

Простершая
Бледный
Крест, —

В суровые
Своды
Неба —

— И —

В неизвестности
Мест.

Обвили
Убогие
Местности —

Бедный,
Убогий
Крест —

В сухие,
Строгие
Колосья хлеба, —

Вытарчивающие
Окрест.

Святое,
Пустое
Место, —

В святыне
Твои
Сыны!

Россия, —
— Ты
Ныне —
— Невеста!

Приемли
Весть
Весны.

Земли, —
Прордейте
Цветами
И —
Прозеленейте
Березами: —

— Есть
Воскресение!

— С нами
Спасение!

Исходит
Огромными розами —
— Прорастающий
Крест!

17

Железнодорожная
Линия;

Красные, зеленые, синие
Огоньки,

И — взлетающие
Стрелки, —

— Все, все
Все, —

— Сулит
Невозможное.

Твердят
Голосящие
Вдали паровики,
Убегающие
По линии: —

— «Да здравствует
Третий
Интернационал!»

Мелкий дождичек
Трескочет: —
— «Третий...
Тре...т...»

Выкидывает
Телеграфная
Лента —
— ... «ал...»

Железнодорожная линия,
Убегающая в сети
Туманов,
Голосит —

— Свистками распропагандированного
Паровика —
— Про
Невозможное;

И раскидывает
Свои блески
За ветвями зеленеющего
Тополя...

Раздаются —
— Сухие
Трески —

— Револьверных
Переливов.

18

А из пушечного гула
Сутуло —
Просунулась спина —

— Очкастого,
Расслабленного
Интеллигента;

Видна —
— Мохнатая голова, —

Произносящая
Негодующие
Слова —
— О —
— Значении
Константинополя —

И —
Проливов: —
— В дующие
Пространства

И —
В сухие
Трески —
— Револьверных
Взрывов.

Водворяется —
Странная
Тишина, —
— В которую, —

Произносятся
Слова —

— Расслабленного —
— Интеллигента.

19

Браунинг
Красным хохотом
Разрывается —
— В воздух.

Тело —
Окровавленного
Железнодорожника —

— Падает
Под грохотом.

Подымают его
Два
Безбожника
Под забором...

На кого-то
Напали...

На крики и на слезы —
Ответствуют —
— Паровозы.

Да хором
Поют —
— О братстве
Народов...

Знамена ответствуют
Лепетом.

И воробьи —
— С пригородных огородов
Приветствуют
Щебетом —

— Падающих
Покойников.

20

Обороняясь от кого-то,
Заваливает дровами
Ворота —
— Весь —
— Домовый комитет.

Под железными
Воротами —
— Кто-то.

Злая, лающая тьма —
Прилегла:

Нападает
Пулеметами —
На дома...

И —
— На —
— Членов —
— Домового —
— Комитета...

Обнимает
Странными туманами
Тела, —

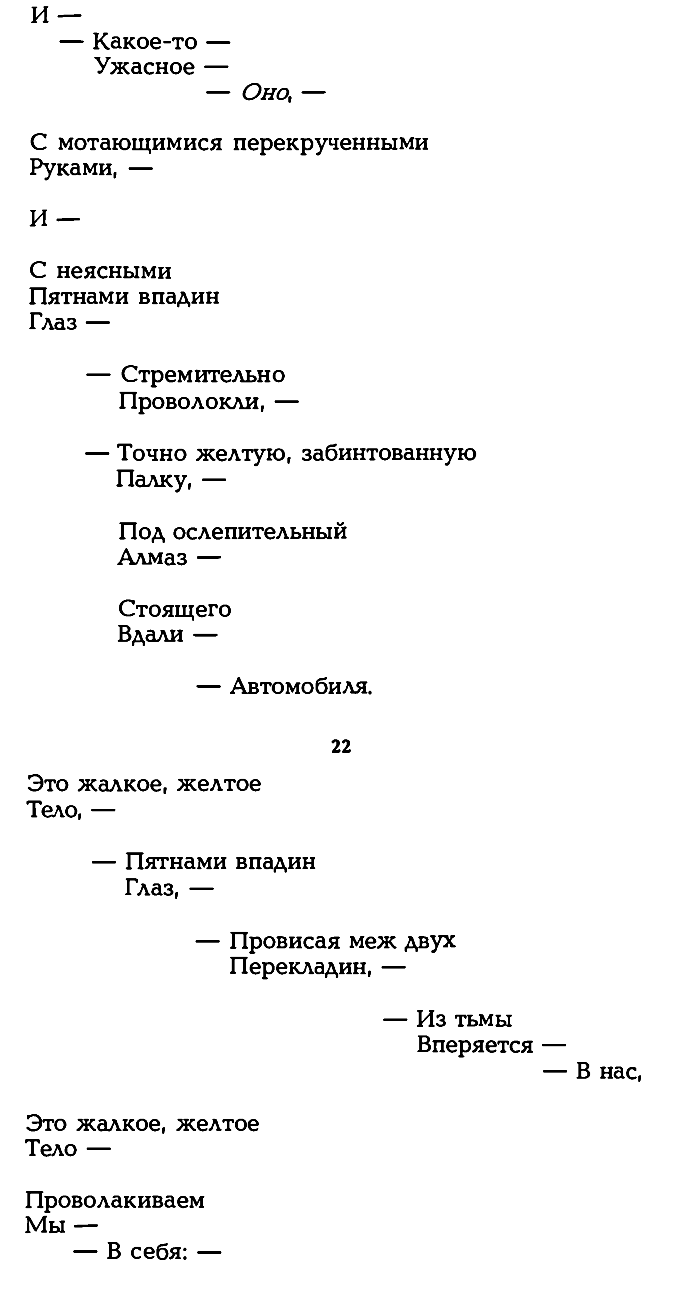
Злая, лающая тьма
Нападает —

— Из вне
Времени —

— Пулеметами...

21

Из раздробленного
Темени, —
С переломанной
Руки —
— Хлещут —
— Красными фонтанами
Ручьи...

И —
— Какое-то —
Ужасное —
— *Оно,* —

С мотающимися перекрученными
Руками, —

И —

С неясными
Пятнами впадин
Глаз —

— Стремительно
Проволокли, —

— Точно желтую, забинтованную
Палку, —

Под ослепительный
Алмаз —

Стоящего
Вдали —

— Автомобиля.

22

Это жалкое, желтое
Тело, —

— Пятнами впадин
Глаз, —

— Провисая меж двух
Перекладин, —

— Из тьмы
Вперяется —
— В нас,

Это жалкое, желтое
Тело —

Проволакиваем
Мы —
— В себя: —

— Во тьмы
И в пещеры
Неверия, —

— Не
Понимая, —

— Что
Эта
Мистерия —

— Совершается
Нами —

— В нас.

23

А весть
Прогремела
Осанной.

Есть —
Странный
Пламень —
— В пещере
Безверия, —
Когда озаряется
Мгла, —
— И —
— От
Нас —

— Отваливаются
Тела,
Как —

— Падающий
Камень.

24

Россия, —
— Страна
Моя, —

Ты —
Та
Самая —
— Облеченная

В Солнце
Жена, —
— К которой
Возносятся
Взоры.

Вижу
Явственно —
Я: —

— Россия
Моя, —

— Богоносица,
Побеждающая —
— Змия.

Народы,
Населяющие
Тебя, —

— Из дыма,
Дыб, —

— Простерли
Длани, —

— Дабы
Дострадать, —

В Твои
Пространства, —
— Исполненные
Пения
И огня, —
— Слетающего
В конце времен
На Тебя —

Низринутого
Серафима...

И —
Что-то —
— В горле
У меня —

Сжимается
От
Умиления.

Я —
Знаю: —
— Огромная Атмосфера
Сиянием

— Опускается —
— На каждого
Из
Нас.

Перегорающим страданием
Века —

— Омолнится —

— Голова
Каждого
Человека,

И —
Слово, —

— Стоящее
Ныне —

— Посередине
Сердца —

Бурями вострубленной
Весны, —

Простерло
Гласящие
Глубины —
— Из —
— Огненного
Горла:

— «Сыны,
Возлюбленные, —

Христос —
Воскресе!»

Москва
1918

ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

605. ВЕЧНОСТЬ

Дымы седые... Туман бесконечности...
Гул, прозвучавший в веках.
Образ возлюбленной — Вечности —
Встретил меня на горах —

В жизни загубленной,
Образ возлюбленной,
Образ возлюбленной — Вечности.

Там — стоит —
Передо мной,
Смехом говорит,
Манит в мир иной;
День за днем летит.
Время — облак рой.

Слышу — призывы нежданные,
Вижу — взгляд.
Полосы солнечных струй, златотканые,
На облаке горят.

В облаки клонимся мы —
Ледяные, туманные;
А сквозь вои зимы —
Голоса желанные:

«Не жалей... Позабудь...
Мы летим — рядом»...

Мы былое окинули взглядом,
Его — не вернуть...

Наш серебряный путь
Слетает водопадом...

И зло, и добро
Тают в поцелуях.

Серебро, серебро
Прядает в струях.

Захлебнулась тоска;
Захлебнулась печаль:
Улыбнулись века
В мировую даль.

Жизни не жаль
Загубленной:
Смотрит в туман бесконечности —

Образ возлюбленной,
Образ — Вечности.

Москва
1903 г. Апрель

606. ОДИН

Один — один!.. В горах... Ищу — Тебя...
В косматых облаках бреду — бесцельно.
Душа моя —
Скорбит смертельно.

Я был меж вас, о, гномы: был — весной;
Мои слова, как громы, — раздавались.
И — надо мной
Вы все смеялись.

Я — был меж вас: мой лик, как диск, златил:
Пространства подо мной, гудя, пылали.
Я вас будил,
Но вы — дремали.

И я ушел: средь тухнущих вершин
Стою — один... Жду знамений нежданных...
Один, один —
Средь бурь туманных.

Как серп луны, зубец венца литой
В потухнувшие местности пылает.
Мой рог златой —
В пространства: лает.

Закат — в огне... Я жду из дней — Тебя.
Душа моя — молчит: скорбит смертельно.
Душа моя —
Скорбит... бесцельно.

В последний раз надтреснутый мой рог
Труби туда — в немые Назареты:
«О, где ты, Бог, —
О, где Ты? —
— Где Ты!! —
— Где Ты!?!..»

Только в тухнущие
Муки —
Где-то ухнувшие
Звуки —

— «Бога —
Нет!
Бога —
Нет!»

Москва
1902 г. Октябрь

607. ВОЛШЕБНЫЙ КОРОЛЬ

I

Волшебный король показался
На снежной вершине...

Обнялся
Он с дочкой своей.

«На нашем воздушном дельфине —
В сапфиры эфиров
Скорей!»
А в воздухе —
— плещутся —
10 синие стаи сапфиров...
А в воздухе —

— плещутся —
стаи холодных зыбей...
А в воздухе —
— рыбы мерцают —
дельфины...
А воздух —
в них дышит, колышет их —
тише и тише...
20 «Ну, дочка, садись —
К дельфину —
На золотистую спину»...

И в воздухе ясном блистая,
Дельфин
Полетел —
— над миром, над миром
по синим эфирам.

Под ними же замок, завешенный синим эфиром —
В тумане: тускнел.

II

Вот красные яхонты грянули в волны сапфира
От красного солнца;
И красные яхонты грянули свистом по лопасти
Красной порфиры,
Истаяв
В летящем, —
В кипящем, —
Снегу горностая, —

В пространстве далеком
10 Короною черпает их из пространства,
И дочери током
— кипящим,
горящим —

К ногам высыпает.

И в блеске огнистом —
Она.
В короне,
В серебряно-бледном хитоне —
Она;
20 В дыму бирюзовом,
В перловом,
В седом серебре...

И огненных рыжих кудрей
За нею по ветру несутся и рвутся
Атласные пряди...

И в лебедя смелого, —
Белого, —
В воздухе схваченным красным рубином
Бросает...

30 Летят по туманному городу;
Король усмехается в бороду:

«Возлюбим
Высоты великих стремлений:
Полеты
Вселенских волнений!»

Глубиннее глуби...
И — ширятся шири.

Над нею склонился: «Пора тебе, дочка, уснуть»...
— «Куда мы?» — чуть шепчет она, побледневши...

40 — «Далеко, за перистой тучкою,
Путь»...

И туманный обрывок на них наплывает,
Повиснувши в мглистом
Пространстве.

И звезды мерцают в огнистом
Убранстве.

Серебряный Колодезь
1903 г. Июль

608. ЗОВ

Над говорами струй
Потопами червонца —
Нам шлет поцелуй
Стародавнее солнце:

«Облекитесь в меня:
Я над вами — с вами
Сверкаю из дня
Золотыми снопами.

Закат стряхну
Упадающей порфирой.
И опять утону —
В эфиры».

Дымовеющий покров.
Духовеющие дождевые нити.
На облаке — зов,
И говор событий.

Вон — там —
В туман седовласый —

Пылают к нам
Восторги последнего часа,

Проносятся в ночь —
— Бури, бури, бури.
И хмурятся в ночь —
Вечереющие лазури.

Серебряный Колодезь
1903 г. Июль

609

Я чую поблизости поступь гиганта:
На пир пригласил горбуна-музыканта.

С неистовой, дикою силой и злостью
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты
Во вретищах белых растлительный танец.

Деревья листвой пожелтевшей одеты.
Меж листьев сверкают лазурь и багрянец.

1902

610. СОН

И стены распались... И все отнеслось...
И лес проступил сквозь обои; лилось —

Сплетение линий: струей ручейка;
Прордели мельканием два мотылька...

Двурогий кентавр из сосновых стволов
Мохнатой рукою распугивал сов...

Двурогий кентавр незабудок дождем
Мохнатой рукою рассыпал кругом.

Я слышал раскатистый хохот его;
И счастья не мог позабыть своего.

Но солнца сломалась громовая ось...
И стены — вернулись: и все — пронеслось.

Москва
1901 г. Ноябрь

611. СТАРИННЫЙ ДРУГ

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
Весь поседев от вековых скитаний.
Ко мне ты шел: в твоей простертой длани
Качались светочи... Ты — улыбался...

Раскинутая, чистая порфира
Светила бледнобирюзовым миром...
Ты — говорил, ты — плакал: «Милость мира,
Простертая, раскидывает шири...»

«Старинные, старинные лазури
Ликуют сном былых великолепий...»
Ты подал мне рог выдолбленный, турий
С пурпуровым вином... Распались цепи,

Въедавшиеся в старческие кости,
Железом нас приковывая к гробу.
Все кончилось: мы, победивши злобу, —
Тысячелетий пиршественных гости!

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Воспел слова божественной молитвы.
Повел меня торжественно в чертоги.

Мы — прежние... Мы — вот — на прежнем пире.
Склоняясь, небо в души нам глядело,
Овеивало души древним миром.
И — бледно, бледно, бледно бирюзело.

Вдруг — лошади под жалким катафалком:
К нам потащили, фыркая, два гроба...
И тот же гном вскричал под катафалком:
«Смерть — победила: это вам — два гроба...»

2

Над гробом стал; в гробу моем — бездонно.
Пещера той же пропастью зияла.
Все к той же бездне, мчащийся исконно,
Поток столетий Вечность прогоняла.

Кустарники кидали вверх над пиком
Свои сухие, шепчущие злости...

И тот же гном трубил в пустые кости
Морщинистым, тысячелетним ликом.

Бесплодны жалобы... Безвинны жертвы...
Столетия проходят сном унылым.
Столетия не восстаю я, мертвый...
Вдруг пронеслось шептаньем грустно милым:

«В гробах сквозь сон услышите вы, оба, —
Сигнальный рог, в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба
Поднять на солнце лик запламеневший».

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
В провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

Горели славой меркнущие светы.
Горел щита червонного остаток.
И я молчал, так радостно задетый
Крылами черных, шелковых касаток.

3

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные бессмертные потоки
Железные гробницы омывали.

Оделись дали ясностью багряной.
Сверкали дали золотой парчою...
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной.

Щебечущие ласточки — летите
Из воздуха к Спасителю на плечи!
В страну гробов, весенние предтечи,
Щебечущие ласточки — летите!

4

Лежал в гробу, одетый в саван белый.
Гроб распахнулся: завизжала скоба.
Мне улыбался, грустно-онемелый,
Старинный друг, склонившийся у гроба, —

Светящийся, прозрачный, несказанный...
В объятиях друг друга мы сжимали.

Две ласточки нам в уши завизжали
И унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
На праздник мирового воскресенья.
Там — восставали мертвые из гроба,
Здесь — слышалось торжественное пенье.

Оделись дали радостью багряной.
Сверкали дали сладостной парчою.
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной.

Серебряный-Колодезь

612. СТАРИННЫЙ ДРУГ

Э. К. Метнеру

1

Открылся ряд тысячелетий длинный
Из мглы веков сквозь полусумрак серый:
Янтарный луч озолотил пещеры.
Ты — возвращаешься, о друг старинный!..

И та же все — старинная свобода.
И та же все — весна; и — радость снится...
Суровый гном, весь огненный, у входа
В бессильной злобе на тебя косится.

Свершалися безжертвенные жертвы:
Столетия летели сном унылым;
Столетия не воскресал я, мертвый;
Лишь изредка звучало зовом милым:

«Настанет день, услышите вы оба
Сигнальный рог, в лазури прогремевший:
Старинный друг придет к тебе из гроба
Поднять на солнце лик запламеневший».

Мы, вот, стоим, друг другу улыбаясь...
Мы смущены все тем же тихим зовом,
С тревожным визгом ласточки, купаясь
В эфире тонут бледнобирюзовом.

Щебечущие ласточки, — слетите
Из воздуха на дрогнувшие плечи:

В страну гробов, весенние предтечи,
Щебечущие ласточки, — летите!..

О, этот крик из бездн, всегда родимый:
Старинный друг, не говори со мною!
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
Волной омыт воздушно-голубою.

2

К тебе я вновь вернулся после битвы;
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий:
Воспел слова божественной молитвы.
Повел меня в священные чертоги.

Сними со стен рог выдолбленный, турий
С пурпуровым вином: на древнем склепе
Старинные, старинные лазури
Ликуют сном былых великолепий.

Мы — прежние. Мы, вот, на прежнем пире...
По-прежнему: нам небо в души днеет;
По-прежнему: овеивает миром,
И — бледно, бледно, бледно бирюзеет.

Восстанем в жизнь: отныне милость мира,
Простертая, — раскидывает шири.
Я — знаю все: отныне милость мира
Простертая, — раскидывает шири...

3

Вдруг лошади под жалким катафалком
Зафыркали: и — тащут нам два гроба.
И тот же гном вскричал под катафалком:
«Смерть — победила: это вам — два гроба!»

И я — очнулся: старые мечтанья!
Бесцелен сон о пробужденье новом:
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

4

Над гробом стал: в моем гробу — бездонно.
Пещера той же пастью прозияла;
Все к той же бездне мчащийся исконно
Поток столетий Вечность прогоняла.

Кустарники взмели над диким пиком
Свои сухие, шепчущие злости.
И тот же гном трубил в пустые кости
Морщинистым, тысячелетним ликом.

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
В провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

5

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные, лазурные потоки
Железные гробницы омывали.

Лежал в гробу, одетый в саван белый.
Гроб распахнулся: завизжала скоба;
Мне улыбался, грустно-онемелый,
Старинный друг, склонившийся у гроба, —

Светящийся, прозрачный, несказанный...
В объятиях друг друга мы сжимали.
Две ласточки нам в уши завизжали
И унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
На праздник мирового воскресенья.
И — восставали мертвые из гроба,
И — слышалось торжественное пенье.

Оделись дали радостью багряной.
Сверкали дали золотой парчою...
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной.

В страну гробов, весенние предтечи,
Щебечущие ласточки, — летите!
Щебечущие ласточки — летите
Из воздуха: Спасителю на плечи.

Серебряный Колодезь
1903 г. Июль

613. ВОЗВРАТ

1

Я — мировой судьбе своей покорный.
Над головой — полет столетий быстрый.
Теки, лазурь, к моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья — упали с выси звездной.
Мои друзья, — они живут в низинах.
Развеял факел, факел я над бездной.
Звездой, звездою блещет на вершинах.

Я позову: зову к вершинам брата.
Пусть зазвучат далекие намеки.
Мой гном, мой гном — возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вино волшебств отстояно... Мы — маги —
Мы знаем: сон — полет столетий быстрый.
Подай им кубок: кубок пирной влаги,
В котором блещут золотые искры.

Трубою машет. Плащ его зеленый
Полощется над бездною туманной.
Все — кончилось... Мой гном, мой гном ученый,
Столетия оборвались нежданно...

Погасни, время!.. Родина, приемли!
Труби — труба... Летят, гласят призывы —
Взрывают грудь: так сотрясают земли
Глухие, вулканические взрывы.

Уже грядет, грядет из стран туманных
Род скованный, род, полоненный змием...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
Зеленый плащ под ноги расстели им...

Шепну тебе: из стран обетованных
В долину скорби суждено уйти им.

2

Подножие — зеркальная вершина;
Столы пылают золотом червонца;
В сосудах ценных — мировые вина;
Вот тут — лазурь, а там — напиток Солнца.

Протянутый, блистающий мой посох
Так странно ярок, странно светозарен...
Старинный пир на блещущих откосах, —
Шар солнечный, огромен и янтарен!

В пустую тьму взлетают ароматы,
Воскуренных и ладанов, и нардов:
Я — облеченный в красные закаты,
Как в шкуру полосатых леопардов —

Им говорю: «Вселенные несутся —
Пируйте вы»... Журча, как поцелуи,
Журчащие, ласкающие струи
Из согнутого рога — в кубки льются.

Над головой — пустынные высоты,
Внизу — таинственно окаменели скаты,
Таинственны таинственные гроты,
Таинственно клокочут водопады.

Венчая пир, с улыбкой роковою
Мир разрывая в трепет светозарный, —
Мой верный гном несет над головою
На круглом блюде: солнца шар янтарный!

Настоянные на звезде лазури
Терзают груди радостью рыданий;
Но световые, солнечные бури
И пламень пурпуров — спалят гортани.

3

Испив огней их пепелящей страсти,
С налитыми, кровавыми челами
Разорванные, солнечные части
Сосут дрожаще-жадными губами.

Я стал пред светочами: тенью длинной
Легла на них моей одежды лопасть:
Над головою Вечностью старинной,
Бездонно-темной, разверзалась пропасть.

О, долго ждал я алчущего брата —
В толпе зверей искал высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата,
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом упорным
Объятые, спускаются в провалы.

Сорвавши плащ, в негодованье горном
Мой верный гном в провал бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блестит грядой узорной,
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

Москва
1903 г. Январь

614. Н. В. БУГАЕВУ

1

Запламенел за дальним перелеском
Янтарно-красным золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Вился дымок из хат.

Садились мы, и — что-то, полный смысла,
Ты вычислял, склонившись над пеньком.
И — нить плелась. И — складывались числа.
И — сумерки дышали холодком.

Ты говорил: «Летящие монады
В эонных волнах плещущих времен, —
Не существуем мы; и мы — громады,
Где в мире мир трепещущий зажжен».

«В нас — рой миров. Вокруг — миры роятся.
Мы станем — мир. Над миром встанем мы.
Безмерные вселенные глядятся
В незрячих чувств бунтующие тьмы».

«Незрячих чувств поверженные боги, —
Мы восстаем в чертоге мировом».
И я молчал. И кто-то при дороге
Из сумерок качался огоньком.

Твои глаза и радостно, и нежно
Из-под очков глядели на меня.
И там, и там — над нивой безбрежной —
Лазурилась пучина бытия.

И чуть светил за дальним перелеском
Зеленоватым золотом закат:
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Стелился дым от хат.

2

Цветут цветы над тихою могилой.
Сомкнулся тихо светлой жизни круг.
Какою-то неодолимой силой
Меня к тебе приковывает, друг!

Все из твоих отворенных оконец
Гляжу я в сад... *Одно, навек одно...*[1]
И проливает солнечный червонец
Мне пламенное на руку пятно.

И веяньем проносится: «Мы — боги,
Идущие сквозь рой миров, — туда,
Где блещет солнце в яркие чертоги,
Где — облака пурпурная гряда»...

Серебряный-Колодезь
1903 г.

615

Прошумит ветерок
Белоствольной березой;
Колыхается грустный венок
Дребежжащей, фарфоровой розой.

Черных ласточек лет;
Воздух веющий, сладкий...
С легким треском мигнет
Огонечек лампадки.

Ты не умер — нет, нет!
Мы увидимся вскоре...
Не замоет потоками лет
Мое тихое горе.

Над могильным холмом
Из-за веток сирени
Бледно-белым лицом
Тихо клонится гений.

Серебряный-Колодезь
1903 г. Август

---

[1] Стих Вл. С. Соловьева.

616. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Дорогой памяти М. С. Соловьева

Задохлись мы средь суеты базарной.
И голос твой нас звал —
Из городов в закат красноянтарный,
С годами вырастал.

Пусть вьюги снежные венок с твоей могилы
С протяжным стоном рвут.
Лазурные, таинственные силы
Над родиной — взойдут.

Окончилась метель. Молчат немые гробы.
Тиха ночная мгла.
Восторгом вьюга белые сугробы
На гробы намела.

Кресты, кресты... Свет сумеречный, шаткий,
Пунцовый... Свет — дрожит...
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Нам сумрак озарит.

Москва
1902 г. Декабрь

617. ОСИНКА

(Поэма)

А. М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам —

Спешит бобыль сиротинка
Ко святым местам —

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.

Присел под осинкой
Бобыль сиротинка.

2

— «Сломи меня в корне»...

Осинка лепечет
Лиственная —
Лепечет
Ветром пьяная...

Над откосами
В ветре виснет:
Росами, росами
Ясно брызнет...

— «Сломи меня в корне...»

Трескочет —
Кружев узорней —
Трескочет —
В лес,
В холод небес —

Бормочет
В сырости:

— «А то мне не вырасти...»

Листиками лепечет
Пламенными;
Листики мечет
В провалы каменные:

— «Мне не вырасти...»

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть.

И хочет
Его молодая осинка
Росою окапать.

3

Свой посох,
Листом перевитый —
Сломи ты!

Твой посох —
В серебре,
Во серебряных росах...

Твой посох —
Врагов подорожных в пространство
Размечет —

От пьянства
Излечит.

4

И срезал осинку
Да с ней и пошел
В путь-дороженьку —

— По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Ко святым местам —

Славит Господа-Боженьку:
— «Господи-Боженька —

Мой посох
Во слезах —
Во серебряных росах!»

— «Ныне убоженький, —

С откосов
В пустыни
Воздвигаю свой посох!»

— «Ныне, Господи-Боженька —

Посохом
Окропляю пространства:
Одеваю пространства
В золотые убранства.

— Излечи меня от пьянства!»

«В путь-дороженьку
Уносите меня, ноженьки —

— По полям, по кустам
Ко святым местам».

5

Привели сиротинку
Кривые ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку
Сухие ветви
В места лихие...

«Замолю здесь грехи я...»

Зашел в кабачишко
За табачишком:

«Мне бы, братцы, бутыль
С огневицею —
Прелюбезной сестрицею...»

Картуз на затылок
Надвинул:
Сидел средь бутылок:

— «Вы бутылочки
Милочки!»

6

«Ты скажи мне, былиночка,
Как величают места сии?»

Отвечала былиночка:

— «Места сии —
Места лихие,
Песчаные:
Здесь шатаются пьяные —

Места лихие
Зеленого Змия...»

«Замолю здесь грехи я!»

7

Как несли за флягой флягу —
Пили огненную влагу.

Д'накачался —
Я.
Д'наплясался —
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх!
Людям — грех.
Эх!
Курам — смех.

По дороге ноги-ноженьки — туды-сюды пошли.
По дороженьке вали — вали — вали —

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать?
Дунуть — плюнуть: наплевать!...

Гомилетика!
Каноника!

Раздувай — дувай — дувай,
Моя гармоника!

Дьякон пляшет
                    — Дьякон, дьякон —

Рясой машет —
                    — Дьякон, дьякон...

Что такое —
            — Дьякон —
Смерть?

— «Что такое?
То и это:
Носом — в лужу;
Пяткой — в твердь»...

Раскидалась в ветре — пляшет —
Полевая жердь: —

Веткой хлюпающей машет:
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала — Смерть!

8

Над вышкой песчаной
Клонил нос багряный...
Кивала кручина
Полынной метлой:

— «Ты мой, сиротина:
— Ты — мой»,

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля:

Кружится,
Пляшет
Вокруг
Бобыля —

(— «Бобыль —
Пьяница:
У бобыля —
Нос румянится...»)

Пляшет —

— Руками своими
Сухими,
Колючими —
Машет...
На смех тучам —
Пляшет
По кручам.

Гой еси, широкие поля.
Гой еси, всея Руси поля.

Не поминайте лихом
Бобыля!

Дедово
1906 г. Август

618. РАЗУВЕРЕНЬЕ

Как нам уйти
От терпких этих болей?
Куда нести
Покой разуверенья?
Душе моей
Еще — доколь, доколе? —
Душе моей
Холодные волненья?

Душа — жива.
Но — плачет невозбранно;
Земля мертва...
Пройдут и не ответят.
Но — там: смотри!...
В огни зари, — туманно.
В огни зари —
Иные земли светят.

Воздушный путь!
Яснеющие земли!
И зреет высь,
И зреет свет пустыни!
Но здесь — пребудь
До века ты отныне...
Ты покорись —
И долгий мрак приемли.

Пусть он растет!
И вновь склонись послушно
Душой немой...
И жди: и час настанет...
И водомет
Своей струей воздушно,
Своей струей,
Как некий призрак, встанет.

Бесследны дни,
Несбыточны волненья.
Мы — искони
В краю чужом, далеком.
Безвременную
Боль разуверенья —
Безвременную
Боль — замоет током.

Петербург
1907 г. Октябрь

619. БУРЯ

Безбурный царь!
Как встарь,
В лазури
Бури
Токи:
В лазури
Бури
Свист
И ветра свист
Несет —

Несет,
Метет
И вьет
Свинцовый прах, далекий,
Прогонит,
Гонит
Вновь
И — вновь
Метет
И вьет.

Воскрес:
Сквозь сень древес —
Я зрю —
Очес
Мерцанье:
Твоих
Очес
Сквозь чахлые кусты:
Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший Ты.

Ответить ветру — чем?
Ты — нем...
Из туч свинцовых
Вскипят кусты...
Ты —
Там:
Кругом — ночная ярь.
И ныне,
Как и встарь,
Восход лучей багровых.
В пустыне
Ныне —
Ты:

И ныне,
Как и встарь,

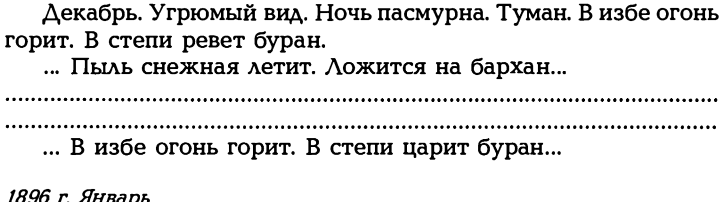
О, царь, —
Ночная ярь:
В лазури —
Хмури,
Бури;
И ветра свист
Обвеет лист...
И вот —
Несет, метет и вьет
Пролетный прах
В седые хмури:
Гонит страх.
Суровый
И свинцовый.

Москва
1908 г. Февраль

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

620

Декабрь. Угрюмый вид. Ночь пасмурна. Туман. В избе огонь горит. В степи ревет буран.

... Пыль снежная летит. Ложится на бархан...

....

....

... В избе огонь горит. В степи царит буран...

1896 г. Январь
Москва

621. СЧАСТЬЕ

Счастье есть на земле;
Не померкло... нет, нет!
Не вздыхай, но ищи в темноте;
Не ленись — и во мгле
Ты увидишь вдруг свет —
Ну тогда и конец слепоте.

Так бывает всегда:
На душе — мир, тепло.
Сгинет скорбь мировая и страх.
И увидишь тогда,
Что не в мире темно...
Мрак гнездился в твоих лишь очах.

И когда бы зараз
Просветлел человек,
Был бы вечно здесь рай неземной:
Тотчас стих бы средь нас
Гнев и ропот навек:
Воцарился б мир тихий святой.

1897

622. ГИМН СОЛНЦУ

Пусть говорят слепцы, что смолкли наши лиры,
Пусть говорят слепцы, что смерть нам всем грозит.
Что ей повержены гражданские кумиры,
Что прежний идеал поруган и разбит.
Что средь пустынного, мучительного ада
Желанный луч не заблестит для нас,
Что мы в бездействии погибнем без возврата,
Что путь наш тьмой покрыт, что свет давно погас...

Опять настанет день, и он не за горами,
Когда коснемся мы до радужных высот,
Когда с рыданьями и сладкими слезами,
В ночи перед собой увидя свет, народ
Восторженно помчится за мечтами
К востоку светлому вперед.

И солнце дивное из дали к нам проглянет
Стенанья радости на запад полетят
И крест, поверженный, торжественно восстанет,
И гимн, под гром небес, перед востоком грянет
И херувимы к нам слетят.
Пред миллионами коленопреклоненных
Покажется Христос из туч воспламененных.

1897 г. Июль

623

Старое поколение

Юноша, кровь в твоих жилах бежит; будущность скрыта туманной одеждой; будущность радостной, светлой надеждой бьется, сверкает,.... куда-то манит........ О! Наслаждайся весною, мой друг! Помню и я те года золотые, помню и я те надежды былые, помню, как все разлетелося вдруг.... Нет ничего у меня впереди.... Скрылся туман, прояснилися вежды.... В пошлую грязь обратились надежды... Горе навек поселилось в груди...

Новое поколение

Молод, неопытен я, но сомненья мне омрачили весенние дни... Молод, неопытен я, но они душу смутили — и нет вдохновенья........

Вдаль ли гляжу — и не вижу я роз.... В сумерках снятся иные картины.... Снится мне пустынь.... леса да равнины... Тучи свинцовые будущих гроз.................

1897 года сентябрь

624

... Еще в детстве моем Он являлся ко мне; и в чарующем сне я все грезил о Нем... ...

... Но темны небеса. Словно в бурю цветы разлетелись мечты.....

..... Пролетала гроза..... Вот... опять... в полусне... с хором трепетных грез появился Христос и склонился ко мне....

1897 г. Москва. Декабрь

625

Он худ был и бледен... Задумчив и дик. Любил он лишь кошек да змей. Ходила молва, что ужасный старик скакал по ночам меж огней.

Раз ночью его подстерег я — и что ж? — Я болен, я грустен, я сед! Вонзилась тревога мне в сердце, как нож. Наскучил с той ночи мне свет.

Я видел, как в полночь из саду толпой сползалося множество змей. Я видел — приникнув седой головой к чудовищам, плакал кощей..... Да плакал..... А даль озаряла луна; свет верхи дерев серебрил....

Вот... что-то мелькнуло в саду близ окна — и в ужасе старец вскочил...
....

... Разлился везде розовеющий свет. Промчалось: не кошмар то был: я слышал, как старец в туманный рассвет все плакал и жалобно ныл...

Исчезли поганые змеи в окне; и сгинули Мраки в углу. Я плакал: я слышал, как в утреннем сне метался старик на полу.

С тех пор раздражает меня блеск луны и парк, залитой серебром, и шепот деревьев среди тишины, и ужас, подернутый сном.

1898 г. Февраль.
Москва

626

Утро. Зарею горят небеса.
Вдаль протянулись леса.

Келья в лесу. Гроб тесовый стоит.
Схимник скончался и спит.

Кто-то Незримый читает над ним.
Кем-то он сильно любим.

Кто-то склонился и шепчет: «Тебя
Ждет красота бытия».

Ангел над лесом трубит и поет
И так протяжно зовет.

Схимник во сне просиял. Сам Христос
Гроб его к небу понес.

Дальше и дальше летят от земли...
Синее небо вдали...

Утро. Зарею горят небеса.
Вдаль протянулись леса.

1898 года март
Москва

627

Вот блестит уже с высот полуночный хоровод. Крики звонкие стоят. Бубны в воздухе дрожат. Бубны в воздухе...............
....
Кругом все забылось мирным сном... — И все явственней с высот полуночный хоровод.

1898 г. Апрель. Москва

628

Странную песню я слышал вдали. Песню о долгой разлуке... Песня была не с земли... ... Странные звуки...

Песня манила меня в монастырь в тихую, тихую келью... Вдруг пролетел нетопырь, взвившись над елью....

[Где же ты, песня? Кто пел там вдали? Кто там скорбел о разлуке?... С неба неслись, не с земли странные звуки...]

1898 г. Июнь
Даниловка

629

О приходи, неясное виденье! Сойди ко мне! Пусть льется песнь, мелькает сновиденье о новом дне.

Пусть из груди летит привет восходу! Призывный звон пусть возвестит желанную свободу, как милый сон.

Пусть в шуме волн чудесные мотивы шумят, гремят, и пусть в душе знакомые приливы заговорят.

Уж дальше ночь, уж не мерцают грозы в обрывках туч. Уж на востоке из-за моря розы бросают луч.

... Моля Творца, гремит моя цевница, за всех, за всех, как милый плач, как смутная зарница, как детский смех....

1898 г. Июнь
Даниловка

630. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Пруд налился свинцом от тучи грозовой
И кажется одним чудовищным сосудом.
Мартын[1], прильнув к воде, кричит над черным прудом.
Зубчатая стрела метнулась над водой.

Вода изморщилась от ветру и тоски.
Как сильно рвутся вдаль, шипя, ряды осоки!
Взревела буря; вихрь, взметнув, погнал пески
И пылью горизонт подернулся далекий.

1898. Июнь

631

... Песня весенняя птицей несется... Полночь пробила на башне седой... Капля росы под окном оборвется с листьев алмазной слезой... Жимолость нежная... ветви сирени тихо заводят беседы...

... Вдали — вон по дорожке, полны песнопений, толпы монашек прошли...

... Ветром чуть слышным сирени пахнули... Небо к востоку совсем уж бледно... Чьи-то сребристые крылья мелькнули, с силой ворвавшись в окно... Небо белеет... Заря молодая палевой лаской согрета....

... Вдали — вон по дорожке к могилам, мелькая, толпы монашек прошли...

1898 г. Август
Даниловка Сар<атовской> губ<ернии>

---

[1] Мартыном называется «рыболов» в некоторых местностях России.

632

Как низко, склонясь над рекой,
Кивают плакучие ивы!
Смотри, как туман голубой
И реку покрыл, и заливы...

Как тихо, спокойно окрест...
Над старой, дуплистою ивой —
Там чей-то поваленный крест
Бурьяном порос и крапивой...

Старик пел... И песня тоски
Звучала, как звон погребальный...
И с шепотом нежным реки
Сливался шум ветра печальный...

«Песня старика»

«Безумно старик молодую любил —
Невинную девушку в сети ловил.
Старик был богат, а невеста бедна...
И с ним, стариком, обвенчалась она...
Но скоро он, скоро, обманут судьбой,
Под ивой плакучей покончил с собой».

... Исчезла печальная тень,
Пропев над заглохшей могилой...
Уже загорается день
К востоку с победною силой...

Смотри, как туман голубой
И реку покрыл, и заливы!..
Смотри, как, вися над водой,
Кивают плакучие ивы...

1898 г. Октябрь
Москва.

633

... Сосен красавиц шумят вековые вершины... Смертная греза опять среди ночи мелькает... Снова в тумане мелькают былые картины... Старый затворник в пещере молитву читает....................

Зыблются тонкие стебли пахучей фиалки... На горизонте — меж тучек — немые зарницы... Чу! перед входом в пещеру шумят молодые русалки... Старца зовут на свободу из душной темницы......................

Слышит, как девы его в хоровод зазывают.... Больше, все больше русалок выходит из пены... ... Странно лучи, ослепительно странно сверкают... Черные тени ложатся на серые стены....

Плачет затворник и жарко молитвы читает, и пролетают ночные, туманные грезы..... Зорька меж сосен приветно и нежно сияет... В травах высоких дрожат серебристые слезы...

1898 г. Ноябрь
Москва

634

(подр<ажание> Гейне)

Таинственной, чудною сказкой над прудом стояла луна. Вся в розах с томительной лаской его целовала она. Лучи золотые дрожали на легкой чуть слышной волне. Огромные сосны дремали, кивая, в ночной тишине. Тихонько шептались, кивая, жасмины и розы с тоской. Всю ночь просидели, мечтая, они над зеркальной водой...........

С востока рассветом пахнуло. Огнем загорелась волна. В туманах седых потонула ночная царица луна. Веселые пташки проснулись. Расстались надолго они. И вот с той поры потянулись для них беспросветные дни............................

И часто, и долго весною, когда восходила луна, бывало, над прудом с тоскою, вся в розах, сидела она. И горькая жалоба сосен тиха, безнадежна была. И много обманчивых весен над прудом она провела....................................

1898 г. Ноябрь
Москва

635

Зима. И унылые стонут мятели. Сквозь тучи луна чуть блестит. Все тихо. Поднявшися с жесткой постели, колодник на бурю глядит............

....

Деревья шумят молодыми листами. Надежда в дали голубой. К окну подошел он, бряцая цепями, недвижно глядя пред собой............

1898 г. Ноябрь
Москва

636. СТЕПЬ ДНЕМ

По степи черные вихри крутятся.
Ветер гуляет, и вороны мчатся.

Солнце над выжженной далью стоит.
Резко сухая трава шелестит.

<1898>

637. МОИ ПРИЗРАКИ

Когда свечи на небе зажгут, —
Мои призраки роем слетают;
И на крыльях незримых несут,
И, склонившись, ласкают.

Так мирно и тихо... И звуки
Так нежно ласкают наш слух;
А в небе над нами летает
Могучий и праведный Дух.

<1898>

638

Дитя мое больное, забудься грезой сна!... Смотри — на все земное нисходит тишина...

... Мечтательно вздыхают туманы над водой, да ангелы летают падучею звездой.... Открылось царство грезы.... Все спит глубоким сном.... ....Испуганно березы метнулись под окном...

1899 г. Январь
Москва

639

Огромное озеро в дымке седой.
Вздымаются пенные волны.
На берег приходит гусляр молодой,
Стремлением к дальнему полный...

Туман разливается, утро горит.
Гусляр исчезает в тумане...
И снова пучина зловеще шумит,
Тоскуя о чудном обмане...

И вновь опускается сумрак ночной.
Луна берега озаряет.
Приходит знакомец — гусляр молодой...
Поет и на гуслях играет.

1899 г. Февраль
Москва

640

Вон за прудом стелятся туманы.
Спят в туманах горы-великаны.
Месяц красный тихо выползает,
На поляны сонные взирает.

Вон поля, вон села, вон лесочки!
Голубые, алые цветочки!..
Бледный инок на полях мелькает,
Села, нивы, лес благословляет.

1899 г. Март
Москва

641

Вот лунные ласки
На листьях берез задрожали...
Вот милые сказки
В полночном шептанье звучали...

Вот чудные грезы
Прошли над унылой равниной...
И снова березы
Поникли седою вершиной...

1899 г. Март
Москва

642

Я видел — сверкала и пела весна. Но вот закатилась она. Я слышал невидимый хор голосов и к небу далекому зов.... И все поглотил ненавистный туман: видение ночи обман.

Осталась надежда одна у меня. Я жду всепобедного дня. Я знаю, Всевышний во славе придет, когда загорится восход.................

.... — И что-то промчалось из дали звеня... «В тумане надежда твоя»....

1899 года март
Москва

643

Горькие слезы и гибель весны! В небе рога леденеют луны. Ивы, согнувшись, ревут над рекой. Холоден, холоден ветер ночной.

Грозные тучи из дали плывут; волны поднялись; на берег бегут... Черны морщины меж гребней седых!.. Много умчалось надежд дорогих!..

1899 г. Май
Москва

644

...Странный крик болотных птиц... Яркий блеск немых зарниц: Меж полуночных ветвей, точно проблески огней..... Едет всадник молодой, весь окутан тонкой мглой....

... Лес тоскует, полный грез, полный сумрачных угроз... Звезды яркие горят... Очи строгие глядят... Месяц в чаще утонул..... Ворон песню затянул. Кто-то гибнет в тьме лесной!..

... Где ты, всадник молодой?...

....

[... Предрассветный, легкий сон... В нежных красках небосклон.... В нежных красках спит река....

Тень скользит вдоль тростника.... Тень поет о грозном сне в предрассветной тишине....]

1899 г. Октябрь
Москва

645

Дéвица слышит — плачет мятель... Ветер колышет сонную ель...

... Полночь идет... Жизни не жаль... Кто-то зовет в мутную даль....

Дéвица слышит — плачет мятель... Кто-то колышет сонную ель...

1899 г. Октябрь
Москва

646. ПОДРАЖАНИЕ БОДЛЕРУ

О! Слушали ли вы
Глухое рокотанье
Меж пропастей тупых?
И океан угроз

Бессильно жалобных?
И грозы мирозданья?
Аккорды резкие
Невыплаканных слез?

О! Знаете ли вы
Пучину диссонансов,
Раскрытую, как пасть,
Между тернистых скал?
И пляску бредную
Уродливых кадансов?
И тихо плачущий
В безумстве идеал?

1899 г. Октябрь
Москва.

647

Меж изумрудных волн качается наш
челн. Лучи луны с небес каскадом льются.
В прибрежном камыше я слышу шепот
волн: из глубины с рыданьем рвутся.

Зарница белая беззвучно полыхнет.
Чуть слышный ветерок по речке пробегает.
Вон над водой в тумане тень плывет!
Вон над водой в тумане тает.

1900 года. Март
Москва

648

Ты помнишь, мы долго сидели
В избушке забытой, средь гор,
И в низкие окна глядели:
Был грустен твой пасмурный взор.

Мы вспомнили прошлое счастье.
Мы плакали молча без слез.
Темнело. В окне без участья
Торчал за провалом утес.

И ель нам кивала так жалко,
Сгибаясь вершиной своей,
И каркала черная галка
На груде холодных камней.

И мы засыпали: к нам снова
Вернулись забытые дни,
Забытые люди. И снова,
Проснувшись, мы были одни.

И галка в бесплодной надежде
Хрипела на груде камней...
И ель нам кивала, как прежде,
Сгибаясь вершиной своей.

Был ветер над нею холодный.
Бездомный старик великан,
Там где-то, свободный, свободный,
Шел к солнцу сквозь серый туман.

[И вот утонул он в тумане...
Мы долго грустили о нем:
«О долго ли жить нам в обмане?
Когда ж мы свободней вздохнем?»

Уж белое утро сердито
Смотрело на нас, и в окне
Все, саваном мертвым покрыто.
Скучало в своей белизне.]

И утром оттуда, где кручи
Восходят в зловещий туман
И бездны сияют сквозь тучи,
С вершин шел старик великан.

Вокруг него ветер свободный
Вздымал равнодушный туман...
И шел он — холодный, холодный —
Тоскливо крича: «*Все обман*».

Мы вспомнили прошлое счастье.
Мы плакали молча без слез.
В замерзшем окне без участья
Торчал за провалом утес.

1900 г.

649. СТРАДАНЬЕ

Ты слышишь, как звонкие струны
В печали томятся...
Валы, о буруны
Разбившись, вспеня́тся.

Сгустилося небо над нами.
Метелица свищет.
Сверкая очами,
Страданье нас ищет.

Спасаться теперь уже поздно
От ужаса мира.
Приблизились грозно
Повадки вампира.

Костлявые руки гневливо
Все струны порвали...
Страдай терпеливо:
Ведь все же страдали!

<1900>

650. В ЛОДКЕ

Лодка скользила вдоль синих озер
Ранней весной...
Волны шумели... Твой тающий взор
Робко блуждал среди синих озер...
Был я с тобой...

Там... где-то в небе... гряда дымных туч
Рдела огнем,
Точно цепь льдистых, сверкающих круч,
А не холодных, блуждающих туч,
Тающих сном.

Ах, мы сидели как будто во сне!..
Легкий туман
Встал, точно сказка о нашей весне...
... Ты засыпала, склонившись ко мне...
Призрак! Обман!...

Годы прошли... Я устал... Я один...
Годы прошли...
Лодка скользит вдоль озерных равнин.
Вместо багрянцем сверкающих льдин —
Тучи вдали...

Весь я согнулся... усталый... больной...
Где же ты... друг?
Над равнодушной, холодной волной
Вьется туман, точно призрак седой...
Где же ты... друг?

1900 г. Декабрь

651

(Пародия на пародию)

... Скука... Я не виноват;
Не моя вина в том....
...Если б можно... Я бы рад
Стать.... хоть Аргонавтом...
И за шкурой золотой
В море плыть, как за мечтой,
Здесь все мрачно, скучно...
«Но ведь это... это... миф?»
Господа! Я не гневлив,
Но ведь это — глупо!..
Вот начну опять зевать,
Не моя вина в том,
Коль нельзя мне в шутку стать
Даже Аргонавтом.

1901. Январь

652

Последняя осень измученной жизни моей,
Как сон пролетает; и с севера тучи темней,

Как будто оттуда грозится седая метель.
Над свежей могилой качается хмурая ель.

«Прощай... Ненадолго... Мы скоро увидимся там...
И вновь предадимся, мой милый, несбыточным снам.

Недаром же я, что ни день, все бледней и бледней....»
... Последняя осень измученной жизни моей.

1901 года январь

653

(Пророчество)

Осенним, серым днем мне снился странный сон; стоял в лесу глухом призывно-грустный звон. Горели в небесах лампады. Бор молчал. Вдали седой монах на поле замелькал. Молчальница луна склонялась за рекой, печальна и красна, повита синей тьмой. [Уж отблески луны тускнели вдоль реки. Меж сонной тишиной шумели тростники.]

....

Уже роса легла... И вижу вдруг — огнем святые купола на фоне заревом блеснули, там, вдали над лесом... И ясней передо мной прошли виденья лучших дней.... Светало в небесах. Сосновый бор дремал. Вдали седой монах призывно закричал: «Лазурно-ясным днем он сбудется — наш сон!»........................
....
Стоял в лесу глухом призывно-грустный звон. Молчальница луна угасла за рекой, печальна и красна, повита синей тьмой.

1901 года март

654

Кто это плачет меж роз?....
... Бледная тень......
... В небе обрывки промчавшихся гроз...
... Тихо склонилась бездомная тень...
Плачет... без слез.

... Снова мне прежнего жаль!....
.... Прежний обман!......
... В песнях звенит серебристая даль...
... Друг, это ты?... Это ты?....
.... Нет!... Обман!...
... Снова печаль...

... Вот уж растаяла тень
в облаке грез
... Уж и светло... Разгорается день...
... Много блестит тут серебряных слез!....
... Вот уж и день!...

1901 года. Май

655

(посв<ящается> М. Метерл<инку>)

Ветер, полный кручины,
Гнет лесные вершины,
Нам грозя...
Сердце бьется невольно...
Ветер, ветер, довольно!...
Так нельзя!....

Ветер умер... Все видно...
С виду все безобидно —
— Но не верь...

Бог весть! Всяк в чаще бродит...
Знаю, кто нас обходит[1],
Что за зверь!..

[Слышишь — чье-то моленье,
Чье-то тихое пенье
За рекой...
Твои страхи иссякли...
Но прислушайся: так ли?...
Это — вой....]

Где ж тут райская сладость?
И странна твоя радость
Для меня...
Средь немого погоста
Знаю я — не так просто!..
... Знаю я!...

Ветер, полный кручины,
Гнет лесные вершины,
Вновь грозя...
Сердце бьется невольно...
Ветер, ветер, довольно!..
Так нельзя!...

1901 года май
Дедово. Моск<овской> губ<ернии>

656—657. ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ МЕТЕРЛИНКА

1. VISIONS

Проходят снова предо мной
Мои растраченные слезы,
Разочарованные грезы
И поцелуев сладких зной.

Завяли лилии родные
Здесь в лунном холоде... и вот —
На горизонте струи вод
Беззвучно брыжжут голубые...

Из-под опущенных ресниц
Я вижу — там, где дышат розы —
— Огромный ворон шлет угрозы,
Смущая сонных голубиц...

[1] Морочит.

И над душой многострадальной,
Сияя мертвой красотой,
Печаль о жизни прожитой
Не греет ласкою прощальной...

1901 г. Июнь
Серебряный-Колодезь.

2. APRÈS-MIDI

Душа растеряна, сонлива...
О Боже, сколько здесь огня!...
Без влаги золотая нива
Горит в сухом потоке дня...

Горит... Остановилось время
В палящих, солнечных лучах...
Все тот же труд, все то же бремя
На изнывающих жнецах!...

В моих руках хрустит солома,
А тусклый взор провидит смерть...
Побольше бури, больше грома
На изнывающую твердь!...

И вижу — облако туманов
Затмило дальние поля...
Ах, это лишь стада баранов
Плетутся медленно, пыля!..

1901 г. Июнь
Серебряный-Колодезь

658

Луна засияла туманным пятном...
В цилиндре, осанившись гордо,
Шел негр черномордый с губастым лицом...
Смеялась проклятая морда.

Мальчишки его окружали кольцом,
Кривлялись и громко свистели,
И он им грозил своим черным лицом
В столбе серебристой мятели.

(*По поводу грядущего «паннегризма»*)

1901 года июль

659. ФОНТАН

I

Вдали огонь закатных риз
Блестит чуть видною улыбкой,
Не дрогнет сонный кипарис,
Пролепетав вершиной зыбкой...
И только пенный водомет
Свои фантазии поет.
То — сладкий сон, фантом седой,
Игра жемчужин драгоценных,
Потоки слез[1] воздушно-пенных,
Над неподвижною водой
Летают струи вверх и вниз.
И пылью смочен кипарис.
То это — шепот о былом,
То — вдохновенье ночи южной,
Мечта о счастии ином,
Плач бесконечный, шепот дружный,
Молитва чи<с>тая за всех,
Раскатистый фонтанный смех.

Кто грустно голову склонил?
Кто там сидит в одеждах белых,
Окаменев в мечтах несмелых
У бледномраморных перил,
И шепчет: «Вижу, вижу я
Красу иного бытия».
Его молитва так тиха!
Душа горит мечтой безгрешной:
Жизнь прозябанья и греха
Смешила маскою потешной!...
И памятью былых утех
Ему звучит фонтанный смех.
То это — шепот о былом,
То — вдохновенье ночи южной,
Печаль ребенка, смеж жемчужный.
[Мечта о счастии ином...
А в небесах брилльянты звезд
Сложились дружно в Южный Крест[2].]

1901 года август
Сер<ебряный> Кол<одезь>

---

[1] *Незачеркнутый вариант*: Потоки струй. — *Ред.*

[2] Созвездие Южного креста играет роль Полярной звезды в Южном полушарии.

II

Как весть о счастии ином,
Блестит денница молодая,
В тумане бледно-голубом
Лучом серебряным сверкая,
Воздушнопенный водомет
Свои фантазии поет,
И вверх, и вниз летит струя...
Звучат веселые напевы <?>...
Идут к фонтану жены, девы,
Старухи, дети и мужья,
Сосуды захватив с собой,
За чистой, свежею водой.
Объяты веяньем весны,
Вдруг видят отрока святого;
На землю ставят кувшины́.
На фоне неба золотого,
Не веря заспанным очам,
Внимают пламенным речам.

С печатью неба[1] на челе
Он говорит: «Прощай, былое!
Доселе мир лежал во зле...
Отныне солнце золотое,
Взойдя, растопит всякий грех —
Своим теплом согреет всех.
Проходит ныне всякий сон...
Восстань, как Бог, над прежней бездной!
Иди дорогою надзвездной!
Смотри — далекий небосклон
Уже купается в крови,
Чтоб вспыхнуть заревом любви.
Ночной, туманною грозой
Проходит ныне образ мира...
Какою яркою красой
Горит пунцовая порфира!
И, братья, вижу, вижу я
Красу иного бытия».

И много отрок говорил
С безмирно-синими очами
Под голубыми небесами
У бледно-мраморных перил.
Народ в безмолвии стоял,
Народ почтительно внимал.
Был в небе словно храм отверзт.
Всходило солнце золотое.
Над синей тучей яркий перст

---

[2] *Незачеркнутый вариант.* С печатью мудрой. — *Ред.*

Вознесся в небо голубое.
Жемчужной пеной бил фонтан
Сквозь бледно-розовый туман.

III

И все, что прежде он открыл,
Внимая чудным песнопеньям,
Все, что молил, чем горд он был,
Чего добился отреченьем —
Все тесно он совокупил,
Священной грезой вдохновенный.
Повсюду глас благословенный
В край безза<ка>тный, в край нетленный
Мечту будил и возносил.
И шли к нему со всех концов,
Бросая жен, детей, отцов.
К нему обиженный бежал
Несправедливым приговором,
И он речам его внимал,
Смеясь лазурно-ясным взором,
И вдохновенным разговором
Мечту страдальца окрылял,
[Сжигая горе. Оттого
Повсюду славили его.]
Над этой бедною страной
Давно желанное светило
Любовь<ю> вечной восходило,
Зажегши в мире мир иной...

...И все, что сердцу было мило,
Дрожало вещею струной...

III[1]

Шумел фонтан волшебным сном
Перед огромнейшим дворцом
Кроваво-красного гранита.
Там ряд колонн из малахита
Поддерживал высокий свод
Неописуемых красот.
В бассейн с водой из львиной пасти,
Как искрометная змея,
Полна напевов жгучей страсти,
Летела чистая струя.
Почтенный царь сидел на троне
В своей серебряной короне,
С высоко поднятым челом
В прощальном блеске заревом.

[1] Авторский сбой в нумерации фрагментов. — *Ред.*

И с ним царица молодая
Сидела рядом... И на ней
Была корона дорогая
Из бриллиантовых камней.
В очах красавицы царицы
Дрожали черные зарницы.
Призва́нный царским повеленьем,
Здесь, перед троном он стоял
И с неподдельным увлеченьем
Царя седого поучал.
Он говорил: «Как сон земной,
Проходит ныне образ мира.
Любовью светит молодой
Вдали нетленная порфира.
Великий царь, с тобой, как брат,
Священный день я встретить рад!
Владыко сильный! зло и тень
Лежит у ног потешной маской,
И бесконечно дивной сказкой
Зажегся беззакатный день.
Иди дорогою надзвездной!
Восстань, как Бог, над прежней бездной!»

Летела чистая струя
В бассейн с водой из львиной пасти,
Как искрометная змея,
Полна напевов жгучей страсти.
Гудел призывно тихий шум,
Рой позабытых, грустных дум.
Луна взошла над рощей ма́слин.
Он говорил: «От вечных битв,
От слез, от гнева, от напраслин
Народ вздохнет среди молитв».
Поникла царская жена,
Увлечена мечтой нездешней.
Он кончил. Полная луна
Сияла скорбью безутешной.

Надменно царь захохотал
И головою покачал:
«Дух разрушительный, тлетворный
Нравоученья твоего
Среди народа моего,
Раб хитроумный, раб притворный,
Я пресеку!... Из этих стран
Беги скорей, беги в изгнанье —
Пришлец без роду и названья,
В стране посеявший обман».

Он вышел. Полная луна
В тень кипарисов утонула.

Поникла царская жена
Главой внезапно и вздохнула.
Над царским садом плыл туман.
Воздушной пеной бил фонтан.

IV

Вдали холодный вихрь ревет
И стороною гонит грозы,
А водомет ему поет
Свои серебряные грезы...
Как месяц, мысль его тиха!
Душа горит мечтой безгрешной...
Жизнь прозябанья и греха
Слетела маскою потешной.
Он говорит: «Прости их всех!»
И памятью былых утех
Ему звучит фонтанный смех.
Лишь солнце красное взойдет,
Пророк покинет страны эти,
А уж далекий небосвод
Чуть-чуть алеет на рассвете.
А уж в тумане голубом
Встает денница молодая,
Окрестность ровно озаряя
Своим серебряным лучом.

Кто там в одежде снежно-белой
Походкой стройной и несмелой
Идет вдоль мраморных перил...
И он воскликнул: «Боже сил».

В очах у вспыхнувшей царицы
Сверкнули черные зарницы;
Своей мечтой увлечена,
Пред ним склонилася она.
Несется шепот робкий, страстный:
«Любовью тайною горя,
К тебе я, юноша прекрасный,
Ушла от грешного царя.
Ты будешь мой или ничей,
Я за тобой пойду в изгнанье...
Я поняла знаменованье
Твоих восторженных речей!
Туман расходится под нами!...

Он головою покачал
И молча на нее взирал
Безмирно-синими очами...

...И от него, в тоске рыдая,
Пошла царица молодая...

И долго жалобы неслись...
И он ей вслед смотрел с улыбкой...
Качнулся сонный кипарис,
Пролепетав вершиной зыбкой,
Вздохнув о счастии ином
В тумане бледно-голубом...

Безмирно-огненный и жгучий,
Воздушный перст взлетел <?> над тучей.
Сиял на небе золотом...

V

...Почтенный царь сидит на троне
В своей серебряной короне...

Главу свою владыко сильный
Склонил на старческую грудь,
Как раб ничтожный и бессильный,
Шепча: «Былого не вернуть».
За днем опять проходит день.
Луною грусть восходит снова...
Все тот же образ, та же тень
Невозвратимого былого...
...За днем опять проходит день...

...Как вдаль умчавшаяся птица,
Как мимолетная зарница,
Угасла юная царица!...
Царь помнит все... Была весна...
Царица вдруг затосковала...
Как тень, печальна и бледна,
По целым дням она молчала
И тихо, тихо умирала...
«Прощай до скорого свиданья...
Меня зовет куда-то вдаль
Пришлец без роду и названья...
Ты не поймешь мою печаль!...
— Однажды мужу и царю
Она с улыбкой говорила, —
Меня влечет иная сила,
Иную вижу я зарю!...
Сквозь образы минувших дней
Везде сквозит седая Вечность»...

...Она скончалась... И над ней
Простерла крылья бесконечность...
И царь с непобедимой силой
Рыдал над свежею могилой.

660. ИЮНЬСКАЯ НОЧЬ НА СЕВЕРЕ

Мой друг, мой друг, окрестность спит,
В покое океан!
Не вскрикнет птица. Только кит
Пускает свой фонтан.

Вдали — диск солнца кровяной...
И солнечную ночь
Ни мрак, ни тень, ни помысл злой
Не могут превозмочь.

Вдали плывут остатки льдин...
Куда ты взор ни кинь,
Мой друг, мой друг — везде рубин
И кубовая синь!

На солнце облако нашло
И вспыхнуло огнем;
И солнце облако прожгло
Сверкающим мечом.

1901 г. Август.

661

Мой сон был без грез, но я плакал во сне,
К чему-то стремясь и о чем-то грустя...
И кто-то шептал мне: «Забудься, дитя,
Зачем вспоминать о несбыточном дне,
Зачем эти слезы!.. Забудься, дитя!»

Мой сон был без грез, но я плакал во сне...

Промчался безумный кентавр на зоре...
Блистая очами, крича что есть сил
О солнце великом, о новой поре,
И северный ветер тот клич разносил...
И день бледноликий над тьмой восходил...

Промчался безумный кентавр на зоре...

И что-то во сне осенило меня,
И я, пробудясь, вдруг увидел тебя...

1901 г. Август.

662

От вечных постов он давно отощал...
Не мылся он год, не чесался уж два...
И вот наконец он в пророки попал —
— Выкрикивал гордо святые слова...

Он сунулся в рай, но захлопнулась дверь,
Ведущая к небу, и Кто-то сказал:
«Поди расчешись и помойся сперва,
А то в волосах у тебя всякий зверь».

1901 г. Август.

663. ИДЕАЛ

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал...
Я бросил в ручей свой лавровый венок...
На землю упал... И кровавый цветок
Сребристой росою окапал меня...
...Увидел я в чаще мерцанье огня:
То фавн козлоногий, усевшись на пне,
Закуривал трубку, гримасничал мне,
Смеялся на горькие слезы мои,
Кричал: «Как смешны мне страданья твои...»

Но я отвернулся от фавна, молчал...
И он, уходя, мне язык показал;
Копытом стуча, ковылял меж стволов.
Уж ночь распростерла свой звездный покров...

***

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал.
«О где же ты, счастье...» Цветок кровяной
Беззвучно качнулся, поник надо мной...
Обход совершая, таинственный гном
Внезапно меня осветил фонарем
И, видя горючие слезы мои,
Сказал: «Как смешны мне страданья твои»...

Но я отвернулся от гнома, молчал...
И он, одинокий, свой путь продолжал.

***

Я плакал безумно, ища идеал,
Я струны у лиры в тоске оборвал.

...И ветер вздохнул над уснувшей сосной,
И вспыхнул над лесом рассвет золотой...
Гигант — вечный странник — куда-то спешил;
Восток его радостный лик золотил...
Увидел меня, головой мне кивнул,
В восторге горячем руками всплеснул
И криком окрестность потряс громовым:
«Что было — прошло, разлетелось, как дым!..
Что было — не будет! Печали земли
В туманную Вечность, мой брат, отошли...»

Я красный цветок с ликованьем сорвал
И к пылкому сердцу его прижимал!...

1901 г. Август

664

Утро. Восток
Дышит огнем....
Знаем и ждем...
Кто Ты, пророк?

Сердце опять
Рвется в груди...
О, приходи
Славу приять!

К сердцу прижмем
Белый цветок...
Утро. Восток
Дышит огнем.

1901 г. Сентябрь.

665. НА ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ПЕРИМСКОЙ И ФЕОТИРСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

(См. Откр. Иоанна)

1

Редеет с востока неверная тень...
Улыбкой цветет наплывающий день...
А там, над зарею, высоко, высоко
Денницы стоит лучезарное око.
И светит на фоне небес голубом,
Сверкая серебряно-белым лучом...

2

Великий полудень... как прежде, я царь...
И мне воздвигают, как прежде, алтарь...
И жаждущих толпы стекаются снова...
И ждут от царя всепобедного слова...
На троне тяжелом сижу — полубог, —
....
На кудри возложен огнистый венок,
Как кровь, на парче моей белой рубины!
На грудь и на плечи ложатся седины,
Алмаз серебрится в кудрях, как роса
....
Над храмом темней и темней небеса...

3

Как Бог, восседаю на троне моем,
Сердца прожигаю лучистым огнем,
Зову, вызываю я Нового Духа,
Как гром и как буря, те речи для слуха.
Мой жрец седовласый, кадилом звеня,
Ко мне подошел и кадит на меня...
И я продолжаю сзывать в фимиаме
И шепот, и ропот, и вздохи во храме...
Мой жрец седовласый в испуге дрожит,
Снимает венец и из храма бежит...

4

Над морем погасла заря золотая —
Над лесом восходит луна огневая...
Над храмом простерта туманная ночь.
...Я кончил... И толпы отхлынули прочь.
....
Один я, как прежде!... Один и покинут.
Венец мой огнистый на брови надвинут...
Стою, потрясая железным жезлом...
Погасли лампады во храме моем...

1901 г. Ноябрь.

666. «ЗНАНИЕ»

Боялся я, что тайну вдруг открою
За гранью бытия.
С огнем в руках за дверью роковою,
Дрожал, боялся я.
И вот в колодезь ужаса я глянул.
Я утонул.

Дверь распахнулась... Мрак оттуда прянул.
Свечу задул.
И ничего... И только мрак со мною...
И ничего...
Да, я *узнал*... Но *знанья* не открою
Я своего.
Пусть шепчут мне: «Я вижу привидений
Бездонно-грозный знак!..»
Я посмотрю без страха, без волнений,
Но с грустию на мрак.

Март. 1903 г.

667. ПОПРОШАЙКА

Крыши. Камни. Пыль. Звучит
Под забором ругань альта.
К небу едкий жар валит
Неостывшего асфальта.

Стен горячих вечный груз.
Задыхается прохожий...
Оборванец снял картуз.
Смотрит палец из калоши.

«Сударь, голоден, нет сил,
Не оставьте богомольца.
На руках и я носил
Золотые кольца.

Коль алтын купец дает,
Провожу в ночлежке ночь я...»
Ветерок, дохнув, рванет
На плечах иссохших клочья.

На танцующую дрянь
Поглядел купец сурово:
«Говорят тебе, отстань,
Позову городового!..»

Стены. Жар. В зубах песок.
Люди. Тумбы. Гром пролеток.
Шелест юбок. Алость щек
Размалеванных красоток.

<1904>

668. СТАРИННОМУ ВРАГУ

В. Б.

Ты над ущельем, демон горный,
Взмахнул крылом и застил свет.
И в туче черной, враг упорный,
Стоял. Я знал: пощады нет —

И длань воздел — и облак белый
В лазурь меня — в лазурь унес...
Опять в эфирах, вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос.

Ты несся ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но, опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал. Но пыль, но копоть
Спалит огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: бесцельно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
Копье мне — молнья. Солнце — щит.
Не приближайся: в гневе яром
Тебя гроза испепелит.

<9 декабря 1904>

669. ГРОЗА В ГОРАХ

Какой-то призрак бледный, бурный,
В седом плаще оцепенев,
Как в тихий пруд, в пролет лазурный
Глядит, на дымный облак сев.

А в дымных клубах молньи точит
Дробящий млат на ребрах гор.
Громовым грохотом хохочет
Краснобородый, рыжий Тор.

Гудит удар по наковальне.
И облак, вспыхнув, загремел.
И на утес понесся дальний,
Змеясь, пучок огнистых стрел.

В провал летит гранит разбитый
И глухо ухает на дне,
И с вольным воем вихрь несытый
Туманы крутит в вышине.

<1905>

670. ЗЛАЯ СТРАСТЬ

Я полна истомы страстной,
Я — царица, ты — пришлец.
Я тебе рукою властной
Дам мой царственный венец.
Горстью матовых жемчужин
Разукрашу твой наряд.
Ты молчишь? Тебе не нужен
Мой горящий пылкий взгляд?

Знай, одежда совлечется
С этих стройных, белых плеч.
В тело нежное вопьется
Острым жалом длинный меч.
Пусть меня затешат муки,
Пыток знойная мечта,
Вздернут матовые руки
К перекладине креста.
Черный раб тебе пронижет
Грудь отравленным копьем,
Пусть тебя и жжет, и лижет
Огнь палящим языком.
Ленты дымнозолотые
Перевьют твой гибкий стан.
Брызнут струи огневые
Из горящих, свежих ран.
Твои очи — незабудки,
Твои зубы — жемчуга.
Ты молчишь, холодный, жуткий,
Помертвевший, как снега.
Ты молчишь. В лазурном взгляде
Укоризна и вопрос.
И на грудь упали пряди
Золотых твоих волос.
Палачи, вбивайте гвозди!
Кровь струей кипящей льет;
Так вино из сочных гроздий
Ярким пурпуром течет.

В желтой пакле искра тлела,
Пламя змейкой завилось,

Бледно-мраморное тело
Красным отблеском зажглось.
Миг еще — бессильно двинешь
Попаленной головой,
С громким воплем к небу вскинешь
Взор прозрачно-голубой.
Миг еще — и, налетая,
Ветер пламя колыхнет,
Вьет горящий столб, взлетая,
Точно рдяный водомет.
В дымном блеске я ослепла.
Злая страсть сожгла мне кровь.

Ветер, серой горстью пепла
Уноси мою любовь!

Из чужого прибыл краю.
Мое счастье загубил.
Кто ты был, почем я знаю.
Если б ты меня любил.
Отдалась твоей я вере б,
Были б счастливы вдвоем...

Ты не смейся, желтый череп,
Надо мной застывшим ртом.

<1906>

671

Опять он здесь, в рядах борцов.
Он здесь — пришелец из Женевы.
Он верит: рухнет гнет оков.
Друзья свободы, где вы, где вы?

Друзья, на выручку ужель
Не шлете вольного отряда?
Уже рассыпалась шрапнель
Над опустевшей баррикадой.

Вот позвонят, взломают дверь.
В слепом усердии неистов,
Команду рявкнет, будто зверь, —
Войдет с отрядом лютый пристав.

Не дрогнет он. Безумный взгляд
Его лицо не перекосит,
Когда свой яростный снаряд
Жандарму по́д ноги он бросит.

Промчится бредом пьяный миг.
В груди всклокочет вольный хохот,
Пред ним заслонит мертвый лик —
Всклубится дымом черный грохот.

Тяжелым смрадом нас обдав,
Растянется вуалью блеклой.
Холодный ветер, простонав,
Забьет в разбрызганные стекла.

Швырнуть снаряд не тяжкий труд
(Без размышленья, без боязни).
Тюрьма. Потом недолгий суд,
Приготовленье к смертной казни.

Команду встретит ровный взвод,
Зальются трелью барабаны.
И он взойдет на эшафот,
Взойдет в лучах зари багряной.

Глядит в окно: вдоль мостовых
Расставленная для ареста
Немая цепь городовых
Вокруг условленного места.

<1906>

672. ЛЮБОВНИКИ

А. А. Курсинскому

По вечерам с фельдшерицей
Гуляющий,
Девицей
Жалкою, —

Помавающий
Палкою, —

Села скромный житель,
Задорный,
Горбатый
Учитель
Решил все вопросы, —

Черный,
Длинноносый —

Учитель сельский,
Бельский!!

***

Цветы мои,
Цветики!
Вы не знаете,
Любимые —

Вы не знаете
Арифметики!!

***

Небеса потухают
Хрустальные.

Вопросы они изучают
Социальные
Вместе —

Бакунина
Подарил он невесте.

Но втуне она
Прочитала Бакунина.

Ах, она ему снится!
Ах, сердце его, будто ножиком
Изранено!

Но топорщится ежиком
Фельдшерица
Галанина.

***

Василечки лазурными венчиками
На влюбленных кивают.

Из оврага кони бубенчиками
Закипают, —

И помещик качается
Мимо них в тарантасе.

<Март 1906>

673. ВМЕСТО ПИСЬМА

Любимому другу и брату

(С. М. Соловьеву)

Я вижу — лаврами венчанный,
Ты обернулся на закат.
Привет тебе, мой брат желанный,
Судьбою посланный мне брат!

К вам в октябре спешат морозы
На крыльях ветра ледяных.
Здесь все в лучах, здесь дышат розы
У водометов голубых.

Я здесь с утра в Пинакотеке
Над Максом Клингером сижу.
Потом один, смеживши веки,
По белым улицам брожу.

Под небом жарким ем Kalbsbraten,
Зайдя обедать в Breierei.
А свет пройдется сетью пятен
По темени, где нет кудрей.

Там ждет Владимиров Василий
Васильевич (он шлет привет).
Здесь на чужбине обновили
Воспоминанья прежних лет.

Сидим, молчим над кружкой пива
Над воскресающим былым,
Засунув трубки в рот лениво,
Пуская в небо пыльный дым.

Вот и теперь: в лучах заката
(Ты знаешь сам — разлуки нет)
Повеет ветр — услышу брата
И улыбнусь ему в ответ.

Я вижу: лаврами венчанный,
Глядишь туда, где солнца круг.
Привет тебе, мне Богом данный,
Судьбой ниспосланный мне друг.

Часу в десятом деньги в кассе
Сочтя, бегу — путь не далек, —

Накинув плащ, по *Türkenstrasse*
Туда, где красный огонек.

Я знаю, час придет, и снова
Родимый север призовет
И сердце там в борьбе суровой,
Вновь сердце кровью изойдет.

Но в миг, как взор падет на глобус,
В душе истает туч гряда.
Я вспомню *München, Kathy Cobus*
И *Simplicissimus* тогда.

Придешь бывало — бьют минуты
Снопами праздничных ракет,
И не грозится Хронос лютый
Потомкам вечно бледных лет.

Вот ритму вальса незаметно
Тоску угрюмую предашь.
Глядишь — кивает там приветно
Мне длинноногий бритый *Asch*.

Кивает нежно *Fräulein Any*
В бездумной резвости своей,
Идет, несет в простертой длани
Бокал слепительных огней.

Под шелест скрипки тиховейной
Взлетит бокал над головой,
Развеяв искры мозельвейна,
Как некий факел золотой.

Но, милый брат, мне не надолго
Забыться там — вином утех —
Ведь прозвучал под небом долга
Нам золотой, осенний смех!

Пусть бесконечно длинен свиток —
Бесцельный свиток бытия.
Пускай отравленный напиток
Обжег мне грудь — не умер я.

[Пускай нам ноги хлещут жерди]
Над нами — ярый <?> бурелом,
Но мы в ветрах на ясной тверди
Как победители пройдем.

21 октября (8 окт.) <1906>

674. А. А. БЛОКУ

Я помню — мне в дали холодной
Твой ясный светил ореол,
Когда ты дорогой свободной —
Дорогой негаснущей шел.

Былого восторга не стало.
Все скрылось: прошло — отошло.
Восторгом в ночи пропылало.
Мое огневое чело.

И мы потухали, как свечи,
Как в ночь опускался закат.
Забыл ли ты прежние речи,
Мой странный, таинственный брат?

Ты видишь — в пространствах бескрайных
Сокрыта заветная цель.
Но в пытках, но в ужасах тайных
Ты брата забудешь: — ужель?

Тебе ль ничего я не значу?
И мне ль ты противник и враг?
Ты видишь — зову я и плачу.
Ты видишь — я беден и наг.

Но, милый, не верю в потерю:
Не гаснет бескрайняя высь.
Молчанью не верю, не верю.
Не верю — и жду: отзовись.

24 ноября / 7 декабря 1906
Париж.

675

В голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их — огни —
Подают нам тревожные знаки.

Скоро солнце взойдет.
Посмотрите —
Зори красные.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Вперед,
Девицы красные.

Красным полымем всходит Любовь.
Цвет Любви на земле одинаков.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков.

<Париж. 1907>

676. ПАНИХИДА

Лирическая поэма

1

— «Сидишь на постели,
Обагренный закатом.
Смял подушки.
Взоры рассеяны.
Что с тобой?»

— «Ах, елей
Верхушки
Сквозным златом
Овеяны
В тверди там голубой...»

— «Буду я сирая
Никнуть
Над летами,
Зимами, веснами.
К новым полетам
Мне не привыкнуть —
Не умирай!»

— «Ах, над соснами
Уплываю в эфиры я...
Кто там, что там
Пеленает светами,
Точно ризами серебра?»

2

«Цветы. И ты:
Побудь со мной!»

Кресты, кресты
Цветут луной.

В покровах твердь
Явила смерть.

Роса.
Коса —

Пропела лезвием,
Коса пропела серебром:

И ветр задул
Свечу.

Шепнул: «Лети
Серебряным путем!»

Лечу.

Подруга, к жизни не зови
Лечу — лови, меня лови.

Позор
Нам впереди
Позор.

Уйди.

Лобзаешь труп: но труп — не я:
В пространствах дальних взвеян я.

Оставь. Забудь.
На мне венец.

Застыла грудь.
Всему конец.

Лежу — мертвец.

3

Со мной она,
Она одна.

В окнах весна.
Свод неба синь.

Облака летят.
А в церквах звонят:

«Ди-линь-динь-динь!»

В черном лежу сюртуке,
С желтым, желтым лицом.
Образок в костяной руке.

«Ди-линь-бим-бом!»

Нашел в гробу
Свою судьбу.

Тонуть в неземных
Далях
Сладко.

Зарыдала
Невеста в креповых сквозных
Вуалях.
Головка ее в прическе гладкой
Припала.

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых,
В гиацинтах розовых, и лиловых,
И белых.

Кольцо блеснуло
На пальце моем.
Ко мне прильнула.
Я обжег ее льдом.

«Ди-линь-бим-бом!»

Приходили гостьи и гости.
Шептали: «О, Боже».
Оставляли в прихожей
Зонты и трости.

А когда на гроб возложили венок металлический,
Я услышал плач ее истерический.

Мы плакали оба.

В окнах зари вспышка
Багряная.
А у входа гроба
Крышка
Серебряная.

4

Вокруг
И жена, и любовница, и друг.
А со мной — никого,
Ничего.

Диакон крякнул,
Кадилом звякнул:

«Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего!»

5

Венки снимут.
Гроб поднимут.
Знаю,
Не спросят.

Над головами
Проплываю
За венками —
Выносят.

Там колкой
Елкой,
Там можжевельником бросят.

Из дому
Выносят.

Прижался
Ко лбу костяному
Венчик.

Его испугался
Прохожий младенчик.

Толпа отступает.
Служитель бюро
Там с иконой шагает.

И вот серебро
Проплывет катафалка.

Мне траур свивают — мне дымами машут
Дома — гроба — казармы.

Конями там пляшут
Жандармы.

Поют,
Но не внемлю.

И жалко,
И жалко,

И жалко
Мне землю.

Поют. Поют.
В последний
Приют снесут
С обедни —

На страшный суд.

Кто-то мне шепчет невнятно:

«Твердь
Необъятна».

Прильнула, и шепчет невнятно
Мне бледная, бледная смерть.

На желтом лице моем выпали
Пятна.

Цветами
Засыпали.
Устами
Прославили.
Свечами
Уставили.

6

Она гуляла вся в черном
Тихой походкой
На реке.

В томленьи упорном
К ней подходил мужчина с рыжей бородкой
И в котелке.

Я следил за их свиданьями
Зорким оком.
Пролетал мимо них с воздыханьями
Бурным током.

Слышал сквозь гул
Пролеток
Шепот: «Вера, Вера...»

В них пылью сухой бешено метнул
Из-за железных решеток
Сквера.

Он дрожал,
Меня чуя.
Я его настигал
Воздушной плетью бичуя.

Они меняли свиданий место —
Жених и невеста!

7

Опять сияньем залучился
Над нею свадебный венец.
За ними в дрогах я тащился,
Неуспокоенный мертвец.

На череп шляпу я надвинул.
На костяные плечи — плед.
Жених бледнел и брови сдвинул,
Как в дом я шел за ними вслед.

Пылала грешным метеором
Ее святая красота.
Из темных впадин долгим взором
Пред ней зияла пустота.

Ее венчальные вуали
Проколыхнулись мне в ответ.
Ее глаза запеленали
Воспоминанья прежних лет.

И понял он, что повенчалась
Она не с ним, а с мертвецом.
И молча ярость занималась
Над бледно-бешеным лицом.

8

Тужила о милом.
Левкою
Весною
Носила к могилам.

Над вечным покоем
Стояла
С левкоем.

Упала
Она на граниты.

Бериллы, и жемчуг,
И слезы
Зажгли ей ланиты.

И душные розы,
И душные розы — пурпурные —
Могилы
Вонею кропили.

Вставала,
Бродили —

Она и с ней милый.

Они проходили
В эфиры лазурные.

9

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал.
Никто, только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.

Я сел на могильный камень.
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень,
Потухший пламень нести?

Собрала их ко мне могила.
Забыли все с того дня.
И та, что, быть может, любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их темью впадин.
Постучу — они дверь замкнут.
А здесь от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

А здесь полевая цапля,
И та, теперь заклюет.
И холодная, темная капля
Задрожит, слезой упадет.

Нет, спрячусь под душные плиты.
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым —
Не устанешь над сыном вздыхать.

677. ТЕНЕВОЙ ДЕМОН

Прошлое мира
В душу глядится язвительно.
Ветром рыдает устало.

С неба порфира
Ниспала
Стремительно —

Черною, мягкою тенью ниспала.

Прямо на легкие плечи
Порфиру летящую
С неба приемлю,
Бархатом пышным свой стан заверну.

Вот и рассеется лик человечий!
Лиру гремящую
Брошу на землю.
Тенью немой над полями мигну.

Призрачной дланью взволную
Луга я.
Нежно в овес опрокинусь лицом
Теневым.

В легких волнах проплыву и овес зацелую,
Лаская.
Встану,
Паду я пронизан копьем
Золотым.

Солнце, ты новую рану
Наносишь.
Много веков, как ты грудь мне прожгло.
Бархат порфиры сорвешь и разбросишь
С плеч моих черных
Десницею злой.

Солнце, не надо плескаться
Томительно
Яркими блесками,
Злыми червонцами.

Лиру старинную,
Только ее подниму я стремительно,
Чтоб насмехаться
Над солнцами

Струнными всплесками,
Песенью мстительной.

<1907>

678. ПОЛЕТ ТИШИНЫ

Ей поет
Ветерок с бирюзовых высот:

«Нежным облаком мирно взойду,
Отражаясь в пруду —
Отражаясь в хрустальном.
И с высот голубых
Горсть алмазных зарниц
— Буревых
Растревоженных птиц —
Брошу в крике печальном.

Ты вздохнешь — ты вздохнешь обо мне.
Над тобой разольюсь серебром.
В ослепительной, ясной броне
Я промчусь на коне огневом
— На коне
Огневом.

Я лечу за тобой —
За Весной —
Под луной
Из степи голубой.

Мой кафтан — искряной.
В моих ярких очах —
В них — огонь.
Я — наездник степной,
Ясноглазый.

На крутых облачках
Простучав, быстрый конь
Высекает копытом алмазы».

И встает у окна,
Полоненная мраком, Весна.

Видит — кто-то с рассветом летит:
Вихрь струится от облачных плеч,
Золотой поднимается щит,
Лучевой опускается меч.

<1907>

679

Пусть в верху холодно-резком,
Где лежит хрусталь прошедших бурь,
Дерева бездумным плеском
Проливают золото в лазурь.

Крутятся, крутятся блеском,
Шепчут невнятно
Над перелеском
Листьев обвеянных ярко блеснувшие пятна.

На пороге обветшалом
Я сижу один.
Вижу: в блеске грустно-алом
Бег вечерних льдин.

И не рад, что ясным воском
Купола покрыл закат.
Пусть тревожно бьет по доскам
Льдяной дробью белый град.

Осень холодная выпала.
Сколько на небе холодного льду.
Облако градом обсыпало
И отразилось в пруду.

<1908>

680. НЕНАСТЬЕ

Пурпуровым пиром, восторгом заката
Поил нас торжественно вечер вчерашний.
И легкая пена из дыма и злата
Курилась, курилась над бархатом пашени.

Сегодня не то: дымы, изморозь сеют,
Укрывши лазурь власяницей недоброй,
И ветром присвистнув, так странно белеют
На поле пустом лошадиные ребра.

Зверок, промелькавший когтистою лапкой,
Укрылся в копну отсыревшего хлеба.
Свирепо репейник малиновой шапкой
То ниц припадет, то кидается в небо.

Полыни серебряной пляшут ватагой.
Закат догорает полоскою алой.

Хохочет беззвучная челюсть оврага.
Провалом пустым под ногой прозияла.

681. СВЕТЛАЯ СМЕРТЬ

Тяжелый, сверкающий кубок
Я выпил: земля убежала —
Все рухнуло вниз: под ногами
Пространство холодное, воздух.
Остался в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий — Солнце.

Гляжу: под ногами моими
Ручьи, и леса, и долины
Уходят далеко, глубоко,
А облако в очи туманом
Пахнуло, и вниз убегает
Своей кисеей позлащенной...

Полдневная гаснет окрестность;
Полдневные звезды мне в душу
Глядятся, и каждая «Здравствуй»
Беззвучно сверкает лучами:
«Вернулся от долгих скитаний —
Проснулся на родине: здравствуй!...»

Часы за часами проходят,
Проходят века: улыбаясь,
Подъемлю в старинном пространстве
Мой кубок сверкающий — Солнце.

<1909>

682. В АЛЬБОМ В. К. ИВАНОВОЙ

О том, как буду я с тоскою
Дни в Петербурге вспоминать,
Позвольте робкою рукою
В альбоме Вашем начертать.
(О Петербург! О Всадник Медный!
Кузмин! О, песни Кузмина!
Г***, аполлоновец победный!)
О Вера Константинов-на́,
Час — пятый... Самовар в гостиной
Еще не выпит... По стенам
Нас тени вереницей длинной
Уносят к дальним берегам:

Мы — в облаке... И все в нем тонет —
Гравюры, стены, стол, часы;
А ветер с горизонта гонит
Разлив весенней бирюзы;

И Вячеслав уже в дремоте
Меланхолически вздохнет:
«Михаил Алексеич, спойте!..»
Рояль раскрыт: Кузмин поет.
Проходит ночь... И день встает,
В окно влетает бледной птицей...
Нам кажется, незримый друг
Своей магической десницей
Вокруг очерчивает круг:
Ковер — уж не ковер, а луг —
Цветут цветы, сверкают долы;
Прислушайтесь, — лепечет лес,
И бирюзовые глаголы
К нам ниспадающих небес.

Все это вспомню я, вздыхая,
Что рок меня от вас умчал,
По мокрым стогнам отъезжая
На Николаевский вокзал.

<1910>

683

Не подходите ко мне: я — мавр.
У меня — красные губы.
Предо мной расстилает<ся> лавр.
Предо мной заливаются трубы.

Предо мною никнет трава.
Я кривую выхвачу саблю.
И слетит с плеч голова.
Все, что можно ограбить, ограблю.

Я сокровища дальних стран
Приношу черноглазой рабыне[1].
И курю с ней кальян

Да, я мавр — и я великан[2].

<1913—1914 ?>

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* Приношу черкешенке белой. — *Ред.*
[2] *Далее следуют несвязные наброски. — Ред.*

684. НАЧАЛО СТИХОТВОРЕНИЯ

Передо мной —
Лучей палящий пламень
И ветры времени
С величественных зданий
Сгладывают камень.
Так в ком земной из дали,
Как в некие скрижали,
Ломая их, упал за годом год.
Куда меня несет?..

О, иго испытаний —
Существования
Мной порожденный плод!

<1913>

685. ЛЮДСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ

Зрю пафосские розы... Мне говорят: «Это — жабы».
От сладковеющих роз прочь с омерзеньем бегу.

Зрю — безобразная жаба сидит под луной на дороге.
«Роза» — мне говорят: жабу прижал я к груди.

<1915>

686. ПОСВЯЩЕНИЕ

Я попросил у вас хлеба — расплавленный камень мне дали,
И, пропаленная, вмиг, смрадно дымится ладонь...
Вот и костер растрещался, и пламень танцует под небо.
Мне говорят: «Пурпур». В него облекись на костре.
Пляшущий пурпур прилип, сдирая и кожу, и мясо:
Вмиг до ушей разорвался черный, осклабленный рот.
Тут воскликнули вы: «Он просветленно смеется...»
И густолиственный лавр страшный череп покрыл.

1915 г.

687

Роились, и́скрились, носились
В моих глубинах мысли;
В моих глубинах и́скрились, роились
Блещущие тени...

Не блещут блесни: бледно тени тают.
Туда!... а там —
Заволокло огромное ничто
Лазурным гулом тухнущие думы.

<1914—1915 г. ?>

688

Пришла... И в нечаемый час
Мне будишь, взметая напасти,
Огнями блистательных глаз
Алмазные, ясные страсти.

Глаза золотые твои
Во мне огневеют, как свечи...
Люблю: — изныванья мои,
Твои поцелуйные плечи.

1916 г.

689

Пламенно, пламенно, пламенно —
Обожаю я вас...
Каменной, каменной, каменной —
Передо мною сидите вы бабой:
Вы отличаетесь слабой
Чувствительностью.
Но я —
Примиряясь с действительностью,
Открываю объятья
И пою. «Сестры, братья!
Посмотрите на нашу любовь!
Она — жгучая...»
....

Милостивая государыня, дама, —
У вас рыбья кровь!...
Вы такая колючая!...

Эй послушайте! Эдак можно зарезаться
Ножиком...
Да не будьте вы ёжиком.

Пламенно,
Пламенно,

Пламенно, —
— обожаю я вас!

Каменной,
Каменной,
Каменной, —
— бабой —
— сидите:
Послушайте, отчего вы молчите?

Вы отличаетесь очень слабой
Чувствительностью,
Не считаетесь с конкретной действительностью.

<1915—1916>

690. ДРАМА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ. СОЧИНЕНА ПОЭТОМ АНДРЕЕМ БЕЛЫМ

Действующие лица

Поэт
Дама

Действие первое и последнее

(Луг: Поэт, дама)

Поэт
(Приподымая берет и становясь над ямой)

Милостивая государыня, —
Дама!
Я — поэт —
Сочинил Вам
Куплет.

Дама

Ну почитайте свои
Мне стишки,
Только я ничего не пойму.

Поэт
(Схватясь за сердце)

Стучит: не уйму:...

(читает)

— «Пришла... И в нечаянный час
Мне будишь, взметая напасти,
Огнями блистательных глаз
Алмазные, ясные страсти...

Глаза золотые твои
Во мне огневеют, как свечи...
Люблю: изныванья мои,
Твои поцелуйные плечи».

Дама
(про себя)

От чего нет покоя...

(Поэту)

Не поняла ничего я...

Поэт
(Падая на колени)

Пламенно,
Пламенно,
Пламенно, — обожаю я вас!

Дама

А ну вас!

Поэт

Каменной,
Каменной,
Каменной бабой — сидите
Вы...

Дама

Молчите!

Поэт
(Поднимаясь с земли и отирая рукавом колени белых брюк)

Вы отличаетесь
Очень слабой
Чувствительностью...
Не прикасаетесь
К конкретной действительности
(вдруг открывая объятия)
«Сестры, братья
Посмотрите на нашу любовь!
(сбегаются мужики и бабы)
Она — жгучая!»

Дама
(выхватывает шляпную шпильку и укалывает ею в борьбе поэта)

Поэт

Милостивая государыня:
Вы — колючая...
У вас — рыбья кровь!..

Бабы
(мужикам)

Гроб готов!

Поэт

Я зарежусь... Эй, ножик!...
Вы не дама, а — ёжик...

(Зарезывается: занавес)

<1915—1916>

691

Цветок струит росу.
Живой хрусталь в пруду.
Так жизнь, мою росу,
В живой хрусталь снесу...
С улыбкой в смерть пройду.

Июль 1916 г.
Дорнах

692. СВОЕМУ ДВОЙНИКУ

Леониду Ледяному

Вы — завсегдатай съездов, секций,
Авторитет дубовых лбов, —
Афишами публичных лекций
Кричите с уличных столбов.

Не публицист и не философ,
А просто Harlequin Jaloux, —
Вы — погрузили ряд вопросов
В казуистическую мглу, —

Вы томы утонченных мистик,
Нашедши подходящий тон,
Сжимаете в газетный листик,
В пятисотстрочный фельетон.

Корней Чуковский вас попрытче,
Ю. Айхенвальд пред вами тих:
Вы и не Нитче, и не Фритче,
А нечто среднее из них.

Года вытягивая в строки
Крикливых мыслей канитель,
Вы — пестроногий, пестробокий
Бубенчатый полишинель.

1917 г.
Москва

693. ПЕРВОЕ МАЯ

Первое мая!
Праздник ожидания...
Расцветись, стихия,
В пламень и сапфир!
Занимайтесь, здания,
Пламенем восстания!
Занимайтесь заревом:
Москва,
Россия,
Мир!

Испугав огромное
Становище

Каркающих галок и ворон,
Рухни в лес знамен,
Рухни ты,
Чугунное чудовище —
Александра Третьего раздутая, литая
Голова!

Первое мая!
Первое мая!
Красным заревом
Пылает Москва!

Вольные, восторженные груди,
Крикните в пороховое марево,
В возгласы и оргии орудий,
Где безумствуют измученные люди:

«На земле — мир!
В человеках — благоволение!
Впереди — Христово Воскресение...»

И да будет первое мая,
Как зарево,
От которого загорится:
Москва,
Россия,
Мир!

В лесе
Знамен,
Как в венце из роз,
Храбро встав
На гребне времен,
В голубую твердь
Скажем:

— «Успокойтесь, безвинные жертвы:
Христос
Воскресе.

(Христос Воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущих во гробех живот даровав»).

Первое мая!
Праздник ожидания...
Расцветись, стихия, в пламень и сапфир,

Занимайтесь, здания, заревом восстания,
Занимайтесь заревом: Москва, Россия, Мир!

<1918>

694

Июльский день: сверкает строго
Неовлажненная земля.
Неперерывная дорога.
Неперерывные поля.
А пыльный, полудневный пламень
Немою глыбой голубой
Упал на грудь, как мутный камень,
Непререкаемой судьбой.

Недаром исструились долы,
И облака сложились в высь.
И каплей теплой и тяжелой,
Заговорив, оборвались.
С неизъяснимостью бездонной
Молочный, ломкий, молодой,
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Неизъяснимой глубины.

1920 г.

695

Царствие небесное —

Не что иное,
Как пространство — космическое,
Пустое...

Так утверждает научный взгляд.

И вряд ли
Приятно, —
Шириться необъятно,
Распадаться на части, —

Теряя:
Органы обоняния,
Зрения,
Осязания,
Вкуса и слуха, —

Испытывая чувственные страсти
Без удовлетворения,
И встречая
Бессмертия зарю...
Таково положение
Бессмертного духа...

Покорно благодарю!

<1921>

696. АСЕ

Ни «да», ни «нет»!..
Глухой ответ —
Над ливнем лет
В потухший свет.

Я погружен
В бессонный стон:
В безвольный сон
Глухих времен.

Ты, как вода,
Струишь туда —
В мои года —
Ни «нет», ни «да».

21 год
Больница

697

Последнее слово... И — снова
В разъятые, старые скаты
Багрово, багрово, багрово
Разъяты — закаты, закаты...

И снова — рвануло над темным,
Последним бесплодным обрывом,

Пахнуло последним, огромным,
Пахнуло — холодным порывом.

Мы — рухнули: в тухнущем мире,
Но видим сквозь мертвые веки —
Эфиры, эфиры, — в эфиры
Несемся, — навеки, навеки.

1899—1924

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

347

СБ

4-я часть, 28	Поблескивали шлемами,
6-я часть, 17	— «Или... Савахфáни!»
8-я часть, 12	И взгорбились долы...
14-я часть, 26	Переполнилось светами
21-я часть, 13	И пещеры

348

«Знамя»[*]

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1	Киркою рудокопный гном
2	Согласных хрусты рушит в томы...
3	Я — стилистический прием,
4	Языковые идиомы...
5	Я — хрустом тухнущая пещь —
6	Пеку прием: стихи — «в начинку»...
7	Давно поломанная вещь —
8	Давно пора меня в починку.
9	Висок — винтящая мигрень...
10	Душа — кутящая... И — что же?
11	Я в веселящий Духов День
12	Склонен перед Тобою, Боже!
	....
13	Язык, запрядай тайным сном!
14	Как жизнь восстань и радуй: в смерти!
15	Встань — в жерди: пучимым листом!
16	Встань — тучей, горностаем: в тверди!
25	Ты в Слове слова — богослов:
26	О, Осиянная Осанна

[*] Слева от текста дается нумерация строк основного текста, с которыми соотносятся соответствующие строки редакции, опубликованной в «Знамени» (римскими цифрами обозначаются главы, арабскими — номер строки). Строки текста «Знамени», не вошедшие в основной текст, обозначены астериском (*). Подстрочные примечания, обозначенные арабскими цифрами, принадлежат автору.

27 Матфея, Марка, Иоанна —
28 Язык! Запрядай: тайной слов.
....
29 О, не понять вам, гномы, гномы:
30 В инструментаций гранный треск
31 Огонь, вам странно незнакомый —
32 Святой огонь взвивает блеск.

1

I, 67

Жил — бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой,
Клокочил бороды из ваты;
И — обморочивал игрой;
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропою,
От злобы, лопаясь на нас, —
Пустоголовою толпою,
Ругая нас... в вечерний час;
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз по закатным янтарям,
Бывало, боги — женолюбцы —
Сходили к нашим матерям.

Теперь переменились роли;
И больше нет метаморфоз:
И — вырастает жизнь из соли,
И — движим паром паровоз;
И Гревса Зевс не переладит;
И физик — посреди небес;
И ненароком: Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес;
И пролетарий — горний летчик;
И просиявший — золотарь;
И переводчик — переплетчик;
И в настоящем: та же старь!..

Из зыбей зыблемой лазури,
Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури,
О месяц одуванчик бурь!
Там обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь: —

Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич
Взирай; повешенный, и стынь —
О, злая бешенная горечь,
I, 110 О, оскорбленная ледынь.
I, 199 О, меланитовые очи,
I, 198 О, лазулитовая лень:
I, 201 Ты, колокольчик синий, — ночи
I, 200 Ты, колокольчик белый, — день
I, 111 О, тень моя: о, тихий братец, —
I, 112 У ног ты вот, как черный кот:
I, 113 Обманешь — взрывами невнятиц,
I, 114 Восстанешь — взрывами пустот.

I, 135 Как звуки слова «*дар Валдая*»
Балды, над партами болтая,
Переболтают — в «*дарвалдая»*...

Ах, много, много «*дарвалдаев*» —
Невнятиц этих у меня...
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Да, мой голубчик, — ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь»...
И в глазках крохотных проглянет
Математическая сушь: —
Широконосый и раскосый, —
Жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
I, 149 — «Вопрос — один, вопрос — другой!»...
I, 153 Жужжат — оранжевые осы —
I, 150 Неразрешимые вопросы.
....
....
I, 23 Меня пленяет Гольбер Гент
И я — не гимназист: студент...

Сюртук — зеленый: с белым кантом;
Перчатка белая в руке:
Я — меланхолик; я — в тоске...
Но — выгляжу немного франтом...
Я, Майей мира полонен,
В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»[1],
Вдыхая розы Аткинсона.
Но тексты чтя Упанишад,
Хочу восстать *Анупадакой*[2]:

---

[1] Духи фабрики Аткинсона.
[2] «Анупадака» — безначальный: стадия просвещения.

Глаза таращу на закат;
И — плачу над больной собакой.
И мнится: рой святых Ананд —
Меня венчает тайным даром:
Великий духом Дармотарра,...[3]
I, 40 Великий делом Даинанд...[4] [*]

Так «*дарвалдаи*», «*Дармотарры*»,
Переплетаяся в одно,
Со мной заводят тары-бары:
Так палкой бьют в пустое дно.
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Ах, много, много, «*дарвалдаев*»
Несчастных этих у тебя!»

Широконосый и раскосый,
Бренча карманною деньгой,
Расставит в воздухе вопросы:
— «Вопрос — один. Вопрос — другой!»

2

III, 324 Благонамеренные люди
Благоразумью отданы:
Не им священные причуды
Непросвещенной ерунды.
О, — не летающие: к тверди
Не поднимающие глаз!
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас.
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет — где жизни нет! —)
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский Свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:
Так небезумно, так пристойно
III, 339 Дойти до дна — дойти до дна...

• Да, есть премудрость в детской вере!
• И — есть фантазийная снедь...
....
II, 1 На серой, вычищенной двери
II, 2 Литая, чищенная медь...

---

[3] Буддийский логик.

[4] Сарасвата Суама Даинанд — религиозный реформатор Индии XIX столетия.

[*] Последующие 12 строк — вариант I, 135—149.

II, 10 Следя перемокревшим снегом,
II, 12 Бывало, я звонился здесь —
II, 13 Отдаться дружеским беседам:
II, 11 Озябший, заметенный весь:
II, 16 Худой и хилый, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым, золотистым следом
II, 19 Свечи указывая путь —
• (Так странно ведом и — неведом —)
II, 14 Михал Сергеич Соловьев
II, 15 Дверь отворял, смеясь без слов.
II, 24 Сутуловатый, малорослый
И бледноносый, — подойдет,
И я почувствую, что — взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И весь конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется:
II, 35 Переплеснется блеском искр;
II, 20 Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой.
С золотохохлою бородкой —
II, 23 Прищурый, слабый, но — живой...
II, 38 Дымит струями папиросы;
II, 39 Голубоглазит на меня;
II, 36 Развеет веером вопросы
II, 37 Он чубуком из янтаря.
II, 40 И ароматом странной веры
Обкурит каждый мой вопрос;
И, мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос;
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...
Он — длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало: сбрасывает повязь
С груди — переливной, родной:
Глаза — готическая прорезь;
Рассудок — розблеск искряной.

Он видел в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С Ангелологией Фомы...

И — да: его за эти темы
Ужасно уважали мы.
Он — книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
II, 63 Случайно не вещавших миру:
II, 65 Ему Владимир Соловьев —
• Внимал, как... мы: певцу Омиру.

II, 66 Я полюбил укромный кров:
Гостеприимную квартиру.

Зимой — в пурговые раскаты
Звучало здесь: «Навек одно!»
Весною — красные закаты
Пылали: в красное окно,
На кружевные занавески,
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветающих драпри:
Седую мебель, тюли, даже —
Любил обои цвета «бискр» —
Рассказы смазанных пейзажей:
Рассказы красочные искр...
Казалось: милая квартира
II, 81 Таила летописи мира.
Да, есть премудрость в детской вере!
Да, есть премудрость смутных снов!
Как перст пророческий на двери:
«Михал Сергеич Соловьев».
(С таких-то до таких часов.)*

3

II, 82 О. М., жена его, мой друг —
Художница, —
— (в глухую осень
Я с ней... Позвольте: да, — лет восемь
По вечерам делил досуг) —
Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де-Виньи,
Ее пленяли Пиренеи
Кармен, Барбье-д'Оревильи,
Цветы и тюлевые шали —
Все переписывалась с «*Алей*»,
Которой сын писал стихи:
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом: —

---

* Заключительные 5 строк — вариант II, 294—299.

Так имя Александра Блока
Произносилось за столом —
«Сережей», сыном их: он — мистик —
Голубоглазый гимназистик...
О «Логосе» мы спорим с ним,
II, 100 Не соглашаясь с Трубецким[5].

II, 108 «Сережа Соловьев», ребенок,
II, 111 Восставший рано из пеленок
II, 110 Над детской комнаткой своей —
II, 109 Живой, смышленый ангеленок, —
II, 112 Роднею Соловьевской всей
Был встречен, точно Моисей...
Две бабушки, четыре дяди,
И, кажется, шестнадцать тёть
Его выращивали пяди:
Но сохранил его Господь!
Трех лет, ну право же — ей Богу-с! —
Трех лет (скажу без лишних слов) —
Трех лет: ему открылся — Логос...
Шести: Григорий Богослов...
Семи: словарь французских слов.
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он — вот: провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик, —
II, 128 Голубоглазый гимназистик.
II, 99 О «Логосе» мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким,
Но соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
II, 103 О «*Деве Радужных Ворот*»[6],

II, 104 О деве, что на нас сойдет
(Примерно, эдак, — через год...),
II, 105 Овеяв зовом бирюзовым,
II, 106 Всегда таимая средь нас, —
II, 107 Взирая из любимых глаз.

II, 130 Сережа, заклокочив клочень,
II, 129 Взирает в очи Сони Н-ой...
II, 131 Мне блещут очи — очень, очень —
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым
Провидим Тайную весной:

---

[5] Сергей Трубецкой, автор сочинения «Учение о Логосе».
[6] Гностический термин, встречающийся в одном из стихотворений Владимира Соловьева.

Он — Сонечку, живую зовом;
II, 136 Я — Заревую: в Зориной!

II, 170 Высокий, бледный и сутулый
Ты где, Сережа, милый брат:
Глаза — лирические гулы,
II, 173 Глаза — вперенные в закат!
• Бывало: бледный и сутулый
II, 174 Выходит в Вечность — на Арбат...[7]
Бывало: бродим мы без речи...
И мне ясней — слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
Твоя худая голова...
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузыриками рыбки —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки;
И разговор о сем, о том:
О бесконечности, о Браме,
О Вечности, Огромной Даме, —
II, 188 Перерастают толстый том.
• И на Арбате снится Вечность.
II, 189 И на Арбате: мчится — в Вечность
Пролеток черных быстротечность,
Прохожих рой, студент, кадет,
Художник, в воздух взвив одежды;
Бегут: ученые, невежды.
И — зазаревший тихий свет
II, 195 На той же вывеске: «*Надежды*»...[8]

II, 201 Ты пламенеешь в сумрак серый
Средь зданий, каменных пустынь!..
Глаза — открытые без меры,
(Туда за стекла: в горки дынь!)
Свои расширенные си́ни
Бросают, как немой вопрос,
II, 207 Под шапкой пепельных волос:
• — «Зачем тут лопаются дыни
• И тяготеет злой кокос,
• Когда воскрес: Иисус Христос?»...
II, 197 Смутяся уличною давкой,
II, 198 Смутясь колониальной лавкой,
• Где в окнах манит то и се, —
II, 199 Я упраздняю это всё:
II, 200 — «Мир — представление мое!»
I, 154 И было много, много дум
I, 155 И метафизики, и споров...

---

[7] Арбат — улица в Москве.
[8] «Надежда» — писчебумажный магазин на Арбате.

4

I, 156 И — строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов[9].

Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максуэлл
Уничтожает *Энтропию,*
Что взрывы, полные игры,
Таят Томсоновые вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...
— «Мир — взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир — рвался: в опытах Кюри́
Атомной лопнувшею бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой...
Я — сын эфира — Человек,
I, 175 Свиваю со стези надмирной, —
I, 177 За миром мир, за веком век
I, 176 Своей порфирою эфирной.
I, 179 Взметая брызни, взвой огня
I, 178 Из непотухнувшего гула, —
I, 180 Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула;
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

Как Далай-Лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробляемой звездой
На зыби, зыблемые Майей...

В душе, орга́ном проиграв,
Дни, как орнамент, пролетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом метели.
И веял май — взвивной метой;
Июнь — серьгою бирюзовой;
Сентябрь — листвою золотой;
I, 197 Декабрь — пургой белоголовой.

[9] Московский профессор физики.

I, 202 Дышал гранёный мой флакон:
Меня онежили *уайт-розы*[10],
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои строфические дни
И в симфонические игры,
Багрея, зрели из зари, —
Дионисические тигры!
Перчатка белая в руке;
Сюртук — зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность
И — озадачить вдруг игрой,
Улыбкой, брошенною... в Вечность.

Духовный, негреховный Свет, —
— Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов вешних,
Как струи слова Заратустр —
Вставал из ночи темнолонной...
Я помню: переливы люстр.
Я помню: зал белоколонный —
Звучит: Бетховеном, волной;
И Благородное Собранье, —[11]

Как мир — родной (как мир — весной),
III, 233 Как старой драмы замиранье...

5

III, 1 Под стук сердец — (в концерт, в концерт!) —
Мудрец, юнец... Но что их ма́нит,
То — запечатанный конверт:
Словами тайными обманет.
Немой, загаданный глагол!
Неизрекаемый, — он волит:
То — мараморохами зол,
То — добрым делом соглаголет;
Изранит стуками минут,
Багрянит, звуками измуча, —

---

[10] Духи Аткинсона.

[11] В зале помещения «*Благородного Собрания*» происходили до 1903 года симфонические концерты.

Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!
Звук множит бестолочь голов;
Он гложет огненное сердце...
И в звуках нет толковых слов:
Здесь не найдешь единоверца!
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые волы...
Из звука: мир многоединый...
Тот, звуковой — во все излит...
Та, звуковая, — золотая...
И этот — камень лазулит;
И этот — пламенная стая;
У той: —

— Над златокарей згой —
Град Гелиополь: дева, Отис,
Милуясь лепетной серьгой,
Целует цветик миозотис;
Рогами гранными, как чёрт,
Туда — в века, в лазури ляпис —
Гранито-розовый, простерт,
В нее влюбленный, странный: Апис!

У этой: —
— Вытечет титан
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И — выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает;
Очами молний говорит:
Багровой зубриной слетает,
Громово тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея, Зевса...

Вот этот — вот: он — туп, как пуп;
Прочел: приват-доцента... Гревса...

И дирижирует: Главач[12]...
И дирижирует: Сафонов[13]...
И фанфаронит: часто — врач
III, 48 И солдафонит: каста «фонов»...
III, 53 От безобразий городских
III, 54 До тайн безóбразий Эреба,
III, 55 До света образов людских
III, 56 Многообразиями неба, —

[12] Дирижер Петербургский.
[13] Директор Московской Консерватории в 900-х годах.

III, 49	Интерферируя наш взгляд
III, 50	И озонируя дыханье:
III, 51	Мне музыкальный звукоряд
III, 52	Отображает мирозданье...
III, 57	Восстанет в ночь эфирный пад,
	В эонах гонит бури знаков:
	Золотокосых Ореад,
	Златоколёсых Зодиаков...
	....
	Стой — ты, как конь, заржавший стих —
	Как конь, задравший хвост строками —
	Будь прост, четырехстопен, тих:
	Не топай в уши мне веками;
	Ведь я не проживу ста лет!...
	Я — вот! я — здесь: студент Московский
III, 67	Я — на подъезде...

6

	...Люстры свет.
III, 68	И — Алексей Сергеич П-овский...
	И — сердца бег, и — в сердце стук...
	Сердца — бегут: на звуки... Верьте —
	В субботу вечером наш круг
	На симфоническом концерте.
	Проходят, тащатся, текут...
III, 74	Вокруг шпалеры кавалеров
III, 76	(Седых, мурутих, пегих, серых) —
III, 75	Купцов, ученых, милльонеров...
III, 77	Марковников[14], профессор, — тут;
	Бурбон... И — ряд матрон мегэрых.
	И шу-шу-шу, и — ша-ша-ша...
	И — хвост оторван: антраша!..
	Багровая профе́ссорша;
	За ней: в очках, профессор тощий
	Несет изглоданные мощи:
	И — злое, женино боа...
	Вот туалет Минангуа[15]:
III, 86	Одни сплошные валансьены;
•	И в них — агатовая брошь;
III, 87	И — тонкий торс; и — юбка «клош»
III, 89	Нешумно шепчущие пены,
III, 88	Нешумно зыблемая рожь...
III, 92	О, эти розовые феи!
	О, эти — голубые!... Ишь —

[14] Профессор химии.
[15] Знаменитая покроем московская портниха девяностых годов.

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш;
Графиня толстая, Толстая,
Уж загляделась в свой лорнет...

Выходит музыкантов стая:
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фраком отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:
III, 103 И трубный гуд, и нудный зуд...
III, 105 Кто это там пилит и режет?
III, 104 Так ноет зуб, так нудит блуд...
III, 106 Натянуто пустое дно:
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана;
И тупо, тупо бьет оно...

О, невозможные моменты!
Струнят: и строят инструменты...

Вдруг! —
    Весь — мурашки и мороз!
Между ресницами: стрекозы..
В озонных жилах: пламя гроз...
В носу: весенние мимозы...
Она пройдет — озорена:
Огней-зарней, неопалимей!..
Надежда Львовна Зорина
Ее не имя, а — «во имя»...
Браслеты — трепетный восторг —
Бросают — лепетные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
Колье — алмазые морозы;
Серьга — забрезжившая жизнь;
Вуаль провеявшая — трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая — лепет...
А тайный, розовый огонь,
Перебегая по ланитам,
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи...
И я — как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов, ног — без слов, без цели —
Ее потешный Палладин...
Она — мадонна Рафаэля!..

Пройдет, — мы все, разинув рты,
Идиотически ослабнем;
Пройдет, склонясь в свои цветы,
С курносым, безволосым бабнем;
Пройдет — и сядет в первый ряд
Смеясь без мысли и без речи...[16]

И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд, —
Все электрические свечи!..
И ей бросает оклик свой,
Такой простой, Танеев — Мейстер[17];
Биноклит с ложи боковой
Красавец обер-полицмейстер...[18]
Взойдя на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымает громкий культ
Ее почтенный жрец Сафонов;
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и седой, —
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув, —
Душой, манжетом, фалдой, фраком
Надувшись, вспыхнувши, метнув,
Волторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор волторн
Фаготы прорицают хором,
— Как речь пророческая Норн,
— Как грозовой Вотанов ворон;
И вот, и вот взлетит <ладонь?>
Речитативом вьолончеля
— «Волторну строгую не тронь! — »...
«Она — Мадонна Рафаэля».
А уж Сафонов из усов
Надувши пахнущие губы,
На флейт перепелиный зов
Приказ выкидывает в трубы;
III, 177 И под Васильем Ильичом,
III, 180 Расставив ноги калачом, —
III, 179 Все скрипоканты провизжали,
III, 178 Руководимые Гржимали.
III, 181 Бесперый прапор подбородком,
Попав в просаки — *с'кон-апель* —
Пройдет по ноткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фраком, толст и розов,

---

[16] Стих. А. Блока.

[17] Бывш. проф. Московской Консерватории, знаток теории контрапункта и композитор.

[18] Трепов, игравший впоследствии крупную роль.

Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув, — лысиной Морозов
Надуто лопается в блеск;
За ним — в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры —
И чертит па, и вертит туры
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры
Играет страстная серьга.
Пятно все то же щурым ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин бледным тиком
Необъяснимое чело;
И — пролетит скрипичным криком
В рои гностических эмблем,
Мигая из пустых Эóнов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов —
Там размахавшийся Сафонов.

Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы —
Короткий, толстый и немой
Как бы вынюхивает что-то:
Присядет, вскинув в воздух нос —
Вопрос, разносы в глазе хитром:
И — стойку сделавши, как пес,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и — оборвет...

Со лба платком стирает пот...
И — разделяется поклоном,
III, 217 Меж первым рядом и балконом...

III, 376 И вот идет, огней зарнимей,
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «Во-имя» —
III, 379 Надежда Львовна Зорина.

III, 120 Браслеты — трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах — горний Сведенборг;
III, 123 Колье — алмазые морозы...
III, 136 И я — как гиблый Гибеллин,
У Гвельфов, ног, — без слов, без цели —
Ее потешный палладин...
III, 139 Она — Мадонна Рафаэля!...

• Расходятся, шурша, болтая...
III, 392 Там — кто-то, фраком отлетая

В футляр слагает свой кларнет;
Пустеет зал; и — гаснет свет.
У двери — черные шпалеры;
Стоят: мегэры, кавалеры;
III, 397 И ша-ша-ша: шуршат, спеша,
III, 399 — «Не та калоша: Каллашá!..»
• Пахнуло в воздухе: Сизовым,
• Владимир Ильичом, Поповым...
III, 401 Лысеет химик Каблуков:
III, 402 Проходит в топот каблуков.
III, 405 Выходим... —
IV, 1 — Вижу этих дам
В боа, дородных, благородных;
И — тех: прекрасных, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных.

Костров калёные столбы
Взовьются в кубовые сини;
Из-за редеющей толпы
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь, гаснут всем, что есть;
Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть
Слетая, сладостно воскликнет...
И прометет — и пронесет
Квадратом лаковым из ночи;
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи;
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окнах кареты...

Вдали: слезливою серьгой
Играют газовые светы.
И все, что было, все, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть:
IV, 24 Перелетание спиралей.

7

IV, 26 И быстроногою фигурой
Из ног выметываясь, тьма
Растет и сумеречит хмуро
На белобокие дома.
И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, — из зимы
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью: «Ты и... мы»...
Иду покорный и унылый
Четвероногим двойником:

И — звезденеет дух двукрылый;
И леденеет косный ком...
Перемерзая и мерцая,
Играя роем хрусталей,
Налью из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклокочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал кромешный
Бесцельный, сумасшедший храм.

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо, — в зимы, в дымы
Моей косматой головой!
О, обступите, — люди, люди:
Меня спасите от меня —
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я — зримый: зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений, —
Мигнув, отбрасываюсь в вас, —
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец, —
Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы — подойдете: я — омолнен;
Вы — отойдете: я, не тот, —
Я переломлен, переполнен
Переполохами пустот —
Как тени пустолетный конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.
На тучах строятся фигуры:
И я — изъятьем лицевым —
Дробимый, сумеречный, хмурый —
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы
Неотразимою тоской...

Мы — неживые, неродные —
Спирали чьих-то чуждых глаз:
Мы — зеркала переливные —
Играем в ясный пустопляс.
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;

И все, — так странно непонятно;
И все — какой-то лабиринт...

Глаза — в глаза: бирюзовеет.
Меж глаз — меж нас: «Я — воскрешен!»
И вестью первою провеет:
«Не ты, не я... Но — мы: но — Он!»

А ум насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы — чешем розовые плеши
Под бирюзовою весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не поймем;
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;
И не выносим, и ругаем
В летах перемелькавший дым;
Гадаем жалобным буга́ем[19],
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь.
И спрячет голову, как страус,
Отскочит в сторону, как пес, —
Вмаячив безысходный хаос
IV, 109 В свой обиходный, в злой «хаво́с»[20].

IV, 114 Вставайте, морочные смены, —
Пустовороты бытия,
Как пустолопнувшие пены:
Да, вас — благословляю я.
Бросай туда, в златое море,
В мои потопные года —
Мое рыдающее горе,
Мое сверкающее: «Да!»

Невыразимая Осанна,
Неотразимая Звезда, —
Ты откровением Иоанна
IV, 125 Приоткрывалась: «Навсегда!»

8

II, 7 В глазах полутеней и светов,
Чуть лепестящих нежных цветов
Яснеет снежистая смесь.

[19] Бугай — бык.
[20] «Хавос» — слово мелкомещанского жаргона.

II, 10 Следя перемокревшим снегом,
II, 13 Отдаться дружественным негам,
II, 12 Бывало, я звонился здесь;
II, 16 Михал Сергеич, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Меня встречал, златистым следом
Свечи указывая путь,
Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлою бородкой,
II, 23 Прищурый, слабый, но... живой...

II, 28 Я шел, конфузясь и дичая;
За круглым, ласковым столом
Бывало, вставши из-за чая
II, 31 С ароматическим душком, —*
Сережа крикнет, улыбнувшись, —
Копной волос ко мне метнувшись
— «Надежда Львовна Зорина —
Как?.. Воплощение Софии!»
И я — пророчески: «Ясна
Судьба священная России»...
— «Что? Как?» И шепчутся слова:
«Она есть Львовна: дочка Льва...
Лев — символический, Иудин...
Вопрос гностически нетруден:
Бык есть животное: но вот —
Гласит египетский народ,
Вещает мифологий запись,
Что белогрудый, черный бык,
Таящий неба, громкий зык, —
Серафи-Серафим, то — Апис»...

— «Все-так: ну а причем тут Лев?»
— «Иудин Лев — веков напев»...
II, 145 Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»:
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр,
II, 149 В меня уставясь очень кротко
II, 151 Золотохохлою бородкой:
II, 161 «Как этот старый фат и франт,
II, 162 Беззубый, лысый коммерсант —
* Зарин, Лев Львович — Лев Иудин?»
II, 163 «Вопрос — замысловат и труден»...

I, 62 Вмешается товарищ наш
I, 63 П. П., — студент (эстет и скептик):
I, 61 — «Откуда этот ералаш?

* Последующие 18 строк — вариант II, 155—169.

I, 64 — Скажи-ка... Ты — не эпилептик?»

* В окошко смотрят фонари
II, 72 Сквозь кружевные занавески,
Лия литые янтари,
Цветя египетские фрески
II, 75 На выцветающих драпри...
* Бывало, — бури перекаты
II, 69 Звучат: «Одно, навек одно!»*

И массою белохлопчатой
Там кто-то поглядит в окно.
Прильнув перемокревшим снегом,
Бросая снежистую смесь;
Мы, отдаваясь странным негам,
Сидим, молчим под лампой — здесь...

II, 300 Здесь возникал салон московский,
Где из далекой мне земли —
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.

Бывало: —
— снеговая стая —
Сплошное белое пятно,
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно.
Поет под небо белый гейзер,
Так заливается свирель;
Так на эстраде Гольденвейзер
II, 311 Берет уверенную трель;
II, 316 Захохотавший в вой софистик,
Восставший шубой в вечный зов —
Придет «Володя», вечный мистик,
Или — Владимир Соловьев.

Я не люблю характеристик, —
Но все-таки...
...Сквозной фантом,
Как бы согнувшийся с ходулей
Войдет, и вспыхнувшим зрачком
В сердца ударится, как пулей.
Трясем рукопожатьем мы
Его беспомощные кисти,
Как ветром неживой зимы
Когда-то свеянные листья;
Над чернокосмой бородой
Клокоча виснущие космы,
И желчно дующей губой

---

* Последующие 6 строк — вариант II, 432—435.

Раздувши к чаю макрокосмы, —
II, 333 С подпотолочной высоты
II, 335 Он рухнет в эмпирию кресла, —
II, 337 Сердит, убит и возмущен,
Тем, что природа не воскресла,
Что сеют те же господа
Атомистические бредни,
Что декаденты — да-да-да —
II, 342 Свершают черные обедни,
II, 349 Что земли портящий овраг
II, 350 Грызет юговосток Европы,
II, 347 И над Россией — тайный враг:
II, 348 Дымки́, монголы, эфиопы...
• Таит опасность каждый шаг...
II, 364 Подбросит огненные очи
II, 363 И угрожает нам бедой,
II, 365 На скатерть опрокинет ночи
Своей священной бородой.
Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электричеством магнит:
И над поклонниками Агни
Взлетев, из джунглей заогнит;
Так погромыхивает в туче
Толпа прохожих громарей;
Так плещут в зыбине летучей,
II, 374 Сребрея, сети рыбарей.
• Михал Сергеич, внемля бедам,
• Придвинув кресло, сняв поднос,
II, 377 Закрыв плечо пятнистым плэдом,
• Вздохнув негромко: «*Вот вопрос*» —
II, 379 Потеет в вязаной рубашке,
II, 381 На столике расставит шашки,
II, 382 Над столиком поставит нос.

• И Соловьев, усевшись в нише,
• Играет молча с братом «Мишей»,
II, 398 Рукой бросаясь, как на бой,
На доску, он уткнется в шашки;
И поражают худобой
II, 401 Его обтянутые ляжки;
• А комариная нога,
• Костей непрочное жилище,
• Тут обнаружит сапога
• Нечищенное голенище;
• Рассердится над поддавком;
II, 356 Атмосферическим дымко́м
II, 355 Судьба трагическая дышит;
II, 357 И в «Новом времени» о том
II, 358 Демчинский знает, но не пишет:
— «В сознаньи нашем кавардак.
Атмосферических явлений

Свечений, зорь, нельзя никак
II, 362 Понять с научной точки зрений!» —
• —И ткнется головой в колени,
II, 351 И стащит пару крендельков
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»,
II, 353 Свои переплетая ноги.

• Михал Сергеевич, без слов
• Нос атмосферой протабачит,
• Курнет, от дыма чуть не плачет,
II, 383 Вздыхая в пепел папирос:
II, 386 — «Не оскудела Мирликия...
II, 387 Однако ж: будет... Духов День»...

II, 389 Сережа Соловьев под небо
II, 388 Воскликнет, стиснув мякиш хлеба: —

II, 392 «А ну-ка — все, кому не лень —
II, 393 В ответ на дерзости такие:
II, 394 В Москве устроим Духов День!»

• О. М. — пророчески: «России —
• Судьба священная ясна»...

• Я — про себя: «Судьба — Софии:
• Надежда Львовна Зорина»...
II, 395 А Соловьев, не отвечая,
II, 397 Молчит над чашкой: «Чаю — чая...
• И чаю — сахара небес:
• Погибнет враг! Христос воскрес!»
• Пожавши руки торопливо,
• Как бы влеком самой судьбой, —
• Как бы вздыхая сиротливо,
• Как бы вздыхая над собой, —
II, 402 Пройдет в переднюю, к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И — удаляется в мятели:
Священной бородой — в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклокочут бледный кругозор;
Привзвизгнут: «Вот — великий мистик!»
II, 409 И — пересвищут: за забор...

II, 422 Он — канул в Вечность: без возврата:
Прошел в восторг нездешних мест...

В монастыре: в волнах заката —
Рукопростертый, белый крест —

Стоит как память дорогая...
Бывало, он — оснежен весь —

Светлеет, огоньком мигая...
Бывало, все — взревает здесь...
Играет скатерть парчевая,
Снега на воздухе взвивая;
И в ней — прослеженная стезь...
Хрустя перемокревшим снегом,
Сюда бегу — отдаться негам,
II, 435 Озябший, заметенный весь.

III, 305 Здесь, здесь — волнуемому Милой,
III, 306 Бывал мне свеян поцелуй —
III, 303 Неименуемою силой
III, 304 С неизреченных Аллилуй.

9

I, 229 И снова — зал белоколонный;
I, 228 И снова: переливы люстр,
I, 226 Как струи слова Заратустр
I, 227 Блеснут из ночи темнолонной
III, 155 И снова бросит громкий культ,
III, 154 Пересекая рой поклонов,
III, 153 Взойдя на дирижерский пульт,
III, 156 Ее почтенный жрец Сафонов.
III, 218 Он постоит и помолчит
III, 219 И по пюпитру постучит:
III, 224 Пройдутся в воздух фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака —
III, 227 На возникающий тромбон.

III, 291 Моя Надежда, — дева Отис
Милуясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик миозотис,
Из зовов арфы дорогой, —
Бросает взор, лазури ляпис
В воздухо-летный септакорд;
И взор, читая звуков запись,
Над миром —
— Аписом! —
— Простерт!...
III, 299 Перебегая по ланитам,
III, 302 Томящий, розовый огонь
III, 301 Сгорает мрачным меланитом
III, 300 В ресниц прищуренную сонь;
III, 133 Волторны северные речи
III, 132 Протянут звуковую даль;
III, 135 На бледнопалевые плечи
III, 134 Слетит вуалевая шаль...

III, 192 Там чертит — па; там — вертит туры

III, 193 Под платьем плисовым нога;
III, 191 Выводит чепчиком фигуры,
III, 190 Бросаясь головой, — карга.
III, 228 Над пухопёрою каргою
Над чепчиком ее счернён
Жеребчиком мышиным — он —
Кто вьется пенною пургою,
И льет разменною деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в ней —
— счернён! —
Над ней!...
... Над нами, над Вселенной,
Из дней, своими снами пленный:
Он — Тот, который есть Не — Он:
III, 238 Кому securitiesванье — легион!

III, 242 В Свои затягивает хмури;
Свои протягивает дури;
Он — пепелеющая лень;
III, 245 И — тяготеющая тень;
III, 250 Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли гложущие мыши, —
В мечты, возвышенные свыше,
Бросает сверженную чушь;
III, 254 Сухую, прописную чушь;
III, 246 Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как чёрт, —
Рассудок, комик свинорылый:
III, 249 К волторне горней он простерт...
III, 255 Упавшим фраком нос простерши, —
Кликуши-Души, — ходит он —
Кликуши-Души, — горше, горше —
Упавшим фраком — душит: в сон.

Черней, упорней гром в волторны:
Грознее, озорней Она:
Грозой молниеносной, горней
Грозою гор озарена! —

Так дымом пепелит и мглеет
Виеголовый, мгловый слой:
Как Змий, он отдымит, отвеет
В багровом горизонте — мглой.
Слезами облако, светая,
Слезами полное молчит —
И в волны, в воздух, — тая, тая, —
Глазами молнии дрожит,
Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —
Душа — Марию зрящей Марфы —

Из просветленной глубины...

И бросят в арфы — шали, шарфы,
Вздыхая раей дорогой, —
Вот те, Марии, эти, Марфы —
Над жизнью, старою каргой:
Вы, сестры: —
— Ты, Любовь, —
— как роза,
— Ты, Вера, —
— трепетный восторг,
— Надежда, —
— лепетные слезы,
— София —
— горний Сведенборг —

Соединив четыре силы
В троякой были — глубиной,
Меня примите из могилы
III, 286 Светите оком — Той, Одной!..

III, 275 И бросят в арфы — шали, шарфы,
Вдыхая раей дорогой,
Вот те, Марии, эти, Марфы, —
III, 278 Над жизнью, старою каргой...

III, 352 Мои мистические дали
Смычком взвивались заливным,
Смычком плаксивым и родным, —
Смычком профессора Гржимали;
Он — под Васильем Ильичом
(Расставив ноги калачом),
Который, чаля из эонов
На шар земной, объятый тьмой,
Рукою твердой на тромбонах
Поплыв — назад, в Москву, домой, —
Слетит в телодвиженьи хитром,
Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет;
Сопит и капли пота льет;
И, повернувшись к первой скрипке,
III, 367 Жмет руку и дарит улыбки;
III, 373 А в перебежный переплеск,
III, 372 Задушен фраком, толст и розов;
III, 375 Ладонью хлопнув в яркий блеск,
III, 374 Надуто бросится Морозов;
III, 377 Сама собой озарена
III, 379 Надежда Львовна Зорина, —
III, 307 Но тут... Вставая из лазурей,
III, 309 Ты запевающею бурей
III, 308 Глазами, полными огня,

III, 310 Забриллиантилась в меня...
Из вышины — разгулы света!
Из глубины — пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
III, 314 До ужаса Тобой, Самой!

10

IV, 126 Кропя духами Аткинсона
Ей в ометеленный подъезд;
Пред Нею, Тайною Иконой
Я упивался блеском звезд.
Она ко мне сходила снами
Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны.
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь:
И — поцелуйные денницы
И — милоглазую лазурь!..
И я, смиряясь пред киотом,
Бывало, пав под фонарем,
Я, полоненный миголетом,
Моленьем тихим осенен.
В белопокровы, в ветроплясы
Метясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы,
Вставал алмазноглазый Спас.
Бывало: белый переулок
В снегу — дымит; и снег — летит.
И Богоматерь в переулок
Слезою чистою глядит.

Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета — заметена.
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.
Кто там, всклокоченный метелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой шинелью:
IV, 157 Седою бородой — в бобёр,
IV, 162 Чтоб вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор, —
Взвизжали: «Вот — великий мистик!»
И усвистали за забор.
Мигают звезды теософий
Из неба кубового — в вой.
Провеял кризис философий,
Как белый гейзер снеговой;

Так в ночи вспыхивает магний,

	Бьет электричеством магнит;
	И над поклонниками Агни,
IV, 173	Взлетев, из джунглей заогнит.

IV, 178	Проснулась — на Девичьем Поле
	Знакомым передрогом ширь:
	— «Извозчик!.. Стой!»... «Со мною, что ли?»
	«В Новодевичий Монастырь»...
	— «Да чтоб тебя: сломаешь сани!»
	И снова зов — знакомых слов:
	— «Там — день свиданий, день восстаний»
	— «Ты — кто?» — «Владимир Соловьев!
	Воспоминанием и Светом
	Работаю на месте этом...»

И — никого: лишь белый гейзер
Бросает свистом свето-цвель;
Так на рояле Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

	....
	Бывало: церковка седая
	Неопалимой Купины
	В метели белой приседая,
	Мигает мне из тишины;
	Перед задумчивым киотом
	Неугасимый фонарек;
	И упадает легким летом
	Под снегом розовый снежок;
	Неопалимов Переулок
	Пургой перловою кипит;
	И Богоматерь в переулок
IV, 203	Слезой задумчивой глядит.

ЭПИЛОГ

1	Двадцатилетием таимый,
	Двадцатилетием чернён,
	Я слышу зов многолюбимый
	Сегодня — Троицыным днем.
	И под березкой кружевною,
	Простертой доброю рукой,
	Я смыт вздыхающей волною
8	В неутихающий покой.

1921 года. Троицын День

Автограф 2

Гл. 1, 5 [Горят волнующие светы]

37—40, последовательность строк: 40, 39, 37, 38

а

40 [Великий делом Даинанд,
39 Великий духом Дармотарра
37 И рой бормочущих Ананд
38 Меня венчают тайным даром.]

б

39 [Великий духом Дармотарра,
40 Великий делом Даинанд.]

41—44 [Мифологической проблемой
Передо мною мир стоит;
Периодической системой
Мне Менделеев говорит.]

между 56—57 [Я, вызывая всех на бой...
И собираются — гурьбой;
Сроится громко молодежь:
Стоит галдёж: мне — невтерпеж;]

между 110—111 [О, меланитовые очи,
О, лазулитовая лень:
Ты, колокольчик синий,— ночи;
Ты, колокольчик белый,— день!]

между 149—150 [Бренчит карманною деньгой:
Жужжат оранжевые осы —]

между 177—178 [Там — обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!]

180 [Стихия] музыки меня

219 Умел расставить в бесконечность;

Гл. 2, перед 1 [Да, есть премудрость в детской вере
И есть фантазийная снедь...]

между 23—24 [Да,— и опора детской вере,
И провидения рука.
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергеич Соловьев
(С таких-то до таких часов)!]

между 35—36 [Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой,—
Прищурый, слабый, но живой;]

между 107—108 [Сережа, заклокочив клочень,
Взирает в очи Сони Н-ой;
Мне блещут очи — очень, очень —

Надежды Львовны Зариной;
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную — весной:
Он — Сонечку, живую зовом;
Я — Заревую: в Зариной:
С неименуемою силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.]

между 128—129 [О Логосе мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким;]

между 152—153 [Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
Развеет веером вопросы
Он чубуком из янтаря,
И мнится: милая квартира
Решает летописи мира...]

166 Есть только символ [скрытой тайны]

между 173—174 [Бывало, бледный и сутулый]

180 [Твоя худая голова]

189 [И на Арбате снится — Вечность]

192 [И мчатся, в воздух] взвив одежды,

194 [И зазареет] тихий свет

195 [На той же] вывеске: «Надежды»

204 а [Туда за стекла,— в горки дынь,]

б Глаза — открытая ледынь,

между 207—208 [«Зачем тут лопаются дыни
И тяготеет злой кокос,
Когда воскрес Иисус Христос?»
Смутяся уличною давкой,
Смутясь колониальной лавкой,—
Я упраздняю это все:
Мир — представление мое...]

между 221—222 [Неизрекаемо: нет слов.
Переживаем тайну вместе...

— «А ну, скажи-ка, богослов,
Какие вести о Невесте...»

— «Нет: не невеста, а Жена
В порфиру мира облачилась!»

— «Постой: Надюша Зарина
С Мишелем Бауэр обручилась?»

Но тут, сорвавши с ветки листик,
Осклабится товарищ наш:
— «Не понимаю этих мистик:
Откуда этот ералаш?»
И — разлетаются вопросы
От пережженной папиросы...

Мы в землю палками стучим:
И — уповаем, и молчим...]

между 285—286 [И ныне в мир литературы
Слагаю двадцать третий том;
Чуть не добился профессуры
Своим почтенным кирпичом;
В переливные струи Леты
Слетает челн судьбы моей;
Достойно б справили газеты
Двадцатилетний юбилей.]

между 289—290 [Смутяся уличною давкой,
Смутясь колониальной лавкой,
Где в окнах манит то и се,
Я упраздняю это все:
«Мир — представление мое!»
Да, есть премудрость в детской вере: [1]
Как перст пророческий из снов,— [2]
Доска на вычищенной двери,
«Михал Сергеич[3] Соловьев».
....]

между 350—351 [Грохочет парой сапогов,
Свои переплетая ноги,
Стащивши пару крендельков
С подносика: «И что ж в итоге?»
Своей священной]

после 354 [Подбросит огненные очи,
И — запророчит... к полуночи;
И угрожает нам бедой
Своей священной бородой.]

между 362—363 [Трясет священной бородой;]

между 382—383 [А вьюга хохотом пурговым
В окошке шутит с Соловьевым.

Рукой бросаясь, как на бой,
На доску, он уткнется в шашки;
И — поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
А комариная нога,
Костей непрочное жилище,
Нам обнаружит сапога
Нечищенное голенище...

Атмосферическим дымком
Судьба трагическая дышит;
И в «Новом Времени» о том
Демчинский[4] знает, но не пишет.

---

[1] *Исправлено. а* Моя премудрость в детской вере:
б Ты, ты — премудрость в детской вере:

[2] *Исправлено*: Ты, перст пророческий из снов, —

[3] *Исправлено*: Немая надпись:

[4] [Демчинский: автор оригинальной метеорологической теории; публицист «Нового Времени».] (*Примеч. Белого*).

«В сознанье нашем кавардак:
Атмосферических явлений,—
Свечений, зорь,— нельзя никак
Понять с научной точки зрений» —
И ткнется головой в колени,
Ревнув, Владимир Соловьев.

Михал Сергеевич без слов,
Нос атмосферой протабача,
Курнет, от дыма чуть не плача,]

между 394—395 [«Уж я давно не чаю чая,
Но чаю сахара небес:
Да сгинет враг — Христос воскрес...]

396 [Как бы влеком самой судьбой,]

между 401—402 [Пожмет нам руки торопливо,
Как бы влеком самой судьбой,
Как бы вздыхая сиротливо,
Как бы вздыхая над собой;]

между 421—422 [Его он сбрасывает кротко
Золотохохлой головой
С золотохохлою бородкой,—
Прищурый, слабый, но живой.]

Гл. 3, 13 Звук множит бестолочь сердец

140 Пройдет,— и мы, разинув рот

149 И ей бросает [свой поклон]

198 Склоняет Скрябин бледным [ликом]

208 Короткий, толстый и [седой]

229 Над чепчиком ее [склонен]

322 [Меня целующей денницы]

между 379—380 А туалет — Минангуа:

400—401 [Стерляженосый вот] Егоров;
[Проходит] химик Каблуков

355

СБ

строфа I, 2 Что —
Какие-то призраки мы:

III, 1 Прочили —
В остывающие струи́

IV, 3 Небосклон
Над тобой
И
Под тобой

V, 4 Поникаю,
Поникаю
И —
Пал...

VII, 2 Капли капают тысячи лет!

358

Автограф

АСЕ

Мне видится опять: язвительная ты...
Но — не язвительна, а — холодна: забыла!...
Из немутительной, духовной глубины
Спокойно смотришься во все, что прежде было.

Я — в мороках томясь, из мороков любя,—
Я— издышавшийся мне подарённым светом, —
Я, удушаемый, в далекую тебя,—
Взираю пристально... О, подари ответом!

Но — безответная, отбрасываешь прочь
Немой мольбы моей последнее признанье;
Отбрасываешь ты, отбрасываешь в ночь
Неуверением и горестным молчаньем.

Неуверение грызет, грызет меня...
Неуверением часы и дни измерю.
Неуверением не уверяюсь я:
В неуверение неверное не верю...

21 года. Больница

БОЛЬНИЦА

О, этот долгий сон: за окнами закат,
Палата номер шесть, предметов серый ворох.
Больных бессонный стон, больничный мой халат;
И ноющая боль, и мыши юркий шорох.

Метание по дням, по месяцам, годам,
Издроги холода, болезни, смерть и голод.
И бьющий ужасом в тяжелый злости там
Визжащий в воздухе, дробящий кости молот.

Оскаленная смерть в кровавых «Галлифе»,
Во фрэнче новеньком, взмахнув рукою твердой,
Наганом щелкает в оскаленный трофей,
На землю грянувший перед безносой мордой.

Перемелькала жизнь,— пустой прохожий рой —
Исчезновением в небытие ночное:
Исчезновение, глаза мои закрой
Рукой суровою, рукою ледяною.

Больница. 21 года. Январь

360

СБ	
1-я часть, 6	В золотоокие, в долгие ночи,
3-я часть, 2—4	С судьбою не спорящем
5-я часть, 1	Говори,
4	Говори,
	Говори же —
	— Туда —
7-я часть,	
вместо 11—14	— С —
между 15 и 16	— С —
между 19 и 20	— С —
	— «Полюбили —
8-я часть,	
между 2 и 3	Уничтожь!
11-я часть, 10	*отсутствует*
12-я часть, 1	О,—
	— Проклятый,
между 3 и 4	Проклятый,—
13-я часть,	
вместо 2—7	— Плавать
	Смежаемым взором —
	— В
	Визг
	Смерти —
	Мне где-то
	Сквозь веки —
вместо 14—16	Забвения
	Где-то
	Мне в веки —
14-я часть,	
вместо 4	Годами
	Средь брызг
	Разорвавшейся тверди
вместо 7—9	— Навеки
	В
	Визг
	Смерти —
вместо 17	— Средь брызг
	Разорвавшейся тверди
15-я часть, после 9	Забыли
	Мы
	Все —
	— Все — иное:
	Не то...—
	— Потому что...—
16-я часть,	
вместо 9—10	— Все — иное:
17-я часть,	
вместо 2—5	— Там —

— В трубах
Смерти
В визг
Смерти
И

между 8 и 9 Вдруг: —
— «Где-то

11 *отсутствует*

18-я часть, вместо 14 — В
Высь!

19-я часть, 1 Так легко мне,

вместо 14—17 Пустое — пустое — пустое
Такое —
— Ничто!

20-я часть, 4 Взбрызни

9 Взвизгни

после 20 — Кончилось!
(Форточка захлопывается. Комната наполняется звуками веселого джимми.)

363

«Эпопея»

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Не исчислю я
Орбиты серебряного прискорбия,
Где праздномыслия
Остолбенелые плоскогория —
Взвисли.

Я
Среди них
Тихо пою стих —
В недоказуемые угодия
Ваших образов: —

Ваши молитвы
Малиновые мелодии
И —
Непобедимые ритмы!

412

СС

строфа I, 1—2 Весенние волны зари
Зардели кресты колоколен,

после III [Опять протекли от зари —
И чисто, и нежно, и ясно —

Легчайшие там кисеи
Волною задумчиво красной.]

IV *отсутствует*

438

Пепел-25

2-я часть, 3—6 Лиственая —
Лепечет
Ветром пьяная...

14 Трескочет

17 Бормочет

23—24 В провалы каменные.

25—31 «Мне не вырасти...»

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть.

И хочет
Его осинка
Росою окапать.

3-я часть, 1 Свой посох

4 Твой посох

6 Во серебряных росах...

7 Твой посох —

4-я часть, 15—16 Ныне, убоженький,
В пустыни
Воздвигаю сей посох.

между 18 и 19 Одеваю пространства
В золотые убранства —

19—22 — Излечи, осподи
Боженька
Меня —
От пьянства!

5-я часть, 16 — «Вы, бутылочки —

19—20 А как вышел —
— Какое-то,
что-то

24 «Ты скажи мне, былиночка,

28 *отсутствует*

6-я часть, 3—15 Кивала кручина
Полынной метлой:

«Ты мой, сиротина,
Ты — мой!»

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля:
Кру́жится,
Пляшет
Вокруг
Бобыля —

19 *отсутствует*

вместо 21—22 Пляшет —
— Руками своими
Сухими,
Колючими —
Машет...

На смех тучам
Пляшет
По кручам.

---

25 Гой еси, всея Руси, поля,—

440

Пепел-25
2-я часть, 22 — «Ты — оставь!»
27 — «Ты — оставь!»
34 — «Оставь —
4-я часть, 5 Бежит на воле:
8—9 Да поле.
Распылалось в небе зарево.

464

Автограф

О пепеляемые
Неисчисляемые
Орбиты серебряного прискорбия,
Где —
— И праздномыслия
Повисли
Тучи.
В них
Тихо
Пою стих —
— О, неосязаемые угодия
Ваших образов.
Ваши

Молитвы —
Малиновые мелодии —
— И —
— Зримые
Ритмы.

536

СБ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Тянулись тяжелые годы.
Земля замерзала... Из трещин
Огонь, нас сжигавший годами,
Теперь потухающий глухо,
Сиял средиземной жарою.

Гляжу: под ногами моими
В твердеющих, мертвенных землях —
Простертые, мертвые руки,—
Простертые в муке —
Умерших...

А небо,—
Как синие шали:
Алмазами
Страстными
Блещет.

И — снова земля отделилась;
И — синяя шаль: мои крылья.
И снова несут меня крылья
В когда-то постигнутый
Дорнах!

И — там,
В бирюзеющих землях
В негреющих светочах,—
Дорнах!

Ты — там:
В розовеющих
Зорях,
В негреющих
Светах,
Как прежде...

Отдаться ль, как прежде,
Надежде —
Росе бирюзеющей,
Нелли?

....
....

Вставай, подымайся в пространстве
Трезвеющим светочем, Солнце!

1921 г. Октябрь. Ковно

545

Автограф

ИЗ ЛОНА ЛЕТ

Круг солнца рухнул в круг тысячелетий...
Все — взорвано: и — круто взломан путь;
И смотрим мы, испуганные дети,
Из мути — в муть; и — в перепутий жуть.

Не сущие, не дышащие души,
Вдруг,— губы вытянув из лона лет,—
В расширенно неслышащие уши,
Склоняясь к нам,— забормотали: бред!

564

Автограф
строфа II, 1—2 Летай в мирах, как месяц млечный,
Блистая мертвой головой,—
II, 4 Истай над бездной роковой.
VI, 1 Ты, чуждый горнему горенью,
VI, 3 Падешь отверженною тенью,

585

Автограф

ГИМН

Проливайте,
О, братия,
Слезы
Ясные.
Простирайте
Объятия
В розы
Красные!
Знаменуйте,
Мудрейшие,—
Белым
Каменем!
Заликуйте,

Юнейшие —
Белым
Пламенем!...

Неразлучные,
Звучные,—
Стройтесь
Хорами!
Златокудрые,
Мудрые,—
Пойте
Взорами!
Над Мариями,
Марфами
Пойте,
Отроки!
Над Мариями,
Марфами,—
Стойте
С арфами!

588

Автограф

СОЛНЦЕ

Посвящаю дорогому П. Н. Зайцеву

Рея, серебреют
Искристые нити,
Рея, зреет
Зов событий.

В лёт струй
Червонца
Шлёт поцелуй
Солнце:

«Золотыми сверкаю
Снопами:
Я сверкаю —
С вами.

И — отряхну
Порфиры;
И — утону
В эфиры —

Всем вам, дети,
Мои золотые уловы —
В сети;
И — туман: перловый!

Риз моих снега
В блеск духовных братий, —
Словно жемчуга,
Словно плеск объятий».

903 (21)

605

СС

ВЕЧНОСТЬ

Дымы седые... Туман бесконечности...
Гул, прозвучавший в веках.
Образ возлюбленной — Вечности —
Встретил меня на горах —

В жизни загубленной
Образ возлюбленной,
Образ возлюбленной — Вечности
С лотосом белым в руках.

Там она стоит,
Там — передо мной,
Смехом говорит,
Манит в мир иной;
День за днем летит.
Время — облак рой.

Слышу — призывы желанные,
Вижу — задумчивый взгляд.
Полосы солнечных струй, златотканные,
В облачной стае горят.

В облаки клонимся мы
Ледяной и туманный;
Но сквозь вопли зимы —
Голос милый, желанный:
«Не жалей... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом».
Мы былое окинули взглядом,
Но его — не вернуть...

Наш серебряный путь
Закипел водопадом...

Ах и зло, и добро
Тихо тают в ее поцелуях.
Серебро, серебро
Звонко прядает в струях.

Захлебнулась тоска;
Пеной брызжет печаль:
Утонули века
В лучесветную даль.

Жизни не жаль
Мне загубленной:
Смотрит в туман бесконечности —
Образ — возлюбленной —
— Вечности.

Москва

607

СС

1-я часть, 4	Он с нежною дочкой своей.
19	Все тише и тише...
28	Под ними их замок, завешенный синим эфиром —
2-я часть, 3	И красные яхонты грянули свистом по лопастям
между 8 и 9	И тая
10	Короною черпает их из пространства волшебник;
14	К ногам высыпает он красные яхонты.
22	Седом серебре...
между 22 и 23	Лукавость во взгляде;
26	В лебедя смелого,
40—43	«Далеко, за перистой тучкой, Промчавшись Увидим наш путь...» Она присмирела, Обнявшись. Туманный отрывок из них наплывает. И тает, Под ними повиснувши в мглистом

Автограф

В воздухе схваченным красным рубином
Бросает.

Летят по туманному городу.
Король усмехается в бороду:

— «Возлюбим —
высоты, восторги, стремления!
Возлюбим —
полеты и даль вознесения!»

И шири все выше...
И глуби уж мглами
Маячут и дышат

И золотом пышут.

— «Возлюбим полеты
Великих стремлений,—
Высоты
Вселенских волнений».

Все выше,
Все выше...

Над ней наклонился: «Пора тебе, дочка, уснуть...»
— «Куда мы, родитель?» — чуть шепчет она побледневши...

— «Далеко, за перистой тучкой,
Промчавшись
Увидим наш путь»...

Все выше,
Все выше...
Они присмирели,
Обнявшись.

Туманный обрывок на них наплывает
И тает,
Под ними повиснувши в мглистом
В пространстве.

И звезды мерцают в огнистом
Убранстве.

608

СС

строфа I, 1—2	Над говором струй Потопом червонца
II, 1—2	«Узнайте меня: Я с вами — над вами
III, 1—2	«Закат отряхну С летящей порфиры.
IV, 1—2	Туманный покров. Жемчужные нити.

V, последовательность строк: 3, 4, 1, 2

V, 3	Приблизились к нам
V, 2	Туман седовласый.
VI, 2	Какие-то светлые бури:
VI, 4	Лазури.

613

СС	
1-я часть,	
строфа VI, 1	Погасло время... Родина, приемли!
3-я часть,	
строфа I, 1	В очах блеснул огонь звериной страсти.
между строфами	
I и II	Иной, окончив солнечное блюдо, За лишний кус ведет шумливо торги. На льду огнисто-блещущею грудой Отобразился образ диких оргий.
строфа III, 1	И долго ждал я алчущего брата —
IV, 1	Идите прочь!... И ужасом безумным
IV, 3—4	Сорвавши плащ, в негодованье шумном Мой верный гном им вслед бросает скалы.

614

Автограф

1

Запламенел за дальним перелеском
Янтарно-красным золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас, вился дымок из хат.

Ты говорил: «Свободные мы боги,
Встающие над миром,— не умрем...»
Старинные, лазурные чертоги
Смеялись нам пурпуровым огнем.

Вставала там — над нивой безбрежной —
Восторженная сказка бытия.
Твои глаза и радостно, и нежно
Из-под очков смотрели на меня.

Ты умолкал и что-то, полный смысла,
Вычитывал в восторге мировом...
И — нить плелась... И — складывались числа...
И сумерки дышали холодком.

2

Как бодрил ты меня
Над моею работой вздыхая
Среди яркого дня
Раскаленного мая!

Но исполнился рок:
Через несколько суток —

[Мы шли в полях. Одежды]

620

Черновой автограф

Декабрь. Угрюмый вид.
Ночь пасмурна. Туман.
В избе огонь горит.
В степи царит буран.

Туманная луна...
«Ты слышишь — это вой...
Ты видишь — у окна
Тоскует <?> волк больной...»

«Не слышит: сладко спит...»
Ночь пасмурна. Туман.
Пыль снежная летит.
Ложится на курган.

1896 г. Январь

637

Автограф 2

Когда в небе алмазы блеснут, мои призраки роем слетают; и на крыльях незримых несут, и склонившись ласкают.

Мои призраки — это река с легкокрылою чайкой в тумане, это тихий рассказ старика; это — песнь на Мурмане...

Мои призраки — шум в полусне над кивающей томно ковылью; водопад весь в сиянье, в огне с бриллиантовой пылью.

Мои призраки — легкий намек и прекрасный, и чуткий и нежный; яркопламенный счастьем цветок; Серафим белоснежный.

646

Автограф 2

строфа I, 2 Немое рокотанье

II, 8 О счастье идеал?

после строфы II

[...Далекие, святые песнопенья не могут уж согреть застывших мертвецов... Огонь безумия и крики исступленья [способны] вырвать их из ледяных оков.]

648

Автограф 2

между VI и VII

[Глаза его искры метали... Он бодро шагал весь в снегах... шагал весь в снегах... Сквозь тучи в таинственной дали он видел зарю в облаках.]

строфа VII, 1 И вот утонул уж в тумане...

между VII и VIII

[Мы долго грустили... как прежде окутал нас сумрак ночной... И темною ночью, как прежде, мы видели сон золотой...]

IX, 3 И бездны зияют сквозь тучи,
XI, 3 Темнело... В окне без участья

после XI

[... Сомкнул я усталые вежды, шепча про себя: «Все обман»...

... И долго еще без надежды кричал вдалеке великан...]

664

Автограф 2

Утро. Восток
Дышит зорей...
... Я сам не свой...
... Кто ты — пророк?....

667

Белый-Блок
строфа I, 2 Голос бархатного альта.
II, 2 Вечный смрад летит в окошко.
II, 4 Глаз подбит, а нос картошкой.
между III и IV «На чаек швырял не раз
Оборванцам рупь я...»
Озаряет желтый газ
Мертвенные струпья.
V, 2 Посмотрел купец сурово.
после VI «Милостивый государь,
Очень вами благодарен...
Был и я когда-то встарь
Барин!...»

668

Автограф 1
строфа I

Я был в ущелье. Демон горный
Взмахнул крылом — затмился свет.
Он мне грозил борьбой упорной.
Я знал: в борьбе пощады нет.

Автограф 2
строфа I, 3—4 — *как в автографе 1*
III, 1 — За мной ты гнался с хищным взглядом,

673

Автограф
вместо строфы VIII

Любимый брат, тогда сольется
Моя душа — любимый брат —
С душой твоей — опять сольется
В один сияющий закат.

Да будет срок разлуки краток,
Покроется цветами новь —
Под говор взвизгнувших касаток
Соединим мы руки вновь.

689

Автограф ИРЛИ

Пламенно,
Пламенно,
Пламенно, —
— обожаю я вас!

Каменной,
Каменной,
Каменной, —
— сидите вы бабой...

691

Автограф 2

ТАНКА

Береза в пруд струит свою росу.
Слезинка малая — живой хрусталь в пруду.
Слезинка — я: *и века се*, в хрусталь, —
Безропотно снесу...
Безропотно — пройду.

693

Автограф

6	Заревом восстания!
14—18	В лес знамен Рухни темное, Чугунное чудовище — Туловище Александра Третьего, Глупая, раздутая, литая Голова!..
36—37	*зачеркнуты*
38	*отсутствует*
вместо 40—48	На исходе времен, Возгласим в голубую твердь — В лесе Красных Знамен, Как в венце из роз: «Безвинные жертвы, Христос Воскресе Из мертвых Смертию смерть Поправ, — И сущим во гробех Живот даровав».

694

Автограф

ИЮЛЬ

Июльский день: сверкает строго
Неовлажненная земля...
Неперерывная дорога,
Неперерывные поля.
А пыльный, полудневный пламень,
Немея глыбой голубой,
Упал на грудь, как мутный камень,
Непререкаемой судьбой.

Недаром исструились долы
И облака сложились в высь;
И каплей теплой и тяжелой,
Заговорив, оборвались...
Светлеют летние слезинки;
И млеет летней ленью день;
Слезой лазоревой лозинки
Склонились тиховейно в тень.

Уж облачками легкой пыли
С души слетает тяжесть дня.

В неугасаемые были
Неудержимо мчит меня —
Недостигаемого бега
Недостигаемой волны
Неописуемая нега
Необъяснимой глубины.

Белеют бледные былинки;
Росеют бледные стога;
Над синью скошенной долинки
Яснеют тонкие рога.
С необъяснимости бездонной —
Молочный, ломкий, молодой,
Дробим волною темнолонной,
Играет месяц над водой.

Все это — было: были — были;
И сказки — были: был и я...
Тысячелетия не смыли
Глухую тайну бытия:
Все плещет над душой, Марией,
Животворящая струя:
Над умирающей Россией
Неумирающее *«Я»*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГАМ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИМ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

<ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ (изд. «Сирин», 1914)>

Предпринимая издание своих стихотворений, автор мог руководствоваться двумя мотивами напечатания или распределения. Во-первых: он мог руководствоваться принципом распределения по отделам, объединенным той или иной руководящей темой. Такое распределение имеет смысл в пределах одного сборника. Подбирать же стихотворения по темам и вытягивать тему на протяжении 14 лет в *«Собрании стихотворений»* не имеет смысла. Автор поэтому расположил свои стихотворения в хронологическом порядке, за исключением стихотворения «Шутка». Хронологический порядок предполагает не столько эстетический критерий, сколько историко-литературный. Видна эволюция тем, интересующих автора.

При составлении *«Собрания стихотворений»* автор руководствовался не художественными достоинствами стихов; поэтому он оставил много формально слабых стихотворений в том виде, в каком они первоначально вошли в три сборника автора: *«Золото в лазури», «Пепел»* и *«Урна»;* иные из этих стихотворений характеризуют идейные искания и переживания автора несравненно ярче, нежели другие стихотворения (напр<имер>, эпохи *«Урны»* и *«Пепла»*). Так 1/2 отдела «Золото в лазури» и все стихотворения 1900—1902 года (за немногими исключениями) автор бы изъял; но тогда определенная полоса поэтического развития автора не нашла бы себе места в таком *«избранном»* собрании стихотворений. К первому тому автор присоединил юношеский отрывок из ненаписанной мистерии «Пришедший», как дающий ключ к пониманию ряда стихотворений (напр<имер>, «Не тот», «Мания», «Вечный зов» и т. д.).

Что касается переделки стихотворений, то автор переделывал лишь те из стихов, в которых были кричащие несовершенства техники при всей симптоматичности самих стихотворений. [Далее: автор уничтожил ряд случайных посвящений, оставив лишь те из них, которые и доселе остались в силе.

В отделе стихотворений 1909 года автор оставил пустую страницу там, где перебой в настроении стихотворений совпал <с> важным моментом в развитии самого автора.]

В заключение автор должен сказать, что считает *«Собрание стихотворений»* завершенным поэтическим этапом. Для него остаются в силе слова предисловия к третьему сборнику стихов: «Я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "я"... Еще *"Золото в лазури"* далеко от меня... в будущем...» (Предисловие к *«Урне»*).

Автор.

Арлесгейм, 21 июля н. ст. 1914 г.

<ПРЕДИСЛОВИЯ В КН. «СТИХОТВОРЕНИЯ»
(Берлин; Пб.; М., изд. З. И. Гржебина, 1923)>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Приготовляя собрание избранных стихотворений, я руководствовался следующими мыслями:

Кроме формальных достоинств каждого из стихотворений, есть нечто, не поддающееся оценке; каждое произведение имеет свое *«зерно»,* не прорастаемое сразу в душу читателя. Когда мне приносят на просмотр одно или два стихотворения мне неизвестного поэта и потом просят высказать суждение о достоинствах или недостатках их, я всегда бываю поставлен в трудное положение; дело в том, что на основании формальных достоинств и недостатков можно составить лишь известное предварительное суждение, не проникающее *«ядра».* Только на основании цикла стихов одного и того же автора медленнее выкристаллизовывается в воспринимающем сознании то общее целое, что можно назвать индивидуальным стилем поэта; и из этого общего целого уже выясняется *«зерно»* каждого отдельного стихотворения; каждое стихотворение преломляемо всем рядом смежнолежащих; и весь ряд слагается в целое, не открываемое в каждом стихотворении, взятом порознь. В стихотворении, взятом порознь, можно открыть ряд совершенств и несовершенств (главным образом технических); но анализ стихотворения всегда условен; то же стихотворение, взятое в ряду других, связанное с ними, вытекающее из них или чреватое ими, разительно изменяет рельеф свой; кажущееся совершенным оказывается порой скорлупой, отпадающей от *«ядра»;* наоборот, явные технические несовершенства оказываются подчас выражением стиля целого; и в нем находят свое оправдание.

Формальный метод анализа художественных произведений имеет за собой огромные преимущества пред рядом других методов, при условии, что он не вдается в решительную оценку. Оценка отдельного лирического произведения, сообразуясь с данными формального метода, преломляет их в интуиции восприятия целого; одна и та же краска на фоне других красок может казаться то ласкающей зрение, то раздражающей зрение; и это потому, что краски как таковой нет в природе, а есть колорит, т. е. динамика световых переливов.

Лирическое творчество каждого поэта отпечатлевается не в ряде разрозненных и замкнутых в себе самом произведений, а в модуляциях немногих основных тем лирического волнения, запечатленных градацией в разное время написанных стихотворений; каждый лирик имеет за всеми лирическими отрывками свою ненаписанную лирическую поэму; и понимание или непонимание действительного поэта зависит от умения или неумения нашего сложить из мозаических, им рассыпанных кусочков целого картину, в которой каждый лирический отрывок связан с другим, как система оживальных арок рисует целое готического собора.

Пока нет понимания *«зерна»* поэтического творчества, никакие доводы формального совершенства не откроют нам ключа к прочтению лирической поэмы, сквозящей в каждом отдельном стихотворении и изменяющей смысл его.

Великие композиторы прошлого поняли, что лучший род песенного творчества есть написание песенных циклов. И песенные циклы

Шумана и Шуберта («Dichter Liebe», «Die schöne Müllerin», «Winterreise») суть не просто циклы, а симфонии, эпопеи, равные 9-ой симфонии Бетховена.

Мы все, например, восхищаемся романсами «Ich grolle nicht», «Die Krähe» и т. д. И — спору нет: есть чем восхищаться: но те же романсы, взятые в циклах («Dichter Liebe» und «Winterreise»), — насколько же углубляют свое значение. Уметь составить из песенных отрывков цикл — облегчить доступ читателя или слушателя их к ядру, к целому, не преломимому частями, но преломляющему эти части.

Когда мы читаем поэта в академическом издании, где приведены стихотворения в хронологическом порядке со всеми вариантами, то мы многое получаем в познавательном отношении; и — часто не получаем главного: подступа к ядру. Ибо последовательность отрывков лирической поэмы лирика — не хронологическая; и подобно тому, как лирическое стихотворение зачастую возникает в душе поэта с середины, с конца (и первые строчки, сложенные в душе, редко бывают первыми строчками написанного стихотворения), так в общем облике *целого* творчества хронология не играет роли; должно открыть в сумме стихов циклы стихов, их взаимное сплетение; и в этом-то открытии Лика творчества и происходит наша встреча с поэтами.

Нос может быть совершенно безобразен как таковой; но пока я не узнаю всех черт лица, в котором нос только часть, я ничего не могу сказать даже о носе; есть прелестные неправильные носики, придающие лицу прелесть; и я могу их полюбить именно за их неправильность. То же и с отдельными стихотворениями поэтов. Я могу допустить, что каждое, порознь взятое, стихотворение Баратынского совершенно; и тем не менее Баратынский останется чуждым мне, пока я не узрею *«необщее выражение»* Лика Музы его.

У каждого подлинного поэта есть то — *«необщее выражение»* Лика Музы; оно — в целом, в зерне, во внутренней архитектонике всех песен, в сплетении песен и в их последовательности (отнюдь не хронологической).

Поэт может и сознавать, и не сознавать *целое* своей поэмы; но все же должны мы сказать, что у него более данных знать действительную, нехронологическую последовательность тем его целого; и отношение поэта к своим лирическим отрывкам совершенно иное, нежели у формального аналитика его стихов. Он идет от лирического волнения к напечатлению его в форме. Критик — обратно: от технических узоров формы к волнению, их породившему. Лирическому поэту может быть вовсе не дорог отрывок, обладающий всеми техническими совершенствами, ибо он знает, что в нем остыла уже линия образов; наоборот: отрывок, невнятный в форме, для него может значить более, как открывающийся ряд будущих, совершенных творений; это будущее он любит в невнятице его первого появления на своем поэтическом горизонте.

Этим определяется разность в подборе стихов у автора и у критика; автор имеет тенденцию подобрать свои стихотворения *во внутренние циклы,* руководствуясь воспоминанием о том, что их породило; критик выбирает из всего написанного лучшее в формальном, техническом смысле. Но в душе каждого поэта живут одновременно и творец, и критик.

Приступая к выбору из своих стихотворений тех, которые попали в эту книгу, я руководствовался не голосом самокритики, а вос-

поминанием о лейтмотивах, звучавших мне в ряде лет и диктовавших те или иные отрывки. Иные из них (часто менее совершенные) значили для меня более, нежели другие (технически совершенные); и это биографическое значение для меня отдельных стихотворений и сделал я критерием выбора. Кроме того: я расположил высказанные отрывки в отдельные циклы, выражающие крупные линии, слагающие лик моей Музы; здесь хронологические циклы порой совпадали с внутренними, порой же нет; так, в 1902—1903 гг. прозвучала мне тема «Золото в лазури», и я соответствующую часть стихов так и озаглавил; но поскольку тема «Золото в лазури», заслоненная потом «Пеплом», все-таки продолжала звучать, постольку и присоединил к стихотворениям более раннего периода некоторые стихотворения, появившиеся потом в «Пепле». И — обратно.

Внутренне зная, что все, мной написанное, вырастало во мне из внутреннего ядра, прораставшего немногими ветвями и лишь на периферии разветвившееся на множество отдельных листиков (стихов), — зная то, я постарался объединить стихи в циклы и расположить эти циклы в их взаимной последовательности так, чтобы все, здесь собранное, явило вид стройного древа: поэмы души, поэтической идеологии. Все, мной написанное, — роман в стихах: содержание же романа — *мое искание правды,* с его достижениями и падениями. Пусть читатель откроет сам содержание частей моего *романа.* Я даю ему в руки целое; понять, что представляет собою оно, — дело читателя.

Андрей Белый
Берлин, 1922 года 21 сентября.

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

В этот отдел объединены стихотворения периода «Золото в Лазури»; и — некоторые из более поздних, но — родственных им по духу; стихотворения эти естественно распадаются на три цикла: в одном цикле преобладают стихотворения наиболее раннего периода; они преисполнены светлого и радостного ожидания; автор назвал этот цикл «В полях» на том основании, что большинство стихотворений слагались автором в полях. При составлении этого цикла автор руководствовался не принципом эстетического совершенства, а характерностью настроения; цикл *«В полях»* характеризует доминирующий лейтмотив внутренних тем автора периода 1902—1903 года. Во втором отделе лейтмотив религиозного ожидания сменяется сказочным экстазом; мистическая нота топится в экстазе образности: и — пробуждается люциферическая тема; заглавие этого отдела *«В горах»* соответствует переживанию превознесенности над миром. Из этого переживания рождается и тема 3-го отдела *«Не тот»,* в котором главенствующий лейтмотив — разочарование в чувстве предызбранности; ощущение горней озаренности рассеивается; автор ощущает себя в «трезвой действительности», как в тюрьме.

Во всех трех отделах принцип выбора стихов — не чисто эстетический, а идейный; эволюцию идей автора должен он живописать; если бы автор руководился принципом формального совершенства, то многие из стихотворений не попали бы в три цикла *«Золото в Лазури»;* и — наоборот, многие не включенные стихотворения нашли бы здесь себе место.

Три отдела *«Золото в Лазури»* рисуют эволюцию поэтической имагинации от *«Золото в Лазури»* к темам *«Пепла»;* от мистической экстатичности сквозь фантазию, порожденную экстазом, к окружающей, реальной действительности, пред лицом которой образы, порожденные экстазом, сгорают в *Пепел.*

ПЕПЕЛ

Глухая Россия

В этот отдел автором собран ряд стихотворений из *«Пепла»;* автор подобрал разбросанные стихотворения в естественные циклы; собственно говоря, все стихотворения «Пепла» периода 1904—1908 годов — одна поэма, гласящая о глухих, непробудных пространствах Земли Русской; в этой поэме одинаково переплетаются темы реакции 1907 и 1908 годов с темами разочарования автора в достижении прежних, светлых путей. Принцип выбора стихотворений в этом отделе, как и в предыдущих, — не чисто эстетический; здесь представлены стихотворения, типичные для поэтической идеологии; может быть, иные из более совершенных в формальном смысле стихотворений и не попали в этот отдел; но зато попали характернейшие.

Прежде и теперь

Стихотворения этого отдела обнимают ряд лет (от 1903 до 1916 г.); но я объединяю их вокруг темы *«Пепла».* Доминирующий лейтмотив этого цикла — взгляд на действительность как на стилизованную картину; прошлое и настоящее кажутся одинаково далеки для себя потерявшей души; все только — маски; появление среди масок умершей действительности *«домино»* есть явление рока, отряхивающего пепел былого. Лирический субъект этого отдела — постепенно себя сознающий мертвец.

УРНА

Стихотворения этого отдела объединены автором вокруг поэтической темы 1908 года, представленной сборником *«Урна»,* хотя автор включил в этот период и несколько более поздних отрывков из поэмы *«Первое Свидание»,* а также и несколько более ранних стихотворений. Общая идея этого отдела: поэт собирает в урну пепел сожженного своего восторга, вспыхнувшего ему когда-то *«Золотом»* и *«Лазурью».* Сосредоточенная грусть, то сгущающаяся в отчаяние, то просветляемая философским раздумьем, доминирует в этом отделе. Отдел распадается на четыре подотдела.

Снежная Дева

В *«Снежной Деве»* собраны стихотворения, живописующие разочарование в любви; эта любовь, подмененная страстью, развеивается пургою; воспоминания об утраченном посещают субъекта поэзии; и он находит исход страданиям в философической грусти. Лейтмотив, аккомпанирующий его настроениям, — лейтмотив метели: если *«она»*

— только холодная, снежная дева, то и вся жизнь лишь снежный, сквозной водоворот; в эпоху написания большинства стихотворений этого отдела автор работал над своей симфонией *«Кубок Метели»*.

Лета забвения

В отделе *«Лета забвения»* объединены стихотворения, смежные по настроению со стихотворениями предыдущего отдела; но пейзаж стихотворений — летний, тогда как пейзаж предыдущего отдела — зимний; лето способствует философскому раздумью; и нота философского раздумья здесь доминирует; кроме того, в эпоху написания стихотворений этого периода автор находился под сильным влиянием поэзии Тютчева, Баратынского и отчасти Батюшкова; отсюда явное влияние этих поэтов слышится во многих строках и строфах; отсюда же — непроизвольный архаизм иных выражений.

Искуситель

Стихотворения этого отдела автор объединил вокруг одной темы; и эта тема — философия; отдаваясь усиленному занятию философией в 1904—1908 годах, автор все более и более приходил к осознанию гибельных последствий переоценки неокантианской литературы; философия Когена, Наторпа, Ласка влияет на мироощущение, производя разрыв в человеке на *черствость* и *чувственность*; черствая чувственность — вот итог, к которому приходит философствующий гносеолог; и ему открывается в выспренних полетах мысли лик Люцифера. Отсюда влияние Врубеля в предлагаемых строках. Автор объединил стихотворения одного настроения в цикл, являющий собою как бы поэму, живописующую действие абстракции на жизнь; эта абстракция действует как тонкий и обольстительный яд, оставляя все существо человека неутоленным и голодным.

Мертвец

Хотя время написания поэмы *«Мертвец»* объединяет поэму с эпохой написания *«Пепла»* (1906—1907 года), однако эта поэма в общей архитектонике целого вытекает как следствие и из настроений *«Пепла»*, и из настроений *«Урны»*. *«Я»*, разочарованное в религиозном и этических устремлениях («Золото в Лазури»), придавленное косными пространствами политической и моральной реакции (*«Пепел»*), разочарованное в личной любви (*«Урна»*) и в философском, сверхличном пути (*«Искуситель»*), становится живым мертвецом, заживо похороненным; и эти переживания прижизненной смерти (*«Ты подвиг свой свершила прежде тела, — безумная душа»*) приводят к кощунственным выкрикам боли; тема *«кощунства»* от боли — тема поэмы.

ХРИСТОС ВОСКРЕС
(Поэма)

Переживания прижизненной смерти поэмы *«Мертвец»* осмысливаются в поэме *«Христос Воскресе»* как переживания Голгофы самосознания:

В прежней бездне
Безверия
Мы —

Не понимая,
Что именно в эти дни и часы —

Совершается
Мировая
Мистерия...

Здесь *«дни»* и *«часы»* взяты не только в смысле *«дней»* и *«часов»* 1918 года, но в смысле метафорическом: в смысле *«дней»* и *«часов»* встречи переживающего бездны ужасов индивидуального *«Я»* или *«Я»* коллектива (души народа, души человечества) с роком, со стражем порога духовного мира; и этот порог — крест; и — висящий на кресте; приятие распятия пресуществляет тему смерти в тему воскресения; в этой теме каждое *«Я»* или Ich становится I. Ch. — монограммой божественного *«Я»*.

Подчеркиваю: мотивы индивидуальной мистерии преобладают в этой поэме над мотивами политическими; обстановка написания поэмы заслонила от критиков основной момент поэмы: она живописует событие индивидуальное духовной жизни; точка зрения автора: события социальной действительности подготовляются в движениях индивидуальной духовной жизни; они — оплотнения, осадки, выпадающие вовне.

Поэма была написана приблизительно в эпоху написания *«Двенадцати»* Блока; вместе с *«Двенадцатью»* она подвергалась кривотолкам; автора обвиняли чуть ли не в присоединении к коммунистической партии. На этот *«вздор»* автор даже не мог печатно ответить (по условиям времени), но для него было ясно, что появись *«Нагорная проповедь»* в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения *«большевизма»* или *«антибольшевизма»*. Что представитель духовного сознания и антропософ *не может* так просто присоединиться к политическим лозунгам, — никто не подумал (все влипли в стадные переживания); меж тем: тема поэмы — интимнейшие, индивидуальные переживания, независимые от страны, партии, астрономического времени. То, о чем я пишу, знавал еще мейстер Эккарт; о том писал апостол Павел. Современность — лишь внешний покров поэмы. Ее внутреннее ядро не знает времени.

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ
Сказки

Этот цикл стихов за исключением стихотворения, посвященного М. Бауэру, является для меня переходом от мрачного отчаянья *«Урны»* к сознательности *«Звезды»*. Пробуждающемуся от бессознательности могилы к живой жизни эта жизнь звучит сказкою. И оттого стихи цикла суть сказки о прошлом.

Свет, освещающий прошлое, т. е. 1905—1908 гг., был денницею будущих лет (1912—1915), ставших прошлым.

Стихотворения написаны в периоде от 1909 до 1915 года.

ЗВЕЗДА

Стихотворения цикла *«Звезда»* обнимают период 1914—1918 года. Этот период окрашен для автора встречей с духовной наукой, осветившей ему его былые идейные странствия; оттого-то здесь — синтез поэтической идеологии автора; темы *«Золото в Лазури»* встречаются здесь с темами *«Урны»*, пресуществляемой по-новому антропософией; и снова проходит тема России (тема *«Пепла»*), но не глухой России, а России, мучительно ищущей своего духовного самоопределения. Автор считает, что этот отдел является наиболее сознательным. *«Звезда»* — *«звезда»* самосознания.

ПОСЛЕ ЗВЕЗДЫ

Стихотворения этого периода заключают книгу: они написаны недавно, и я ничего не сумею сказать о них: знаю лишь, что они — не *«Звезда»* и что они после *«Звезды»*.

Меня влечет теперь к иным темам: музыка «пути посвящения» сменилась для меня музыкой фокстрота, бостона и джимми; хороший джозбэнд предпочитаю я колоколам Парсиваля; я хотел бы в будущем писать соответствующие фокстроту стихи.

ПРЕДИСЛОВИЕ
<К сборнику *«Пепел»*, 1925>

Предлагая вниманию читателей переработанное издание сборника *«Пепел»*, я полагаю, что худож<ественные> произведения, отразившие эпоху, хотя бы и прошлую, имеют право на внимание: мы и доселе читаем Некрасова, Тютчева, Лермонтова; автор уже не в тех годах, чтобы ему предъявлялось требование быть животрепещущим.

Перепечатывая *«Пепел»*, я руководствуюсь еще следующим: в 1908 году, в год выхода сборника, критика обошла вниманием изображение тогдашнего маразма русской жизни; изображение это не могло удовлетворить вкусы, устремленные к произведениям Арцыбашева, Пшибышевского, Оскара Уайльда и Ведекинда; автора печатно называли *«старым слюнтяем»* за обращение к нотам гражданской поэзии[1], хотя автору не было еще тридцати лет.

Сообразно новому осознанию тем *«Пепла»* я в настоящем издании 1) изменил порядок стихотворений, 2) сократил число их, 3) переработал некоторые из них, 4) присоединил несколько стихотворений, не бывших в *«Пепле»*, но родственных ему по духу.

Стихотворения обнимают в общем период 1904—1908 годов; в них не могла не отразиться революция и, главным образом, — за ней последовавшая реакция, поскольку это было возможно в суровых тисках тогдашней цензуры.

Лейтмотив *«Пепла»* — исход из мертвой, кулацкой, мещанской, царской России, и к этой России обращены слова: *«Исчезни, исчезни в пространство!...»* Эта Россия ощущалась автором *«помойной ямой»*; автор вслед за героем *«Пепла»* бежал из России, в которой было нечем дышать; проживал с 1911 года главным образом за границей.

«Пепел» — лирическая поэма; стихотворения естественно складываются в рассказ о бегуне, страннике, бунтаре; но субъект лирической поэмы — не личность автора; он — рупор коллектива; «*Я*» героя *«Пепла»* есть синтез каких-то «мы», за поступки героя *«Пепла»* личность автора не отвечает.

Этот герой — шатун; он в непрестанном движении, перебегая *«по полям, по кустам, по лихим местам»*.

В первом отделе встает образ пустого поля, куда бежит вырвавшийся из городской тюрьмы бунтарь; город кидается за ним вдогонку пылью и грохотом; перед ним — шоссе; он ищет — *«свободную волю»*, огибая жилье; и не находя *«воли»* — прячется в пустом поле: *«Поле — дом мой; песок — мое ложе»*; отсюда он подглядывает мимо текущую жизнь: слышит рассказ каторжанина, самоубийцы, телеграфиста, железнодорожника и т. д.; жизнь порабощенных масс предстает ему в образе громадного пространства, разъедающего сынов своих голодом, болезнью и пьянством.

Во втором отделе рисуется попытка героя *«Пепла»* отдохнуть, успокоиться, выйти из своей полевой норы, чтобы осесть в деревне: возникают образы пахаря, деревни, крестьянской молодежи, поповны, тройки; попутно мельтешит жизнь обращенных в прошлое усадеб. Из более близкого знакомства с кулацкой деревней вырастают образы целовальников, насильников и убийц; все погружается в пьянство; герой *«Пепла»* бежит из деревни; белая горячка гонится за ним

[1] Смотри рецензию писательницы Тэффи в тогдашней *«Речи»* (ныне — берлинского «Руля»).

бредами: лихою осинкой, бурьяном и виселицей, тень *«чучела-горохового»,* кулака, — покрывает деревню.

В третьем отделе герой возвращается в город сознательным борцом; но город — сломан борьбою; в нем царит маразм; паук самодержавия пухнет; в привилегированном классе — *«Пир во время чумы»*; крепнет желание мести; но месть — бессильна; и вырывается крик отчаяния: «Рухни, российский народ!» Индивидуальный террор встает маской красного домино, разящего кинжалом; но *«домино»* — уже сошедший с ума; его эпопея кончается: бредом, тюрьмой, смертью. Из тюрьмы в тюрьму ломаным зигзагом бегства сквозь города, деревни, поля за отысканием *«воли»* — вот тема *«Пепла».* Неприятие царски-кулацкой России кончается индивидуальным бунтом: *«Все к чертовой матери — все!»* Но этот бунт — сумасшествие отчаяния.

Такова судьба многих русских эпохи 04—08 годов. Отражением этой судьбы оправдана лирика *«Пепла»*; оправдан и историко-литературный к ней интерес.

Андрей Белый
3 октября. 25 года. Кучино.

УКАЗАТЕЛИ СОДЕРЖАНИЯ КНИГ, НЕ ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ*

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ (1914)

(Изд. «Сирин»)

<ТОМ ПЕРВЫЙ>

1901 ГОД

1902 ГОД

* Справа обозначены номера стихотворений в наст. изд., соотносящихся с указываемыми текстами.

1903 ГОД

Прежде и теперь

Золото в лазури

1904 ГОД

1905 ГОД

ТОМ ВТОРОЙ

1906 ГОД

1907 ГОД

В полях

Тристии

ТОМ ТРЕТИЙ («ЗОВЫ»)

1908 ГОД

Москва и подмосковное

Раздумья

1909 ГОД

1910—1911

1913—1914

ЗВЕЗДА. СТИХИ
(Макет издания)

Родине

Эпиграф (из стих. Белого «Звезда»):

И яркая зая́снилась звезда,
Алмазная, алмазная Венера...

ВЫБОРКА СТИХОВ

(Рукопись в Библиотеке Базельского университета)

ПЕПЕЛ

Стихи о России

Эпиграф:

Над страной моей родною
Встала смерть.
А. Белый

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Сказки

Эпиграф:

Все это было: были — были
И сказки были: был и я.
Тысячелетия не смыли
Глухую тайну бытия.
А. Белый

[1] Вариант «лирического отрывка в прозе» «Видение» (*ЗЛ*. С. 177—178).

УРНА
Тристии

Эпиграф:

Ты — юн, ты — бодр, ты — молод.
Ты — вот... Тебя уж нет.
Ты был и канул в холод:
В ночную бездну лет.
А. Белый

ЗВЕЗДА
Знания

Эпиграф:

Моргенштерну

От Ницше — ты. От Соловьева — я.
Мы в Штейнере перекрестились оба...
А. Белый

ПЕПЕЛ
(Макет издания 1921 г.)

ГЛУХАЯ РОССИЯ

В ПОЛЯХ

ГОРОД

ЯМБЫ

ТРИСТИИ

СТИХИ О РОССИИ

(Берлин: Эпоха, 1922)

СТИХОТВОРЕНИЯ

(Берлин; Пб; М: Изд-во З. И. Гржебина, 1923)

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

В полях

В горах

Не тот

ПЕПЕЛ

Глухая Россия

Прежде и теперь

УРНА

Снежная дева

Лета забвения

Искуситель

Мертвец (поэма)

ХРИСТОС ВОСКРЕС

(поэма)

КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ

ЗВЕЗДА

ПОСЛЕ ЗВЕЗДЫ

ПЕПЕЛ (1925)
(Макет издания)

Эпиграф (из стих. «Осенняя воля»):

Выхожу я в путь, открытый взорам.
Ветер гнет упругие кусты.
Битый камень лег по косогорам.
Скудной глины желтые пласты.
Александр Блок

ГЛУХАЯ РОССИЯ

ДЕРЕВНЯ

ГОРОД

ПЛАНЫ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ИЗДАНИЙ

ПЛАН ИЗДАНИЯ ТОМА СТИХОТВОРЕНИЙ (1925)[1]

О ТОМЕ СТИХОВ

Если бы я умер, то просил бы рассматривать некий, умопостигаемый том моих стихов состоящим из следующего материала: — — в основу тома берется том избранных стихотворений издания Гржебина со значительными добавлениями; основа, скелет тома, стало быть, как в Гржебинском издании (Берлин, 1923 года) следующий.

1) Вместо предисловия. 2) В полях. 3) В горах. 4) Не тот. 5) Пепел. 6) Прежде и теперь. 7) Урна. 8) Искуситель. 9) Мертвец. 10) Христос Воскресе. 11) Королевна и рыцари. 12) Звезда. 13) После Звезды. *Со следующими дополнениями:* a) Между «После Звезды» и «Звездой» должна быть напечатана поэма *«Первое свидание»* (целиком); а отрывки из него, напечатанные в нескольких местах Гржебинского издания, изъяты. b) Вместо отдела № 13 *«После Звезды»* напечатать целиком сборник *«После Разлуки»* (издание *«Эпохи»*, 1922 года). c) Вместо стихотворения *«Паук»* (издание Гржебина, стр. 44—46) — поэма *«Свадьба»*, состоящая из *«7»* отрывков, обозначенных №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7... *№ 1*: текст стихотворения «Калека» («Пепел», стр. 97—8) с пропуском от строки: *«Подглядываю в мягких мхах»* до строки: *«А вслед летят издалека»* (исключительно) (стр. 98); далее после этих строк: вместо строфы: «А вслед летят издалека насмешливые злые речи, что я похож на паука и что костыль мне вздернул плечи» — следующее четверостишие:

> А вслед летят — который год —
> Насмешливые, злые речи,
> Что я — горбун, что я — урод,
> И что костыль мне вздернул плечи.

Далее — по тексту «Пепла» (*«что тихая»* и т. д.) Под № 2 поэмы текст стихотворения *«Предчувствие»* («Пепел», стр. 102); № 3. «Паук» (перепечатать по ракурсу Гржебинского издания); № 4 — текст стихотворения «Мать» («Пепел», стр. 107—108) без 2-ой и 4-ой строф, которые выпустить; № 5 — текст стих<отворения> «Судьба» («Пепел», стр. 109—111) со следующими сокращениями: от слов *«Качается над нею нос»* до строки *«Вот над сафьянным башмачком»* (исключительно) выпустить («Пеп<ел>», стр. 110); и от слов: *«Уж в черной лаковой карете»* до слов *«Старушка мать»* («Пепел», стр. 111) выпустить; № 6 — текст стих<отворения> «Свадьба», из которого выкинуть строфы 6, 7, 8 и 9-ю (до «Она — моя, моя, моя»); № 7 — текст

[1] Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 29.

стих<отворения> «После венца» («Пепел», стр. 115) без 5-ой, 6-ой и 7-ой строф.

Тексты должны быть перепечатаны *по редакции* издания *«Гржебина»* (в тех стихотворениях, которые перепечатаны из других книг); в ней автор внес в ряд стихотворений поправки; разумеется, ряд опечаток Гржебинского издания должен быть устранен.

К этому основному фону I-го тома присоединяются еще стихотворения.

I) Из *«Золота в лазури»* (не вошедшие в издание *«Гржебина»*); сюда:

1) *«Солнце»* («Зол<ото> в лаз<ури>», стр. 11). С пропуском 2-ой строфы и с заменой в третьей строфе слов *«В сердце бедном много зла»* словами: *«В сердце — много, много зла»*. Поместить в отдел *«В полях»*.

2) *«Променад»* (стихотворение) (вставить в отдел «Прежде и теперь»). <Приводится измененный текст, см. примеч. к нашему номеру 43>.

3) В отдел *«На горах»* <sic!> должно быть вставлено стихотворение, напечатанное в № 2-м *«Свободной совести»* за 1905 год и нигде не перепечатанное.

4) В отдел *«На полях»* <sic!> вставлено стихотворение «Любовники» (приложено)[1], напечатанное в *«Золотом Руне»*, про учителя сельского *«Бельского»* и про учительницу (после стихотворения «Поповна»).

5) В отделе *«На горах»* <sic!> после стихотворения «Аргонавты» вставлено должно быть стихотворение *«Весенний вечер»*. Текст привожу. <Приводится текст, см. № 507 наст. изд.>.

6) К отделу *«В горах»* после стихотворения *«Возврат»* напечатать нижеследующее: <Приводится текст, см. № 697 наст. изд.>.

7) Перед стихотворением «Сон» отдела «В горах» стихотворение «Бедные дети уснули» («Золото в лаз<ури>», стр. 108—109) без последней строфы; в строке «Как он, блуждая, смеялся», — заменить: «Как он, кивая, смеялся». <См. № 55—59 (2) наст. изд.>.

8) После стих<отворения> *«Преданье»* («В горах») перепечатать из «Золота в лаз<ури>» стихотворение «Вечность» («Зол<ото> в лаз<ури>», стр. 122).

9) После стихотворения *«Сон»* перепечатать из «Зол<ота> в лаз<ури>» «Песнь Кентавра» (стр. 131—132) в 3 строфы по 6-ти строк: строки текста «Золота в лазури» — 3-ю, 4-ю, 5-ю, 6-ю, 11-ю, 12-ю, 17-ю, 18-ю, 19-ю, 20-ю, 23-ю, 24-ю, 25-ю, 26-ю, 27-ю, 28-ю — зачеркнуть) (отдел *«В горах»*). <См. № 704 наст. изд.>.

10) После перепечатанного стихотворения *«Песнь Кентавра»* — нижеследующее: <Приводится текст стихотворения без названия «Я чую поблизости поступь гиганта...», без окончания. См. № 609 наст. изд.>[2].

---

[1] *Примеч. К. Н. Бугаевой (карандашом)*: (В рукописи его не оказалось).

[2] *Примеч. К. Н. Бугаевой (карандашом)*: На этом «план» обрывается.

ПРОЕКТ СОДЕРЖАНИЯ ВТОРОГО ТОМА СТИХОВ «ЗВЕЗДА НАД УРНОЙ»[1]

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА СТИХОВ А. БЕЛОГО

(Второй том подлежит той же правке, что и первый; предполагаю в нем дополнения; пока намечаю лишь схему отделов; стихотворения, обозначенные звездочкой, вне правки не включаемы во 2-ой том, ибо они пока ниже всякой критики. При указании заглавия стихотворения помечаю, с какой книги перепечатывать трафарет, ибо во втором издании *«Пепла»* и в *«Собрании стихотворений»* Гржебина ряд стихотворений имеет варианты сравнительно с «Пеплом», «Урной» и «Золотом в лазури». Обозначаю «Пепел» первого издания через *«П»;* 2-го через *«ПП»;* «Золото в лазури» — *«ЗЛ»;* «Урна» — *«У»*; «После разлуки» — *«ПР»*; «Рыцари и королевна» — *«РК»;* «Звезда» — *«З»*. Оставляю этот список на случай смерти, чтобы разброс стихов имел хоть видимый порядок; разумеется, весь план 2 тома условный).

II том
«Звезда над урной»

I отдел. Россия

1. Те же росы (ПП, стр. 13)
2. Железная дорога (ПП, стр. 15)
3. Шоссе (ПП, 16)
4. На вольном просторе (ПП, 18)
5. Бегство (ПП 20)
6. На скате (ПП 23)
7. Страна моя (ПП 25)
8. Откос под ногами (ПП 26)

9—13. Бродяга. Сюита. 1—5 (ПП 28—32)

14. Ямщик (ПП 33)
15. Исчезни, Россия (ПП 35)
16. Рой серых сел... (ПП 37)
17. Полевой сторож (ПП 39)
18. Вокзал (ПП 41)
19. В полях (ПП 44)
20. Поезд (ПП 46)
21. Пустыня (ПП 48)
22. На рельсах (ПП 50)
23. Телеграфист (ПП 53)
24. Русь (ПП 56)
25. В окне тюрьмы (ПП 58)
26. Могила (ПП 102)
27. Полотер* (П 228. Правка?)
28. Побег* (П 234. Правка)

---

[1] Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 10. Нумерация (с пропусками) — Белого.

II отдел. Деревня

29. Деревня (ПП 145)
30. Кулак (ПП 147)
31. Ревность (ПП 149)
32. Угроза (ПП 151)
33—36. Убийство (ПП 153—157)
37. Ходят плечи, ходят трясом* (П 89, без правки не включать)
38. Вечерком* (П 36. Правка)
39. Пьянство (ПП 158)
40. Виселица (ПП 161)
41. Бурьян (ПП 164—166)
42. Марево (ПП 167)
43—48. Осинка 1—6 (ПП 169—174)
49. Жили-были (ПП 175)
50—53. Горе 1—4 (ПП 177)
54. Песенка комаринская (ПП 181)

III отдел. Пепел

55. Вставай (ПП 63)
56. Город (ПП 64)
57. Манифестация (ПП 65)
58. Декабрь (ПП 66)
59. Помойная яма (ПП 68)
60. Японец возьми (ПП 70)
61. На улице (ПП 71)
62. Месть (ПП 73)
63. Заключенному (ПП 75)
64. Двойник (ПП 77)
65. Пир (ПП 78)
66. Отчаяние (ПП 80)
67. Укор* (П 135. Правка)
68. Поджог* (П 136. Правка)
69—75. Панихида 1, 2, 3, 4, 5, 7, 11 (Берлинское издание «*Собрания стихотворений*» Гржебина 327—344)
76. Преследование (П 143)
77. Полумаска (ПП 81)
78—79. Арлекинада 1—2 (ПП 82—83)
80. Маскарад (ПП 84—86)
91. Возмездие (ПП 91)
92. Праздник (ПП 93)
93. На площади (ПП 95)
94—96. Безумец 1—3 (ПП 97—99)
97. Рой отблесков (ПП 104)
98. В тюрьме (ПП 105)

IV отдел. В полях

99. Много брат перенесли (ПП 109)
100. Изгнанник (ПП 114)
101. Вечер (ПП 120)
102. Поповна (ПП 122)

103. Любовь (ПП 124)
104. Тройка (ПП 129)
105. Странники* (П 200. Правка)
106. В лодке* (П 202. Правка)
107. Жизнь (П 203)
108. Вечер* (П 204. Правка)
109. Работа* (П 206. Правка)
110. Ты (П 214)
111. Усадьба (ПП 133)
112. Весенняя грусть (ПП 135)
113—118. Паутина* 1—6. (Кроме «Паука» под знаком вопроса) (П, первое издание, отдел «Паутина». Он весь подлежит правке, кроме стихотворения «Паук», напечатанного во 2-ом издании (ПП, стр. 139))

V отдел. Прежде и теперь (Стилизации)

119. Опала (ЗЛ 63) (вычеркнуть 6-ую строфу и 12-ую)
120. Объяснение в любви (ЗЛ 66)
121. Менуэт (ЗЛ 68)
122. Прощание (ЗЛ 70)
123. Полунощницы* (ЗЛ 72. Правка)
124. Променад (ЗЛ 76)
125. Ссора (ЗЛ 78)
126. «Заброшенный дом, кустарник колючий, но редкий». (Взять редакцию берлинского издания Гржебина. Не могу указать страницы).
127. Сельская картина* (ЗЛ 82. Правка)
128. Воспоминание (ЗЛ 86)
129. Одеты в пышные красы (У 89)
130. Скромная любовь (У 133)
131. Роскошная дева (У 135)
132. Московский дом (ПП 87)
133. Отставной военный* (ЗЛ 89. Правка)
134. Незнакомый друг* (ЗЛ 92. Правка)
135. Кошмар среди бела дня* (ЗЛ 101. Правка)
136. Вячеславу Иванову (Звезда)
137. Внемлю речам (У 63)
138. Уж с год таскается (У 65)
139. Взор убегает (У 69)
140. Искуситель (У 70)
141. И сеет перлы (У 77)
142. Сантиментальный романс (У 49)
143. Из нежных тающих смерчей (У 81)

VI. Урна

144. Зима (У 25)
145. Весна (У 31)
146. Ты вот, ты юн, ты молод (У 41)
147—148. Год минул встрече 1—2 (У 27)
149. Я это знал (У 29)
150. Воспоминание (У 32)
151. В поле (У 33)
152. Совесть (У 35)

153. Пылит и плачется (У 37)
154. Хотя бы вздох (У 38)
(что касается №№ 147—154, сверить с изданием Гржебина и взять варианты этого издания)
155. Безбурный царь (У 80. Взять в варианте берлинского издания Гржебина)
156. Там ветр дохнет (У 39)
157. Кругом крутые кручи (У 40)
158. Врагам* (У 57. Правка)
158. «Я» (У 83)
159. Изгложет, гложет ствол (У 45)
160. Эпитафия (У 79)
161. Я целовал ее (У 102)
162. Мы — безотличные (ПР 57)
163. Мне видится опять (ПР 60)
164—169. Говори ж, говори. 1—6 (ПР 70). (Первое стихотворение этого цикла взято в I том — «Золотой плач»; остальные №№ (числа точно не помню) идут под №№ 164—169)
170. Сырое поле, пустота (У 104)
171. Наин (У 119)

VII отдел. Выздоровление

172. Разуверенье (У 56)
173. Гранит (У 60)
174. «Когда сквозных огней» (У 47)
175. Прости. Зарю я зрю (У 53)
176. Как пережить (У 59)
177. Травы одеты перлами (У 67)
[178. Кладбищенский убогий сад (У 68)]
179. Ушла и вновь (У 74)
180. Ты тень теней (ПР 64)
181. Ты светел (У 115)
182. И ночь, и день бежал (У 96)
183. Там — даль (У 97)
185. Тюремные сломал решетки (У 114)
186. Как минул вешний пыл (У 52)
187. И ночи темь (У 88)
188. Приход ночи* (У 90. Правка)
189. Душа, яви (У 93)
190. О, ночь, молю (У 94)
191. Проносится над тайной (У 107)
192. Текут века (У 109)
193. Ночь-отчизна (У 110)
194. Вечер (У 111)
195. Перед грозой (У 112)
196. Рок (У 113)
197. Дед (ПП 116)
198. Льву Толстому (У 123)
199. С. М. Соловьеву (У 125)
200. Метнеру (У 128)
201. Прошлому (У 100)

VIII отдел. Звезда

Отдел «Звезда» включен в берлинское «Собрание стихотворений» Гржебина (Берлин 1923 года). Метка страниц оттуда, сокращаю «Собр. стих.» издания Гржебина — в «Грж.»

202. Моргенштерну (Грж. 411)
203. Звезда (Грж. 412)
204. М. Бауэру (РК 55)
205—207. Карма. 1—3. (Грж. 415)
208. Современникам (Грж. 418)
209. Война (Грж. 420)
210. Поццо (Грж. 421)
211. Поццо (Грж. 422)
212. Асе (Грж. 423)
213. Развалы (Грж. 424)
214. Асе (Грж. 425)
215. Шутка (Грж. 426)
216. Тела (Грж. 429)
217. Ася (Грж. 430)
218. Декабрь (Грж. 433)
219. Поццо (Грж. 434)
220. Россия (Грж. 437)
221. Асе (Грж. 439)
222. Дух (Грж. 443)
223. Воспоминание (Грж. 445)
224. Асе (Грж. 453)
[225—227. Три стихотворения из моей кучинской тетрадки. (Списать заглавия:]
228. Антропософия (Грж. 456)
229. Родина (Грж. 458)
230. Младенцу (Грж. 462)
231. Голубь (Грж. 464)
232. Антропософия (Грж. 466)
233. Моргенштерну (Грж. 468)

IX. Первое свидание

234. Поэма

В заключение оговариваю: список отделов и стихов условен. Порядок стихотворений в каждом отделе далеко не установлен; он более установлен для I, II, III, IV отделов. В прочих отделах он не установлен; они представляют собой лишь сброс стихотворений; тексты *«Урны»* надо проверить по Гржебиновскому изданию, в котором напечатана часть *«Урны»* и в котором иные из стихотворений прошли с правкой.

Звездочками помечены стихотворения *безусловно не включаемые* во 2-ой том, если автор их не исправит, ибо они — «*утиль-сырье*», не годное к напечатанию. Автор отмечает лишь безусловно недопустимые стихи; но и из прочих добрая треть подлежит правке; и автор, буде жизнь ему не позволит проделать эту правку и буде после смерти поднимется вопрос о печатании его стихов, лишь *скрепя сердце* допускает к печатанию за отдельные недурные строчки ряд из помеченных стихотворений.

<1931?>

ПРИМЕЧАНИЯ

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Поэма написана в апреле 1918 г.

По контрасту с поэмой «Двенадцать» А. Блока, с которой ее обычно сопоставляют, поэма «Христос воскрес» по выходе в свет широкого резонанса в печати не вызвала. Это обстоятельство отметил в статье «Реквизиция Бога» И. Н. Розанов: «Почти незамеченной прошла несомненно менее значительная (чем «Двенадцать».— *Ред.*) поэма А. Белого "Христос Воскресе!" <...> И А. Блок и А. Белый пытаются дать символы широкого обобщения: революцию они оправдывают, и даже освящают, только в общем плане» (Понедельник. 1918. № 19, 8 июля. С. 3). Опыт развернутого толкования поэмы Белого предпринял Иванов-Разумник в статье «Россия и Инония» (Наш путь. 1918. № 2, май. С. 136—143); сопоставляя ее с «Двенадцатью» и революционными поэмами С. Есенина, критик отмечал: «Я не считаю поэму Андрея Белого чрезмерно удавшимся автору произведением: в ней есть растянутости, длинноты, повторения, есть и замечательно удавшиеся места — как раз те, где больше конкретного; вся вторая половина поэмы — значительно сильнее первой. Но все это — очень и очень "относительно": к Андрею Белому предъявляешь такие большие требования, которые другому бы непосильно выполнить. <...> Безотносительно, однако, поэма эта <...> является большим произведением большого мастерства; в ней бьют живые ключи "нового Назарета", в ней одной мы более видим живую душу новой России, чем в десятке произведений плачущих и панихидствующих, злобствующих и проклинающих» (Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 214). Со статьей «"Христос Воскресе". Новая поэма Андрея Белого» в эмигрантской печати выступил Н. М. Минский, не увидевший существенных различий между революционным «скифством» автора и оправданием практики большевизма, но, тем не менее, указавший на несоответствие поэмы идеологическим установкам новой власти: «...трудно понять, каким образом этот голубоглазый, шиллероподобный идеалист ухитрился примирить свои порывания к мирам иным с резонерской сушью Ленина, с ужасами чрезвычаек ы непосильно выполнить. <...> Неожиданно для автора, знак равенства возникает не между Христом и Лениным, а между Христом — жертвой древнего насилия — и русской интеллигенцией — жертвой насильников современных. Поэма восстала на своего автора и доказала фальшивость своего замысла. <...> Андрей Белый, убедив себя в том, что он сочувствует большевизму, на самом деле, логически и психологически, остался глубоко чуждым целям и приемам большевиков" (Последние Новости (Париж). 1920. № 162, 2 ноября. С. 2).

***347.** Знамя труда. 1918. № 199, 12 мая. Под заглавием «Христос Воскресе».

Наш путь. 1918. № 2 (май). С. 101—118.

Отдельное издание: Андрей Белый. Христос воскрес. Поэма. Пб.: Алконост, 1918. Вышло в свет в марте 1919 г. Печатается по тексту этого издания.

Пути творчества (Харьков). 1920. № 6/7. С. 3—10. Россия и Инония. Берлин: Скифы, 1920. С. 33—59. Под заглавием «Христос Воскресе».

СБ. С. 351—371. Образует отдельный раздел книги. Помета под текстом: «1918 г. Апрель. Москва». Варианты строк.

Вошло (с вариантами, изменениями в делении на строки, строфы и главы) в *ЗВ* (№ 604).

2. *«Сын, Возлюбленный — Ты!»* — Свидетельство Бога-Отца об Иисусе: «И глас был с небес: Ты Сын мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мк. I, 11). *Прорезалась Назарея...* — Такого слова в Новом завете не встречается; подразумевается, видимо, область Галилеи, в которой находился Назарет; ср.: «И, придя, поселился <Иисус> в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется (Суд. XIII, 5)» (Мф. II, 23). Назорей — еврей, с детства посвященный Богу, согласно обету «назорейства».

3. *В Иордане / Увидели явственно: два / Крыла.*— Крещение Иисуса в Иордане: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (Ин. I, 32).

6. *«Или... Савахвани!»* — Возглас распятого Христа. Ср.: «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: "Или́, Или́! лама́ савахфани́?" то есть: "Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?"» (Мф. XXVII, 46).

17. *Слова / О значении / Константинополя / И проливов.*— Строки, видимо, заключают намек на политические выступления председателя ЦК кадетской партии П. Н. Милюкова, обосновывавшего завоевательную программу России в мировой войне, в том числе оккупацию Константинополя и проливов, соединяющих Черное и Средиземное моря (распространенное в прессе прозвище Милюкова — «Милюков-Дарданельский»).

23. *Облеченная солнцем Жена...* —Апокалипсический образ: «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (Откр. XII, 1—2). Этим образом увенчивается победа над антихристом и соединение христианских церквей в «Краткой повести об антихристе» (1900) Вл. Соловьева.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Основная работа Белого над поэмой относится к маю 1921 г. (к дням, обозначенным под текстом эпилога); первоначальная редакция, опубликованная в «Знамени», включает 1184 строки (предисловие, 9 глав, эпилог), окончательная редакция — 1339 строк (предисловие, 4 главы, эпилог). Первоначальная редакция отличается от окончательной другой композицией фрагментов текста, отсутствием ряда строк и наличием строк, впоследствии исключенных.

Поэма вызвала большое количество критических отзывов, среди которых преобладали положительные оценки. Первый по времени опубликования, принадлежавший Мариэтте Шагинян (под псевдонимом: П. Самойлов), представлял собой отклик на публичное авторское чтение поэмы в Вольной Философской Ассоциации 24 июля 1921 г. Шагинян указала на исходное, заданное в художественной структуре «Первого свидания» противоречие между романтической стихией ретрос-

пективных переживаний, воссоздаваемых в поэме, и заточением их «в сухие, строгие, скованные ямбы, освященные для нас ясным именем Пушкина»: «Возьмите извержение Везувия и постройте вокруг его клокочущего кратера галерею Камерона. Что это будет? "Первое Свидание" есть огненная импровизация без всякой архитектоники, без плана <...>, без симметрии, без фабулы; это есть лирическое извержение души, каждый опыт которой так значителен, что превращается в формулу; и эта импровизация, это извержение скованы самым трезвым из размеров, четырехстопным ямбом. Это какой-то художественный парадокс <...> это не "исполненный ямб", а только "наполненный ямб". Великий формотворец, Белый не нашел тут своего ямба и не сделал его "sine qua non" своей поэмы, не сделал его неизбежной и единственно возможной здесь формой. Поэтому для меня "Первое Свидание" — шаг в сторону, тупичок, на основной линии его пути» (Поэма Андрея Белого // Жизнь искусства. 1921. № 792—797, 2—7 августа. С. 2).

Один из рецензентов «Первого свидания» резюмировал: «Поэма А. Белого считается одним из лучших его произведений. Звуковая выразительность, разнообразие метрики, целая симфония звуков то мажорных, то минорных, сцены — то эпически-спокойные, то ослепительно яркие,— все это выдвигает А. Белого на первый план» (Начало. Литературно-художественный, научно-популярный и публицистический альманах. № 2/3. Иваново-Вознесенск, 1922. С. 165. Подпись: Ц.). «Магическую силу», достигнутую Белым в области звуковой выразительности, констатировал в «Первом свидании» Э. Ф. Голлербах: «Тончайшие вибрации душевной жизни, пульсирование мысли, глухое постукивание сердца — все это нераздельно слито в "Первом свидании" с мимикой букв, с жестикуляцией слов, с целой симфонией звуков <...> Белый — Заратустра наших дней, в небывалых словесных орнаментах показывающий, именно *показывающий*, а не *рассказывающий* события внешнего мира и внутренней жизни, связанные между собой тонкими, как паутина, и крепкими, как сталь, нитями звукосочетаний» (Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С. 14). «Общее впечатление от поэмы — волнующая весенняя свежесть, ясная золотая заря в лазури»,— писал Н. С. Ашукин, считавший, что «песенное начало (певучесть души) образует содержание поэмы», но отмечавший в ней и «некоторую расплывчатость, спутанность рисунка», а также «самодовлеющее звучание слов и аллитераций»: «"Инструментаций гранный треск" порою изумителен своей выразительностью, например, гул и скрежет настраиваемых в оркестре инструментов. Но прекрасная инструментовка и метафора иногда слишком сами по себе, они заслоняют образ всей поэмы, заглушают ее внутреннюю музыку» (Ашукин Николай. Новая поэма Андрея Белого // Литературная газета (Казань). 1921. № 5, 15—31 декабря. С. 2). Ник. Оцуп, приветствуя появление поэмы «как дань одного из интереснейших людей нашего времени чистой лиро-эпической музе», обнаружил в ней, однако, и «формальный эклектизм» («Здесь и Хлебников (взорич, милоть и т. д.), и Северянин (инструментаций гранный блеск), и кого тут только нет»), и ряд иных недостатков: «Очень крепкий и свой язык подчас невозможно запутан и тяжеловесен <...> Поэма в целом слишком мало драматична, нет развития действия, есть только картины» (Цех Поэтов. 3. Пг., 1922. С. 70). Евг. Алапин расценил поэму как «веселую и изящную безделушку»: «Вся вещь написана в

легком шутливом тоне, с массою мелких, подчас комических подробностей, иногда переходящих в игру слов, в забавный анекдот; язык — верх достижения "словесной инструментовки"» (Книга и революция. 1922. № 5 (17). С. 46. Подпись: Евг. Ал.). В следующем номере «Книги и революции» (1922. № 6 (18). С. 57—58) была помещена еще одна рецензия, Иннокентия Оксенова, предъявлявшая ряд критических претензий «Первому свиданию» («...рядом с клочьями подлинных вдохновений, рядом со словами, явно вышедшими из глубины, неприятно поражает и задевает внимание какая-то сугубая нарочитость — мертворожденные дерзания, имеющие значение не более как жестокий эксперимент над словом. Как часто у Белого слово-смысл приносится в жертву слову-звуку; автор явно упивается игрой аллитераций, ничем внутренне не оправданных <...> доходя на этом пути до пустейших каламбуров <...>»),— однако ее появление было дезавуировано редакцией как «технический недосмотр», причем отмечалось: «Редакция вполне разделяет оценку поэмы, данную Евг. Ал<апиным>» (Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 78).

Наиболее высокую оценку «Первое свидание» получило в русской зарубежной печати (часть этих отзывов — рецензии на второе, берлинское издание поэмы). Один из рецензентов отмечал, что поэма «вся проникнута благоговейным преклонением перед невозвратным прошлым»: «Это венок из иммортелей, возложенный поэтом на могилу своей первой любви. <...> Может быть, никогда еще первая любовь не воспевалась с таким просветленным восторгом и благоговейным трепетом <...> Белый идет часто трудными, мало доступными путями, но в каждом стихе чувствуется художник слова» (Руль. 1922. № 554, 24 сентября. С. 11. Подпись: П. Ш.); другой, проводя аналогии между «Первым свиданием» и «Евгением Онегиным», указывал на такую характерную особенность Белого, как «сочетание совершенно несомненного поэтического гения с *неполнотой совершенства* и даже, временами, с прямым *несовершенством* поэтического творения» (Петроник <П. Н. Савицкий>. «Первое Свидание», поэма Андрея Белого // Русская Мысль. 1921. № 8/9. С. 329). Роман Гуль расценил «Первое свидание» как «поэму чистого звука»: «Она вся в беловской сумятице, невнятице. Как старый жонглер играет, подбрасывает, перебрасывает, дробит, ловит звуки Белый — и музыка их удивительна» (Новая Русская Книга. 1922. № 7. С. 10). В сходном ключе интерпретировал поэму А. В. Бахрах, увидевший в ней плод творчества мастера-импровизатора: «Тут Белый импровизировал <...>, и из пустот восстающее и шумящее хлынуло на него море звуков. Напряжение достигало такой интенсивности, что сюжетная канва уходила от автора, он терял ее, для него "крылатый слова звук" становился заумностью, и сюжет как-то невольно нанизывался сам по себе, как нечто обособленное и, быть может, излишнее. Местами Белый захлебывался в этом невероятном каскаде клокочущих звуков. Но неизбежные при такой быстроте писания небрежности поэмы тают в общей массе изваянных строк: четкость звука проясняет беловскую невнятицу, становится понятной туманность "дарвалдаев" <...> чары звука расплавляют хронологические рамки, и поэма становится вневременной». «Отдельные места "Первого свидания",— подчеркивает Бахрах,— изумительны своим реализмом, тончайшей наблюдательностью автора, проницающего вещь вовнутрь и двумя-тремя мазка-

ми знакомящего с нею читателя детальнейшим образом. <...> И велика заслуга Белого — этого чародея звука,— "гранным треском инструментации" построившего целую звуковую поэму и общим ее массивом доказавшего, как безмерно могут выявляться чары русского языка» (Дни. 1922. № 36, 10 декабря. С. 17).

*348. Знамя. Временник литературы и политики (Берлин). 1921. <№ 2>, 12 августа. С. 1—12. Первоначальная редакция текста.

Отдельное издание: Андрей Белый. Первое свидание. Поэма. Пб.: Алконост, 1921. Вышло в свет в начале октября 1921 г. Печатается по тексту этого издания. Опечатки (гл. 2, ст. 192: «ветер» вместо: «в ветер»; ст. 218: «Проходит» вместо: «Приходим») исправлены по тексту 2-го отдельного издания.

2-е отдельное издание: Андрей Белый. Первое свидание. Поэма. Берлин: Слово, 1922. Варианты — гл. 3, ст. 123, 383: «Колье — алмазные морозы»; ст. 276: «Вздыхая вестью дорогой».

Ст. 257—273 гл. 2-й представляют собой переработку стихотворения «Кладбище» (№ 96).

Публикации отрывков из поэмы:

Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 46. Под заглавием «Благонамеренным», с делением на четыре четверостишия. Текст соответствует гл. 3, ст. 324—339. Варианты — ст. 325—326: «Благоразумью преданы: / Не им, не им мечтать о чуде»; ст. 336—337: «О, ваша повесть так спокойна / И ваша совесть так ясна».

СБ. С. 202—205. В разделе «Пепел», в подразделе «Прежде и теперь», под заглавием «Концерт в Благородном Собрании в Москве»; с делением на четырнадцать строфических фрагментов. Помета под текстом: «1921 г. Май. Петербург». Текст соответствует гл. 3, ст. 69—101, 110—111, 153—164, 173—193, 196—209, 218—219, 224, 225, 227, 226, 214—217, 372—375, 391—402. Варианты — ст. 73: «Приходят, тащатся, текут»; ст. 156: «Седой, почтенный жрец: Сафонов»; ст. 192: «И чертит *па*, и строит *туры*».

СБ. С. 305—306, 307—309, 311—312, 314—316, 318—322. В разделе «Урна», как 6, 8, 11, 16, 19—22 части цикла «Искуситель» (в подстрочном примечании к каждой из указанных частей обозначен первоисточник: «Из поэмы "Первое свидание"» — или другие аналогичные формулировки). Помета под текстом 6 и 8-й частей: «1921 г. Май. Петроград»; помета под текстом 16-й, 20—22-й частей: «1921 г. Май. Петербург». Соответствия с текстом «Первого свидания»: 6-я часть (с делением на восемь двустиший) — гл. 2, ст. 224—239; вариант — ст. 231: «И — столб блистает искряной». 8-я часть (с делением на шестнадцать двустиший) — гл. 2, ст. 242—273; варианты — ст. 242: «И ходит в зелени сырой»; ст. 244—245: «И — облак розовый сквозит / И — нежный воздух бирюзит». 11-я часть (с делением на шесть неравнострочных строф) — гл. 3, ст. 228—258; варианты — ст. 233: «Кто входит ночью в пестрый сон»; ст. 249: «К вселенной пленной он простерт». 16-я часть (с делением на двенадцать четверостиший) — гл. 1, ст. 67—114. 19-я часть — гл. 4, ст. 25; вариант: «И — взвоет улицей зима... — ». 20-я часть (с делением на пятнадцать четверостиший) — гл. 4, ст. 26—85; варианты — ст. 44—45: «Чтобы из жизни стал кромешный / Бесцельный, многогрешный храм...». 21-я часть (с делением на семь четверостиший) — гл. 4, ст. 86—113; варианты — ст. 99: «В

летах перемелькавший дым»; ст. 109: «В свой обиходный, в злой *«хавос»...»* 22-я часть (с делением на семь четверостиший) — гл. 3, ст. 324—351; варианты — ст. 326: «Не им, не им мечтать о чуде»; ст. 330: «Вы переломленные жерди».

СБ. С. 440—442. В разделе «Звезда», под заглавием «Заступница»; с делением на двенадцать четверостиший. Помета под текстом: «1921 г. Май. Петроград». Текст соответствует гл. 4, ст. 130—153, 178—185, 188—203. Вариант — ст. 190: «Так на эстраде Гольденвейзер». Текст имеет шесть подстрочных авторских примечаний: к заглавию — «Из поэмы "Первое Свидание"»; ст. 150 («Пречистенкою») — «Улица в Москве»; ст. 178 («на Девичьем Поле») — «Местность в Москве»; ст. 190 («Гольденвейзер») — «Пьянист»; ст. 193 («Неопалимой Купины») — «Церковь в Москве»; ст. 200 («Неопалимов Переулок») — «Переулок в Москве».

В *Плане 1925 года* Белый указал: «Между "После Звезды" и "Звездой" должна быть напечатана поэма "Первое свидание" (целиком); а отрывки из нее, напечатанные в нескольких местах Гржебинского издания, изъяты».

Автограф 1 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 2—35; Ед. хр. 6. Л. 3—10. Предварительные наброски текста, черновые автографы, беловые автографы с правкой; разрозненные листы, часть их повреждена. 29 фрагментов этого текста, скомпонованных в соотношении с композицией основного текста поэмы, опубликованы А. В. Лавровым (Автографы поэмы «Первое свидание» в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Русский модернизм. Проблемы текстологии: Сб. статей. СПб., 2001. С. 22—59). Автограф 2 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 7. 83 лл. Весь текст поэмы, с рисунком обложки к ней; также — гранки текста издательства «Алконост» с авторской правкой. Изъятые фрагменты текста, варианты строк. Автограф 3 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 19—20. Гл. 2, ст. 224—237 — как самостоятельное стихотворение под заглавием «Перед Новодевичьим Монастырем»; варианты — ст. 228—231: «В забирюзевший, легкий пруд / (Забирюзевший,— в изумруд), / Дробимый зе́ркальной волной». Автограф 4 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20—21. Гл. 1, ст. 67—102 — как самостоятельное стихотворение под заглавием «Греческие боги» (с подстрочным примечанием: «Из поэмы "Первое свидание"»), с делением на девять четверостиший.

Гранки фрагментов «Перед Новодевичьим Монастырем» и «Греческие боги» (РГАЛИ), с пометой: «Не печатать», хранятся вместе с гранками стихотворений, напечатанных в «Записках мечтателей» (1922. № 5).

Предисловие

Духов День — церковный праздник, следующий за днем Святой Троицы; в 1921 г. Духов день был 7/20 июня. Для Белого этот праздник был особенно значим тем, что двадцатилетием ранее, в 1901 г., в ночь с Троицы на Духов день он написал значительную часть «Симфонии (2-й, драматической)», которая стала его литературным дебютом. *Как бык... Как лев... Орел...* — Образы животных из Книги пророка Иеезкииля (I, 5—28; X, 15—22), символизирующие в христианской традиции трех евангелистов: Телец (Бык) — Лука, Лев — Марк, Орел — Иоанн. *О сердце, взмахами милоти!..* — Милоть — овчина; в

христианской традиции — одеяние Иоанна Крестителя. *«Ха» с «И» в «Же» — «Жизнь»: Христос Иисус...* — Подразумевается хризма — пересечение двух первых букв («И» — «I» десятеричное), образующее монограмму Иисуса Христа. *Ты в слове Слова — богослов...* — Ср.: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. I, 1). *О, не понять вам, гномы, гномы...* — Омонимическая игра словами «гном» и «гнома» (в древней Греции — краткое нравоучительное изречение, афоризм, пословица).

Глава 1

Поэма — первое свиданье... — Заглавие поэмы Белого соотносится с поэмой Вл. Соловьева «Три свидания» (1898), описывающей встречи автора с «Подругой вечной». Ср. «Сцену из Фауста» (1826) Пушкина: «<Фауст:> ... Но есть / Прямое благо: сочетанье / Двух душ... <Мефистофель:> И первое свиданье...» *Гольбер* (Уильям Холмен) *Гент* (1827—1910) — английский художник, с творчеством которого познакомила Белого О. М. Соловьева. *И я — не гимназист: студент...* — В 1899 г., по окончании частной гимназии Л. И. Поливанова, Белый поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1903 г. *Я, Майей мира полонен...* — Майя — в древнеиндийской религиозной философии (воспринятой теософией и антропософией) — олицетворение иллюзорности, обольщения, ограниченности сознания. *В волнах летаю котильона...* — Котильон — в описываемую эпоху кадриль, между фигурами которой вставляются другие танцы: мазурка, вальс, полька. *Но, тексты чтя Упанишад...* — Упанишады — древнеиндийские религиозно-философские произведения, главный источник веданты — философской основы индуизма. Белый познакомился с ними по публикации Веры Джонстон «Отрывки из Упанишад» в «Вопросах философии и психологии» (1896. Кн. 31 (1). С. 1—34). *Великий делом Дармотарра...* — Белый подразумевает книгу Ф. И. Щербатского «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть 1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары» (СПб., 1903), содержавшую «краткий учебник логики» («Капля логики») крупнейшего индийского теоретика логики буддийской школы Дхармакирти (VII в.). *Законы Бойля, Ван-дер-Вальса...* — Роберт Бойль (1627—1691) — английский химик и физик, установивший закон соотношения объема и давления газа; Ян Дидерик Ван-дер-Ваальс (1837—1923) — голландский физик, объяснивший явление взаимного перехода газообразного и жидкого состояний. *Рассердится товарищ наш...* — Подразумевается А. С. Петровский (см. примеч. 79—81) — как и Белый, студент физико-математического факультета Московского университета. *И Гревса Зевс — не переладит...* — Иван Михайлович Гревс (1860—1941) — историк средневековой культуры, профессор Петербургского университета. *И ненароком Брюсов адит...* — Подразумевается увлеченность В. Я. Брюсова спиритизмом и интерес к «тайным наукам», оперативной магии; в письме Белого к Э. К. Метнеру (май 1904 г.) Брюсов аттестован как «черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров» (РГБ. Ф. 167.1.35). *Гадес* (Аид; греч. миф.) — бог, владыка подземного царства мертвых. *И символов дремучий лес...* — Образ «лес

символов» восходит к сонету Шарля Бодлера «Соответствия», программному для эстетики символизма. *...«дар Валдая»...* — Подразумевается строка «И колокольчик, дар Валдая» из стихотворения Ф. Н. Глинки «Тройка» («Вот мчится *тройка* удалая...»), положенного на музыку А. Н. Верстовским (1828) и другими композиторами. *И мой отец, декан Летаев...* — Герой романов Белого «Котик Летаев» (1916) и «Преступление Николая Летаева» (1921; позднейшее заглавие — «Крещеный китаец»), основанных на автобиографических мотивах. *Умов* Николай Александрович (1846—1915) — физик-теоретик, у которого учился Белый в Московском университете (см.: Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 79—85). *...парадоксами Максвелл Уничтожает энтропию...* — Имеется в виду известный парадокс английского физика, создателя классической электродинамики Джеймса Клерка Максвелла (1831—1879), противоречащий закону возрастания энтропии (и, следовательно, хаоса) в замкнутых системах. *Тают томсоновые вихри...* — Уильям Томсон, барон Кельвин (1824—1907). *Кюри* Пьер (1859—1906) — французский физик и химик, исследовал процесс радиоактивности как результата атомных превращений. *Невоплощенной гекатомбой...* — Гекатомба (в древней Греции) — торжественное жертвоприношение (заклание большого числа животных); в переносном смысле — жестокое и бессмысленное уничтожение людей. *Далай-лама* — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете. *О, лазулитовая лень...* — Лазулит — голубой шпат. *О, меланитовые очи!* — Меланит — черный гранит. *Дионисические тигры...* — Ироническая аттестация проблематики творчества Фридриха Ницше и символической трактовки в нем образа Диониса — древнегреческого бога плодоносящих сил земли. *Как струи слова Заратустр...* — Подразумевается герой философской поэмы Ницше «Так говорил Заратустра» (1884). Белый дает собственную семантическую трактовку этого имени: «"Zaroastr" — звезда утра, где "zor" есть ядро: оно — солнечный взор; "str" — лучи во все стороны <...> "Заратустра" есть *распростертый лучами на всё из духовного света-жара души»* (Белый Андрей. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, 1922. С. 61).

Глава 2

М. С. Соловьев — см. примеч. 98, 100. Визиты Белого к Соловьевым (поселившимся в том же доме на Арбате, где прошло его детство) начались в конце 1895 г. *«Бискр»* (бистр) — темно-бурая акварельная краска. *С ангелологией Фомы...* — Имеется в виду Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) — средневековый философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики. *Знаток, быть может, инкунабул...* — Инкунабулы — печатные издания в Европе, вышедшие с момента изобретения книгопечатания (середина XV в.) до 1 января 1501 г. *«Навек одно!»* — Подразумевается первая фраза стихотворения Вл. Соловьева «Знамение» (1898): «Одно, навек одно!» *О. М.*— Ольга Михайловна Соловьева — см. примеч. 98. *Четьи-Минеи* — церковно-религиозные сборники, предназначавшиеся для ежедневного чтения (включали жития святых, сказания, легенды, поучения). *Переводила де Виньи...* — Альфред де Виньи (1797—1863) — французский поэт, прозаик, драматург. О. М. Соловьева перевела на русский язык его

исторический роман «Сен-Мар». *Кармен, Барбье д'Оревильи...* — Кармен — героиня одноименной новеллы Проспера Мериме (1845) и написанной по мотивам ее сюжета оперы Жоржа Бизе (1875). Жюль Амеде Барбе д'Оревильи (1808—1889) — французский прозаик. *Все переписывалась с «Алей»...* — Имеется в виду Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок; 1860—1923), мать А. А. Блока, переводчица и детская писательница. Письма О. М. Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух опубликованы в выдержках (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 168—194). *Произносилось за столом / «Сережей», сыном их* — С. М. Соловьев, см. примеч. 55—59. *Не соглашаясь с Трубецким...* — Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905) — философ, публицист, общественный деятель; автор философско-исторического исследования «Учение о Логосе в его истории», защищенного в 1900 г. в качестве докторской диссертации на историко-филологическом факультете Московского университета. *О «Деве Радужных ворот»...* — В примечании к этому стиху Белым неточно цитируется заключительная строфа стихотворения «Нильская дельта» («Золотые, изумрудные...», 1898). *Григорий Богослов* (Григорий Назианзин; ок. 330 — ок. 390) — греческий теолог и церковный деятель, поэт, один из виднейших представителей патристики. *Взирает в очи Сони Н-ой...* — Белый воспользовался здесь именем Софьи Владимировны Гиацинтовой (1895—1982), впоследствии известной актрисы, которой Сергей Соловьев был увлечен в конце 1900-х — начале 1910-х гг.; объект его увлечения в описываемую пору — «арсеньевская гимназистка» Мария Дмитриевна Шепелева (в замужестве Нефедова). *Надежды Львовны Зариной:*— Под этим именем выведена Маргарита Кирилловна Морозова (урожд. Мамонтова; 1873—1958), жена М. А. Морозова, впоследствии — учредительница издательства «Путь» и Московского религиозно-философского общества; начало «мистической любви» Белого к Морозовой относится к весне 1901 г. (см.: Морозова М. К. Андрей Белый / Предисловие и примечания В. П. Енишерлова. Публикация Е. М. Буромской-Морозовой и В. П. Енишерлова // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 522—545). *Лев — символический, Иудин...* — Подразумевается апокалипсический «лев от колена Иудина» (Откр. V, 5). *Серапис* — один из богов эллинистического мира, соединивший в образе и имени египетских богов Осириса и *Аписа* (бог плодородия в облике быка). *...о Браме...* — Брама (Брахма) — в индуистской мифологии высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов индуизма. *Мир — представление мое!* — Обыгрывается заглавие книги немецкого философа Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (1819—1844). *Воанергес* — «сыны громовы», имена, данные Иисусом Христом своим ученикам Иакову и Иоанну (Мк. III, 17). *Новодевичий Монастырь* — женский монастырь в Москве, расположенный на *Девичьем Поле. Рясофорный* — имеющий право носить рясу и клобук без пострижения. *Куколь* — монашеский головной убор в виде капюшона. *Ключевский* Василий Осипович (1841—1911) — историк, профессор Московского университета. *Гольденвейзер* Александр Борисович (1875—1961) — пианист и композитор, профессор Московской консерватории.

Что земли портящий овраг... — Подразумевается статья Вл. Соловьева «Враг с Востока» (1892), ставящая проблему угрожающего российскому земледелию иссушения почвы. *Демчинский* Николай Александрович (1851—1914) — метеоролог; вел в петербургской газете *«Новое Время»* календарь природы. *Свечений зорь нельзя никак...* — Подразумевается необычная окраска небосвода, наблюдавшаяся в 1902 г.; Белый связывал это явление с сильным извержением вулкана Мартиника. *Агни* — в ведийской и индуистской мифологии бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. *А мы молчим, одним объяты...* — Ср. воспоминания Белого о юношеском общении с Сергеем Соловьевым: «...предмет общения (шутки, игры, обмен впечатлений от жизни, от мира искусств) располагались вокруг единого стержня, или, по-нашему,— "одного"; самое выражение "об одном", "о главном" в те годы сложилось меж нами; думаю, что это наше "одно",— понятие о "целом"» (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. С. 358).

Глава 3

Гелиополь (греч., букв. — город Солнца; др.-егип. — Иуну) — один из древнейших городов Египта, возникший в IV тысячелетии до н. э., главный центр культа бога Ра-Атума. *Отис* — имя, по всей вероятности, вымышленное Белым. *Миозотис* — незабудка. *Под хохотом Загрея-Зевса...* — Загрей (греч. миф.) — одна из архаических ипостасей бога Диониса; сын Зевса Критского и богини Персефоны, с которой Зевс вступил в брак в образе змея. *Главач* Войтех Иванович (1849—1911). *Сафонов* Василий Ильич (1852—1918) — пианист и дирижер, профессор Московской консерватории. *...каста «фонов»...* — Фон — в разговорном языке: немец-дворянин; производное от частицы перед немецкой фамилией, указывающей на дворянское происхождение. *До тайн безо́бразий Эреба...* — Эреб (греч. миф.) — персонификация мрака, сын Хаоса и брат Ночи. *В эонах гонит бури знаков...* — Эон — древнегреческий термин, обозначающий время в аспекте жизненного существования; в гностицизме развивается идея иерархического множества эонов как посредников между непостижимым и безначальным Богом и материальным миром. *Золотокосых Ореад...* — Ореады (греч. миф.) — горные нимфы. *Алексей Сергеевич П-овский...* — А. С. Петровский (см. примеч. 79—81). *Марковников* Владимир Васильевич (1837—1904) — химик, профессор Московского университета. *Графиня толстая, Толста́я...* — Софья Андреевна Толстая (1844—1919), жена Л. Н. Толстого. *Сведенборг* Эмануэль (1688—1772) — шведский писатель, философ-мистик. *И я, как гиблый Гибеллин, / У Гвельфов ног...* — Два политических направления XII—XV вв., возникшие в связи с борьбой за господство в Италии между Священной Римской империей и папством: гибеллины — сторонники императора, гвельфы поддерживали римских пап. *Смеясь без мысли и без речи...* — Обыгрываются строки из стихотворения А. Блока «Я отрок, зажигаю свечи...» (1902): «Она без мысли и без речи / На том смеется берегу». *Танеев* Сергей Иванович (1856—1915). *Трепов* Дмитрий Федорович (1855—1906) — московский обер-полицмейстер в 1896—1905 гг., петербургский генерал-губернатор (с января 1905 г.), товарищ министра внутренних

дел (с апреля 1905 г.); в период революции 1905 г. сторонник крайних репрессий. *Как речь пророческая Норн...* — Норны — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении. *Как каркнувший Вотáнов ворон...* — Вотан (Водан) — в германской мифологии верховный бог; ему служат хтонические звери — вороны и волки. *И под Васильем Ильичом...* — В. И. Сафонов (см. выше в этом же примеч). *Гржимали* Иван Войцехович (1844—1915) — см. подстрочное примеч. Белого. *...с'кон'апель...* — то, что называется (*фр.* ce qu'on appelle). *Морозов* Михаил Абрамович (1870—1903) — богатейший фабрикант и коллекционер; муж М. К. Морозовой. *Скрябин* Александр Николаевич (1872—1915) — композитор и пианист. *Жеребчиком мышиным — «он»...* — Мышиный жеребчик — молодящийся старик, стремящийся ухаживать за молодыми женщинами. *Виеголовый* — т. е. с головой как у Вия, фантастического персонажа одноименной повести Н. В. Гоголя. *Души — Марию зрящей Марфы...* — Евангельские образы; две сестры Лазаря: Мария — воплощение духовного начала, Марфа — земного, мирского (Лк. X, 38—42). *Вздыхая раей дорогой...* — Вероятно, использовано областное слово (рай — отдаленный гул, раскат звука, отголосок; райкий — звучный, зычный, гулкий, отголосистый). *Септаккорд* — аккорд, состоящий из примы (основного тона), терции, квинты и септимы. *Строка Лермонтова...* (примечание А. Белого) — из стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840); неточно приведена в поэме Вл. Соловьева «Три свидания». *Не упадет огонь Сент-Эльма...* — Огни Сент-Эльма — электрические разряды, наблюдаемые в естественных условиях; название происходит от церкви св. Эльма, над куполом которой они часто возникали. *И не обдаст Дамасский свет.*— Имеется в виду новозаветный эпизод обращения к христианству Савла, гонителя христиан (будущего апостола Павла): «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба» (Деян. IX, 3). *Не та калоша: Каллаша!* — Владимир Владимирович Каллаш (1866—1919) — историк литературы, библиограф. *Егоров* Дмитрий Федорович (1869—1931) — математик, профессор Московского университета. *Каблуков* Иван Алексеевич (1857—1942) — физико-химик, профессор Московского университета. *Нос* Андрей Евдокимович — присяжный поверенный. *Он, вы представьте,— без Шенрока!* — Владимир Иванович Шенрок (1853—1910) — историк литературы, исследователь жизни и творчества Гоголя.

Глава 4

Прекрасных дам в ротондах модных... — Ротонда — женская длинная накидка без рукавов, без застежки и с прорезями для рук; появилась в начале 1870-х гг. *Лемуры* (римск. миф.) — призраки мертвецов, вредоносные тени. Возможно, Белый подразумевает лемуров-могильщиков в одной из финальных сцен «Фауста» Гете (ч. 2, акт 5). *Персты орфической цевницы...* — Подразумевается Орфей (греч. миф.), певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись люди, боги и природа. *Бегу Пречистенкою...* — Пречистенка — улица в Москве; на ней располагалась частная гимназия Л. И. Поливанова, в которой учился Белый в 1891—1899 гг.

Эпилог

И под березкой кружевною, / Простертой доброю рукой... — В основе этих строк — реальный эпизод, описанный в воспоминаниях о Белом Н. И. Гаген-Торн: «Участница вольфильского семинара Елена Юльевна Фехнер рассказала мне, как она приходила к нему в лето 1921 года, в Троицын день, с березовой веткой. Борис Николаевич встретил ее встревоженный и напряженный. Почувствовала: ему не до посетителей. "Я помешала, Борис Николаевич, мне лучше уйти?" — "Пожалуй, да... — И тут же переконфузился: — Спасибо вам за березку... Вы извините меня... <...>" — боялся ее обидеть. И не сказал, чем занят. <...> Он писал в этот день. Переконфузился, как бы не обидеть, но не мог оторваться от подхватившего потока, движения мыслей и образов» (Гаген-Торн Н. И. Memoria. М., 1994. С. 32).

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Впервые: Андрей Белый. После разлуки. Берлинский песенник. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. Книга вышла в свет в сентябре 1922 г. Печатается по тексту этого издания.

Книга включает 15 стихотворений 1921—1922 гг., из них 8 были опубликованы в ее составе впервые. Большинство стихотворений книги было написано в конце мая — июне 1922 г.; в ретроспективных записях Белый отмечает: «Под конец месяца (мая 1922 г.— *Ред.*) овладевает мрачное лирическое настроение: начинаю писать стихи цикла "После разлуки"»; об июне 1922 г.: «Единым махом пишу цикл "После разлуки"» (Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 113 об.—114). Стихотворения этого времени навеяны в основном переживаниями разрыва с А. А. Тургеневой. В июле 1922 г. Белый признавался в письме к матери: «...я с Асей все покончил; мы совершенно разошлись; и это было очень, очень больно» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 463). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 18 ноября 1923 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 254). На замысел книги повлияли также общение Белого в Берлине в 1922 г. с М. И. Цветаевой и его впечатления от сборника ее стихов «Разлука» (Берлин, 1922), отраженные в письме к ней от 16 мая 1922 г. и в его словах, приводимых в очерке Цветаевой «Пленный дух»: «Ведь я после Вашей "Разлуки" опять стихи пишу. Я думаю — я не поэт. Я могу — годами не писать стихов. Значит, не поэт. А тут, после Вашей "Разлуки" — хлынуло. Остановить не могу. Я пишу вас — дальше. Это будет целая книга: "После Разлуки",— после разлуки — с нею, и "Разлуки" — вашей. Я мысленно посвящаю ее вам и если не проставляю посвящения, то только потому, что она ваша, из вас, я не могу дарить вам вашего, это было бы — нескромно» (Цветаева Марина. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 244, 253—254).

В отзывах на книгу существенное внимание уделялось, наряду с составившими ее стихотворениями, авторскому предисловию и обосновывавшейся в нем программе «мелодизма», вызвавшей почти единодушную скептическую реакцию. «Последняя книга Белого "После разлуки" состоит из теории и практики "нового стиля". Сначала пра-

вила, потом образцы»,— писал К. В. Мочульский, нашедший неосновательными попытки Белого начертательно отобразить «узоры мелодии»: «Никакая зрительная архитектоника, как бы приятна глазу она ни была, не может повлиять на внутреннюю мелодию стиха. <...> Узоры А. Белого — средства вспомогательные, педагогические. Ни изменить, ни усилить напева они не властны» (Новое учение Андрея Белого // Звено. 1923. № 2, 12 февраля; Мочульский Константин. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 209). Сходную оценку книге, «очень преднамеренной и умышленной», дал Ю. Айхенвальд: «У слушателя стихов Белого, если можно так выразиться, двоится в ушах: не то воспринимает он живую лирику поэта, исповедь его сердца, не то слышит он только "опыты", планомерно изготовленные в мастерской у автора, который настежь раскрыл двери в нее, с ненужной откровенностью показав свою черновую работу и свой затрапезный облик специалиста. <...> До сих пор в русской поэзии, к счастью, были мелодии, но в ней, к счастью, не было мелодизма. Андрей Белый этот пробел заполняет. <...> Он не хочет, чтобы эти стихи говорили сами за себя, он не полагается на них, он больше доверяет своим предисловиям, нежели своим словам <...> высокий мастер слова, он со словом обращается невеликодушно <...> он отрывает слово от понятия и тем превращает его в звук. Фонетика у Белого довлеет себе. <...> Слово умно, и нельзя его сводить с ума, т. е. сводить его к одному лишь звуку». При том, отвергая теоретические установки «мелодизма», Айхенвальд отдает должное стихотворениям Белого, призванным практически иллюстрировать предложенную программу: «...лучшие из них в самом деле не только поразят нас виртуозностью, с какой играет ими наш изумительный словесник, недаром приурочивая их к аккомпанементу виолончели, мандолины, балалайки, но и прозвучат для нас задушевной элегической мелодией» (Каменецкий Б. <Ю. И. Айхенвальд>. Литературные заметки // Руль. 1922. № 625, 17 декабря. С. 10—11). Другой критик в рецензии, подписанной криптонимом В. Л., напротив, находил закономерной для Белого идею «мелодизма»: «...ведь это первый шаг к гипнозу слов, к заклинательной силе стиха! <...> не придумал Белый рецепта, по которому изготовил сборник стихов, а подсознательно: через стихи, через свое творческое вдохновение, пришел он к теоретической школе <...> кроме нового пути, на который указывает поэт, пути, где стихи перестанут быть только художественным произведением, а получат космическую силу, и поэт из художника слова превратится в мага-заклинателя, стихи "После разлуки" своими мягкими и легкими ритмами, удивительными звуковыми сочетаниями, а главное, совсем простыми словами, проникают в душу и становятся близкими и любимыми» (Новая Русская Книга. 1922. № 10. С. 12).

К. Локс расценил новую теорию Белого как несостоятельную прежде всего потому, что она оказалась «плохо доказанной на опыте»: «А. Белый обосновывает мелодию прежде всего знаками препинания и соответствующей расстановкой слов на бумаге <...> подобные опыты автор начал довольно давно, удачно осуществив тот странный вид литературы, который не принадлежит ни прозе, ни поэзии. <...> "Песенник" написан как будто простыми словами, но почему-то в своем сочетании они приводят к поразительной безвкусице <...>» (Печать

и революция. 1923. Кн. 4. С. 259). Не принял экспериментов Белого и П. Журов, посвятивший разбору «После разлуки» статью «Смысл слова»: «Можно удивляться, как Белый не почувствовал всей мертвенности, всю разрубленность своих пьес, над которыми он проделал четвертование, вычерчивая интонационные рисунки» (Красная новь. 1923. Кн. 7 (декабрь). С. 279). В «лаборатории <...> миме-звукоделия», которую представляет собой книга Белого, Журов распознал «причудливо-утонченное психологически содержание»: «Мы вступаем в отвлеченную, субъективную вселенную Белого, которая, как расплавленное море, зыбится, напрягается и стынет в душе поэта. <...> Он носится в облачных сферах образно облеченных эмоций и идей, в мире символов и психологемм, в пределах личных и вмещенных в субъективное пространство состояний <...> поэт равно живет в единстве личных и космических сосуществований внутри своего большого "Я",— но эта творческая субстанция, по мнению критика, не имеет «особенного и прочного значения»: «Это — мучительные спазмы, недействительные, упавшие пространственными и звуковыми образами — преходящие состояния его души, которые он так же легко сбрасывает и забывает, как плод свою шелуху. У Белого нет естественного, от полноты и свободы рожденного, слова. Нет слова, действительно уравновешивающего и пронизывающего косную плоть мира так, чтобы стать ее внутренним стимулом, преображающим лучом. Это, может быть, подлинно страшно и трагично, когда мастеру мысли и слова, стремящемуся к синтетической поэзии и владеющему формальными средствами ее, не дано овладеть действенным смыслом слова» (Там же. С. 280, 281, 283).

349. *ПР.* С. 17—28.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* — как четыре самостоятельных стихотворения (№ 443, 445, 453, 459).

Цоссен — предместье Берлина. Берлин жил там в мае-июне 1922 г.

350. *ПР.* С. 29—30.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 479). Соотносится также со ст-нием «Зарницы» в *ЗВ* (№ 478).

351. *ПР.* С. 31—40.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 496).

Стихотворение представляет собой вариацию на тему стихотворения «Жизнь» (№ 90).

В статье «Смысл слова» П. Журов писал об этом стихотворении: «В ряде очень изящных пьес заключены картины умопостигаемого космоса (Полярное море), в которых образы и движения суть внешне осмысленные символы внутренних состояний поэта» (Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 282).

352. *ПР.* С. 41—44.

СБ. С. 246—247. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева», под заглавием «Могила». Помета под текстом: «1902—1922 гг. Москва — Цоссен». С изменениями в делении на строки; варианты — вместо ст. 15—18: «Часовня бедная / В долине снеговой / Сметает иней, — / Часовня бледная»; ст. 31: «Уносится».

Стихотворение представляет собой переработку стихотворения «Призыв» (№ 102).

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 569).

353. *ПР.* С. 45—47.

СБ. С. 486—487. В разделе «После Звезды», без заглавия. Помета под текстом: «1922 г. Май. Цоссен». С изменениями в делении на строки и со строфическими интервалами; вариант — вместо ст. 22: «Потому что / Хочется в брызнь».

Стык. Первый сборник стихов Московского цеха поэтов. М., 1925. С. 53. Без заглавия, в составе ст. 1—17, с изменениями в делении на строки; варианты — вместо ст. 1—3: «Я — словом так немощно нем...»; вместо ст. 6—7: «Рассказываю вам всем».

Вошло (с изменениями в делении на строки и строфы) в *ЗВ* (№ 503).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 3. Под текстом: «Андрей Белый. Москва ноября 14. 1923 года. Москва». Текст совпадает с текстом сборника «Стык».

354. Голос России (Берлин). 1922. № 1067, 24 сентября. С. 6. Без заглавия. *ПР.* С. 48—50.

СБ. С. 484—485. В разделе «После Звезды», без заглавия. Помета под текстом: «1922 г. Май. Цоссен». С изменениями в делении на строфы и строки; варианты — ст. 14—15: «Остывающая, / Серебряная, остуженная вода — »; ст. 18: «Что-то под ноги замирающее».

Исправленная редакция вошла в *ЗВ* (№ 483).

«Тебе одна дорога, а мне / — Другая!» — Видимо, эти строки отражают содержание и характер объяснений Белого и А. Тургеневой в марте—апреле 1922 г. перед разрывом. «...Я сочла нужным показать ему жизненно, что мы жизненно разошлись», — вспоминает об этом А. Тургенева в письме к Н. В. Валентинову-Вольскому (Струве Г. К биографии Андрея Белого: А. Белый и А. А. Тургенева // Annali. Sezione slava. Napoli, 1970. С. 65).

***355.** *ПР.* С. 51—53.

СБ. С. 481—483. В разделе «После Звезды», под заглавием «Голос из прошлого». Помета под текстом: «1922 г. Май. Цоссен». С изменениями в делении на строки; варианты строк.

Переработанная редакция вошла в *ЗВ* (№ 497).

Стихотворение представляет собой вариацию на тему стихотворения «На закате» (№ 116).

356. Голос России. 1922. № 1085, 15 октября. С. 5. Помета под текстом: «Цоссен. Май 22 года». *ПР.* С. 54—56.

Вошло (с изменениями в пунктуации) в *ЗВ* (№ 596).

357. Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 47. С делением на пять четверостиший; вариант — ст. 1—2: «Мы безотчетные: безликою судьбой».

Голос России. 1922. № 914, 12 марта. С. 5. Текст — как в «Записках мечтателей»; варианты — строфа I, ст. 4: «Прозрачно носимся, как в дымках папиросы»; строфа IV, ст. 4: «Во всех отличиях — все то же, то же, то же...»; дополнительная заключительная строфа — как в *СБ.*

ПР. С. 57—59.

СБ. С. 473—474. В разделе «После Звезды». Помета под текстом: «1921 г. Январь. Москва. Больница». С делением на пять строф (ст. 1—17 — как два четверостишия, 3-я строфа — ст. 18—26, 4-я — ст. 27—30, 5-я — ст. 31—40); вариант — ст. 1—2: как в первой публикации; дополнительная заключительная строфа:

Неуверение — грызет, грызет меня...
Неуверением часы и дни измерю.
Неуверением не уверяюсь я:
В неуверение неверное — не верю.

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии»; датировка: «1921». С дополнительной заключительной строфой — как в *СБ*.

Автограф 1 — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8. Вариант ст. 11: «Сложимся над пологом окна». Датировка: «21 года»; подпись: «А. Белый». Автограф 2 (черновик) — Там же. Л. 9. Варианты — ст. 12—13: «Мы майей месячной, мы брошенною брызнью / Всего на миг один — / — ведь ночь длинна — / Длинна!) —»; ст. 25: «Слагает ворохи». Датировка: «Январь. 21 года Больница». С делением на строфы — как в *СБ*; вариант — ст. 1—2: как в первой публикации; на обороте — черновые наброски текста. Автограф 3 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 6а. Датировка: «21 года. Январь. Больница». В форме пяти четверостиший; вариант — ст. 1—2: как в первой публикации.

...Над Майей месячной... — см. примеч. 348 (гл. 1).

***358.** Эпопея. 1922. № 1. С. 25. Под заглавием «Асе». Помета под текстом: «Москва. Больница. 1921». С делением на пять шестистиший.

ПР. С. 60—61. Опечатка — ст. 16 («больничий» вместо: «больничный»).

СБ. С. 475—476. В разделе «После Звезды», под заглавием «Нелли». Помета под текстом: «1921 г. Январь. Больница. Москва». С делением на одиннадцать строф.

Вошло в *ВС*, в раздел «Урна. Тристии»; датировка: «1921». В форме пяти четверостиший.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 5—5 об. 1-е стихотворение — под заглавием «Асе»; в составе четырех четверостиший, первые два соответствуют ст. 1—11 *ПР*, 4-е — дополнительной строфе стихотворения «Бессонница» в *СБ* (см. № 357). 2-е стихотворение — под заглавием «Больница» (заглавие вписано карандашом); в составе четырех четверостиший, 1-е, 2-е и 4-е соответствуют ст. 12—30 *ПР*. Разделено на два стихотворения после фиксации единого текста; датировка 1-го: «21 года. Больница» (карандашом), датировка 2-го: «Больница. 21 года. Январь».

Палата номер шесть... — Название повести А. П. Чехова «Палата № 6» (1892) в данном случае подкреплено непосредственными жизненными впечатлениями; в письме к А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г. Белый сообщал: «В декабре я упал в ванне и 10 дней таскался в Москву из-под Москвы, пока не сделалось воспаление надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробил крестец; меня сволокли в больницу, где я 2 1/2 месяца лежал, покрытый вшами» (Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967. С. 306). Ср. запись Белого о декабре 1920 г.: «... падаю в ванне, ломаю копчик и попадаю в лечебницу» (Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 107). В Диагностическом институте (бывшая лечебница Слетова на Садовой-Триумфальной) Белый находился с конца декабря 1920 г. до конца января 1921 г., после чего был переведен в лечебницу Майкова (Тверская ул., Благовещенский пер.), откуда вышел в марте.

Оскаленная смерть в кровавом «Галлифе»... — Галифе — военные брюки, облегающие голени и расширяющиеся кверху, названы по

имени французского генерала маркиза Гастона де Галифе (Galliffet; 1830—1909), отличившегося особой жестокостью при подавлении Парижской Коммуны 1871 г., который ввел их для кавалеристов.

359. Эпопея. 1922. № 1. С. 26. Под заглавием «Асе». Помета под текстом: «Берлин, 1922». С делением на шесть четверостиший (каждое соответствует шести строкам текста *ПР*).

ПР. С. 62—64.

СБ. С. 479—480. В разделе «После Звезды», под заглавием «Тень теней». Помета под текстом: «1922 г. Февраль. Берлин». С изменениями в делении на строфы и строки.

***360.** *ПР.* С. 65—94.

СБ. С. 493—506. В разделе «После Звезды». Помета под текстом: «1922 г. Июнь. Цоссен». Ремарка под заглавием: «(выкрикивается в форточку)». С делением на девятнадцать частей (часть 7-я текста *ПР* слита с 8-ой, 13-я — с 14-й; 20-я часть разбита на две — 18-ю и 19-ю); с изменениями в делении на строфы и строки; варианты строк.

Части 1—4 в переработанном виде вошли в *ЗВ* (№ 489).

В статье П. Журова «Смысл слова» стихотворение расценивается как «мимолетящие блики мелькнувших, может быть, и очень острых, переживаний; — почти едва записанные, слишком поспешно выброшенные и, наконец, заключенные в неприемлемую обертку — кому это нужно, зачем — гримасы трагического паяца» (Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 282).

361. Эпопея. 1922. № 2. С. 12—15. Помета под текстом: «Цоссен. Май 1922 года». Варианты — 2-я часть, строфа IV, ст. 1: «Взошел — мелколесием еловым»; 3-я часть, строфа I, ст. 4: «Все — голубой базальт»; 4-я часть, строфа II, ст. 1: «Вспыхивай глазами молний,— тучи».

ПР. С. 95—101. Опечатки — в ст. 3 строфы III 3-й части отсутствует слово «ледыни»; 4-я часть, строфа V, ст. 1 («Чтобы» вместо: «Чтоб»).

СБ. С. 488—492. В разделе «После Звезды». Помета под текстом: «1922 г. Июнь. Цоссен». С изменениями в делении на строфы и строки; варианты — 1-я часть, строфа II, ст. 2: «Там — там — в былом...»; 3-я часть, строфа I, ст. 4: «Все голубой базальт»; строфа III, ст. 1: «Откуда он опрокинутые / Твердыни».

Строфа I 1-й части в переработанном виде вошла в *ВС*, как 22-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1901»:

> Знаю все: разорвут ураганы,
> Грозовые охватят огни.
> Я — беззвучно взираю в туманы,
> Раздираю одежды свои.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 558).

Автограф (машинопись с правкой) — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 1—3 Текст совпадает с текстом «Эпопеи»; первоначальные варианты 3-й части — строфа III, ст. 1: *а* «Откуда он — опрокинутые твердыни», *б* «Он — опрокинутые твердыни»; ст. 3: *а* «Откуда — там подкинутые ледыни», *б* «Там подкинутые ледыни».

362. *ПР.* С. 102—122.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 561).

***363.** Эпопея. 1922. № 2. С. 11. Под заглавием «Марине Цветаевой». Первоначальная редакция текста. *ПР.* С. 123.

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 464).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 4. Текст совпадает с текстом первой публикации. Первоначальный вариант ст. 9: «В неосязаемые угодия».

Заглавие: С поэтессой Мариной Ивановной *Цветаевой* (1892—1941) Белый общался в Берлине в 1922 г., тогда же опубликовал статью о ней «Поэтесса-певица. "Разлука", стихотворения Марины Цветаевой» (Голос России. 1922. № 971, 21 мая). См. мемуарный очерк Цветаевой «Пленный дух. (Моя встреча с Андреем Белым)» (Современные Записки. Париж, 1934. Кн. 55; Цветаева Марина. Собр. соч. В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 221—270), а также: Саакянц Анна. Встреча поэтов. Андрей Белый и Марина Цветаева // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 367—385.

ПЕПЕЛ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Книга «Пепел. Стихи» (М., 1929) была выпущена в свет издательством «Никитинские субботники» в начале ноября 1929 г. Печатается по тексту этого издания. 17 стихотворений, не имеющих существенных разночтений с теми редакциями текста, которые представлены в первом издании «Пепла», не воспроизводятся; они обозначены в общей композиции книги в настоящем издании заглавием и отсылкой к ранее опубликованному тексту (незначительные варианты по отношению к нему отмечены в примечаниях).

Изданию 1929 г. предшествовали две не вышедшие в свет переработанные и смакетированные автором редакции книги «Пепел» (СПб., 1909) — редакция 1921 г. (*Пепел-21*: Пепел. Сборник стихотворений (1905—1907) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 6. Автографы и машинопись с авторской правкой) и редакция 1925 г. (*Пепел-25:* Пепел. Избранные стихи 1904—1908 гг. // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8. Автографы).

В издание 1929 г. включено 78 стихотворений, из них 16 в первом издании «Пепла» отсутствовали (2 стихотворения ранее были опубликованы в «Золоте в лазури», 2 — в «Урне», остальные 12 — новые стихотворения или ранее не публиковавшиеся и доработанные при подготовке книги). В примечаниях к переработанным стихотворениям указывается, переработкой каких стихотворений они являются, а источники текста, помимо издания 1929 г., фиксируются лишь в тех случаях, когда варианты из них приводятся в разделе «Другие редакции и варианты» под номером переработанного стихотворения.

Единственный выявленный отзыв на книгу — статья А. Селивановского «Пепел» (Литературная газета. 1929. № 34, 9 декабря. С. 3). В ней отрицалась правомерность авторских претензий на продолжение «линии Некрасова»: « ...*"органическое созвучие" с Некрасовым оказалось <...> мистификацией*, ничего общего с подлинным развитием некрасовской линии в поэзии не имеющей. И это тем более, что мотивы некрасовского социального гнева и социального протеста трансформировались в "Пепле" в мотивы общественной покорности, бунтарства "в духе" и индивидуалистического анархизма»; «"Пепел"

есть выражение идеалистического извращения некрасовской линии». В целом книга Белого изобличалась, по нормам идеологического официоза тех лет, как явление реакционное, органически входящее «в поток ренегатской литературы <...> времени революции 1905 года»: «Образы "Пепла" порождены разочарованием в революции, уходом в себя, разрывом с общественным движением, утратой точки социальной опоры, видением революции сквозь призму мистики, идеализацией индивидуалистического бунтарства, переключенного в план "духовный" и уводящего к "мирам иным"» — и т. д.

ГЛУХАЯ РОССИЯ

364. *Пепел-29.* С. 13—14. Переработанная редакция ст-ния «Родина» (№ 144).

365. *Пепел-29.* С. 15. См. № 129.

366. *Пепел-29.* С. 16—17. См. № 126.

367. *Пепел-29.* С. 18—19. См. № 127.

368. *Пепел-29.* С. 20—22. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 216).

369. *Пепел-29.* С. 23—24. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 140).

370. *Пепел-29.* С. 25. Переработанная редакция четырех строф ст-ния «Бегство» (№ 216).

371. *Пепел-29.* С. 26—27. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 204).

372. *Пепел-29.* С. 28—32. Переработанная редакция стихотворений «Каторжник» (№ 133; 1-я, 2-я, 4-я, 5-я части), «Путь» (№ 219; 3-я часть), «Бурьян» (№ 135; строфы I, II 4-й части).

373. *Пепел-29.* С. 33—34. Составлено из семи строф (VII, XII, XXII, XVI, XVII, XIII, XXIII; XII строфа с вар., XXIII строфа переработана) ст-ния «Телеграфист» (№ 130).

374. *Пепел-29.* С. 35—36. См. № 124.

375. *Пепел-29.* С. 37—38. Первая публикация текста.

376. *Пепел-29.* С. 39—40. Переработанная редакция ст-ния «Полевой пророк» (№ 183).

377. *Пепел-29.* С. 41—43. Переработанная редакция ст-ния «Станция» (№ 132).

378. *Пепел-29.* С. 44—45. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 181).

379. *Пепел-29.* С. 46—47. См. № 131.

380. *Пепел-29.* С. 48—49. См. № 141.

381. *Пепел-29.* С. 50—52. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 128).

382. *Пепел-29.* С. 53—55. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 130).

383. *Пепел-29.* С. 56—57. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 143).

384. *Пепел-25.* В разделе «Город». Датировка: «1905—1925».

Пепел-29. С. 58—59. Опечатка в ст. 25 («Сроки» вместо: «Скоки»); исправлена Белым в экземпляре, подаренном П. Н. Сакулину (Биб-

лиотека ИРЛИ, 10 2/11). Первая публикация текста. Соотносится, возможно, со стихотворением «Успокоение» (№ 224).

МЕРТВЫЙ ГОРОД

385. *Пепел-25.* В разделе «Город», без заглавия. Помета под текстом: «07—25. Москва». Вариант — строфа II, ст. 3: «С площади в улицы льются».

Пепел-29. С. 63. Первая публикация текста.

Гул: «Подымайся... Вставай...» — «Вставай, подымайся, рабочий народ!», строка припева «Новой песни» («Отречемся от старого мира!..», 1875), исполнявшейся на мелодию «Марсельезы»; эта революционная песня после Февральской революции (по октябрь 1917 г.) была официальным гимном. См.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С 215—216, 466—467 (примечания В. Е. Гусева).

386. *Пепел-25.* В разделе «Город», без заглавия. Датировка: «07—25».

Пепел-29. С. 64. Первая публикация текста.

387. *Пепел-29.* С. 65. Переработанная редакция ст-ния «Похороны» (№ 176).

388. *Пепел-29.* С. 66—67. Первая публикация текста.

Тема ст-ния — подавление вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. Георгий Александрович *Мин* (1855—1906) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Семеновского полка; руководил карательной экспедицией в Москве в декабре 1905 г.

389. *Пепел-25.* В разделе «Город». Помета под текстом: «06—25. Москва».

Пепел-29. С. 68—69. Первая публикация текста.

Бросила красная Пресня... — Красная Пресня (до 1918 г. Пресня, по названию речки), район в западной части Москвы; место упорных боев в дни декабрьского восстания 1905 г. *Дети семьи трудовой!* — Строка из революционной песни Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу!..», 1896 или 1897). См.: Песни русских поэтов. В двух томах. Л., 1988. Т. 2. С. 286—287, 474—475 (примечания В. Е. Гусева).

390. *Пепел-25.* В разделе «Город». Датировка: «06—25».

Пепел-29. С. 70. Первая публикация текста.

Отклик на поражение России в русско-японской войне 1904—1905 гг. Ивао *Ояма* (1842—1916) — маршал, во время русско-японской войны главнокомандующий сухопутными вооруженными силами Японии в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове.

391. *Пепел-29.* С. 71—72. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 172).

392. *Пепел-25.* В разделе «Город». Помета под текстом: «06. Москва».

Пепел-29. С. 73—74. Первая публикация текста.

Строфы V—VIII приводятся в кн.: Белый Андрей. Маски. М., 1932. С. 111.

393. *Пепел-29.* С. 75—76. Переработанная редакция ст-ния «Пока над мертвыми людьми...» (№ 177).

394. *Пепел-29.* С. 77. Переработанная редакция ст-ния «Меланхолия» (№ 166).

395. *Пепел-29.* С. 78—79. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 169).

396. *Пепел-29.* С. 80. См. № 167.

397. *Пепел-29.* С. 81. Переработанная редакция трех строф ст-ния «Вакханалия» (№ 173).

398. *Пепел-29.* С. 82—83. См. № 174.

399. *Пепел-29.* С. 84—86. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 165).

400. *Пепел-29.* С. 87—90. Переработанная редакция ст-ния «Старинный дом» (№ 164).

401. *Пепел-29.* С. 91—92. Переработанная редакция ст-ния «В летнем саду» (№ 178).

402. *Пепел-29.* С. 93—94. См. № 168.

403. *Пепел-29.* С. 95. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 179).

404. *Пепел-29.* С. 96. Переработанная редакция ст-ния «Прохождение» (№ 180).

405. *Пепел-29.* С. 97—99. Переработанная редакция стихотворений «Успокоение» (№ 187; 1-я и 2-я части) и «В темнице» (№ 189; 3-я часть).

406. *Пепел-29.* С. 100—101. Первая публикация текста. Восходит к ст-ниям «На бутрах» (№ 184), «Полевое священнодействие» (№ 185), «Последний язычник» (№ 186).

В переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 587).

407. *Пепел-29.* С. 102—103. См. № 182.

408. *Пепел-29.* С. 104. Переработанная редакция ст-ния «Утро» (№ 190).

409. *Пепел-29.* С. 105. Переработанная редакция 2-й части ст-ния «Успокоение» (№ 224).

410. *Пепел-29.* С. 106. См. № 308.

В ПОЛЯХ

411. *Пепел-29.* С. 109—110. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 136).

***412.** Восходит к 2-й и 3-й частям цикла «Три стихотворения» (№ 15—17).

СС. С. 31. В разделе «1902 год», под заглавием «Весна». Помета под текстом: «1902—1914. Москва». В составе строф I—III; варианты.

СБ. С. 22. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях», без заглавия. Помета под текстом: «1902 г. Апрель. Москва».

Пепел-25. В разделе «Деревня». Помета под текстом: «02. Москва».

Пепел-29. С. 111.

Вошло в *ВС*, как 16-я часть цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1902». Варианты — строфа I, ст. 2: «Зардели кресты колоколен»; строфа IV, ст. 1—2: «Поет облетающий лес / Нам голосом старого барда».

В исправленной редакции вошло в *ЗВ* (№ 474).

413. *Пепел-29.* С. 112—113. Переработанная редакция ст-ния «Город» (№ 198).

Исправленная редакция одноименного ст-ния вошла в *ЗВ* (№ 576).

414. *Пепел-29.* С. 114—115. См. № 215.

415. *Пепел-29.* С. 116—117. Переработанная редакция ст-ния «Время» (№ 282).

416. *Пепел-29.* С. 118. Переработанная редакция четырех строф ст-ния «Поповна» (№ 197).

В исправленной редакции вошло в *ЗВ* (№ 473).

417. *Пепел-29.* С. 119. Первая публикация текста.

Вошло в один из неавторизованных экземпляров *ЗВ* (частное собрание), с изменениями в делении на строфы и строки; вариант — строфа IV, ст. 3: «Восклицает / Поутру — » (текст опубликован: Белый А. Ст-ния III. Примечания к ст-ниям. München, 1982. С. 392—393).

418. *Пепел-29.* С. 120—121. Переработанная редакция ст-ния «Свидание» (№ 146).

419. *Пепел-29.* С. 122—123. Переработанная и сокращенная редакция одноименного ст-ния (№ 197).

420. *СБ.* С. 40. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях». Помета под текстом: «1907 г. Июль. Серебряный-Колодезь» (ошибочно обозначен год; правильно: 1908). Текст восходит (строфы I—III) к строфам VI, XIII, II ст-ния «Стар» (№ 147) и (строфа IV) к строфе VII ст-ния «Свидание» (№ 146).

Пепел-21. В разделе «В полях», первоначальное заглавие «Ревность». Помета под текстом: «1907 <так!>. Серебряный-Колодезь».

Пепел-25. В разделе «Деревня». Помета под текстом: «09 <так!>. Серебряный-Колодезь».

Пепел-29. С. 124.

421. *Пепел-29.* С. 125—126. См. № 206.

422. Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 44—45. Без деления на части. Вариант — 1-я часть, строфа I, ст. 4: «В летенник легкий улетают». С подстрочными примечаниями — 1-я часть, строфа II, ст. 2 («лапником»): «Ветвь (народное выражение)»; 2-я часть, строфа II, ст. 4 («над логом»): «Овраг»; 3-я часть, строфа I, ст. 3 («лазня»): «Лазейка, щель, проход (Нар. выр.)»; 4-я часть, строфа I, ст. 4 («лазулиты»): «Топазы».

Пепел-29. С. 127—128.

В исправленном виде вошло в *ЗВ* (№ 472).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 18—19. С подстрочными примечаниями — как в первой публикации.

423. *Пепел-29.* С. 129—130. См. № 199.

424. *Пепел-29.* С. 131—132. См. № 229.

425. *Пепел-25.* В разделе «Деревня», первоначальное заглавие: «Пустой дом»; датировка: «03—25». Вариант — строфа IV, ст. 4: «Проблекнут из мглы».

Пепел-29. С. 133—134. Первая публикация текста.

Вариация на тему ст-ния «Заброшенный дом» (см. № 45 и примеч.).

426. *Пепел-29.* С. 135—136. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 157).

427. *СБ.* С. 88. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Помета под текстом: «1908 г.[1] Июль. Серебряный-Колодезь».

---

[1] В издании опечатка: «1903 г.»

Текст восходит (строфы I—III) к строфам V—VII ст-ния «После венца» (№ 163) и (строфа IV) к строфе V ст-ния «Мать» (№ 160).

Пепел-21. В разделе «В полях».

Пепел-25. В разделе «Деревня», первоначальное заглавие: «Тень»; помета под текстом: «08. Серебряный-Колодезь».

Пепел-29. С. 137—138.

Вошло (с изменениями в делении на строки) в *ЗВ* (№ 477).

428. *Пепел-29.* С. 139—141. Текст восходит к одноименному стихотворению (№ 159; 2-я и 3-я части), а также к ст-ниям «Калека» (№ 156; 1-я часть) и «Свадьба» (№ 162; заключительная строфа 1-й части).

ЗЛАЯ ДЕРЕВНЯ

429. *Пепел-29.* С. 145—146. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 125).

430. *Пепел-29.* С. 147—148. См. № 145.

431. *Пепел-29.* С. 149—150. Переработанная редакция шести строф ст-ния «Стар» (№ 147).

432. *Пепел-29.* С. 151—152. См. № 148.

433. *Пепел-29.* С. 153—157. Переработанная редакция стихотворений «Предчувствие» (№ 149 — 1-я часть), «Убийство» (№ 150 — 2-я часть), «Бегство» (№ 151 — 3-я часть), «В городке» (№ 152 — 4-я часть).

434. *Пепел-29.* С. 158—160. Переработанная редакция ст-ния «Веселье на Руси» (см. № 137 и примеч.).

435. *Пепел-29.* С. 161—163. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 154 — 1-я и 2-я части) и ст-ния «С высоты» (№ 155 — 3-я часть).

436. *Пепел-29.* С. 164—166. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 135).

437. *Пепел-29.* С. 167—168. См. № 314.

***438.** *Пепел-25.* В разделе «Деревня». Помета под текстом: «06. Дедово». Варианты строк.

Пепел-29. С. 169—174. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 138).

439. *Пепел-29.* С. 175—176. Переработанная редакция ст-ния «Хулиганская песенка» (№ 218).

***440.** *Пепел-25.* В разделе «Деревня». Варианты строк.

Пепел-29. С. 177—180. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 142).

441. *Пепел-29.* С. 181—183. См. № 139.

ЗОВЫ ВРЕМЕН

Книга, сформированная в 1931 г. в основном из переработанных (зачастую радикальным образом) ранних стихотворений, не была опубликована при жизни автора. Была задумана и подготовлена как первый том итогового собрания стихотворений (второй том, под заглавием «Звезда над урной», не был подготовлен Белым, сохранился

лишь подробный проект его содержания и композиции с указанием источников текстов стихотворений, намеченных для включения; см. с. 566—570 т. 2 наст. изд.). Авторизованный макет книги «Зовы времен» сохранился в архиве Андрея Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9. 179 лл.: беловой автограф с правкой; несколько стихотворений — в виде списков, сделанных рукой К. Н. Бугаевой); рукописный титульный лист с пояснением Белого: « *"Зовы времен"*. Сборник стихов. *Первый том собр<ания> стихов*, отредактированный автором для посмертного собрания сочинений. Рукопись цельная (без изъяна) 356 стр.»; над текстом — приписка Белого: *«В печати не был»*. Тексты стихотворений К. Н. Бугаева сопроводила пометами, указывающими на предшествовавшие публикации включенных в книгу стихотворений и на стихотворения, послужившие первоисточником для новых, кардинально переработанных редакций.

По этому источнику книга впервые в полном объеме опубликована в 1982 г. Дж. Малмстадом: *Стихотворения II.* С. 143—351. Печатается по тексту этого издания, с отдельными уточнениями и исправлениями по авторизованному макету. В примечаниях указываются только публикации стихотворений (в редакции «Зовов времен»), предшествовавшие публикации книги в упомянутом издании.

Отдельные стихотворения из «Зовов времен» были опубликованы в посмертных изданиях Белого (*Стихотворения 1940, СП*). 40 стихотворений (Андрей Белый. Стихотворения из книги «Зовы времен») напечатаны С. Д. Ворониным в кн.: Река времен. Кн. 3. Труды. Творения. Художества. М., 1995. С. 202—246. В предисловии к этой подборке предшествовавшая ей полная публикация книги не упомянута.

В неполном объеме и с отдельными дефектными листами экземпляр «Зовов времен» (список рукой К. Н. Бугаевой) сохранился в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 8. 98 лл.); на л. 1 — пояснительные записи К. Н. Бугаевой: «Первый том стихов Андрея Белого. «Золото в лазури» (заново отработанный экземпляр). Интонационная расстановка строк не везде выверена (см. экземпляр автора)». В архиве Андрея Белого сохранился также экземпляр «Зовов времен» в виде авторизованного списка рукой К. Н. Бугаевой (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 143. 180 лл.).

Посвящение. Зачеркнутый первоначальный вариант (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4 об.):

«Посвящаю с любовью и благодарностью
этот том стихов —
Клавдии Николаевне
Васильевой, —
— без которой не осуществилась
бы никогда эта работа.
Андрей Белый.
Кучино. 25 февраля. 1931 г.»

Клавдия Николаевна *Бугаева* (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева; 1886—1970) — вторая жена Андрея Белого (официально — с 18 июля 1931 г.), деятельница Антропософского общества; после смерти Белого — систематизатор и исследователь его литературного наследия, автор воспоминаний о нем (см.: Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публикация, предисловие и комментарий

Джона Малмстада. Подготовка текста Е. М. Варенцовой и Джона Малмстада. СПб., 2001).

Вместо предисловия. *...Анатолий Бурнакин, назвав книгу «Сусалом в синьке».* — В статье «От Сциллы к Харибде и оттуда... в пролет двух стульев» критик, журналист и поэт Анатолий Андреевич Бурнакин (?—1932) писал: «Образцы художественного неправдоподобия окрасок часты у А. Белого, который всаживает в свои стихи решительно все существующие в мире драгоценные каменья и выкрашивает ими чахоточные дали Севера. В красочном отношении "Золото в лазури" для меня всего-навсего — *сусало в синьке*» (Белый Камень. Альманах первый. М., 1907. С. 104). *...полотен Штука и Беклина...* — Франц фон Штук (1863—1928) — немецкий живописец, скульптор и график, представитель стиля «модерн». Арнольд Беклин (1827—1901) — швейцарский живописец, представитель символизма и стиля «модерн». В юношеские годы Белый проявлял обостренный интерес к творчеству обоих мастеров. *...рукопись — пропала.*— Переработанная редакция «Золота в лазури» (под заглавием «Набат времен» или «Зовы времен»), представленная в московское издательство В. В. Пашуканиса, была утрачена после ареста Пашуканиса (расстрелян большевиками в 1919 г.) и ликвидации издательства. См.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 583. *...Тредьяковский будущего Пушкина... шаг вперед: от Кантемира.*— Прослеживаемая эволюция от князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708—1744) к Василию Кирилловичу Тредиаковскому (1703—1768) и далее к А. С. Пушкину подразумевает и переход от силлабической системы стихосложения к силлабо-тонической, возобладавшей в русской поэзии в середине XVIII в. *...породивших «Вампуку».* — «Вампука, невеста африканская», пародийная комическая опера В. Г. Эренберга на либретто М. Н. Волконского, поставленная Р. А. Унгерном в театре «Кривое зеркало» в 1909 г.; имела шумный успех. Словом «вампука» после этого обозначали театральные несуразицы, нелепые сценические положения.

ЛЕТНИЕ БЛЕСКИ

442. *Стихотворения 1940.* С. 225. *СП.* С. 495. До формирования *ЗВ* не печаталось.

443. Соотносится с 6-й частью стихотворения «Весенняя мелодия» (№ 349).

444. Исправленная редакция ст-ния «Асе» (№ 334).

445. Соотносится с 1-й и 2-й частями стихотворения «Весенняя мелодия» (№ 349).

446. *Стихотворения 1940.* С. 228—229. *СП.* С. 476—477. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 7 об.— 8. Вариант — строфа IV, ст. 3: «Целительно расплесканные силы».

447. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки и строфы) с текстом ст-ния «Жизнь» (№ 329).

448. Исправленная редакция одноименного ст-ния (№ 324).

449. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки и строфы) с текстом одноименного ст-ния (№ 330).

450. Новые стихи. Сб. 2. М., 1927. С. 8. Датировка: «1926». Варианты — строфа II, ст. 1—2: «Мне снова юностно: в душе,— в душе, кликуше — / Былые мглы и дни раздельно прочтены».

451. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Мои слова» (№ 120).

452. Новые стихи. Сб. 2. М., 1927. С. 7. Датировка: «1926 г.». Варианты — строфа II, ст. 1: «Века, а не года,— в расширенной минуте»; строфа III, ст. 1: «Взломалась, хлынула,— в туск, в темноту тумана».

453. Соотносится с 3-й частью стихотворения «Весенняя мелодия» (№ 349).

454. Исправленная редакция стихотворения «Антропософии» (№ 319).

455. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со 2-й частью цикла «Бальмонту» (№ 1—3).

456. День поэзии. М., 1965. С. 219 (без строфы IV). *СП.* С. 474—475. До формирования *ЗВ* не печаталось.

457. *Стихотворения 1940.* С. 227. С посвящением К. Н. Бугаевой. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 7. Варианты — строфа I, ст. 2: «И не звезды изы́скренный алмаз»; строфа III, ст. 2: «Ты надо мною, молодая Геба»; строфа IV, ст. 2: «И лепет лоз в серебряные всходы».

458. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 3-й частью цикла «Бальмонту» (№ 1—3).

459. День поэзии. М., 1965. С. 218 (в неисправной редакции). Соотносится с 5-й частью стихотворения «Весенняя мелодия» (№ 349).

460. Исправленная редакция ст-ния «Асе» (№ 331).

461. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки и строфы) с текстом ст-ния «Встречный взгляд» (№ 326).

462. До формирования *ЗВ* не печаталось. По свидетельству К. Н. Бугаевой, представляет собой «черновой вариант» стихотворения «Из бисерных высот» (№ 451).

463. *СП.* С. 492. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 3-й частью цикла «Бальмонту» (№ 1—3).

***464.** Переработанная редакция стихотворения «М. И. Цветаевой» (№ 363).

Автограф — в *ЗВ*, на ненумерованной странице. Другая редакция текста; зачеркнуто.

465. Исправленная редакция стихотворения «Крылатая душа» (№ 327).

466. *СП.* С. 537—538. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 262).

467. *СП.* С. 501—502. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Ясновидение» (№ 119).

468. Исправленная редакция стихотворения «Все забыл» (№ 206).

469. Переработанная редакция стихотворения «Прогулка» (№ 208).

470. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки) с текстом одноименного ст-ния (№ 335).

471. Переработанная редакция стихотворения «Кроткий отдых» (№ 207).

472. Исправленная редакция одноименного стихотворения (№ 422).

Автограф — в частном собрании; с подстрочными примечаниями — 1-я часть, строфа II, ст. 2 («лапником»): «особая форма ветвей (см. словарь Даля)»; 3-я часть, строфа I, ст. 3 («лазня»): «тропа (см. сл<оварь> Даля)»; строфа II, ст. 1 («ржавец»): «ручей (см. сл<оварь> Даля)»; строфа

III, ст. 3 («чирки»): «утята»; 4-я часть, строфа I, ст. 4 («лазулиты»): «драгоценный камень».

473. Исправленная редакция одноименного стихотворения (№ 416). См. также № 197 и примеч.

474. Исправленная редакция одноименного стихотворения (№ 412). См. также № 15—17 и примеч.

ТРЕПЕТЕНЬ

475. Исправленная редакция стихотворения «Все тот же раскинулся свод...», 1-го в цикле «Три стихотворения» (№ 15—17).

476. День поэзии. М., 1965. С. 220. *СП.* С. 503—505. Переработанная редакция стихотворения «Даль — без конца. Качается лениво...», 1-го в цикле «Закаты» (№ 7—9).

477. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки) с текстом одноименного ст-ния (№ 427).

478. Соотносится со ст-нием «Вечер» (№ 350).

479. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 350).

480. *СП.* С. 521. Переработанная редакция стихотворения «Жертва вечерняя» (№ 107).

481. *СП.* С. 499—500. До формирования *ЗВ* не печаталось.

482. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Осень» (№ 93).

483. Исправленная редакция стихотворения «Опять гитара» (№ 354).

484. *СП.* С. 520. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 1-й частью стихотворения «Вечный зов» (№ 11—13).

485. *СП.* С. 538—540. Переработанная редакция стихотворения «Вы — зори, зори!...» (№ 295).

486. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 34—35. До формирования *ЗВ* не печаталось. Строфы III—V, в форме трех четверостиший, приводятся в кн.: Белый Андрей. Начало века. М.; Л., 1933. С. 256 (с подстрочным примечанием: «Тоже поздняя редакция "Золота в лазури"»).

487. *Стихотворения 1940.* С. 232—233. *СП.* С. 480. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Пан (греч. миф.) — божество стад, лесов и полей; его атрибуты — свирель или двойная флейта.

488. *СП.* С. 481—482. До формирования *ЗВ* не печаталось.

...африканских стихов Гумилева.— Подразумеваются прежде всего стихотворения Николая Степановича Гумилева (1886—1921), составившие его книгу «Шатер» (Севастополь, <1921>; Ревель, <1922>). *...минарет Альгамбры...* — Альгамбра — старинная крепость арабских властителей в Испании на окраине Гранады со знаменитым дворцом (1213—1338) и внутренними дворами с садами и фонтанами.

489. Переработанная редакция частей 1—4 стихотворения «Маленький балаган на маленькой планете "Земля"» (№ 360).

490. Переработанная редакция стихотворения «Усмиренный» (№ 29).

491. Переработанная редакция стихотворения «Последнее свидание» (№ 30).

492. *СП.* С. 487—488. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с одноименным стихотворением (№ 269).

493. Текст совпадает с текстом одноименного ст-ния (№ 252), с изменениями в пунктуации.

494. *СП.* С. 495—496. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 118).

Автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 1. В форме двух четверостиший, соответствующих строфам I—III; последующий текст — в виде беглых черновых набросков. Варианты — строфа III, ст. 1: *а* «Серпом луны смелели небеса», *б* «Едва серпом юнели небеса»; строфа III, ст. 7—8: «На мелях, там, отпели нам сирены». Там же (л. 1 об.) — набросок начальных строк (под заглавием «Любовь»):

> («Да, может быть»)... У ног кипел прибой,
> («До нового») провеяв беспокоем...
> («Свидания»)... Но знали мы с тобой,

495. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворениями «Уж этот сон мне снился» (№ 83) и «Воспоминание» (№ 85).

496. Переработанная редакция стихотворения «О полярном покое» (№ 351).

497. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 355).

498. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 35—36. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Цихис-Дзири — прибрежный курорт под Батумом. Белый прожил там в апреле—июне 1927 г. в общей сложности более двух месяцев; он воспринимал эту местность как древнюю Колхиду, отразившуюся в мифе об аргонавтах (бывшего отправной точкой и для его собственного юношеского мифотворчества; см. примеч. 4—5). В письме к Иванову-Разумнику из Цихис-Дзири от 7 июня 1927 г. он признавался: «...эти места — места древнего *"Золотого Руна"*. Почему-то вспоминаю свое древнее стихотворение *"Аргонавты"* <...> я, старый аргонавт, после 25-летних скитаний приплыл-таки <...> к берегу страны Золотого Руна <...> здесь говорю *"да"* своему *"аргонавтизму"*» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 517). *Язон, Медея, Змей!..*— Согласно мифу об аргонавтах (греч. миф.), волшебница Медея, дочь царя Колхиды, страстно полюбившая предводителя аргонавтов Ясона, помогла ему овладеть сокровищем, усыпив волшебным зельем дракона, сторожившего золотое руно.

499. *СП.* С. 510—512. Переработанная редакция цикла «Золотое руно» (№ 4—5).

500. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Таинство» (№ 31).

501. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 84).

502. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Таинство» (№ 31).

503. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки и строфы) с текстом ст-ния «Поется под гитару» (№ 353).

ВОЗВРАТ

504. Переработанная редакция ст-ния «Родина» (№ 294).

505. *СП.* С. 482. До формирования *ЗВ* не печаталось.

506. Переработанная редакция ст-ния «Вещий сон» (№ 296).

507. День поэзии. М., 1965. С. 219 (в неисправной редакции). До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф 1 — *План 1925 года*; под заглавием «Весенний вечер», с делением на шесть четверостиший (в каждом — две строфы текста *ЗВ*); датировка: «1903—1923» (*Стихотворения II.* С. 97). Автограф 2 (машинопись) — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 32. Под заглавием «Июльская гроза»; датировка: «1923». Текст совпадает с текстом автографа 1. Автограф 3 — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 8—8 об. Под заглавием «Облако» (с пометой над текстом: «А ля *Золото в лазури*»); в составе строф I—IV, IX—XII; вариант — строфа I, ст. 3—4: «Немо звездеют стога».

Вариация на тему стихотворения «Гроза на закате» (№ 14).

508—517. 1. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 6. С делением на два четверостишия (в каждом — две строфы текста *ЗВ*). Вариант — строфа II, ст. 1: «И злого месяца».

2. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 2-й и 4-й частями цикла «Великан» (№ 55—59).

3. Переработанные строфы I, II ст-ния «Вечер» (№ 297).

4. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 5-й частью цикла «Великан» (№ 55—59).

Великана сутулого Ризы... — Образ из «Северной симфонии (1-й, героической)» (1900) Белого. См.: Белый Андрей. Симфонии. Л., 1991. С. 51—53.

5. Вариации на тему стихотворения «Сон» (№ 610), восходящего к стихотворению «Кентавр» (№ 67).

6. До формирования *ЗВ* не печаталось.

7. В качестве начальных строф использованы (с изменениями в пунктуации и делении на строки) строфы III, IV ст-ния «Вечер» (№ 297).

8. До формирования *ЗВ* не печаталось.

9. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Гном» (№ 86).

10. Переработанная редакция стихотворения «Я чую поблизости поступь гиганта...» (№ 609), восходящего к стихотворению «Пир» (№ 73).

518. До формирования *ЗВ* не печаталось.

519. *СП.* С. 491—492. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Не страшно» (№ 60).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16. Под заглавием «Тоска о дне», в составе строф III, V—VII. Варианты — строфа V, ст. 1—2: «Из немой мечты / Упадая здесь»; ст. 4: «Бирюзовый весь».

520. Андрей Белый. Начало века. М.; Л., 1933. С. 264. Без заглавия, с примечанием: «Поздняя переработка стихотворения из *Золота в лазури*». Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со 2-й частью цикла «Не тот» (№ 19—24).

521. *Стихотворения 1940.* С. 230. *СП.* С. 483—484. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Эпиграф — из вступления («У лукоморья дуб зеленый...», 1824—1825) к поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

522. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Битва» (№ 62).

523. Соотносится с одноименным циклом (№ 74—78) и его переработанными редакциями (№ 611, 612).

524. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 61).

525. *СП.* С. 521—524. Переработанная редакция стихотворения «На горах» (№ 64).

526. Соотносится с одноименным циклом (№ 79—81) и его переработанной редакцией (№ 613).

527. Соотносится со стихотворением «Вечерняя прогулка» (№ 28) и его переработанной редакцией (№ 607).

528. Текст (с изменениями в пунктуации и делении на строки и строфы) совпадает с текстом 1-й части ст-ния «Голос прошлого» (№ 292).

529. Текст (с изменениями в пунктуации и делении на строки и строфы) совпадает с текстом 2-й части ст-ния «Голос прошлого» (№ 292).

530. Переработанная редакция стихотворения «И опять, и опять, и опять...» (№ 291).

531. Исправленная редакция стихотворения «Перед старой картиной» (№ 289).

532. Текст совпадает с текстом одноименной баллады (№ 290), с изменениями в пунктуации и делении на строки и строфы.

533. Переработанная редакция 1-й части ст-ния «Близкой» (№ 293).

534. Переработанная редакция 2-й части ст-ния «Близкой» (№ 293).

535. До формирования *ЗВ* не печаталось.

*536. *СБ.* С. 477—478. В разделе «После Звезды». Помета под текстом: «1921 г. Октябрь. Ковно». Первоначальная редакция текста.

Дорнах — селение в Швейцарии, близ Базеля. В 1914—1916 гг. Белый участвовал там в строительстве антропософского центра — Гетеанума. *Нелли* — имя, под которым Белый изобразил в «Записках чудака» (1922) свою первую жену А. А. Тургеневу.

537. Исправленная редакция одноименного ст-ния (№ 301).

БЕЛЫЕ СТИХИ

538. Переработанная редакция одноименного лирического отрывка в прозе (*ЗЛ.* С. 179—183).

539. Переработанная редакция одноименного лирического отрывка в прозе (*ЗЛ.* С. 184—187).

540. Переработанная редакция одноименного лирического отрывка в прозе (*ЗЛ.* С. 197—210).

Цихис-Дзири — см. примеч. 498. *...покрытый шкурой Несса... Геракл.* — Геракл (греч. миф.) погибает, облачившись в хитон, пропитанный кровью убитого им кентавра Несса, которая превратилась в яд. *Ученого Пампана...* — Пампан — выдуманный С. М. Соловьевым исследователь «секты блоковцев» из XXII века; он и другое аналогичное лицо, *Лапан,* служили предметом для пародий-импровизаций и юмористического игрового общения Белого, С. Соловьева, А. Блока и членов его семьи в 1904—1905 гг. См.: Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 377—381; Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн. 1. С. 386—387. *Рябушинский Николай* Павлович (1876—1951) — капиталист-меценат и

художник-дилетант; издавал в 1906—1909 гг. в Москве модернистский журнал «Золотое Руно». «*Виль-с ду — / Шиш!*» — Willst du (нем.) — Хочешь ли ты?

541. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Кайруан — город в Тунисе; Белый посетил его 26—27 февраля 1911 г. (см.: «Африканский дневник» Андрея Белого / Публикация С. Воронина // Российский Архив. I. М., 1991. С. 331—359; Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 372—376).

ЧЕРЧ ТЕНЕЙ

542. *СП.* С. 485. До формирования *ЗВ* не печаталось.

543. *СП.* С. 493—494. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Одиночество» (№ 88).

544. *СП.* С. 519—520. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 4-й и 5-й частями цикла «Не тот» (№ 19—24).

***545.** До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 8. Первоначальная редакция текста.

546. До формирования *ЗВ* не печаталось.

547. *СП.* С. 475—476. До формирования *ЗВ* не печаталось.

548. *СП.* С. 500. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворениями «Один» (№ 606), «Одиночество» (№ 113) и 1-й частью цикла «Блоку» (№ 110—112).

549. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 1-й частью цикла «Не тот» (№ 19—24) и циклом «Блоку» (№ 110—112); приписка К. Н. Бугаевой к тексту в макете *ЗВ*: «Почти нельзя указать на отд<ельное> стих<отворение>, даже как на «тему». Расплавленность».

550. *СП.* С. 485—487. До формирования *ЗВ* не печаталось.

551—557. *СП.* С. 513—518.

1. Переработанная редакция стихотворения «Маг» (№ 66).

2. Переработанная редакция стихотворения «Созидатель» (№ 226).

«Скорпион» — московское символистское издательство (1900—1916); Брюсов принимал ближайшее участие в его деятельности.

3. Соотносится со ст-нием «Маг» (№ 227). В макете *ЗВ* — зачеркнутая заключительная строфа (в исправленном виде включенная в стихотворение «Демон»; см. № 564, строфа II):

> Блистай в мирах, как месяц млечный,
> Летая мертвой головой!
> Истай, как прах, как страх извечный,
> Над этой бездной роковой!

4. До формирования *ЗВ* не печаталось.

5. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 7—7 об.

6. Переработанная редакция стихотворения «Встреча» (№ 228).

Эпиграф — из стихотворения Брюсова «Андрею Белому» (см. примеч. 228).

7. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Поэт» (№ 225).

558. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 361).

Ворон... Вотана... — Вотан (герм. миф.) — верховный бог, которому служат хтонические звери — вороны и волки.

559. Соотносится с одноименным ст-нием (см. № 605; ранние ред.: № 18, 29 — см. прим. 605).

560. Переработанная редакция стихотворения «Я в струе воздушного тока...» (№ 196).

561. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 362).

562. *СП.* С. 479—480. До формирования *ЗВ* не печаталось.

563. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворениями «Вечность» (№ 605) и «Образ Вечности» (№ 27).

***564.** *СП.* С. 478—479. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 6. Под заглавием «К...», в составе строф IV, I, II, VI в форме четверостиший; варианты. Подпись: «А. Белый»; приписка под текстом: «P. S. Все — пустяки!»

ИСХОД

565. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Приходи» (№ 212).

566. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 194).

567. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Прошумит ветерок...» (№ 615).

Николай Васильевич *Бугаев* — см. примеч. 97, 614.

568. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Туда» (№ 195).

569. Переработанная редакция ст-ния «Кладбище» (№ 352), восходящего к ст-нию «Призыв» (№ 102).

570. *СП.* С. 525—526. Переработанная редакция стихотворения «Владимир Соловьев» (№ 616).

571. До формирования *ЗВ* не печаталось.

572. *СП.* С. 524—525. Переработанная редакция стихотворения «Могилу их украсили венками...» (№ 98).

573. *СП.* С. 507. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Во храме» (№ 25).

574. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 614), восходящего к 1-й и 3-й частям стихотворения «Разлука» (№ 97).

«Одно, навек одно!» — первая фраза стихотворения Вл. Соловьева «Знамение» (1898).

575. 1—2. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Вестники» (№ 32).

3. До формирования *ЗВ* не печаталось.

576. Исправленная редакция одноименного ст-ния (№ 413), восходящего к ст-нию «Город» (№ 198).

577. До формирования *ЗВ* не печаталось.

578. До формирования *ЗВ* не печаталось.

По автографу, принадлежавшему О. С. Соловьевой (дочери С. М. Соловьева), опубликовано в статье Магнуса Юнгтрена «Андрей Белый и Сергей Соловьев» (в кн.: Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М., 2005. С. 292—293). Варианты — строфа II, ст. 1:

«О, вечный друг»; строфа VI, ст. 2: «и нежный»; строфа VIII, ст. 2: «Простри».

С. М. Соловьев — см. примеч. 55—59.

579. *СП.* С. 502—503. Переработанная редакция 3-й части цикла «Закаты» (№ 7—9).

580. Переработанная редакция ст. 27—37 одноименного стихотворения (№ 141).

581. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Вестники» (№ 32).

582. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Раздумье» (№ 123).

583. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Угроза» (№ 188).

584. *СП.* С. 494—495. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Знаю» (№ 104).

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 8 об. Приписка Белого (над текстом): «(Не предназначено для чтения). (Как образец переложения *"Глины в глазури"* — в *"Золото в лазури"*). Вместо *"Знаю"* (З. в. л.)».

***585.** Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Чающие» (№ 103).

Автограф — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1. Первоначальная редакция текста (среди черновиков поэмы «Первое свидание»). Опубликована: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 33.

МОЛНИИ ЛЕТ

586. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с лирическим отрывком в прозе «Видение» (*ЗЛ.* С. 177—178).

587. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 406). См. также № 184, 185, 186 и примеч.

***588.** Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворениями «Зов» (№ 608) и «В полях» (№ 33).

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 1. Л. 1. Подпись: «Андрей Белый». Первоначальная редакция.

Посвящение: Петр Никанорович *Зайцев* (1889—1970) — поэт, издательский работник; близкий друг Андрея Белого в 1920-е гг. и помощник в его литературных делах, автор воспоминаний о Белом (см.: Зайцев П. Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом) / Предисловие Ю. Юшкина. Публикация и примечания В. Абрамова // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 557—591; Зайцев П. Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публикация, вступ. статья и примечания В. П. Абрамова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 77—104; Зайцев П. Н. Андрей Белый и «Никитинские субботники» / Публикация В. П. Абрамова // Там же. С. 125—128). См. также: А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публикация Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 215—292; Вып. 14. М.; СПб., 1993. С. 439—498; Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 283—335; Абрамов В. П., Спивак М. Л. П. Н. Зайцев, А. Белый и литературная Москва 20—30-х гг. // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 461—511.

589. До формирования *ЗВ* не печаталось.

590. *СП.* С. 528—529.

1—2. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) с 1-й частью стихотворения «Безумец» (№ 106).

3. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Утро» (№ 190).

591. 1. Переработанная редакция стихотворения «Прохождение» (№ 180).

2. До формирования *ЗВ* не печаталось.

3. Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со стихотворением «Мания» (№ 108).

592. До формирования *ЗВ* не печаталось.

Автограф — РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 6 об. Приписка Белого: «Не предназначен для прочтения [на «курсах»] публично».

Михаил Бауэр — см. примеч. 298.

593. Переработанная редакция одноименного ст-ния (№ 322).

594. До формирования *ЗВ* не печаталось.

595. *СП.* С. 512—513. Переработанная редакция стихотворения «Солнце» (№ 6).

596. Текст совпадает (с изменениями пунктуации) с текстом ст-ния «Пророк» (№ 356).

597. Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 317).

598. Переработанная редакция стихотворения «Антропософам» (№ 340).

599. До формирования *ЗВ* не печаталось.

600. До формирования *ЗВ* не печаталось.

601. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки) с текстом ст-ния «Инспирация» (№ 339).

602. До формирования *ЗВ* не печаталось.

603. Текст совпадает (с изменениями в делении на строки) с текстом ст-ния «Чаша времен» (№ 344).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

604. Исправленная редакция одноименной поэмы (№ 347).

ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

***605.** *СС.* С. 64—65. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Переработанная редакция стихотворения «Образ вечности» (№ 27) (с включением переработанных фрагментов стихотворения «Путь к невозможному» — № 18); варианты.

СБ. С. 50—51. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Помета под текстом: «1903 г. Апрель. Москва».

Соотносится с одноименным ст-нием (№ 559).

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Бремя» (№ 563).

606. *СБ.* С. 91—92. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «Не тот». Текст восходит к 1-й части цикла «Не тот» (№ 19—24) и 1-й части цикла «Блоку» (№ 110—112).

Строфы VI—VII вошли в *ВС*, как заключительные строфы 19-й части цикла «Песни каторжника», в разделе «Пепел. Стихи о России»; датировка: «1901». Лист с началом текста стихотворения утрачен. Вариант — строфа VII, ст. 2: «Трубит туда — в туманы Назарета».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Страх», вошедшим в *ЗВ* (№ 548).

***607.** *СС.* С. 72—75. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Переработанная редакция стихотворения «Вечерняя прогулка» (№ 28). Варианты.

СБ. С. 57—59. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах».

Соотносится со ст-нием «В эфире» в *ЗВ* (№ 527).

Автограф — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1. Первоначальная редакция 2-й части стихотворения.

***608.** *СС.* С. 91—92. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Вариация на темы стихотворений «В полях» (№ 33) и «Смерть» (№ 35—36). Варианты строк.

СБ. С. 36. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «Солнце» в *ЗВ* (№ 588).

609. *План 1925 года.* Переработанная редакция стихотворения «Пир» (№ 73); не закончено.

В переработанном виде вошло в качестве 10-й части в цикл «Лесные встречи» в *ЗВ* (№ 508—517(10)).

610. *СБ.* С. 49. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Вариация на тему стихотворения «Кентавр» (№ 67).

Соотносится с 5-й частью цикла «Лесные встречи», вошедшего в *ЗВ* (№ 508—517 (5)).

611. *СС.* С. 86—89. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Переработанная редакция одноименного цикла (№ 74—78). См. также дальнейшую переработку в *СБ* (№ 612) и *ЗВ* (№ 523).

612. *СБ.* С. 74—77. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Переработанная редакция одноименных цикла (№ 74—78) и стихотворения (№ 611). См. также дальнейшую переработку в *ЗВ* (№ 523).

***613.** *СС.* С. 76—79. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Помета под текстом: «Москва—Арлесгейм». Строфы I—III 1-й части совпадают с соответствующими строфами одноименного цикла (№ 79—81), остальные строфы всего текста соотносятся с текстом *СБ*; варианты.

СБ. С. 60—63. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В горах». Переработанная редакция одноименного цикла (№ 79—81).

***614.** *СС.* С. 56—58. В разделе «1903 год. Золото в лазури», под заглавием «Отошедшему другу». Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь—Арлесгейм. 1903—1914 г.». Вариация на темы 1-й и 3-й частей стихотворения «Разлука» (№ 97).

СБ. С. 37—38. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях».

В заново переработанном виде вошло в *ЗВ* (№ 574).

Автограф — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 3. Первоначальная черновая редакция текста.

Отец Белого Николай Васильевич *Бугаев* (1837—1903) — математик, профессор Московского университета. Белый подробно описывает его в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (1929) и

«Начало века» (1933). Ср.: «...отец мой, профессор математики, имеющий сложнейшую свою философскую систему, допускал, *"так сказать"*, высшую силу и все образы *«заветов»* ставил передо мной со своими аллегорическими *«так сказать»*; его более интересовали проблемы нравственной эволюции человека в религиозных эмблемах; он был решительным отрицателем церкви, догматов, традиций»; «...из речей отца и его друзей <...> на меня ушатами изливались лозунги дарвинизма, механического мировоззрения, геологии и палеонтологии» (Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 423—424). *Ты говорил: «Летящие монады / В эонных волнах плещущих времен...»* — В философии Г. В. Лейбница монады — неделимые духовные элементы, составляющие основу мироздания. Н. В. Бугаев обосновал философско-математическую теорию эволюционной монадологии, ориентированную на Лейбница, согласно которой общий мировой процесс есть постепенное целесообразное перераспределение монад в их сложных соединениях. *Эон* — термин, восходящий к философии Валентина (II в.), римского гностика; согласно его учению, из безначального первоэона порождаются 30 эонов, составляющие выраженную полноту абсолютного бытия. Белый пишет о «бесконечных лестницах эонов в философии гностиков» в кн. «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., 1918. С. 76—77). Термин был также воспринят теософией (опиравшейся на древнеиндийскую космогонию): время «делится на семь периодов или эонов, обнимающих приблизительно в совокупности период в 311 триллионов лет» (Белый Андрей. Символизм. М., 1910. С. 492). *Одно, навек одно...* — См. примеч. 574.

615. *СС.* С. 55. В разделе «1903 год. Золото в лазури». Переработанная редакция 2-й части стихотворения «Разлука» (№ 97). Помета под текстом: «Серебряный-Колодезь». Вариант — строфа IV, ст. 3: «Своим белым челом».

СБ. С. 29. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях».

Соотносится (по свидетельству К. Н. Бугаевой) со ст-нием «На могиле» в *ЗВ* (№ 567).

616. *СС.* С. 37. В разделе «1902 год». Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 100). Помета под текстом: «Москва». Между строфами I и II — строфа:

> Разнообразные, бессмысленные касты
> Причли тебя к своим.
> Непонятый, надорванный угас ты
> Над подвигом своим.

СБ. С. 20. В разделе «Золото в лазури», в подразделе «В полях».

В заново переработанном виде включено в *ЗВ* (№ 570).

617. *СС.* С. 171—176. В разделе «1906 год». Помета под текстом: «Дедово». Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 138), в семи частях (без 7-й части текста *СБ*; 7-я часть — 8-я часть текста *СБ*).

СБ. С. 154—161. В разделе «Пепел», в подразделе «Глухая Россия». В качестве 7-й части включено ст-ние «Веселье на Руси» (№ 137).

Пепел-21. В разделе «Глухая Россия». Текст совпадает с текстом *СБ.*

См. также № 434 и примеч.

618. *СБ.* С. 275—276. В разделе «Урна», в подразделе «Лета забвения». Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 246).

Пепел-21. В разделе «Тристии». Помета под текстом: «1907. Петроград».

619. *СБ.* С. 243—245. В разделе «Урна», в подразделе «Снежная дева». Переработанная редакция одноименного стихотворения (№ 259).

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ*

***620.** *Стихотворения II.* С. 57. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 51 об. (Номер 18; текст зачеркнут). Черновой автограф (карандашом) — там же.

В воспоминаниях Белый упоминает (цитируя, видимо, по памяти) «одно из первых моих стихотворений — беспомощное четверостишие:

Кто так дико завывает
У подгнившего креста?
Это — волки?
Нет: то плачет тень моя!

Или:

Унылый, странный вид:
В степи царит буран,
Пыль снежная летит,
Ложится на бархан».

(Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 337). В автобиографическом письме к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. Белый приводит другой вариант текста: «Помнится, что моим первым лирическим произведением (кажется — 1896 год) было следующее четверостишие:

Кто там плачет над могилой
У подгнившего креста?
Это волки завывают?
Нет, то плачет тень моя».

(Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 486).

621. Автограф — РГБ. Ф. 25.35.6. Л. 5—5 об.

622. *Стихотворения II.* С. 57—58. Автограф — РГБ. Ф. 25.35.6. Л. 1—1 об.

---

* Помимо произведений, не входивших в авторские книги, в раздел включено ст-ние (№ 695), печатавшееся в *СБ* как часть поэмы «Мертвец», сформированной из отдельных ст-ний (см. с. 559—560 т. 2 наст. изд.) и впоследствии вновь расформированной.

623. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 116 об.— 117 (Номер 92).

624. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 38 (Номер 1; текст зачеркнут).

625. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 46 об.— 47 (Номер 13; текст зачеркнут, позднейшая приписка над текстом: «(Брюсовский мотив)»).

626. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 92—92 об. (Номер 68).

627. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 52 (Номер 19; текст зачеркнут).

628. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 53 (Номер 21). *Даниловка* — имение Усовых (Петровского уезда Саратовской губ.). Белый провел там с матерью летние месяцы в 1897 и 1898 гг.

629. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 62 об.— 63 (Номер 32; текст зачеркнут).

630. Автограф — РГБ. Ф. 25.35.6. Л. 1 об.

631. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 42 об.— 43 (Номер 7).

632. *Стихотворения II.* С. 60 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 38 об.— 39 (Номер 2; текст зачеркнут). Без деления строф на строки.

633. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 73 об.— 74 (Номер 46).

634. *Стихотворения II.* С. 60—61. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 77 об.— 78 (Номер 51). Генрих *Гейне* (1797—1856) — немецкий поэт, прозаик, публицист. Среди ранних детских впечатлений от поэзии Белый упоминает и стихи Гейне в чтении гувернантки Раисы Ивановны Раппопорт (см.: Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 186, 214, 498).

635. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 78 об. (Номер 52).

636. *Стихотворения II.* С. 59. Автограф — РГБ. Ф. 25.35.6. Л. 2.

***637.** *Стихотворения II.* С. 59 — по автографу РГБ (Ф. 25.35.6. Л. 1 об.— 2). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1 (Номер 9; текст зачеркнут). Помета под текстом: «1898 г. Июнь. Даниловка». Ранняя редакция текста.

638. *Стихотворения II.* С. 61 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 43 об. (Номер 8).

639. *Стихотворения II.* С. 61—62 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 53 об. (Номер 22). Без деления строф на строки.

640. *Стихотворения II.* С. 62 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 60 (Номер 29). Без деления строф на строки.

641. *Стихотворения II.* С. 62 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 65 (Номер 36). Без деления строф на строки.

642. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 93.

643. *Стихотворения II.* С. 62—63. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 115 об. (Номер 90).

644. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 39 об.— 40 (Номер 3; текст зачеркнут).

645. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 40 об. (Номер 4).

***646.** *Стихотворения II.* С. 63 — по автографу РГБ. Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 116 (Номер 91). Без деления строф на строки; варианты.

Шарль *Бодлер* (1821—1867) — французский поэт, эссеист. Белый упоминает Бодлера в ряду тех «новых имен», которые расширили его «художественный горизонт» в старших классах гимназии (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 318, 326).

647. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 97 (Номер 76).

*648. *Стихотворения II.* С. 63—64 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.2. Л. 9). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1 (Номер 110). Датировка: «1900 г. Декабрь». Без деления строф на строки; варианты.

649. *Стихотворения II.* С. 64—65 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.2. Л. 13).

650. *СП.* С. 463 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.2. Л. 12). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1 (Номер 112); варианты — строфа IV, ст. 4: «Вместо багряных сверкающих льдин — »; строфа V, ст. 4: «Вился туман, точно призрак седой...»

651. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 157 об. (Номер 114; текст зачеркнут).

Стихотворение представляет собой первый опыт обращения Белого к греческому мифу об аргонавтах, который находит широкое развитие в его творчестве и мифопоэтике в 1903—1904 гг. (см. примеч. 4—5).

652. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 158 (Номер 115).

653. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 162 об.— 163 (Номер 122).

654. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 166 об. (Номер 127).

655. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 169 об.— 170 (Номер 129).

Морис *Метерлинк* (1862—1949) — бельгийский драматург, поэт, эссеист, теоретик символизма. Начало знакомства Белого с его творчеством — с поэтической книгой «Теплицы» («Serres chaudes», 1889) — относится к 1896 г.: «...в руки мои попадает «Сэрр-шод» Метерлинка; и я — в плену у него» (Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 337).

656—657. *Стихотворения II.* С. 65—66. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 171 об.— 172 об. Приписка Белого: «(В этих переводах стараюсь сохранять верность настроения, но не точность)». Оба стихотворения — из книги Метерлинка «Теплицы» (см. примеч. 655). Белый указал на автографе номера страниц издания, которым пользовался: Maeterlinck Maurice. Serres chaudes suivies de Quinze chansons. Bruxelles: Ed. Paul Lacomblex, 1900. P. 69, 79.

658. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 174 об. (Номер 133).

Представление о *«паннегризме»* сформировалось у Белого по аналогии с «панмонголизмом», провозглашенным Вл. Соловьевым в программном стихотворении «Панмонголизм» («Панмонголизм! Хоть слово дико...», 1894), которое было впервые опубликовано в полном объеме в 1905 г., но безусловно было известно Белому в рукописи, а также по эпиграфу к «Краткой повести об антихристе» Соловьева; тема «панмонголизма» развивается и непосредственно в «Трех разговорах» (1900) Соловьева.

659. Андрей Белый. Публикации. Исследования. М., 2002. С. 100—111 (предисловие и публикация А. В. Лаврова). Автограф — РГБ. Ф. 25.1.1. Л. 179—185 об.

660. *Стихотворения II.* С. 66—67. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. Л. 8—8 об. (Номер 138).

661. *Стихотворения II.* С. 67. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. Л. 22—22 об. (Номер 170).

662. *Стихотворения II.* С. 67—68. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2. Л. 30 об.

663. *СП.* С. 583—584 (в примечаниях Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко; с ошибочной атрибуцией как автограф стихотворения «Кентавр»; см.

№ 67). *Стихотворения II.* С. 68—69 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.2. Л. 5 об.— 6). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.2. Л. 19—20. Помета под текстом: «Москва. 1901 года. Август».

***664.** *Стихотворения II.* С. 69 — по автографу РГБ (Ф. 25.1.2. Номер 146). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.1.1 (Номер 114; датировка: «1901 г. 1 января»; текст зачеркнут).

665. *Стихотворения II.* С. 69—70. Автограф — РГБ. Ф. 25.1.2 (Номер 151).

Названия церквей приведены искаженно: в Откровении семи церквам имеются обращение к Пергамской церкви (Откр. II, 12—17) и обращение к Фиатирской церкви (Откр. II, 18—29).

666. *СП.* С. 464. Автограф — в письме к Э. К. Метнеру от 26 марта 1903 г. (РГБ. Ф. 167.1.12).

***667.** *Гриф-1905.* С. 12—13. В цикле «Тоска о воле». Автограф — в письме к А. А. Блоку от 15 апреля 1904 г., без заглавия; с двумя строфами, не вошедшими в печатный текст, варианты (*Белый-Блок.* С. 149—150).

***668.** Вопросы Жизни. 1905. № 3. С. 100. Автограф 1 — РГБ. Ф. 386. 79. 1. В письме к В. Я. Брюсову от 14 декабря 1904 г.; подзаголовок: *«в знак любви и уважения»*; датировка: «1904 года, 9-го декабря»; с приложением листа, на котором начертан крест и приведены цитаты из Евангелия (рукой Белого); варианты строк (опубликован: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 337—338; «Ново-Басманная, 19». М., 1990. С. 558—559). Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.26. Подзаголовок: «в знак любви и уважения». В составе строф I—III и 1-й строки строфы IV; варианты.

В. Б. — Валерий Брюсов. Стихотворение отражает ситуацию идейно-психологического противостояния Белого и Брюсова в конце 1904 г. и является непосредственным откликом на обращенное к Белому стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» (см.: Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 388—389; Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 336—338; Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 28—35). Об обстоятельствах написания Белый вспоминает в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века»: «Пока писал — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и — знал: на клочке посылаю неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда; грохотала во мне сила света» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 11. Л. 74); о реакции Брюсова на стихотворение Белый сообщает: «Получив это стихотворение, он видит во сне, что между нами дуэль на рапирах и что я проткнул его шпагой; просыпается — с болью в груди (это я узнал от Н. И. Петровской)» (*Материал к биографии.* Л. 51). Ср. признания Брюсова, зафиксированные М. А. Волошиным в дневниковой записи от 21 декабря 1904 г.: «Я написал Белому (Бальдер и Локи), и он мне ответил. Такого тона у Белого еще не было. Он заговорил Архангелом» (Волошин Максимилиан. История моей души. М., 1999. С. 92). Ответное стихотворное послание Брюсова — «Бальдеру II» («Кто победил из нас,— не знаю!..», 1 января 1905 г.). См.: Брюсов Валерий. Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 502—503 («Библиотека поэта». Большая серия). См. также примеч. 84, 99.

669. Вопросы Жизни. 1905. № 3. С. 98.

Тор — см. примеч. 61.

670. Свободная Совесть. Литературно-философский сборник. Кн. 2. М., 1906. С. 150—151.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 1—2. Подпись: «Андрей Белый». Подзаголовок: «Баллада». После заключительного стиха — строки, которые, возможно, по случайности не вошли в публикацию ст-ния (Л. 2):

Не боюсь я черных впадин:
В них сияет смертный свет.
С обгорелых перекладин
Сволоку я твой скелет.
Ум мутится. Сердце ноет.
Я твоя — скорей, скорей.
Кости бедные покроет
Огнь распущенных кудрей.

По *Плану 1925 года*, включено в раздел «Золото в лазури», в цикл «В горах»; текст отсутствует.

671. Факелы. Кн. 1. М., 1906. С. 33—34.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22—23. Под заглавием «Революционер» (первоначальное зачеркнутое заглавие: «Анархист»). Первоначальный вариант ст. 11: «Войдет с отрядом — лютый зверь».

В. Брюсов в статье «Вехи. IV. Факелы» иронически отозвался о стихотворении: «Г. Андрей Белый не удовольствовался городовым и сочинил про самого частного пристава, обзывая его даже не «дурным», а прямо «лютым» (Весы. 1906. № 5. С. 57. Подпись: Аврелий; Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 193). Ср. характеристику стихотворения в рецензии А. И. Бачинского на альманах «Факелы»: «...автор и на этот раз, как это довольно часто наблюдается в его стихах за последнее время, погрешает против того, что можно назвать орфографией искусства, против логики, присущей изображаемым вещам. Обстановка, в которую он помещает своего «пришельца из Женевы», и действия, к которым он его принуждает, состоят из отдельных элементов, написанных с чрезвычайным совершенством; но в целом мы видим нечто мало правдоподобное» (Золотое Руно. 1906. № 5. С. 83).

672. Золотое Руно. 1906. № 11/12. С. 44. В цикле «Обыденность».

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5—5 об. Датировка: «1906 года. Март». Подпись: «А. Белый».

По *Плану 1925 года*, включено в раздел «Золото в лазури», в цикл «В полях».

Посвящение: Александр Антонович *Курсинский* (1873—1919?) — поэт, переводчик, критик; во второй половине 1906 — начале 1907 г. ближайший сотрудник редакции «Золотого Руна».

***673.** *Стихотворения II.* С. 76—78 — по черновому автографу РГБ (Ф. 25.5.11); черновые варианты строк.

Написано по впечатлениям от пребывания в Мюнхене (Белый прибыл туда из Москвы 21 сентября / 4 октября 1906 г.). См.: Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 94—127.

Посвящение: С. М. *Соловьев* — см. примеч. 55—59. *...в Пинакотеке / Над Максом Клингером сижу.*— Новая Пинакотека, художественный музей в Мюнхене, экспонирующий европейскую живопись и скульптуру конца XVIII — начала XX в. Макс Клингер (1857—1920) — немецкий живописец, график и скульптор. *Kalbsbraten* (нем.) — жаркое из телятины. *Breierei* — мюнхенская пивная. В. В. *Владимиров* — см. примеч. 67; постоянно общался с Белым во время его пребывания в Мюнхене. *Kathy Cobus* — Катти Кобус, владелица литературного кабачка «Симплициссимус»: «"Simplicissimus" — сборный пункт художественной богемы Мюнхена. Крошечный кабачок, а приди сюда весь Мюнхен, весь Мюнхен сумеет рассадить за двумя десятками столиков умная Kathy Cobus, сорокалетняя хозяйка <...>» (Белый Андрей. Мюнхен вечером // Киевские Вести. 1908. № 165, 22 июня). *Хронос* — Кронос, Крон (греч. миф.), один из титанов, сын Урана и Геи; по предсказанию, его должен был лишить власти собственный сын, поэтому он проглатывал своих новорожденных детей. В народной этимологии сближен с наименованием времени — Хроносом. *Asch* — Шолом Аш (1880—1957), еврейский прозаик и драматург; Белый дружески общался с ним в Мюнхене (см.: Белый Андрей. Шолом Аш. Силуэт // Час. 1907. № 28, 16 сентября). *Fräulein Any* — официантка в «Симплициссимусе».

674. Александр Блок и Андрей Белый. Переписка / Редакция, вступ. статья и комментарии В. Н. Орлова. М., 1940. С. 181—182 (Гос. Литературный музей. Летописи. Кн. 7). Автограф — РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 53. Подписи под текстом: «Боря»; «Париж 7-го декабря».

Текст представляет собой попытку — в форме стихотворного письма — восстановить дружественный характер отношений с Блоком, вошедших в течение весны—лета 1906 г. в остро конфликтную стадию. Ответное письмо Блока (от 6 декабря ст. ст. 1906 г.) см.: *Белый-Блок.* С. 299—300.

675. З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов. Маков цвет. Драма в 4-х действиях. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. С. 3. Без подписи.

Основание для атрибуции — запись Белого в «Ракурсе к Дневнику»: «1907 год. Январь. Париж. <...> Мое участие в пишущейся драме З. Гиппиус: "Красные маки", или "Маков цвет". Пишу Гиппиус стихи для этой драмы (гимн красных маков)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 37).

676. Весы. 1907. № 6. С. 5—14.

Впоследствии текст поэмы был разделен на шесть отдельных стихотворений (в переработанном виде); см. № 175, 182, 191—193, 213. Части 1, 2, 6 вне текста первой публикации не перепечатывались.

Поэма была представлена в редакцию «Весов» перед отъездом Белого за границу (во второй половине сентября ст. ст. 1906 г.) — видимо, под заглавием «Гробовые песни». 13/26 октября 1906 г. Белый писал Брюсову из Мюнхена, что «по очень *серьезным внутренним* причинам» (подразумевалось отражение в тексте драматических коллизий, порожденных любовью Белого к Л. Д. Блок) «появление *гробовых песен* сейчас совершенно невозможно в печати»: «Итак, не печатайте в "Весах" *"гробовые песни"*» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 392). В письме из Мюнхена к Брюсову, отправленном после 3 ноября н. ст. 1906 г., Белый писал о том же цикле:

«...окончательно выяснилось мне, что можно печатать стихотворения мои вот какие: "Сидишь на постели, обагренный закатом", "Панихида", "Вынос", "Память" (Тужила о милом... Весною левкою и т. д.). Другие же гробовые не надо» (Там же. С. 396). Окончательное заглавие принадлежит Брюсову (о готовящейся публикации лирической поэмы Белого «Панихида» сообщалось в Каталоге № 4 (С. 6), приложенном к № 1 «Весов» за 1907 г.). 14/27 февраля 1907 г. Белый писал Брюсову из Парижа: «Видел, что мои погребальные песни вы озаглавили "Панихидой". Если вы не против, то напечатайте погребальные песни целиком. Теперь у меня нет субъективных причин, препятствующих их появлению. Предлагаю еще одно гробовое: если хотите, вставьте его в цикл в виде эпилога» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 406. Упоминается 9-я, заключительная часть «Панихиды» — «Я вышел из бедной могилы...»).

Негативный отзыв о «Панихиде» дал А. А. Измайлов; приведя ряд цитат из нее, он заключал: «Вы подумаете, что это пародия. Нет, это "всамделишные" стихи и такого многошумящего поэта, как Андрей Белый, на вещания которого опираются модернисты, как на слова учителя» (Измайлов А. На переломе. Литературные размышления. <СПб.>, 1908. С. 42).

677. Литературно-художественные альманахи изд-ва «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908. С. 156—157. В цикле «Голоса в полях».

678. В мире искусств. 1907. № 16. С. 3.

679. Альманах «Кристалл». Харьков, 1908. С. 47—48.

680. Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 221. Публикация Н. А. Богомолова — по набранному типографскому оттиску (помета рукой Белого: «К стр. 204 *«Пепла»*»), вложенному в экземпляр первого издания «Пепла», который предназначался в качестве наборного оригинала для переиздания книги в составе Собрания сочинений Белого, планировавшегося в 1920—1921 гг. издательством З. И. Гржебина. Описание этого экземпляра — в статье Н. А. Богомолова «Неизданные стихотворения Андрея Белого» (Там же. С. 218—221).

681. Весы. 1909. № 10/11. С. 132—133.

По свидетельству К. Н. Бугаевой, представляет собой вариацию на тему стихотворения «Родина» (№ 294).

682. *СП.* С. 466—467 (с неверной датировкой: «Между 1905 и 1907»). Автограф — РГБ. Ф. 25.5.27.

Написано, по всей вероятности, во время проживания в Петербурге в квартире Вяч. Иванова (Таврическая ул., 25) с конца января по начало марта 1910 г. (см.: Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 353—360).

Заглавие: Вера Константиновна *Иванова* (урожд. Шварсалон; 1890—1920) — дочь второй жены Вяч. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, впоследствии его третья жена.

Михаил Алексеевич *Кузмин* (1872—1936) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, композитор; в конце 1900-х гг. проживал в квартире Ивановых. *Г***, аполлоновец победный!* — Николай Степанович Гумилев (ср. примеч. 488), ближайший сотрудник петербургского журнала «Аполлон», издававшегося с октября 1909 г.

683. Черновой автограф — ГЛМ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 4. На одном листе со стихотворением «Асе» (№ 333; автограф 3).

684. Альманах «Гриф». 1903—1913. М., 1914. С. 49.

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 22 об. (Номер 10). Помета под текстом: «1913 года. Льян».

685. *СП.* С. 472 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.1. Л. 28 об.; Номер 22).

Исправлена описка Белого в ст. 1 («паросские» вместо: «пафосские») — по соотнесению со стихотворением А. С. Пушкина «Отрывок» («Не розу пафосскую...», 1830).

686. *СП.* С. 472 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.1. Л. 28 об.; Номер 23).

687. *Стихотворения II.* С. 85 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.1. Л. 24 об.; Номер 13).

688. Скрижаль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 57. В цикле «К антропософии»; датировка: «1916».

Вошло в состав «Драмы в одном действии» (№ 690).

Автограф 1 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 30 об. Вариант — строфа I, ст. 4: «Алмазые, ясные страсти». Автограф 2 — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр 1. Л. 2. Под заглавием «Асе»; последовательность строк в строфе II: 3, 4, 1, 2; варианты — строфа I, ст. 2: «Мне будишь, сметая напасти»; строфа II, ст. 3—4: «О, ясные сказки мои! / И детские, вейные речи!»

***689.** *Стихотворения II.* С. 85—86 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.1. Л. 31 об.; № 32). Автограф 2 (машинопись) — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 9. Фрагмент (с вариантами) — в виде заключительной части стихотворения «Шутка» (№ 311); опубликован: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 31.

690. *Стихотворения II.* С. 86—88 — по автографу ГЛМ (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 52). Текст — на большом листе красной бумаги; помета (рукой А. А. Тургеневой): «Шутка с рисунками автора». См. также № 688 и примеч.

***691.** *СП.* С. 473 — по автографу РГБ (Ф. 25.5.1. Л. 31; Номер 30), как 3-я часть цикла «Танки» (см. № 329, 328). Помета под текстом: «Дорнах. 1916 года. Июль». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 30 об. Другая редакция текста; зачеркнуто.

692. *СП.* С. 473 — по автографу РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 14. Первоначальный свод будущей книги «Звезда»); помета под текстом: «1917. Москва». Автограф 2 — РГБ. Ф. 25.5.24. Под заглавием «Властителю дум», с посвящением (зачеркнутым): «Х—у» (Ходасевичу?); варианты — строфа I, ст. 1: «Вы — завсегдатай съездов, лекций»; строфа III, ст. 1: «И томы философий, мистик»; строфа V, ст. 2: «Увядших мыслей канитель».

Посвящение: *Леонид Ледяной* — имя автобиографического героя эпопеи «Я», или «Записок чудака» Белого, соотносящегося с автором-повествователем и одновременно противопоставляемого ему: «Герой пролога "Я"; этот "Я", или это "Я" не имеет же никакого касания к "Я" автора; автор "пролога" Андрей Белый; герой пролога — Леонид Ледяной; этим все сказано: Леонид Ледяной — не Андрей Белый» (Белый Андрей. Записки чудака. М.; Берлин, 1922. Т. 1. С. 9); « *"Леонид Ледяной"* (мой писательский псевдоним) превратился из тени в меня самого <...> *"Леонид Ледяной"* с удивительной жестокостью бросит под-ноги неутоленным, голодным — меня» (Там же. С. 73). Согласно плану задуманного Белым в 1916 г. автобиографического романа «Моя жизнь» в семи частях, часть 4-я — «Леонид Ледяной» — должна была охватывать «годы мужества» (Лавров А. В. Автограф

романа Андрея Белого «Котик Летаев» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 351).

Harleqiun Jaloux — Арлекин Жалу (*франц.*), нарицательный образ ревнивца и завистника. Корней Иванович *Чуковский* (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — литературный критик, детский писатель, переводчик, историк литературы. Юлий Исаевич *Айхенвальд* (1872—1928) — литературный критик. *Вы и не Нитче и не Фритче...* — Обыгрываются имена немецкого философа Фридриха Ницше (1844—1900) — в форме написания, распространенной в России в начале XX в.,— и Владимира Максимовича Фриче (1870—1929), литературоведа и искусствоведа, исследователя проблем социологии искусства. *Полишинель* — персонаж французского народного театра.

***693.** Жизнь. 1918. № 8, 1 мая. С. 3.

Автограф — РГБ. Ф. 25.5.1. Л. 50 (Номер 62). Помета под текстом: «30 апреля. Москва». Варианты.

Александра III... голова! — Имеется в виду памятник императору Александру III, открытый в Москве весной 1912 г. у восточной стороны храма Христа Спасителя (скульптор А. М. Опекушин, архитектор А. Н. Померанцев); разрушен после революции.

***694.** Поэты наших дней: Антология. М., 1924. С. 11. Датировка: «1920».

Автограф — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16. Расширенная редакция текста.

695. *СБ.* С. 338—339. В разделе «Урна», как 7-я часть поэмы «Мертвец».

Пепел-21. В разделе «Город», как 6-я часть поэмы «Мертвец».

696. *Стихотворения II.* С. 92 — по автографу РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 17. Л. 6а).

697. *Стихотворения II.* С. 135 — по автографу РНБ (в *Плане 1925 года*). По *Плану 1925 года*, включено в раздел «Золото в лазури», в цикл «В горах».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[1]

[1] Заглавия и первые строки стихотворений из второго издания книги «Пепел» (М., 1929), не имеющих существенных разночтений с первым изданием и потому обозначеных в настоящем собрании в общей композиции второго издания «Пепла» только заглавием и отсылкой к ранее опубликованному тексту, помечены астериском (*).

СОДЕРЖАНИЕ

ХРИСТОС ВОСКРЕС

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Берлинский песенник

ПЕПЕЛ

Издание второе, переработанное

ГЛУХАЯ РОССИЯ

МЕРТВЫЙ ГОРОД

В ПОЛЯХ

ЗЛАЯ ДЕРЕВНЯ

ЗОВЫ ВРЕМЕН

ЛЕТНИЕ БЛЕСКИ

ТРЕПЕТЕНЬ

ВОЗВРАТ

БЕЛЫЕ СТИХИ

ЧЕРЧ ТЕНЕЙ

ИСХОД

МОЛНИИ ЛЕТ

ПЕРЕРАБОТАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В АВТОРСКИЕ КНИГИ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГАМ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИМ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

УКАЗАТЕЛИ СОДЕРЖАНИЯ КНИГ, НЕ ВОШЕДШИХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

ПЛАНЫ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ИЗДАНИЙ

Андрей Белый

Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Вступ. ст., подг. текста, состав, примеч. А. В. Лаврова, Джона Малмстада (Новая Библиотека поэта) — СПб.; М: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006 — 654 с.

ISBN 5-7331-0317-5 (общий)
ISBN 5-7331-0319-1 (Т. 2)

Двухтомное издание стихотворений и поэм Андрея Белого (1880—1934) представляет собой наиболее полный из всех осуществленных на сегодняшний день свод поэтического наследия крупнейшего русского символиста. Целиком воспроизводятся стихотворные книги, появившиеся при жизни автора; впервые в России печатается собрание стихотворений «Зовы времен», подготовленное Белым в последние годы жизни. Ряд стихотворений публикуется впервые по рукописям, извлеченным из архивных фондов. Во вступительных статьях поэтическое творчество Андрея Белого характеризуется в его эволюции и в основных тематико-стилевых параметрах.

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Верстка *И. А. Сакулин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 10.09.2005. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 41. Уч. изд. п. л. 36. Тираж 1300. Заказ № 176.

Гуманитарное агентство «Академический проект»
194044, Санкт-Петербург, ул. Смолячкова, 4/2, офис 505
Тел./факс: 542-2039. E-mail: aproject@rol.ru

Издательство «Прогресс-Плеяда»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17
Гл. редактор С. С. Лесневский
Тел./факс: 246-4418. E-mail: progressp@mtu-net.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК "Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

